
W 520/264

W 520/264

ГОЛОСЪ ПРАВДЫ,

или

СЛОВО ПОДОЛЯНИНА КЪ СОБРАТЬЯМЪ-КАТОЛИКАМЪ, ЖИТЕЛЯМЪ ЗАПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЙ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

Переводъ съ польскаго сочиненія, подъ заглавіемъ: «Verba Veritatis, czyli, Słowo podolianina» (Кіевъ 1868 г.), съ нѣкоторыми дополненіями и объясненіями.

ска

КІЕВЪ.
Въ Типографіи Кіевопечерской Лавры.
1870.

Дозволено цензурою. г. Кіевъ. 5-го октября 1869 года.
Отдѣльный цензоръ и внутренней цензуры,

Надворный совѣтникъ *Ахенбахъ*.

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА
20872-41

2007059351

Nadzeia nasza polega na tych, którzy pracuią i ciérpią dla prawdy.

Miei serce i patrzai w serce.

Mickewicz.

въ переводѣ

Надежда наша на тѣхъ, которые трудятся и страдаютъ за истину.

Имѣй сердце и суди по сердцу.

Мицкевичъ.

Bądz dobrym wysłuchaczem; a wtędy będziesz dobrym opowiadaczem...

Narodowe przysłowie.

Ieśli chcemi dać sprawiedliwe zdanie, o rzeczy słyszanei; to trzeba ią dobrze wysłuchać, z początku do końca...

Uwaga Awtora.

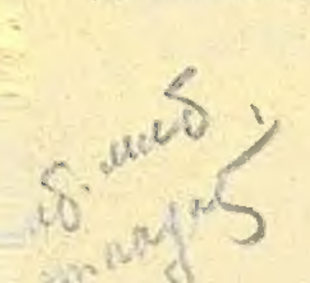
въ переводѣ

Если будешь хорошо слушать, то можешь хорошо разсказывать...

Народная пословица.

Если хотимъ объявить справедливое мнѣніе, о чемъ-либо слышанномъ, то надо прежде хорошо выслушать съ начала до конца...

примѣч. автора.

ГОЛОСЪ ПРАВДЫ,

или

Слово подолянина къ собратьямъ-католикамъ, жителямъ западныхъ губерній Россійской имперіи.

Блаженны миротворцы, ибо они нарекутся сынами Божіими (Матѳ. гл. V, ст. 9).

Blogoslaweni pokói czyniącу, albowiem synami Bożemi nazwani będą. (Ewang. Math. r. V, w 9).

ПРОЛОГЪ.

Будучи воспитанъ въ римско-католической религіи, я, наравнѣ съ прочими своими собратьями-католиками, получилъ отъ своихъ наставниковъ предубѣжденія, противныя сущей истинѣ, въ предметахъ, касающихся ученія восточно-православной церкви, народностей польской и русской вообще, а особенно о коренныхъ жителяхъ западныхъ губерній и ихъ судьбѣ, при бывшемъ польскомъ правительствѣ. При другихъ, судьбою мнѣ опредѣленныхъ, занятіяхъ, я встрѣчалъ на пути жизни слишкомъ большія препятствія къ литературнымъ занятіямъ. Но, чувствуя къ тому страстное влеченіе, я почти всѣ

свободныя отъ моихъ обыкновенныхъ занятій минуты посвящалъ чтенію книгъ, въ особенности религіознаго и историческаго содержанія, русскихъ и польскихъ авторовъ, въ отношеніи общей христіанской церкви, судьбы разныхъ древнихъ и новыхъ народовъ вообще, и славянскихъ племенъ въ особенности.

Внимательное чтеніе историческихъ памятниковъ прошедшихъ временъ; критическія соображенія случившихся событій, среди ближайшихъ намъ славянскихъ племенъ, просвѣтили мой умъ совершенно иными противъ прежняго убѣжденіями, какъ въ отношеніи православной церкви, такъ равно въ отношеніи многихъ событій, касающихся народностей русской, польской и литовской вообще, и коренныхъ жителей западно-русскаго края въ особенности.

Кромѣ этихъ общихъ историческихъ фактовъ, я еще удостовѣрился изъ разныхъ памятниковъ моей фамиліи, владѣвшей въ здѣшнемъ краѣ съ XVI столѣтія поземельною собственностію, да изъ устныхъ разсказовъ моихъ предковъ о томъ, что всѣ коренные шляхетскіе (дворянскіе) роды здѣшняго края, были русскаго происхожденія и восточно-православнаго исповѣданія [1]). Но, подвергаясь преобладавшей тогда силѣ политическихъ обстоятельствъ, они присоединились къ извѣстной религіозной уніи. Ихъ потомки, соблазнившись примѣрами нѣкоторыхъ богатыхъ соотечественниковъ, получившихъ воспитаніе или путешествовавшихъ за границею; также воспитаніемъ въ польскихъ іезуитскихъ коллегіумахъ (учебныхъ заведеніяхъ), перешли изъ уніи въ латинство. Тогда этимъ только способомъ русская шляхта могла избавить себя отъ униженій и разныхъ преслѣдованій, какимъ подвергались въ Польшѣ послѣдо-

---

[1]) За бывшее польское правительство въ грамотахъ и офиціальныхъ бумагахъ здѣшнее дворянство именовали: «Nobiles Rusticorum»—или «Ruska Szlachta».

ватели восточнаго вѣроисповѣданія [1]). Это все побудило меня вникнуть подробно въ источники причинъ, этихъ грустныхъ для человѣчества явленій, съ тою цѣлью, чтобы безпристрастно увѣрить себя, на которой именно сторонѣ перевѣсъ фактовъ и слѣдовательно правильность сужденія о предметахъ столь важныхъ для обѣихъ сторонъ, о коихъ продолжается спорная полемика и враждебная борьба по настоящее время.

По законамъ Божескимъ и человѣческимъ вмѣняется каждому въ нравственную обязанность, идущихъ по кривой дорогѣ, по возможности направлять на прямой путь. Примѣняясь къ сему правилу человѣколюбія, мы рѣшились, не смотря на послѣдствія, какія могутъ возбудить противъ насъ личности преданныя фанатизму и егоистическимъ видамъ, передать вкратцѣ нашимъ собратіямъ-католикамъ, особенно мало свѣдущимъ о историческихъ событіяхъ, почерпнутыя нами свѣдѣнія изъ св. Писанія, церковной и свѣтской исторій, также изъ нѣкоторыхъ памятниковъ мѣстныхъ событій. Цѣль нашего труда:— указать безпристрастно на тѣ заблужденія, въ которыя вводятъ несвѣдущихъ люди играющіе роль наставниковъ, омраченные невѣжествомъ, фанатизмомъ и егоистическими расчетами. Поэтому мы взялись въ настоящемъ сочиненіи, основанномъ на историческихъ фактахъ, высказать нелицемѣрно: а) о состояніи восточной и западной церкви, до ихъ разъединенія и послѣ того, съ указаніемъ на постепенное развитіе папской власти на западѣ и на политическія затѣи римской

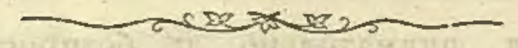
[1]) За бывшую польшу существовала поговорка: «ruska wiara,—chłopska wiara». Православіе обыкновенно называли «schizma», а православныхъ «schizmatycy». Они лишены были польскими законами правъ гражданскихъ. Тогдашнее православное духовенство, будучи лишеннымъ средствъ къ полученію приличнаго своему сану воспитанія, необразованностію своею навлекало на себя презрѣніе со стороны дворянскаго сословія, поэтому у поляковъ была въ употребленіи поговорка «co pop—to chłop».

пропаганды, со всѣми послѣдствіями. б) О народахъ литовско-жмудскомъ, западно-русскомъ и польскомъ, до времени ихъ политическаго соединенія въ одно государство, и послѣ того, т. е. до окончательнаго паденія бывшей польской республики въ отношеніяхъ религіозномъ, политическомъ, интеллектуальномъ, административномъ и нравственномъ. в) О причинахъ разстройства и паденія бывшаго польскаго государства, также о политическомъ образѣ мыслей поляковъ, особенно эмигрантовъ, послѣ паденія польши, съ ихъ затѣями и послѣдствіями. г) О притязаніи поляковъ на западно-русскій край (западныя губерніи), съ поясненіемъ свѣдѣній о коренной національности этого края, равно о политическихъ его переходахъ и событіяхъ до времени соединенія съ россійскою имперіею. д) О религіозныхъ и политическихъ идеяхъ, внушаемыхъ полякамъ-католикамъ, съ одной стороны латинскимъ духовенствомъ, а съ другой польскими эмигрантами и иностранною дипломатіею, съ указаніемъ коварной цѣли подстрекателей и гибельныхъ послѣдствій легковѣрія и е). Въ заключеніи мы указали, что именно по нашему мнѣнію могло бы вывести поляковъ вообще, и жителей западнаго края въ особенности, изъ настоящаго затруднительнаго положенія, возстановить порванныя дружескія отношенія и соединить ихъ союзомъ братства съ русскимъ народомъ, столь близкимъ какъ по славянскому происхожденію, такъ равно и по догматамъ христіанскаго исповѣданія.

Изъ опыта жизни мы знаемъ, что откровенно высказанная истина весьма часто встрѣчаетъ враговъ и противниковъ; ибо истина, по извѣстной пословицѣ, иногда глаза колетъ. Но быть можетъ, что слова наши, проистекающія отъ искренняго сердца и доброжелательства ближнимъ, слова основанныя на достовѣрныхъ историческихъ данныхъ, не останутся для всѣхъ гласомъ вопіющаго въ пустыни. Быть можетъ нашъ нелице-

мѣрный трудъ заставитъ хоть нѣкоторыхъ друзей правды и человѣчества вникнуть глазомъ душевнымъ въ высказанныя нами событія и мысли, въ положеніе своихъ собратій и въ ожидающую ихъ потомковъ будущность: къ этимъ друзьямъ правды и человѣчества, мы отзываемся словами извѣстнаго польскаго поэта: «имѣй сердце и суди человѣка по сердцу»......

П. П. Р......

ГЛАВА 1.

§ 1.

Языческій Римъ.—Идея преобладанія надъ народами.—Постепенное развитіе пропаганды и власти папъ римскихъ послѣ паденія Римской западной имперіи.

Разсматривая внимательно и безпристрастно исторію древнихъ и новыхъ народовъ, можемъ увѣриться въ той истинѣ, что самою главною причиной многихъ войнъ, терзавшихъ древнее языческое и новое христіанское человѣчество, былъ гордый Римъ. Политическая его идея постоянно стремилась къ одной цѣли—къ владычеству надъ народами. Эта идея преобладанія управляла политикой римскаго народа до пришествія Христова, и гордый Римъ величалъ себя главою міра (caput orbis). Эта идея вооружала многочисленные его легіоны, къ подавленію свободы народовъ. Она была причиной уничтоженія знаменитой карѳагенской республики и пролитія слишкомъ много человѣческой крови въ разныхъ странахъ міра, а цѣль ея была одна—порабощеніе народовъ. Но все въ мірѣ имѣетъ свое начало и свой конецъ: этотъ жестокій властелинъ, гордый Римъ, испорченный до крайности награбленнымъ богатствомъ, роскошью и безнравственностію, палъ съ высоты своего могущества подъ ударами нахлынувшихъ варваровъ, заплатившихъ ему егоже монетой. Тогда онъ былъ задавленъ вмѣстѣ съ своею гордою идеею, подъ тяжестію развалинъ собственнаго величія.

Разразившаяся надъ Римомъ гроза на долго оставила слѣды разрушительныхъ катастрофъ и опустошеній; казалось, что все погибло. Но вотъ эта многоглавая гидра, старая римская идея преобладанія надъ народами, покоившаяся долго въ летаргическомъ усыпленіи подъ развалинами Рима, мало-по-малу стала пробуждаться и опять воскресла. Но она возстала какъ упырь изъ своего летаргія, не въ образѣ свѣтскихъ владыкъ, а въ образѣ римскихъ архіепископовъ (папъ). Они, по мѣрѣ пріобрѣтаемой силы и значенія въ западномъ христіанствѣ, шагъ за шагомъ, всякими средствами стремились къ одной цѣли—къ всемірному духовному владычеству. Для достиженія чего папы не прибѣгали къ матеріальной силѣ, какъ древній Римъ, а вооружились нравственною силою, т. е. словомъ религіи. Они начертали планъ поработить своей власти: человѣческую совѣсть, мысль и волю; а при помощи своихъ агентовъ, т. е. духовенства, разсыпаннаго по свѣту, стали приводить свой планъ въ исполненіе. Ихъ гордымъ затѣямъ, благопріятствовали тогдашніе обстоятельства: мракъ общественнаго невѣжества и анархія феодальной тираніи, терзавшей тогдашнее человѣчество, которое поэтому добровольно подчинялось духовной власти, какъ для защиты отъ грубой матеріальной силы феодализма, такъ и для спасенія своихъ душъ.

Когда латинское духовенство положило прочное основаніе для власти римскихъ папъ, то таковая постепенно развивалась, и все болѣе и болѣе усиливалась въ западно-христіанскомъ мірѣ. Въ среднихъ вѣкахъ папы достигли уже той степени могущества и силы, что не только сдѣлались независимыми отъ власти императоровъ, но и удѣльными владѣтелями части Италіи. Наконецъ стали располагать по своему произволу свѣтскими коронами владѣтельныхъ князей, разрѣшать власть царей надъ ихъ подданными, и горе было тѣмъ смертнымъ, кои дерзали сопротивляться или прекословить тѣмъ владыкамъ, ко-

торые именовали себя Божіими намѣстниками на землѣ и главами христіанской церкви. Понятіе тогдашнихъ папъ о абсолютизмѣ духовной власти и о свѣтскихъ владѣтеляхъ заключалось въ слѣдующемъ теологическомъ аргументѣ: вся земля принадлежитъ Богу, а папы суть Его намѣстниками; поэтому они сравнивали духовную власть съ солнцемъ, а мірскую съ луною, называя послѣднюю «executores ministri». На свѣтскихъ правителей они смотрѣли какъ на младенцевъ ввѣренныхъ руководству высшихъ сановниковъ духовенства.

Чтобы судить безпристрастно на основаніи достовѣрныхъ фактовъ о тенденціяхъ римскихъ папъ къ абсолютной власти надъ христіанствомъ, о чемъ и по настоящее время происходитъ между теологами христіанскихъ исповѣданій спорная полемика, обратимъ нашъ критическій взглядъ на исторію постепеннаго развитія папской власти въ среднихъ вѣкахъ; равно на тѣ егоистическія цѣли, къ коимъ папы постоянно стремятся. А потому, сколько краткость сего сочиненія намъ дозволяетъ, начнемъ изслѣдованіе важнѣйшихъ фактовъ сего предмета съ первыхъ вѣковъ христіанства.

Богословы римской церкви обыкновенно именуютъ папъ —намѣстниками Іисуса Христа, наслѣдниками апостола Петра и главами христіанской церкви. Но въ дѣяніяхъ апостольскихъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ того, чтобы апостолъ Петръ именовалъ себя тѣмъ, чѣмъ его именуютъ латинскіе богословы: намѣстникомъ Христовымъ, княземъ апостоловъ; не видно и того, чтобы онъ самъ былъ римскимъ епископомъ, а тѣмъ болѣе, чтобы онъ когда-либо передавалъ кому изъ епископовъ абсолютную власть надъ общею христіанскою церковью. Напротивъ, мы видимъ изъ дѣяній апостольскихъ вовсе другое, то-есть, что апостолъ Петръ наравнѣ съ прочими апостолами проповѣдывалъ народамъ евангельское ученіе; что возникавшія иногда недоразумѣнія по дѣламъ вѣры разрѣшались въ Іерусалимѣ

общимъ соборомъ апостоловъ; что первая христіанская церковь, колыбель вѣры, основана была первоначально въ Іерусалимѣ и дальше на востокѣ, а Римъ еще долго коснѣлъ въ язычествѣ и преслѣдовалъ христіанство. Первымъ же христіанскимъ епископомъ былъ апостолъ Іаковъ въ Іерусалимѣ. [1]) Изъ исторіи первобытной христіанской церкви мы еще видимъ, что кромѣ епископіи Іерусалимской апостолами были учреждены на востокѣ епископства: антіохійское, александрійское и прочія; что іерусалимскіе епископы были почитаемы первыми между всѣми прочими епископами. Потомъ первенства почетъ былъ признанъ епископу александрійскому [2]), по важности сего главнаго въ государствѣ города, до времени учрежденія въ новой римской столицѣ—Константинополѣ особаго патріархата. Наконецъ мы видимъ фактически, что высшее управленіе отдѣльными церквами въ первые вѣка христіанства было сосредоточено въ митрополіяхъ, образовавшихся вслѣдствіе мѣстныхъ удобствъ и соотвѣтственно пространству и границамъ тогдашней римской имперіи. Таковое распредѣленіе центровъ духовнаго управленія было утверждено и первымъ никейскимъ соборомъ.

Кромѣ изъясненнаго выше, мы также видимъ изъ исторіи, что христіанская церковь въ теченіе трехъ первыхъ вѣковъ н. э. была жестоко гонима римскими язычниками и правительствомъ римскихъ императоровъ, съ малыми промежутками покоя, до времени вступленія на престолъ имперіи Константина великаго, принявшаго вѣру христіанскую. Тогда уже римскими императорами—христіанами предоставленъ былъ архіепископамъ римскимъ (папамъ) почетъ первенства между прочими христіанскими архипастырями. Но этотъ почетъ пер-

---

[1]) О томъ свидѣтельствуетъ и св. Іоаннъ Златоустый въ своихъ посланіяхъ.

[2]) Титулъ патріарховъ епископы поясненныхъ каѳедръ начали употреблять уже въ позднѣйшія времена.

венства послѣдовалъ по причинѣ первенства столичнаго города имперіи Рима, а вовсе не по причинѣ какого-либо главенства папъ надъ общею христіанскою церковью; ибо въ то время о подобной власти ни кто и не помышлялъ, а римскіе папы, подобно другимъ архіепископамъ, еще находились въ совершенной зависимости отъ римскихъ императоровъ. Дальше видимъ изъ исторіи церкви, что кромѣ римскаго патріархата на западѣ, существовали на востокѣ три патріархата, именно: александрійскій, антіохійскій и іерусалимскій [1]); потомъ былъ еще учрежденъ въ новой столицѣ имперіи Константинополѣ, четвертый патріархатъ. Затѣмъ по воли Императора почетъ первенства между восточными патріархами признанъ былъ за константинопольскимъ патріархомъ, не лишая впрочемъ почетнаго первенства архіепископовъ (папъ) прежней столицы Рима [2]). Послѣдовавшіе послѣ того вселенскіе соборы: никейскій, халкидонскій и константинопольскій признали всѣхъ патріарховъ, не исключая и папы римскаго, совершенно равными въ достоинствѣ и власти по управляемымъ патріархатамъ, не опредѣливъ для папъ римскихъ, ни какой верховной власти надъ прочими патріархами и вселенскою церковью, какой они начали домогаться и присвоивать разными средствами уже въ послѣдствіи времени при благопріятствующихъ тому обстоятельствахъ.

Нѣтъ ничего вѣчнаго въ мірѣ; неожиданныя случайности часто измѣняютъ судьбу царствъ, народовъ и частныхъ лицъ; а колесо фортуны въ своихъ прихотливыхъ поворотахъ, ниспровергаетъ однихъ, чтобы на ихъ мѣсто возвысить другихъ. Нахлынувшіе въ Италію въ первой половинѣ V вѣка полу-

[1]) Въ буквальномъ смыслѣ слова: папа и патріархъ одно имѣютъ значеніе.

[2]) Исторія западной церкви доказываетъ, что въ продолженіе первыхъ четырехъ вѣковъ н. э. Италія имѣла три совершенно независимыхъ одна отъ другой митрополіи, т. е. ~~миланскую, римскую и равенскую.~~

точныя варварскія племена какъ опустошительный ураганъ уничтожили могущество римской западной имперіи; гордый Римъ, именовавшій себя caput orbis, былъ разоренъ и покрылся развалинами своего прежняго величія. Но въ немъ еще таилась искра жизни для новыхъ представленій въ нравственномъ мірѣ. Папы римскіе, послѣ этого ужаснаго погрома, разорившаго римскую западную имперію, успѣли воспользоваться смятеніемъ, постигшимъ западную Европу и наплывомъ въ Италію разнородныхъ племенъ. Они своею искусною политикою обратили на себя вниманіе и завоевателей Италіи и восточныхъ императоровъ. Ихъ религіозный авторитетъ давалъ имъ большое вліяніе на совѣсть и образъ мыслей коренныхъ жителей Италіи и прибывшихъ туда чуждыхъ племенъ, особенно ихъ вождей. Папы, пользуясь своимъ авторитетомъ при тогдашнемъ мракѣ общаго невѣжества, окружавшемъ западные народы какъ непроницаемымъ облакомъ, подъ маскою религіи и спасенія они постепенно расширяли на западѣ свою духовную власть надъ народами и епископами. Умножая при томъ свои церковныя имущества щедрыми пожертвованіями разныхъ лицъ они сдѣлались богатыми и сильными. Тогда, долго созрѣвавшая и на явѣ и въ тайнѣ идея папъ съ цѣлью абсолютнаго преобладанія надъ христіанскою церковью начала выступать явно и дѣйствовать открыто къ достиженію на западѣ результата своихъ гордыхъ замысловъ.

Въ матеріальномъ мірѣ малый ручеекъ, пробѣгая тихо и незамѣтно большія пространства, и преодолѣвъ различныя на пути своемъ встрѣчаемыя препятствія, наконецъ онъ становится большою рѣкой, и уже тогда никакая матеріальная сила не въ состояніи пріостановить его дальнѣйшее теченіе. Тоже намъ представляетъ на опытѣ міръ нравственный въ человѣческихъ дѣлахъ. Папы, расширяя свою власть на западѣ, часто встрѣчали со стороны другихъ епископовъ препятствія къ осуществленію

своихъ честолюбивыхъ замысловъ: въ числѣ прочихъ енергически сопротивлялись ихъ тенденціямъ африканскіе епископы, особенно св. Кипріанъ, архіепископъ карфагенскій. Онъ въ своихъ посланіяхъ къ африканскому духовенству доказывалъ неправильность притязаній папъ къ абсолютной власти надъ епископами, объясняя этотъ предметъ, что хотя соборами предоставлено было папамъ первенство между прочими епископами, но этотъ почетъ признанный для епископовъ столичнаго города Рима, какъ для старшихъ братьевъ, не дастъ имъ ни какого права власти ни надъ епископами, ни надъ дѣлами касающимися ихъ іерархій. То же ученіе утверждали многіе учители христіанской церкви, особенно Оригенъ жившій въ IV вѣкѣ, доказывая, что Христосъ есть глава христіанства, а каждый епископъ есть главою и начальникомъ своей областной церкви. Здѣсь не лишнимъ считаю присовокупить и слѣдующее: во время борьбы патріарха Фотія съ папою Николаемъ I во второй половинѣ IX вѣка о независимости вселенской церкви, первому сочувствовали не только восточные, но и многіе изъ западныхъ іерарховъ, такъ: архіепископъ равенскій Іоаннъ запрещалъ подчиненнымъ епископамъ ѣздить въ Римъ, запиралъ въ темницу папскихъ легатовъ, а ихъ рѣшенія считалъ не обязательными; точно такъ поступали архіепископы трирскій Теудогаудъ и кельнскій Гинтеръ. Епископы эти посылали окружное посланіе ко всѣмъ епископамъ, противъ посягательства папы, возвысить свою власть надъ соборами посредствомъ превратнаго толкованія св. писанія и соборныхъ правилъ; въ тоже время, отправили къ папѣ Николаю I протестацію противъ его притязаній. За тѣмъ они вмѣстѣ съ другими италіанскими епископами обратились къ патріарху Фотію съ соборнымъ заявленіемъ, о присвоеніи папою не принадлежащей ему власти. Между тѣмъ, папа Николай I, на созванномъ въ 863 году латеранскомъ соборѣ, отлучилъ отъ церкви патріарха Фотія и враждебныхъ себѣ

западныхъ епископовъ, признавъ ихъ лишенными сана; въ отвѣтъ на это былъ созванъ въ 867 году такой же соборъ въ Константинополѣ, на которомъ папа былъ осужденъ, объявленъ лишеннымъ тіары и преданнымъ анаѳемѣ.

Теперь бросимъ критическій взглядъ на тѣ доказательства и аргументы богослововъ западной церкви, на коихъ они основываютъ абсолютизмъ папскихъ тенденцій, появившихся въ средніе вѣка. Они преимущественно это видятъ въ словахъ Іисуса Христа сказанныхъ апостолу Петру: «ты есть Петръ (камень), и на семъ камнѣ Я создамъ Церковь мою, и врата ада не одолѣютъ ея. И дамъ тебѣ ключи царства небеснаго; и что свяжешь на землѣ, то будетъ связано на небесахъ; и что разрѣшишь на землѣ, то будетъ разрѣшено на небесахъ» [1]). На основаніи сихъ текстовъ они признали за догматъ вѣры, что папа есть намѣстникъ Христа, наслѣдникъ власти апостола Петра и глава всего христіанства. Но эти слова, сказанныя Христомъ въ разговорѣ съ апостоломъ, должно понимать не въ буквальномъ ихъ значеніи, а въ смыслѣ объявленной симъ апостоломъ вѣры въ Іисуса Христа, на которой вѣрѣ Христосъ обѣщалъ создать свою Церковь, которую врата ада не успѣютъ одолѣть. Таковое объясненіе смысла словъ, изреченныхъ Христомъ, принятое восточными богословами, подтверждается многими текстами св. писанія, ученіемъ св. отцевъ вселенской церкви, именно: восточныхъ—Іоанна Златоуста и Кирилла Александрійскаго, также западныхъ—Амвросія и Іеронима, равно историческими фактами первыхъ вѣковъ христіанства, что увидимъ изъ слѣдующаго.

Іисусъ Христосъ, поручая свою власть и миссію къ народамъ, всѣмъ вмѣстѣ собраннымъ апостоламъ сказалъ: «Истинно говорю вамъ, что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на

[1]) Ев. Матѳ. гл. XVI, ст. 18—19.

небѣ, и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ» [1]). Предъ вознесеніемъ на небо, Христосъ явившись всѣмъ вмѣстѣ собраннымъ апостоламъ, сказалъ имъ: «какъ послалъ Меня Отецъ, такъ и Я посылаю васъ; пріимите Духа Святаго. Кому простите грѣхи, тому простятся; на комъ оставите, на томъ останутся» [2]). При самомъ же вознесеніи Христосъ тоже всѣмъ апостоламъ сказалъ: «идите и научайте всѣ народы, крестя ихъ во имя Святой Троицы, Я съ вами пребуду до конца вѣковъ». Эти тексты св. писанія очевидно доказываютъ, что Христосъ далъ всѣмъ вообще апостоламъ равную власть проповѣдывать евангеліе и разрѣшать людскую совѣсть. Что-же касается старшинства между апостолами, то самъ Христосъ разрѣшилъ этотъ вопросъ въ изреченныхъ къ апостоламъ словахъ: «князи народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи властвуютъ ими. Но между вами да не будетъ такъ: кто хочетъ между вами быть большимъ, да будетъ служить всѣмъ. Сынъ человѣческій не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу свою для искупленія многихъ» [3]). Тамъ-же Христосъ апостоламъ сказалъ: «А вы не называйтесь учителями: ибо одинъ у васъ учитель, Христосъ, всѣ же вы братья» [4]).

Изъ дѣяній апостольскихъ видно: что апостолъ Петръ никогда не именовалъ себя ни намѣстникомъ Христовымъ, ни главою церкви, ни княземъ апостоловъ, какъ его нынѣ именуютъ богословы латинской церкви; что онъ наравнѣ съ прочими апостолами проповѣдывалъ народамъ евангеліе, а возникавшіе иногда вопросы и недоумѣнія по дѣламъ вѣры разрѣшались въ Іерусалимѣ общимъ соборомъ апостоловъ. Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Ефесеямъ сказалъ: «Господь покорилъ все подъ ноги Іисуса Христа, сдѣлавъ Его главою

---

[1]) Ев. Матѳ. гл. XVIII, ст. 18.—[2]) Іоан. гл. XX, ст. 21, 22, 23.

[3]) Ев. Матѳ. гл. XX, ст. 25, 26, 28.—[4]) Тамъ же, гл. XXIII, ст. 8.

церкви, которая есть Его тѣло» [1]). Тамъ-же сказано: «Вы утверждены въ вѣрѣ Христовой на основаніи апостолъ и пророковъ, а краеугольнымъ камнемъ вѣры есть самъ Іисусъ Христосъ, на которомъ церковь устроена» [2]). Тотъ-же апостолъ Павелъ въ посланіи къ Тимоѳею сказалъ: «одинъ Богъ, одинъ посредникъ Бога и людей есть Христосъ» [3]). Словомъ, нигдѣ въ св. писаніи не встрѣчаемъ, чтобы апостолъ Петръ именовалъ себя начальникомъ апостоловъ, главою христіанской церкви, а тѣмъ менѣе, чтобы онъ передавалъ кому-либо въ наслѣдство подобную власть, какой папы, по своей противной духу евангелія гордости, домогаются. Если же нѣкоторые изъ св. отцовъ вселенской церкви именовали иногда св. Петра первымъ апостоломъ, то это въ смыслѣ порядка, а не власти надъ прочими апостолами.

Кромѣ вышеизъясненнаго папы основываютъ еще свои тенденціи и на томъ, что будто они возсѣдаютъ на епископской каѳедрѣ, основанной апостоломъ Петромъ: но изъ дѣяній апостольскихъ видно, что этотъ апостолъ вмѣстѣ съ другими соапостолами до основанія римской каѳедры гораздо прежде основали на востокѣ епископскія каѳедры въ городахъ Антіохіи и Александріи; изъ чего слѣдуетъ заключить, что возсѣдающіе на сихъ каѳедрахъ патріархи должны имѣть—если не больше, то покрайней мѣрѣ равныя права римскимъ папамъ на своихъ каѳедрахъ; а тѣмъ болѣе, патріархи іерусалимской каѳедры, гдѣ была колыбель и разсадникъ христіанской вѣры, гдѣ совершались всѣ таинства земной жизни божественнаго ученія и воскресенія Спасителя нашего....

Объясняя изложенные вопросы и доказательства, мимовольно раждается вопросъ другаго рода: если по ученію богослововъ латинской церкви слѣдуетъ считать папу намѣстникомъ Іисуса

---

[1]) Гл. I ст. 22—23. [2]) Тамъ-же, гл. II, ст. 20—22. [3]) I, Посл., гл. II, ст. 5.

*

v slovníku nejsti:

Христа, то спрашиваемъ, какимъ образомъ согласить это ученіе съ притязаніемъ папъ на свѣтское владычество государствомъ, тогда какъ самъ Христосъ, на сдѣланный Ему римскимъ тетрархой Понтіемъ-Пилатомъ вопросъ о Его власти свѣтской, отвѣтилъ: «царство мое не отъ міра сего» [1]), тогда какъ ни апостолъ Петръ, ни другіе апостолы, не только не имѣли никакой удѣльной свѣтской власти, но даже о таковой и не помышляли. Между тѣмъ, къ прискорбію всѣхъ благомыслящихъ, мы видимъ, сколько въ настоящее время,—не говоря уже о давно минувшихъ временахъ, пролито людской крови для поддержанія упадающей обветшалой папской власти, которую они стараются всѣми силами поддерживать, не разбирая средствъ и вопреки словамъ Спасителя, сказаннымъ о земной власти и объ употребленіи апостоломъ Петромъ меча противъ нападающихъ враговъ.

Богословы латинской церкви въ подкрѣпленіе изъясненныхъ тенденцій папъ и своихъ схоластическихъ по опымъ выводовъ относятъ эту верховную власть папъ къ первымъ вѣкамъ христіанства. Но кромѣ приведенныхъ уже нами опроверженій по сему предмету, не лишнимъ считаемъ бросить критическій взглядъ на указанное въ исторіи положеніе христіанъ, жившихъ въ римско-языческой имперіи въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ н. э. Христіанство въ тѣ времена было жестоко гонимо, безпощадно терзаемо, какъ языческимъ римскимъ народомъ, такъ равно озлобленными жрецами и самымъ правительствомъ. При такомъ положеніи христіанъ, спрашиваемъ каждаго неувлекающагося пристрастіемъ—можно ли по логическимъ соображеніямъ здраваго разсудка, допустить существованіе въ тѣ смутныя для христіанъ времена какой-либо іерархической центральной власти въ языческомъ Римѣ? тамъ,

---

[1]) Ев. Іоан. гл. XVIII, ст. 36.

гдѣ жизнь каждаго христіанина была подвержена великимъ опасностямъ? гдѣ христіане были принуждены или уходить далеко оттуда, или же скрываться отъ своихъ палачей въ подземныхъ пещерахъ. Наконецъ, если даже допустить, по мнѣнію латинскихъ богослововъ, существованіе какой либо тайной іерархической власти въ тогдашнемъ языческомъ Римѣ; то такая власть, какъ правительствомъ запрещенная, ни какъ не можетъ считаться законною по прямому смыслу ученія апостола Павла: «всякая власть отъ Бога происходитъ», а потому каждый подвластный безъ сопротивленія обязанъ ей повиноваться.

Въ исторіи первыхъ вѣковъ христіанства, мы видимъ, что папы римскіе въ теченіе восьми столѣтій были подвластные вассалы римской имперіи; платили въ казну кесарей за свои имѣнія положенныя правительствомъ подати; главами церкви христіанской не именовались; но были вполнѣ подчинены власти кесарей, отъ воли которыхъ зависѣло утвержденіе (investitura) въ достоинствѣ ихъ сана. Отношенія императоровъ къ папамъ можемъ видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ: 1) послѣ взятія Рима Велизаріемъ, полководцемъ императора, тогдашній папа Сильверій по волѣ императора былъ отправленъ въ ссылку, а на его мѣсто поставленъ папа Вигилій. 2) Преемники Вигилія Пелагій (въ 555 г.) и Григорій, прозванный великимъ (въ 590 г.), избраны были по волѣ императоровъ. 3) Экзархъ Италіи Калліописъ отправилъ папу Мартина I въ Константинополь, откуда, вслѣдствіе обвиненія въ государственной измѣнѣ, его сослали въ Херсонесъ, гдѣ онъ и умеръ. 4) Папа Іоаннъ VII въ 710 году, по приказанію императора Юстиніана II, явился въ Константинополь для участія въ общихъ церковныхъ дѣлахъ, не посмѣвъ ослушаться даннаго ему повелѣнія [1].

---

[1]) Законъ представляющій кардиналамъ право избирать папъ послѣдовалъ не прежде 1160 года.

Кромѣ того видно также изъ исторіи римской имперіи, что вселенскіе соборы являлись въ назначенное время и мѣсто не по воли папъ, а по распоряженію самыхъ императоровъ; что о назначеніи таковыхъ епископы всегда обращались не къ папамъ, а прямо къ императорамъ; а самые уставы соборовъ, подлежали апробаціи кесарей; ибо мнѣніе папъ объявленное на соборахъ не составляло обязательнаго авторитета для общей церкви. Папы римскіе подлежали суду вселенскихъ соборовъ: это доказываетъ судъ и рѣшеніе VI вселенскаго собора, произведенные надъ папою Гоноріемъ, обвиненномъ въ соучастіи ереси Монофелитовъ; кромѣ того соборы Константскій и Базельскій подвергли суду и рѣшенію своему римскихъ папъ: Іоанна XXIII, Бенедикта XIII и Григорія XII.

Не лишнимъ также считаемъ присовокупить и слѣдующее: послѣ установленія въ Константинополѣ новаго патріархата съ предоставленіемъ тамошнимъ патріархамъ почетъ первенства между восточными патріархами, первые начали именоваться вселенскими патріархами. Тогда св. Григорій, папа римскій написалъ къ одному изъ нихъ, что онъ ненадлежаще употребляетъ въ титулѣ слово—вселенскій; ибо никто изъ епископовъ не имѣетъ универсальной власти въ христіанской церкви [1]). Таковое предостереженіе сдѣлано было св. Григоріемъ для того, чтобы по причинѣ прибавленнаго въ титулѣ—вселенскій, современемъ эти патріархи не захотѣли присвоить себѣ какой-либо верховной власти надъ прочими патріархами, равными имъ какъ въ достоинствѣ, такъ и во власти надъ своими іерархіями. Тотъ же папа Григорій въ письмѣ къ патріарху александрійскому Евлогію усвояетъ одинаковую важность каѳедрамъ римской, антіохійской и александрійской, такъ какъ они въ этихъ трехъ мѣстахъ принадлежатъ одному апостолу св. Петру.

---

[1]) «Nemo episcopo universali, in ecclesiam christianor» epist. XVIII.

Изъ многихъ событій встрѣчаемыхъ въ исторіи народовъ и частныхъ лицъ можемъ видѣть, что судьба или стеченіе необыкновенныхъ обстоятельствъ весьма часто рѣшаетъ важныя человѣческія дѣла вдругъ и неожиданно, благопріятствуя и какъ бы съ умысломъ устраняя всѣ предстоящія на пути къ цѣли препятствія. Возвышенію папъ римскихъ благопріятствовало стеченіе неожиданныхъ обстоятельствъ, это увидимъ изъ слѣдующаго. Въ царствованіе на востокѣ императора Маврикія (въ началѣ VII вѣка) послѣдовалъ противъ сего государя заговоръ, въ немъ принялъ участіе вельможа Фока; слѣдствіемъ сего заговора, былъ умерщвленъ этотъ государь, на тронѣ возсѣлъ соучастникъ преступленія, сказанный Фока. Сдѣлавшись императоромъ, онъ рѣшился для своей безопасности истребить жену и дѣтей умерщвленнаго государя. Исполненію сего вторичнаго преступленія помѣшалъ константинопольскій патріархъ Киріакъ, охранивъ жену и дѣтей отъ угрожавшей имъ опасности. Разгнѣванный Фока рѣшился унизить сего патріарха и возвысить папу Бонифатія, съ которымъ имѣлъ связь дружбы съ давняго времени. Затѣмъ выданною грамотою пожаловалъ сему папѣ титулъ вселенскаго патріарха и начальника всѣхъ епископовъ имперіи. Эта грамота, противная уставамъ вселенскихъ соборовъ, была незаконна, но папы принявъ за правило своихъ дѣйствій аксіому: кто сильнѣе, тотъ правнѣе; пользуясь благопріятными случаями возвысить себя, начали съ тѣхъ поръ распространять свою власть не только надъ всѣми западными епископами, но даже и надъ восточными патріархами. Этому возвышенію ихъ власти въ позднѣйшее время способствовало также прекращеніе царствовавшей на западѣ династіи Меровинговъ, и помазаніе на царство, по содѣйствію папы Захарія, короля Пепина въ 752 году. Потомъ покровительство его сына Карла великаго, на котораго папа возложилъ императорскій вѣнецъ въ Римѣ. Со времени папы

Агатона богословы западной римской церкви ничѣмъ уже не стѣсняясь начали учить о непогрѣшимости папъ въ рѣшеніяхъ по дѣламъ вѣры и совѣсти. Папы начали создавать новые догматы по произволу, вводить новые порядки въ церковныхъ обрядахъ, прежде небывалые въ католической церкви. Появились также подложныя декреталіи Изидора, составленныя нарочно для поддержанія папскихъ тенденцій [1]).

Между тѣмъ папы, пользуясь разстройствомъ восточной имперіи, по причинѣ весьма частыхъ нападеній варварскихъ племенъ на ея области, успѣли наконецъ совершенно освободить себя изъ подъ власти восточныхъ императоровъ и сдѣлаться удѣльными государями. Свергнувъ съ себя зависимость отъ византійскихъ императоровъ, и не считая себя болѣе вассалами династіи Карловинговъ, папы съ половины IX вѣка приняли тонъ повелительный и надменный въ своихъ сношеніяхъ съ государями и равными себѣ іерархами церкви. Тогда уже папы энергически принялись осуществить давно составленный ими планъ абсолютизма и возобновить на дѣлѣ идею языческаго Рима, т. е. всемірнаго преобладанія! При помощи громадныхъ богатствъ, скрывавшихся въ римской церкви, они успѣли побѣдить своихъ противниковъ и основать на западѣ ѳеократическую (духовно-свѣтскую) монархію, которой глава долженъ быть папа, а столица Римъ. При томъ они еще простирали свои честолюбивые виды и на востокъ; чему много пособляли возникавшія часто на востокѣ религіозныя раздоры между епископами и богословами; а въ мутную воду, по пословицѣ, хорошо запускать сѣти.

---

[1]) Эти декреталіи впослѣдствіи времени были признаны подложными, даже богословами и исторіографами римской церкви.

§ 2.

Злоупотребленіе присвоенной папами власти въ христіанскомъ мірѣ.

Послѣ долговременныхъ усилій и неразборчивыхъ средствъ папы наконецъ достигли желаемой цѣли: сдѣлались независимыми государями и верховными начальниками въ христіанствѣ. Папа Николай I (858 г.) возложивъ на себя царскій вѣнецъ, вооруженный сборникомъ подложныхъ декреталій Изидора, провозгласилъ себя главою вселенской церкви и судьею государей. Преемники его пошли смѣло по указанному пути; преслѣдовали безпощадно тѣхъ епископовъ, которые дерзали протестовать противъ незаконныхъ тенденцій и наглыхъ дѣйствій папъ по дѣламъ вѣры и совѣсти.

Тогда-то возстали противъ абсолютныхъ тенденцій папъ восточные іерархи, а особенно константинопольскій патріархъ Фотій (въ IX вѣкѣ), съ тою цѣлью, чтобы оградить независимость общей соборной церкви отъ гордаго властолюбія римскихъ папъ и ихъ произвола по дѣламъ вѣры. Послѣ долгихъ споровъ и богословскихъ диспутовъ, съ обѣихъ сторонъ, не приведшихъ къ мирнымъ результатамъ, послѣдовало въ другой половинѣ IX вѣка разъединеніе общей христіанской церкви. Послѣ котораго, хотя отъ времени до времени, возобновлялись еще сношенія между папами и восточными іерархами, особенно за папу Льва IX и патріарха Константинопольскаго Михаила Керуларія (въ XI вѣкѣ), съ желаніемъ возстановить прежнее единство вселенской церкви; однакожъ не умѣстныя тенденціи, гордость и мірскія расчеты папъ препятствовали осуществить благія намѣренія усердныхъ сыновъ церкви и истинныхъ друзей человѣчества: ихъ христіанское возваніе къ міру и братству осталось гласомъ вопіющихъ въ пустынѣ. Высокомѣріе и спѣсивость папъ тогдашнихъ временъ доказываетъ намъ слѣдующее: папа Бонифатій VIII, недовольствуясь одною

короною Николая I, добавилъ еще въ 1294 году другую въ знакъ папской власти связывать и разрѣшать на земли и въ небесахъ. Потомъ папа Урбанъ V въ 1362 году добавилъ еще къ тіарѣ третью корону въ знакъ папской власти на земли, въ чистилищѣ и въ небесахъ...

Послѣ окончательнаго раздѣленія общей церкви на западѣ долго тяготѣлъ надъ народами и ихъ государями папскій деспотизмъ: ни кто не осмѣлился принять мѣры, чтобы ограничить ихъ властолюбивыя стремленія: тутъ оправдалась сказанная римскимъ философомъ Цицерономъ фраза: «Nihil est incredibile, quod dicendo credibile non fiat.» [1]). Въ XI вѣкѣ папы задумали охватить сѣтями своей ѳеократической политики власть государей западно-европейскихъ народовъ и поработить ее совершенно своему деспотизму, въ чемъ особенно отличился своею енергичною настойчивостію папа Григорій VII Гильдебрандъ. Чтобы достаточно понять, къ чему стремились гордые замыслы папъ той эпохи, довольно прочесть изданные симъ же папой Григоріемъ правила о значеніи папской власти, о ихъ главенствѣ и непогрѣшимости [2]). Эти правила ясно доказываютъ, что папы стремились установить въ Европѣ всеобщую ѳеократическую монархію.

Однакожъ со временемъ противъ деспотизма и непомѣрныхъ тенденцій папъ раздались между западными народами обличительныя голоса, требовавшія реформы іерархической власти и исправленія многихъ злоупотребленій латинскаго духовенства. Но папы усердно поддерживаемы клерикалами и чувствуя свою политическую силу, не обращали вниманія на вопіющіе голоса народовъ угнѣтенныхъ деспотизмомъ. Для под-

---

[1]) То-есть: нѣтъ вещи невѣроятной, которую бы чрезъ частое повтореніе, не можно было сдѣлать вѣроятною.

[2]) Содержаніе сихъ правилъ см. въ примѣч. подъ букв. а).

держанія своей власти папы однихъ проклинали, другихъ подвергали пыткамъ и истязаніямъ въ душныхъ темницахъ трибунала инквизиціи (Sancti officij), а тѣхъ, кои дерзали высказать явно предъ народомъ слово правды, сожигали на кострахъ (auto dafe). Но этого мало: папы, принявъ за правила своей политики—гдѣ не дѣйствуетъ слово Павла, тамъ употреблять мечъ Петра,—и что всѣ средства хороши, если ведутъ къ желаемой цѣли; они чрезъ своихъ агентовъ сѣяли между христіанскими народами рознь, несогласія; по ихъ причинѣ весьма часто проливалась ручьями кровь христіанская [1]). Папы оставались спокойными зрителями ужасныхъ драмъ, подливая своею политикой масло въ огонь: гибли тысячи раздраженнаго и фанатизмомъ увлеченнаго народа, а римскіе папы, въ то время возносили свои хвалы (Te Deum laudamus) къ небу, хвалы нечестивыя и недостойныя! Имъ не было дѣла до невинныхъ жертвъ и потоковъ людской крови; имъ только нужно было торжество папскаго абсолютизма! Тяжелые оковы они наложили на человѣчество, на его мысль, на его совѣсть, и даже на частную семейную жизнь, узаконивъ денежные поборы, то подъ названіемъ динарія св. Петра, то въ видѣ пріобрѣтенія индульгенцій (грѣхо-отпущенія), то въ видѣ церковныхъ аннатъ, десятины съ полей, огородовъ, пасѣкъ, словомъ—съ чего только можно было брать!

Духовенство высшихъ степеней, соблазняясь примѣромъ алчности римской столицы, выходило изъ установленнаго законами и нравственностію порядка; алчностію къ богатству и роскошной жизни, соблазняло людей свѣтскихъ—и долго, долго страдало человѣчество, униженное и придавленное духовнымъ

[1]) Довольно прочесть образчикъ ихъ дѣйствій въ исторіи Французской: о несчастной участи, постигшей альбигойскую или вальденскую секту въ южной Франціи Провансѣ, и о всѣхъ ужасныхъ сценахъ этой катастрофы, случившейся за папу Иннокентія III.

деспотизмомъ папъ и ихъ подчиненныхъ. Напрасно отзывались голоса въ имени народовъ къ папамъ: о созваніи собора для разсмотрѣнія жалобъ и для исправленія безпорядковъ, вкравшихся въ іерархію латинской церкви. Папы, особенно Левъ X и Климентій VII, не хотѣли на это согласиться, опасаясь, чтобы соборъ не ограничилъ ихъ власть. А тѣ лица, которые осмѣлились поднести свой голосъ, отъ имени своего народа и въ его защиту, часто бывали жертвами ужасной мести: въ числѣ прочихъ, извѣстно изъ исторіи, какая участь постигла богемца Іоанна Гусса и Геронима Прагскаго въ началѣ XV вѣка [1]). Наконецъ послѣ долгой борьбы и многихъ страданій, при содѣйствіи науки и людей энергичныхъ, стремившихся путемъ великихъ жертвъ къ общему благу; людей, коихъ не могли поколебать ни угрозы Ватикана, ни темницы страшнаго трибунала инквизиціи (Sancti officij), ни зажженные костры (auto dafe); страдавшее человѣчество, разбивъ угнѣтавшія его оковы, разшатало это громадное политическое зданіе папъ; на его развалинахъ возникла въ Германіи и въ другихъ странахъ Европы реформація или ученіе протестантской церкви.

Послѣ всего вышесказаннаго въ общихъ чертахъ, и на основаніи историческихъ данныхъ, не подлежащихъ сомнѣнію, чтобы наши собратья по Христѣ, коимъ этотъ трудъ посвящаемъ, особенно тѣ личности, которые по своимъ спеціальнымъ занятіямъ не имѣли свободнаго времени заниматься чтеніемъ обширной исторіи церковной и свѣтской, не сомнѣвались въ правдивости и безпристрастіи нашемъ; то поэтому минуя слишкомъ пространныя историческія эпизоды, каковы суть крестовые походы, возбужденные папами въ XI и XII вѣкахъ, стоившіе тогдашнимъ народамъ неисчислимыхъ жертвъ; также минуя многолѣтныя войны въ Италіи, Германіи, Богеміи и Франціи,

---

[1]) См. объясненіе о семъ въ примѣч. подъ букв. Ѣ).

въ коихъ принимали участіе тогдашніе папы; мы разскажемъ здѣсь кратко о нѣкоторыхъ событіяхъ, могущихъ дать понятіе о характерѣ деспотизма, егоизма и властолюбія многихъ папъ эпохи среднихъ вѣковъ.

1) Маркграфиня Матильда, италіанка, извѣстная въ исторіи своею безбожною и безправственною жизнію, умертвившая своего мужа и отравившая собственнаго сына, когда завѣщала въ пользу римской церкви, значительную часть своего имѣнія, то она получила отъ папы Николая I не только отпущеніе тяжкихъ грѣховъ своихъ, но даже была признана папою всенародно благочестивою и благословенною дочерью римской церкви.—2) Папа Григорій VII, разсорившись съ нѣмецкимъ императоромъ Генрихомъ IV, проклялъ и отлучилъ его отъ церкви, разрѣшивъ его подданныхъ отъ присяги вѣрности и повиновенія своему государю, наконецъ унизилъ его до той степени, что онъ былъ принужденъ прибыть пѣшкомъ изъ Германіи въ Италію въ сопровожденіи своей супруги, въ одѣяніи кающагося грѣшника—во власяницѣ. Прибывши на мѣсто, гдѣ находился папа Григорій, онъ стоялъ три дня предъ дворцомъ папскимъ въ Каносѣ, чтобы вымолить себѣ прощеніе и освобожденіе отъ папскаго проклятія.—3) Болеславъ, король польскій, послѣ сдѣланнаго имъ преступленія, убійствомъ краковскаго епископа Станислава Щепановскаго, [1]) папою Григоріемъ VII былъ проклятъ и отъ престола удаленъ; кромѣ того на цѣлое королевство польское былъ наложенъ папою интердиктъ (запрещеніе) [2]). Это наглое распоряженіе папы про-

[1]) По сказанію нѣкоторыхъ польскихъ историковъ, это убійство произошло по причинѣ, что епископъ Станиславъ входилъ въ заговоры и тайныя сношенія, не только съ польскими панами противниками сего короля, но даже съ иностранными державами, и этимъ онъ вооружилъ противъ себя короля Болеслава.

[2]) Значеніе интердиктовъ было слѣдующее: запрещалось богослуженіе въ церквахъ, раздаваніе св. таинъ мірянамъ. Такое наказаніе налагали папы, а ино-

извело тогда во всемъ королевствѣ польскомъ ужасное разстройство. Объ этомъ событіи знаменитый историкъ польскій, епископъ Нарушевичъ, такъ отозвался: «Папа Григорій VII, какъ отецъ христіанства, могъ приличнымъ образомъ наказать короля Болеслава какъ христіанина; но не имѣлъ права касаться его короны, Богомъ и народомъ ему данной; не имѣлъ права нарушать общій порядокъ въ государствѣ; это была катастрофа, вредная для Европы и для самаго римскаго престола» [1]).—4) Тотъ-же папа Григорій VII, въ посланіи къ французскому королю Филиппу I, требуя, чтобы король приказалъ своимъ подданнымъ платить въ пользу римскаго престола подать, подъ названіемъ динарія св. Петра, въ заключеніи выразилъ слѣдующія слова: «Знай король о томъ, что въ моей власти состоитъ и твое государство и твоя душа: я могу тебя связать и разрѣшать, какъ на земли, такъ и въ небесахъ» [2]). —5) Папа Григорій IX, въ дѣлахъ политическихъ поссорившись съ нѣмецкимъ императоромъ Фридрихомъ, наложилъ на него проклятіе; отлучилъ отъ церкви и разрѣшилъ его подданныхъ отъ присяги въ должномъ ему повиновеніи.—6) Минуя прочіе

гда и епископы въ своихъ іерархіяхъ на общества, на города и провинціи за случившіяся въ ихъ средѣ важныя преступленія. Но это наказаніе можно сравнить съ слѣдующимъ: еслибы напримѣръ изъ числа десяти товарищей, одинъ сдѣлалъ преступленіе, а судья опредѣлилъ своимъ рѣшеніемъ не давать пищи и морить голодомъ всѣхъ.

[1]) Naruszewicz Histor. nar. Pol. T. II.

[2]) Тогдашніе папы, считая свою власть догматомъ вѣры, имѣнія епископскія, абатствъ и монастырей подвергали своему попечительству: отсюда происходило то, что высшіе сановники духовенства часто считали себя независимыми отъ мѣстной государственной власти и уклонялись отъ общественныхъ повинностей по своимъ имѣніямъ. Заботились гораздо болѣе о дѣлахъ свѣтскихъ, объ усиленіи своего могущества и вліянія на политическія дѣла, чѣмъ объ исполненіи своихъ духовныхъ обязанностей; часто они держали какъ удѣльные князья придворное войско, иногда даже вели войны съ своими сосѣдями. Папы, считая себя верховными властителями на земли, не только отъ подвластнаго имъ духовенства, но даже отъ самыхъ свѣтскихъ государей требовали присяги вѣрности.

примѣры излишней гордости Папъ, противной евангельскому смиренію, какъ цалованье ихъ башмака на ногѣ и тому подобные обычаи; мы въ исторіи встрѣчаемъ, что во время коронаціи папы Мартина V нѣмецкій императоръ держалъ подъ уздцы ту лошадь, на которой папа пріѣзжалъ въ соборную церковь для совершенія обряда коронаціи.—7) Папа Пій V во время французской войны съ Гугенотами, [1]) отлученными отъ римской церкви, далъ приказъ командовавшему французскими войсками, чтобы всѣхъ плѣнныхъ гугенотовъ взятыхъ послѣ сраженія, не держать какъ военно-плѣнныхъ до окончанія войны, а тотчасъ на мѣстѣ безпощадно убивать (ad maiorem gloriam Dei). Послѣ полученія сего приказа, когда начальникъ французскихъ войскъ доложилъ папѣ, что между взятыми въ плѣнъ гугенотами находятся и католики, принявшіе участіе въ возстаніи гугенотовъ, а потому онъ затрудняется въ различеніи однихъ отъ другихъ; то въ отвѣтъ онъ получилъ повтореніе прежняго папскаго приказа, убивать всѣхъ въ плѣнъ взятыхъ, съ добавленіемъ, что на томъ свѣтѣ будутъ разбирать, кто изъ нихъ былъ гугенотъ, а кто католикъ: это назидательный примѣръ—христіанскаго человѣколюбія и милосердія со стороны того, который именовалъ себя намѣстникомъ Христа!! 8) Послѣ случившагося въ 1572 году въ Парижѣ ночнаго убійства французовъ—гугенотовъ, извѣстнаго въ исторіи французской подъ названіемъ «ночи св. Варѳоломея», когда подъ ножами убійцъ фанатиковъ, подстрекаемыхъ и духовенствомъ и

---

[1]) Гугеноты были французы,—послѣдователи реформаціи, по ученію Кальвина. Ихъ назвали во Франціи гугенотами отъ того, что они изъ боязни преслѣдованья правительства за свое исповѣданіе, собирались для отправленія своихъ религіозныхъ обрядовъ въ ночное время, особенно въ епископствѣ Мо-и въ Турѣ. Это было насмѣшливое названіе, сравнивавшее ихъ собранія съ появляющимися (по тогдашнему народному преданію) духомъ короля Гуго, ночной поры, близъ г. Тура.

предводителями политическихъ партій, [1]) погибло множество невинныхъ жертвъ разнаго пола и возраста; то папа Григорій XIII, получивъ о томъ отъ присланнаго изъ Парижа курьера увѣдомленіе, велѣлъ въ знакъ общей радости отпѣть въ римской соборной церкви гимнъ благодаренія (Te Deum laudamus), какъ будто послѣ побѣды одержанной на полѣ брани, со стрѣльбой изъ пушекъ крѣпости и съ оглашеніемъ Юбилея. —9) Папа Климентій VIII, удѣльнаго владѣтеля области Феррары въ Италіи, за сопротивленіе своей воли, отлучилъ его анаѳемой отъ церкви, а область Феррарскую присоединилъ къ церковному владѣнію.—10) Всеобщая европейская исторія ясными фактами доказываетъ, что ужасныя возмущенія и совершившіяся убійства между тогдашними христіанскими народами въ Испаніи и Богеміи (въ XVI вѣкѣ), были послѣдствіями

[1]) Католическая партія имѣла во главѣ своей герцога Гиза; Маршала Сентъ-Андре и Монморанси; а представителями гугенотовъ были: адмиралъ Колиньи, принцъ Конде и Генрихъ Наварскій. Соперничество и вражда между ними, не разъ вызывали подъ маской религіи кровопролитныя столкновенія, которыя всегда кончались примиреніемъ; но вражда между партіями существовала. По малолѣтству французскаго короля Карла IX, правительницею королевства была коварная мать его Екатерина Медичи, которая была главною пружиною устроеннаго убійства адмирала Колиньи и несчастной Варѳоломеевской ночи, происшедшей 1572 г. съ 23 на 24 августа. Въ эту ночь звонъ дворцоваго колокола, былъ роковымъ сигналомъ для Парижанъ, къ истребленію своихъ соотечественниковъ гугенотовъ. Прежде всего былъ убитъ нарочно посланными адмиралъ Колиньи,—въ собственномъ домѣ. За тѣмъ началась рѣзня гугенотовъ на улицахъ и въ домахъ. Не было пощады ни полу, ни возрасту, ни званію. Маршалъ французскій Таванъ бѣгалъ какъ тигръ по улицамъ Парижа и кричалъ: «Пускайте кровь, граждане; въ августѣ столько же полезно пусканіе крови, сколько въ маѣ». Тогда по всѣмъ улицамъ лежали трупы, выброшенные изъ домовъ, или убитые на мѣстѣ. Ихъ грудами бросали въ рѣку Сену. На другой день король и королева, его мать съ придворными проѣзжали по улицамъ Парижа, наполненнымъ трупами съ торжествомъ побѣдителей. Подобныя сцѣны, только въ меньшемъ размѣрѣ, происходили также и въ разныхъ провинціяхъ французскихъ; ужасъ проникъ тогда всю Европу.

политическихъ интригъ папы Григорія XV, а тридцатилѣтняя война, волновавшая всю Германію, возникла изъ подстрекательства и политическихъ расчетовъ папы Урбана VIII. 11) Папа Сикстъ V издалъ противъ династіи Бурбоновъ буллу, которою онъ лишалъ ихъ права наслѣдовать французскій престолъ, равно всѣхъ владѣній и помѣстій, при томъ разрѣшилъ подданныхъ отъ присяги и повиновенія, приказывая истреблять ихъ совершенно. 12) Покрывъ тѣнью молчанія явно-безнравственныя личности, какими были—папа Александръ VI (Борджіо), его сынъ Цезарь и дочь Люкреція; обратимъ нашъ взоръ на папу Иннокентія X, жившаго въ XVI столѣтіи; этотъ папа держалъ при себѣ кузину, именемъ Донна-Олимпія, которая, какъ уполномоченный министръ, распоряжала дѣлами римской церкви; она принимала въ своемъ кабинетѣ иностранныхъ пословъ и присылаемые для папы подарки, а ея портреты помѣщались въ кабинетахъ кардиналовъ. Подобные примѣры можно встрѣчать въ значительномъ количествѣ въ біографіяхъ многихъ папъ римскихъ; [1])—ибо, ихъ главною цѣлью было, деспотически управлять дѣлами церкви, обогащать себя и свою фамилію. Для того, въ тѣ времена, сильно развилась въ латинскомъ духовенствѣ симонія (святокупство) для пріобрѣтенія доходныхъ мѣстъ.

О злоупотребленіяхъ папъ и высшаго сана духовенства латинской церкви польскій авторъ Карлъ Шайноха въ истори-

[1]) Высочайшую степень ничтожности, егоизма и честолюбивыхъ стремленій папъ XIV вѣка представляетъ намъ въ яркихъ краскахъ эпоха такъ называемаго, семидесятилѣтняго вавилонскаго плѣненія (въ г. Авиньонѣ) папъ. Тогда, то-есть, между 1375 и 1415 годами, явились въ одно и тоже время три главы (папы) западной церкви: они не только другъ друга проклинали, антихристами и еретиками называли, но даже произносили анаѳемы на цѣлыя провинціи, принимавшія сторону ихъ противниковъ. Тогда, по свидѣтельству нѣкоторыхъ современныхъ историковъ, была также возведена на престолъ св. Петра женщина, именемъ Іоанна.

ческомъ сочиненіи (Jadwiga i Jagello—1855. Lwów) такъ разсказываетъ «тогдашнихъ временъ т. е. въ среднихъ вѣкахъ христіанства, папа римскій былъ-то земной богъ, государь христіанскаго міра. Духовенство, занимавшее высшіе чины въ церковной іерархіи, не обращало вниманія на правила вѣры и благоправія, и сдѣлалось явнымъ примѣромъ соблазна для міряпъ. Римъ, въ тѣ времена, былъ образцомъ пышности и алчности къ богатству для подвластнаго ему духовенства, которое, имѣя въ виду собственный интересъ, старалось всѣми средствами поддержать вліяніе римскихъ папъ на свѣтскія дѣла. Историкъ Кояловичъ въ своемъ сочиненіи сказалъ: «что въ XIII вѣкѣ существовали въ Европѣ два главные властелины, т. е. Ханъ татарскій на востокѣ, а папа римскій на западѣ.

§ 3.

О другихъ причинахъ (кромѣ властолюбивыхъ тенденцій папъ), произведшихъ несогласіе и разъединеніе между восточною и западною церквами.— Теологическіе вопросы, въ отношеніи ученія о нѣкоторыхъ догматахъ христіанской церкви.

Изъ всего выше нами расказаннаго мы видѣли: какими путями римскіе папы достигли апогея своего могущества въ западной Европѣ; ихъ политическое вліяніе на судьбы народовъ и ихъ государей; также, послѣдствія этой абсолютной власти. Теперь взглянемъ безпристрастно и внимательно на возникшіе въ среднихъ вѣкахъ христіанства вопросы между восточною и западною церквами, въ отношеніи ученія о нѣкоторыхъ догматахъ и обрядахъ христіанской вѣры; а также, на тѣ принципы и мотивы, по которымъ римскіе католики называютъ православныхъ русскихъ схизматиками, а самое православіе схизмой. Начнемъ съ послѣдняго вопроса: у богослововъ и духовенства латинской церкви, на вопросъ объ этомъ схизматичествѣ, коимъ они такъ часто величаютъ православныхъ, обыкновенно пер-

вымъ бываетъ у нихъ отвѣтомъ, что всѣ православные суть схизматиками, потому, что они не повинуются папской власти, и не почитаютъ римскихъ папъ главами христіанской церкви. Не повторяя здѣсь всѣхъ выше поясненныхъ по сему предмету доказательствъ, взятыхъ изъ св. писанія, церковной и свѣтской исторіи, опровергающихъ до основанія всѣ папскія тенденціи къ абсолютизму; минуя также всѣ схоластическіе и теологическіе аргументы, выведенные по сему предмету обѣими спорившими сторонами, намъ кажется, что по самому здравому смыслу, не омраченному фанатизмомъ и предубѣжденіемъ, не можно допустить въ настоящій прогрессивный вѣкъ существованіе въ Европѣ не ограниченной, непогрѣшимой власти въ рукахъ одного смертнаго, къ которой римскіе папы постоянно стремятся, тогда, какъ многіе изъ нихъ—по свидѣтельству исторіи минувшихъ вѣковъ—представляли въ своемъ характерѣ всѣ слабости свойственные природѣ человѣческой. Допускать же авторитетъ непогрѣшимости папъ, значило бы сдѣлать шагъ назадъ, и возвратиться къ минувшимъ вѣкамъ невѣжества и суевѣрія, признавая лицемѣріе за истину, а ханжество за религіозность. Наконецъ, желать или ожидать, подобно папистамъ, что когда-то всѣ народы обратятся къ Риму, и сдѣлается одно римско-католическое христіанство, которымъ будетъ править папа съ своими бискупами и ксендзами, похоже на то, какъ іудеи ожидаютъ земнаго царства Мессіи, въ которомъ они будутъ стоять выше всѣхъ народовъ и владѣть свѣтомъ. Высказавъ кратко, не лицемѣрно нашъ взглядъ и убѣжденіе по сему предмету, перейдемъ къ вопросамъ касающимся ученія о нѣкоторыхъ догматахъ и обрядахъ обще-христіанской церкви.

Одинъ изъ главныхъ теологическихъ споровъ, возникшихъ между восточною и западною церквами, есть вопросъ о происхожденіи Св. Духа. Для вѣрнѣйшаго понятія значеніе сего вопроса необходимо намъ знать: что въ теченіе первыхъ восьми

вѣковъ христіанства, всѣ вообще догматы нашей вѣры, а въ томъ числѣ и догматъ о происхожденіи Св. Духа, были уже достаточно объяснены и вселенскими соборами утверждены, съ ограниченіемъ на будущее время, не дѣлать ни какихъ добавленій, ни какихъ измѣненій, подъ страхомъ анаѳемы и отлученія отъ церкви. Однакожъ теологи латинской церкви, не смотря на такое ограниченіе, рѣшились безъ соборнаго опредѣленія,—suo moto, добавить въ догматѣ о происхожденіи Св. Духа слово «filioque» (и отъ Сына), основывая свое новое ученіе на смыслѣ нѣкоторыхъ текстовъ св. писанія. Этому добавленію (filioque) противорѣчили теологи и все духовенство восточной церкви, доказывая во первыхъ: что сүмволъ вѣры (Credo) общей каѳолической церкви утвержденъ вселенскими соборами, особенно константинопольскимъ, бывшимъ въ 381 году [1]), во время великихъ учителей церкви, именно: сс. Василія, Григорія и Іоанна Златоустаго; во вторыхъ: что св. отцы церкви на вселенскихъ соборахъ, въ отношеніи сего догмата вѣры, сообразались съ точными словами Спасителя, сказанными къ апостоламъ: «когда же пріидетъ Утѣшитель, котораго Я пошлю вамъ отъ Отца, Духа истины, который отъ Отца исходитъ, Онъ будетъ свидѣтельствовать о Мнѣ». [2]) въ третьихъ: что это прибавленіе—filioque, въ теченіе восьми вѣковъ христіанства, не существовало даже и въ западной церкви; это доказывали замѣчательнымъ историческимъ фактомъ, именно: когда въ началѣ IX столѣтія, за папы Льва III—причисленнаго къ лику святыхъ угодниковъ—нѣкоторые изъ богослововъ западной церкви, особенно въ Испаніи, по собственной прихоти, начали распространять это новое ученіе, что Духъ Св. происходитъ и отъ

[1]) Этому вселенскому собору предшествовалъ соборъ помѣстный римскій, въ 379 году, на которомъ этотъ догматъ былъ принятъ безъ прибавленія слова—filioque.

[2]) Еванг. Іоан. гл. XV, ст. 26.

Сына, то папа принялъ мѣры, чтобы не допустить распространенія въ каѳолической церкви сего новаго ученія. Онъ велѣлъ составить на двухъ таблицахъ символъ вѣры (Credo) каѳолической церкви, по давнему его содержанію, безъ добавки filioque; таблицы эти велѣлъ поставить въ римской соборной церкви, съ учиненною на латинскомъ языкѣ надписью слѣдующаго содержанія: «я Левъ папа римскій, поставилъ эти таблицы, по усердію къ вѣрѣ каѳолической церкви». Послѣ того, когда между его преемниками, а восточными патріархами, во второй половинѣ IX вѣка, возникли несогласія, по причинѣ высокомѣрныхъ тенденцій римскихъ папъ къ абсолютной власти, тогда уже папы велѣли добавить въ символѣ вѣры слово filioque, на перекоръ восточнымъ патріархамъ, особенно константинопольскому Фотію, мужу весьма ученому, обличавшему папъ и епископовъ латинской церкви въ разныхъ злоупотребленіяхъ, особенно введеніемъ новыхъ ученій, противныхъ уставамъ вселенскихъ соборовъ. Это папы сдѣлали для показанія своей верховной власти и авторитета въ христіанскомъ мірѣ. Впрочемъ, добавленіе—filioque, во многихъ западныхъ провинціальныхъ церквахъ, не было введено въ—Credo, до собора западныхъ епископовъ, состоявшагося въ Ліонѣ 1040 года. Польскіе же уніаты ввели его въ русскій символъ послѣ помѣстнаго собора, бывшаго въ Замостѣ 1720 года.

Кромѣ означеннаго вопроса, іерархи и теологи восточной церкви упрекали также папъ и богослововъ латинской церкви о введеніи ими новыхъ ученій, непризнанныхъ вселенскими соборами, именно: о чистилищѣ или временномъ адѣ, въ которомъ очищаются души грѣшниковъ; [1]) о закупныхъ

[1]) Много было суевѣрныхъ сказокъ о являющихся будто на земли душахъ изъ чистилища съ просьбами о пособіи: этими преданіями пользовались корыстолюбивыя личности, употребляя съ умысломъ обманчивыя средства, съ корыстною цѣлью; о чемъ смотри примѣч. подъ букв. с.

миссахъ въ пользу частныхъ лицъ, тогда какъ по ученію церкви и по уставамъ вселенскихъ соборовъ, эта безкровная жертва должна быть приносима за всѣхъ вообще христіанъ. Также ученіе новое о индульгенціяхъ или грѣхоотпущеніяхъ (odpusty), даруемыхъ папами епископамъ, нѣкоторымъ церквамъ и монастырямъ, съ правомъ разрѣшенія отъ грѣховъ и заслуженныхъ наказаній, вопреки ученію каѳолической церкви, о силѣ покаянія и важности крестной жертвы, принесенной Спасителемъ за согрѣшенія всего рода человѣческаго [1].

Восточное духовенство и богословы обличали также папъ въ неправильномъ распоряженіи употреблять въ обрядахъ богослуженія, вмѣсто народнаго, языкъ латинскій, непонятный для большинства, вопреки давнему обычаю, основанному на ученіи св. писанія и на историческихъ данныхъ [2]. Они доказывали, что папы приняли эти мѣры для своихъ политическихъ цѣлей. Чтобы духовные лица тѣмъ болѣе породнились съ папой, отрывали свое сердце отъ родныхъ имъ странъ и народовъ, и привязывались къ Риму, видя въ немъ какъ бы свое священное отечество, а отъ нихъ такое понятіе о Римѣ должно было сообщиться и народамъ христіанскимъ; и чтобы неученый народъ ничего не могъ понять въ обрядахъ своей вѣры, и былъ совершенно зависимъ отъ мнѣнія и произвола своихъ духовныхъ пастырей. Были же и такія времена, что власть духовная воспрещала свѣтскимъ личностямъ читать св.

---

[1] О папскихъ индульгенціяхъ—и о возникшихъ съ этого источника, въ западномъ христіанствѣ, особенно въ Германіи, злоупотребленіяхъ, давшихъ первоначальный поводъ Августинскому монаху Мартину Лютеру вооружиться перомъ, сперва противъ этихъ злоупотребленій, а потомъ противъ абсолютной власти папъ. Смотри примѣч. подъ букв. d.

[2] Посл. ап. Павла Кор. I гл. XIV, ст. 5—11. Объ этомъ предметѣ говорятъ св. Іоаннъ Златоустъ (Jan Chryzostom), и многіе другіе учители вселенской церкви. Древнѣйшихъ временъ совершалась и на западѣ служба Божія на языкахъ народныхъ.

писаніе и дѣлать съ него переводы на родной языкъ, а переведенные уже экземпляры св. писанія духовная власть подвергала конфискаціи и огню. О введенномъ обычаѣ въ латинской церкви употреблять во время богослуженія музыки богословы восточной церкви отзывались, что въ первыхъ вѣкахъ христіанства никакой инструментальной музыки употреблять въ церквахъ не дозволялось, а только пѣснопѣніемъ Господа вѣрные славили; въ чемъ они соображались съ мнѣніемъ великихъ учителей церкви. Св. Іоаннъ Златоустъ (Jan Chryzostom) и Августинъ учили, что употребленіе въ церквахъ во время богослуженія музыки, есть дѣломъ для церкви неприличнымъ, есть подражаніе обычаямъ іудеевъ, существовавшимъ въ ветхомъ завѣтѣ. Намъ случилось читать въ одномъ сочиненіи, что во время богослуженія папами лично, тогда въ латинскихъ церквахъ инструментальной музыки вовсе не употребляютъ [1]).

Послѣ всего нами сказаннаго, помянувъ маловажныя разности, встрѣчаемыя въ обрядахъ богослуженія и въ церемоніалахъ восточной и западной церкви, принятые мѣстными обычаями въ частныхъ церквахъ, не составляя впрочемъ важности догматической [2]); выслушаемъ еще съ надлежащимъ

[1]) Употребленіе на западѣ въ храмахъ органовъ появилось въ XIII вѣкѣ, а другіе музыкальные инструменты вошли въ обычай еще позднѣе. Мы полагаемъ, что причиною введенія въ латинскихъ церквахъ музыки, было съ одной стороны желаніе духовенства привлечь въ латинскіе храмы побольше народа; а съ другой, чтобы звуками музыки развлечь скуку и пустоту въ душѣ христіанъ, слушавшихъ богослуженіе на непонятномъ латинскомъ языкѣ.

[2]) Примѣчаніе. Маловажныя разницы въ обрядахъ и церемоніалахъ церковнаго богослуженія встрѣчаются даже въ церквахъ самой латинской іерархіи; вотъ одинъ примѣръ: въ православныхъ церквахъ и нынѣ еще существуетъ древній обычай дѣлить народу послѣ литургіи проскурный хлѣбъ, что въ здѣшнихъ латинскихъ костёлахъ не употребляется. Намъ однакожъ случилось читать, что этотъ обычай дѣлить народу хлѣбъ послѣ окончанія миссы, существуетъ доселѣ въ костёлахъ католической Франціи.

вниманіемъ сужденіе восточныхъ теологовъ въ отношеніи введеннаго въ латинской церкви позднѣйшихъ временъ обычая, употребленія въ таинствѣ евхаристіи, вмѣсто квашенаго прѣсной хлѣбъ, и причащать мірянъ въ одномъ только видѣ.

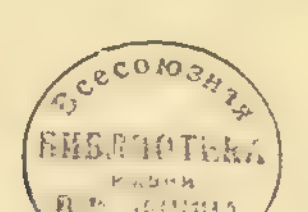
Восточные богословы доказывали, во-первыхъ,—что Христосъ на тайной вечери съ апостолами учредилъ таинство евхаристіи не на прѣсномъ, но на квашеномъ хлѣбѣ; ибо видно изъ евангелія, что тайная вечеря Господня опередила еврейскій праздникъ опрѣсноковъ, поэтому у евреевъ тогда еще былъ употребляемъ квашеный хлѣбъ; во-вторыхъ,—что во времена апостольскія и первыхъ вѣковъ христіанства, таинство евхаристіи совершалось всегда на квашеномъ хлѣбѣ, который обыкновенно въ тѣ времена былъ приносимъ народомъ, и разумѣется такой хлѣбъ, какой обыкновенно употреблялся въ пищу, то-есть, квасный, а не опрѣснокъ, потому что этотъ же хлѣбъ употреблялся послѣ евхаристіи для общей вечери, или вечери любви и для вспоможенія бѣднымъ. (Дѣян. гл. II, ст. 42, 46; 1 Посл. Кор. гл. XI, ст. 21, 22). Кромѣ того въ евангеліи, писанномъ первоначально апостолами на греческомъ языкѣ, стоитъ написано «артосъ», это значитъ хлѣбъ поднявшійся или вскисшій. Хлѣбъ же прѣсный называется вездѣ въ свящ. писаніи «азимонъ» опрѣснокъ; въ третьихъ,—что этотъ порядокъ существовалъ и въ латинской церкви до XI столѣтія; съ того-же времени былъ введенъ новый обычай употреблять въ евхаристіи прѣсной хлѣбъ и облатки, по той причинѣ, какъ объясняютъ писатели латинской церкви, что весьма часто испытана была неопрятность со стороны приготовлявшихъ квашеный хлѣбъ на сей предметъ; въ четвертыхъ, что касается существенной формы сего таинства, то извѣстно каждому читавшему евангеліе христіанину, что на тайной вечери Христосъ, подавъ каждому изъ апостоловъ хлѣбъ,

сказалъ: «берите и ядите, яко сіе есть тѣло мое». Потомъ, подавъ каждому изъ нихъ чашу съ виномъ, сказалъ: «Пейте съ нея всѣ, яко сіе есть кровь моя, кровь новаго завѣта» [1]. По словамъ же евангелія апостола Іоанна, Христосъ собравшемуся народу слушать его ученіе сказалъ: «Истинно говорю вамъ, если не будете ѣсть плоти сына человѣческаго, и пить крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни. Ядущій мою плоть и піющій мою кровь, имѣетъ жизнь вѣчную—и Я воскрешу его въ послѣдній день» [2]. Въ такомъ-же смыслѣ апостолъ Павелъ въ посланіи къ римлянамъ сказалъ: «всѣ христіане должны принимать въ евхаристіи хлѣбъ и вино». Такъ учили св. отцы вселенской церкви и прежніе папы римскіе, именно: папа Гелазій, жившій въ V вѣкѣ, и папа Леонъ великій. Обычай причащать мірянъ въ одномъ видѣ получилъ свое начало въ латинской церкви, со временъ крестовыхъ походовъ, по причинѣ встрѣчавшейся трудности причащать въ двухъ видахъ сотни тысячъ крестоносцевъ, подвергавшихся почти ежедневно опасностямъ войны; также, по причинѣ появившейся тогда на востокѣ чумной заразы. Окончательно-же этотъ обычай введенъ въ латинскихъ церквахъ въ XIII вѣкѣ. Этимъ нововведеннымъ обычаемъ папы хотѣли также показать народу преимущество духовнаго сана предъ свѣтскимъ, вопреки установленію самого Спасителя, апостоловъ и св. отцовъ вселенской церкви.

Богословы западной церкви, въ оправданіе столь очевиднаго отступленія отъ установленнаго и вѣками освященнаго порядка въ толь важномъ догматѣ вѣры, какимъ есть таинство евхаристіи, защищаютъ себя схоластическою, ими составленною фразою; то-есть «gdzie iest ciało, tam iest i krew»

[1] Еванг. Мар. гл. XIV, ст. 22, 23, 24; Матѳ. гл. XXVI, ст. 26, 27, 28.
[2] Еванг. Іоан. гл. VI, ст. 53, 54.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА

(гдѣ есть тѣло, тамъ существуетъ и кровь). Но вникая безпристрастно въ важность сего догмата христіанской вѣры, и сообразивъ все нами сказанное на основаніи фактовъ, мы полагаемъ, что каждый здравомыслящій, не увлекаясь предубѣжденіемъ и фанатизмомъ, можетъ достаточно сознать и судить, на которой сторонѣ имѣется перевѣсъ истины, и что эта хитро составленная фраза не можетъ служить оправданіемъ, въ такъ очевидномъ отступленіи отъ установленнаго порядка; тѣмъ болѣе, если мы видимъ, что латинское духовенство, вопреки своему собственному правилу, принимаетъ причастіе въ двухъ видахъ и тѣмъ самимъ поставляетъ вышесказанную аксіому въ противоположность съ своимъ дѣйствіемъ.....

Разсуждая о выше поясненныхъ предметахъ, не лишнимъ считаю присовокупить и слѣдующее. Послѣ введенной реформы причастія для мірянъ латинскаго исповѣданія, послѣ установленнаго папами въ XI столѣтіи безбрачія (celebatum) для бѣлаго духовенства и послѣ запрета имѣть богослуженіе и книги св. писанія на родномъ не латинскомъ языкѣ, произошли въ разныя времена негодованія и сопротивленія со стороны разныхъ христіанскихъ народовъ, особенно племенъ славянскихъ, въ Богеміи, Польшѣ и другихъ мѣстностяхъ. Многіе домогались измѣненія сихъ деспотическихъ постановленій; какъ доказываютъ между прочимъ слѣдующіе факты и событія: а) Соборъ, бывшій въ Базели 1434 г. по ходатайству пословъ назначенныхъ правительствомъ присутствовать на этомъ соборѣ, разрѣшилъ богемцамъ и моравцамъ причастіе въ двухъ видахъ. б) Въ Польшѣ, богослуженіе первоначально производилось на славяно-чешскомъ языкѣ, это доказываютъ многіе историческіе факты, коихъ здѣсь подробно пояснять по краткости сего очерка невозможно, также древнія книги св. писанія, псалтыри и церковнаго богослуженія, изданныя на

томъ-же языкѣ въ Польшѣ, въ другой половинѣ XIV вѣка; равно, церковныя славянскія книги, печатанныя въ Краковѣ, во второй половинѣ XV столѣтія. в) Какъ міряне въ Польшѣ причащались прежде въ двухъ видахъ и довольно долгое время, то послѣ введенія въ польскихъ костелахъ новой формы причастія, поляки не могли долго къ ней привыкнуть. Слѣдствіемъ чего, на сеймахъ Петрковскихъ, бывшихъ въ 1550 и 1556 годахъ, народные представители отъ имени цѣлаго народа офиціально домогались: введенія въ костелахъ богослуженія на языкѣ народномъ; причастія въ двухъ видахъ; дозволенія бѣлому духовенству законнаго супружества; уничтоженія аннатъ и другихъ церковныхъ податей, платимыхъ въ пользу римской столицы. Это все было поручено ходатайству пословъ, высланныхъ на тридентскій соборъ за короля Сигизмунда-Августа, вмѣстѣ съ письмомъ тогожъ короля къ папѣ Павлу IV [1]). г) Что относится до постановленія папы Григогія VII, на счетъ безженства (celebatum) бѣлаго духовенства [2]), то таковое постановленіе долго было оспариваемо со стороны польскаго духовенства, пока вошло дѣйствительно въ законную силу. Даже въ XVI вѣкѣ былъ примѣръ подобнаго рода сопротивленія, когда краковскій каноникъ Станиславъ Оржеховскій вступилъ въ супружество. Производившееся противъ него, по сему предмету, въ духовномъ судѣ, дѣло, кончилось тѣмъ, что папа дозволилъ ему оставаться въ супружествѣ не въ примѣръ другимъ [3]). д) На тридентскомъ соборѣ послы нѣмецкаго императора, въ числѣ прочихъ, тоже объявили отъ имени

---

[1]) Bandkc T II, p. 84, 158.—Petri polani Hist. lonc. Trident. I—V, p. 409—465.

[2]) Это постановленіе имѣло цѣль политическую, т. е. совершенно отдѣлить духовенство отъ всѣхъ связей съ ихъ обществомъ и отечествомъ и привязать его единственно къ интересамъ и политикѣ римской столицы.

[3]) «Tibi soli.» сказано въ рѣшеніи папы. Bandkc. T. II, p. 154.

своего правительства желаніе разрѣшить для мірянъ причастіе въ двухъ видахъ и супружество для бѣлаго духовенства. Но въ это время политика папъ еще сильно тяготѣла надъ совѣстью европейскихъ народовъ и надъ ихъ государями, а потому самыя полезнѣйшія для человѣчества реформы, если онѣ не соглашались съ идеями и интересами папъ, не допускались къ осуществленію [1]. Впрочемъ, ограничившись въ нашихъ мысляхъ и сужденіяхъ, выше сказанныхъ, предоставляемъ совѣстному анализу и сужденію объ этомъ всѣхъ здравомыслящихъ и безпристрастныхъ читателей. Правда и ея защита отъ извращеній, по нашему убѣжденію, принадлежитъ ко всѣмъ вообще людямъ, какъ воздухъ и вода, и хотя фанатики и егоисты стараются затмить ея лучи, однакожъ она, рано или поздно, все таки одолѣваетъ ложь, и возносится изъ мрака затмѣній въ полномъ своемъ блескѣ, какъ олива смѣшанная съ водой, всегда всплываетъ на верхъ.

---

[1]) Не лишнимъ считаемъ вспомнить здѣсь и о томъ: кромѣ отнятія у мірянъ въ причастіи святой крови Господней, кромѣ опредѣленнаго произволомъ папъ безбрачія бѣлому духовенству, вопреки уставамъ вселенскихъ соборовъ и вѣковымъ обычаямъ; папы лишили священниковъ римской церкви права совершать при крещеніи таинство мѵропомазанія, вопреки обычаю всегда существовавшему въ церкви христіанской. Совершеніе таинства мѵропомазанія (Bierzmowanie) надъ крещенными предоставлено въ римской церкви однимъ только епископамъ, и какъ часто случается, что иной католикъ проживъ половину и больше своей жизни, не встрѣчаясь съ епископомъ, остается безъ мѵропомазанія (niebierzmowanym), то по этому русскіе украинцы, особенно знавшіе этотъ порядокъ римской церкви, часто дразнили поляковъ (особенно при ссорѣ) сатирическимъ выраженіемъ: «недохрищенный ляхъ».

ГЛАВА II.

§ 4.

Состояніе западной Руси, Литвы и Польши въ XII вѣкѣ и послѣ разоренія монгольскими ордами восточной Россіи въ XIII столѣтіи.—Расширеніе могущества князей литовскихъ.—Соединеніе Литвы и западной Руси въ одну державу, подъ названіемъ великаго княжества литовско-русскаго.

Исторія Литвы, игравшей впослѣдствіи времени важную роль въ судьбѣ народа западной Руси, указываетъ намъ, что племя латышско-жмудское, отдѣльное отъ прочихъ европейскихъ народовъ, до XII столѣтія почти неизвѣстное цивилизованнымъ европейскимъ націямъ, существовало и жило мирно въ своихъ непроходимыхъ дремучихъ лѣсахъ и борахъ, подъ патріархальнымъ управленіемъ родоначальниковъ князей, руководимыхъ жрецами вайделотами, покланяясь по догматамъ своей религіи первому изъ боговъ Перкуну, также второстепеннымъ богамъ своимъ разныхъ наименованій, предъ которыми пылалъ неугасаемый, завѣтный огонь зничъ, изъ сожигаемаго дерева, богамъ посвященныхъ лѣсовъ. Этотъ мало извѣстный Европѣ народъ выступилъ на поприще воинственной и политической дѣятельности въ началѣ XIII столѣтія, будучи къ тому побужденъ неспокойными воинственными сосѣдями своими, то-есть, монахо-рыцарскимъ орденомъ меченосцевъ, основаннымъ въ 1201 году епископомъ рижскимъ Альбертомъ фонъ-Буксгевденомъ, для утвержденія своего господства въ Лифляндіи и для распространенія въ этой странѣ христіанства. Этихъ рыцарей—меченосцевъ поляки, притѣсненные дикими язычниками прусаками, призвали на помощь въ 1215 г.; но когда ихъ сила оказалась недостаточною противъ дикаго

мужества прусаковъ, то князь Мазовецкій Конрадъ призвалъ еще орденъ рыцарей тевтонскихъ изъ Венеціи, гдѣ они поселились послѣ паденія христіанскаго господства въ Палестинѣ. Эти оба рыцарскіе ордена со временемъ вмѣстѣ соединились, и своею воинственною предпріимчивостію сдѣлались страшилищемъ для своихъ сосѣдей, не исключая и поляковъ. Папа Григорій IX и его преемники поручили имъ, вмѣстѣ съ благословеніемъ, распространять христіанскую вѣру въ Пруссіи и въ прилежащихъ ей странахъ. Они, держа въ одной рукѣ крестъ, а въ другой мечъ, сообразжались съ правиломъ папской политики, т. е. гдѣ не дѣйствуетъ слово Павла, тамъ употребить мечъ Петра. Эти меченосцы начали принуждать своихъ сосѣдей прусаковъ и литвиновъ къ принятію христіанства. Подъ видомъ религіознаго миссіонерства, они вооружались не словомъ евангелія, не силою убѣжденія совѣсти, а желѣзомъ и страхомъ; они цѣлыми полками нападали на своихъ сосѣдъ, и съ наглостію хищниковъ забирали у нихъ имущество и домашній скотъ; иногда жгли ихъ осѣдлости, а самыхъ жителей забирали въ неволю. На тѣхъ, которые приняли христіанство, налагали десятину и другія тяжкія повинности въ пользу своего ордена [1]). Стѣсненные меченосцами литвины подъ руководствомъ своихъ князей и вайделотовъ защищали свои осѣдлости, вѣру и свободу отъ ихъ наглыхъ нападеній. Со временемъ эти мирные жители лѣсовъ привыкли къ военному ремеслу и начали съ своей стороны толпами нападать на земли и селенія меченосцевъ, отплачивая имъ ихъ же монетою: грабить и жечь. Такимъ образомъ изъ народа смир-

---

[1]) Въ исторіи Литвы находимъ народное преданіе, что прусаки и литвины тѣхъ временъ, прощаясь съ умершими своими собратьями, говорили имъ на ухо: «Иди братъ на тотъ свѣтъ, на вѣчный покой, гдѣ уже хищные нѣмцы не будутъ тебя терзать, ради своего нѣмецкаго бога»; ибо они вѣру христіанскую называли нѣмецкимъ богомъ.

наго, спокойнаго, сдѣлался народъ воинственный, враждебный христіанству, угрожавшій своимъ мужествомъ и удальствомъ живншимъ въ сосѣдствѣ полякамъ и русскимъ.

Извѣстно изъ исторіи о несчастномъ для русскихъ сраженій на Калкѣ, происшедшемъ между ними, и монгольскими ордами, нахлынувшими въ XIII столѣтіи какъ ужасная гроза, подъ предводительствомъ Батыя, послѣ котораго сраженія дикіе монголы разорили до крайности всю восточную Русь, какъ бурный ураганъ. Тогда города, селенія и ихъ жители были истреблены огнемъ и мечемъ этихъ варваровъ; многія тысячи русскихъ были забраны ими въ рабство, словомъ, вездѣ остались ужасные слѣды разоренія и гибели. Такаяжъ участь постигла области Польши и другія христіанскія страны, отъ продолжавшихся нападеній сихъ варваровъ, разорившихъ до крайности города и селенія, побивъ однихъ и забравъ въ плѣнъ другихъ туземныхъ жителей. Въ тѣ смутныя для восточной Европы времена, Литва и нѣкоторыя сѣверныя русскія области, будучи заслонены своими дремучими, непроходимыми лѣсами и озерами, избѣгли этой печальной участи разореній и рабства монголовъ.

Мы видимъ на опытѣ и въ событіяхъ разныхъ народовъ, что очень часто паденіе однихъ благопріятствуетъ возвышенію другихъ, такъ и здѣсь случилось. Народъ литовскій и ихъ князья, пользуясь ослабленіемъ Россіи и Польши, начали дѣятельно распространять свои границы и политическое вліяніе на смежные русскіе удѣльные княжества. Русскіе, избѣгая рабства монголовъ, одни переходили на жительство въ предѣлы Литвы, другіе для защиты отъ ихъ нападеній и грабежей добровольно входили въ союзы съ народомъ литовскимъ и ихъ князьями. Литовскіе князья, сблизившись съ сосѣдственною Русью, заключали брачные союзы съ русскими княжнами. Нѣкоторые изъ князей литовскихъ принимали вѣру православную, а ихъ

примѣру подражали многіе княжескіе бояре, ихъ домашніе и народъ Литвы [1]). Съ теченіемъ времени, народъ русскій началъ смотрѣть на князей литовскихъ, какъ на своихъ природныхъ господъ. Постепенно, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, дошло до того, что князья литовскіе совершенно взяли верхъ надъ удѣльными русскими князьями. Тогда разными благовидными и неблаговидными средствами, они начали пользоваться ихъ слабостію и присоединять области русскаго народа, одну за другою, къ своей литовской державѣ. Князья Тройденъ и Витонъ успѣли присоединить Волынь по рѣку Горынь, потомъ княжества: полоцкое, витебское и минское. Князь Гедиминъ присоединилъ княжества: черниговское, кіевское, украину и подолье, принявъ титулъ великаго князя литовскаго и русскаго. Дѣйствительная же Литва, или Жмудь заключалась въ тѣсномъ пространствѣ между Нѣманомъ и западною Двиною: ея народонаселеніе въ сравненіи съ Русью, подвластною литовскимъ князьямъ, относительно числительности было ничтожно.

Таковымъ заборамъ Литвою областей русскихъ князья восточной Руси, будучи придавлены игомъ монголовъ, никакъ не могли препятствовать, а потому, Литва съ присоединенными русскими областями сдѣлалась обширною и сильною державою на сѣверѣ Европы. Этому политическому слiянiю народа литовскаго съ русскимъ способствовало болѣе всего то, что великіе князья литовскіе не нарушали ни вѣры, ни обычаевъ русскаго народа [2]); напротивъ, какъ народъ литовскій былъ еще въ идолопоклонствѣ и въ грубомъ невѣжествѣ, не зналъ ни европейскаго образованія, ни письменности, то дворъ великаго князя, подвластные ему князья и бояре, охотно при-

[1]) О распространеніи въ Литвѣ вѣры православной до введенія К. Ягеллою римско-католической, смотри примѣч. подъ букв. е.

[2]) Объ этой литовской вѣротерпимости см. примѣч. подъ букв. f.

нимали русскіе обычаи, вѣру, языкъ и литературу. Это ясно доказываютъ многіе историческіе памятники Литвы, писанные на русскомъ языкѣ, а преимущественно книга литовскихъ законовъ (Статутъ литовскій) на томъ языкѣ изданная.

Наслѣдникъ велик. князя Гедимина, его сынъ Ольгердъ, принявшій впослѣдствіи православную вѣру, съ нареченіемъ имени Александръ, былъ женатъ прежде на витебской княжнѣ Маріи, а послѣ ея смерти, онъ женился на княжнѣ тверской Юліаніи; отъ нихъ онъ имѣлъ одиннадцать сыновъ, крещенныхъ по обряду православной церкви [1]). Въ числѣ сыновей Ольгерда былъ также Яковъ-Ягайло (у поляковъ названный Ягеллою), который, женившись на польской королевнѣ Ядвигѣ, наслѣдницѣ польской короны, принялъ имя Владислава и латинскую вѣру, въ которую онъ, соотвѣтственно договору, бывшему съ представителями польской націи, также окрестилъ и коренной народъ литовскій (жмудь) [2]), состоявшій еще въ идолопоклонствѣ своихъ предковъ. Этотъ князь и король польскій Ягелло, ставъ латинскимъ католикомъ, въ угожденіе епископамъ и панамъ польскимъ началъ стѣснять разными способами восточно-православную вѣру. Однакожъ, не смотря на то, его братья, князья: Владиміръ кіевскій, Скиргайло-Димитрій и Ѳедоръ волынскій, сынъ Любарта, равно, многіе знаменитые вельможи литовскіе и русскіе остались въ православной вѣрѣ, покровительствуя своимъ единовѣрцамъ, находившимся въ великомъ княжествѣ литовско-русскомъ.

---

[1]) О велик. князѣ Ольгердѣ и его семействѣ, по сказанію историковъ: русскаго—Карамзина и польскаго—Стрыйковскаго, смотри примѣч. подъ букв. g.

[2]) Крещеніе народа литовско-жмудскаго происходило въ массахъ, то-есть, собиравшійся народъ изъ окрестностей въ назначенное мѣсто крещенія былъ раздѣленъ на группы, каждая группа крестившихся людей получала имя котораго святаго для всѣхъ вообще, каждому новокрещенному литвину дано было по бѣлому армяку, которые нарочно были приготовлены.

§ 5.

Прекращеніе царствовавшей въ Польшѣ династіи пястовъ мужескаго пола.—Женитьба князя Ягеллы съ польскою королевною Ядвигою.—Соединеніе великаго княжества литовскаго съ Польшею союзомъ федеративнымъ.—Унія политическая Люблинская.—Унія церковная Брестская.

Нѣтъ ничего вѣчнаго въ мірѣ; все имѣющее начало, имѣетъ и конецъ. Въ Польшѣ долго царствовала династія пястовъ, давшихъ ей политическое и государственное устройство. Изъ этой династіи замѣчательными королями были: Владиславъ Локстокъ, какъ собиратель разрозненныхъ польскихъ областей и какъ освободитель страны отъ наглыхъ набѣговъ неспокойныхъ меченосцевъ; также сынъ его Казимиръ, устроившій Польшу въ политическомъ, нравственномъ и административномъ отношеніяхъ. Онъ, обуздывая гордую шляхту, защищалъ отъ притѣсненій низшій классъ народа—хлоповъ; поэтому недовольная шляхта прозвала его въ насмѣшку королемъ холоповъ (król chłopków). Но справедливое потомство, оцѣнивъ лучше современниковъ достойность его характера, назвало его великимъ Казимиромъ, ибо онъ былъ королемъ и отцемъ своего народа. Съ его смертію, послѣдовавшею въ другой половинѣ XIV вѣка, польская корона досталась по наслѣдству его внучкѣ Ядвигѣ.

Въ то самое время владѣлъ великимъ княжествомъ литовско-русскимъ сынъ умершаго Ольгерда, помянутый Яковъ—Ягайло или Ягелло. Епископы и паны польскіе, послѣ общаго совѣщанія на сеймѣ, предложили этому Ягеллѣ руку своей королевны Ядвиги вмѣстѣ съ польскимъ престоломъ и съ тѣмъ договоромъ, чтобы онъ принялъ латинскую вѣру, окрестилъ въ туюжъ вѣру народъ жмудскій, остававшійся еще въ язычествѣ, и соединилъ Литву съ Польшею въ одну державу. На это все

согласившись, онъ (какъ мы уже сказали) женился на королевнѣ Ядвигѣ и вступилъ на польскій престолъ.

Великое княжество литовско-русское, соединившись съ Польшей, какъ равный съ равнымъ, сохранило за собой по договору съ польскими вельможами свои права, свою религію, администрацію и весь внутренній порядокъ, независимо отъ Польши. За всѣмъ тѣмъ, Литва не могла долго устоять противъ напора постоянно прибывавшихъ туда поляковъ; ни противъ влiянія религіозной пропаганды, распространяемой латинскимъ духовенствомъ, особенно монахами разныхъ орденовъ, наводнявшими княжество литовско-русское подъ покровительствомъ королей и вельможъ польскихъ; ни противъ извращенія разными коварными способами своего національнаго быта. Дошло наконецъ до того, что поляки, отторгнувъ отъ литовскаго княжества его русскія области, Волынь, Подолье и Украину, присоединили ихъ къ Польшѣ.

Видя эти всѣ злоупотребленія своихъ союзниковъ-поляковъ, русскіе и литовскіе высшаго круга люди предчувствовали грозящую ихъ народности опасность отъ вліянія латино-польской пропаганды и побратимства съ Польшей, когда поляки заносчиво имъ въ глаза говорили: «Rusin w radzie, a Koza w sadzie, nigdy niepomoże, tylko zaszkodzi» [1]). Не разъ Литва и Русь замышляли совершенно отдѣлиться отъ Польши, принимая даже мѣры къ тому; но окруженные со всѣхъ сторонъ бдительнымъ надзоромъ польскихъ пановъ и латинскаго духовенства, равно другими неблагопріятными ихъ намѣреніямъ обстоятельствами, эти люди вращались съ своими замыслами все на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ-бы въ водоворотѣ, и мимо искренняго желанія, не успѣли совершить предпринятое ими отдѣленіе Литвы и Руси отъ Польши. Долго

---

[1]) Русинъ въ совѣтѣ, а коза въ огородѣ, не помогутъ, а только повредятъ.

колебаясь въ нерѣшимости по сему предмету, наконецъ, усильнымъ стараніемъ польскихъ пановъ и епископовъ, также самого короля Сигизмунда-Августа, они противъ собственной воли (какъ доказываютъ протесты многихъ вельможъ, также королевскіе универсалы, угрожавшіе конфискаціею имѣнія противникамъ), были увлечены вѣ люблинскую политическую унію, совершившуюся 1569 года; по которой княжество литовско-русское соединялось навсегда съ Польшею. Эта унія открыла широкія ворота для агентовъ римской пропаганды; слѣдствіемъ чего, за прибытіемъ въ Польшу ордена іезуитовъ, возникла въ въ Брестѣ другая церковная унія. Наглое распространеціе на Руси этой уніи, сперва погубило народность западной Руси, а потомъ и всю Польшу, какъ увидимъ изъ дальшаго объ этомъ разсказа.

Помянутая люблинская унія опредѣлила равныя права и преимущества для шляхетскаго сословія трехъ народностей, т. е. польской, литовской и русской всѣхъ христіанскихъ исповѣданій; соблюденіе этой равноправности могло бы тѣснѣе соединить союзъ сихъ народовъ, составлявшихъ тогдашнюю польскую республику. Но духовенство польско-латинское, повинуясь вліянію римскаго прозелитизма, особенно прибывшіе въ Польшу за короля Сигизмунда-Августа монахи іезуитскаго ордена, ревностные исполнители римской пропаганды [1]), под-

[1]) Испанскій дворянинъ Игнатій Лойола (1540 г.) молодыя лѣта свои провелъ прежде на поприщѣ придворномъ, а потомъ на военномъ; будучи на полѣ сраженія тяжко раненъ, онъ оставилъ свое военное поприще, отказался отъ мірской суеты и посвятилъ себя духовной жизни. Затѣмъ приготовившись нужными науками, онъ, вмѣстѣ съ своими сотоварищами, начерталъ уставъ новаго ордена, который папа Павелъ III утвердилъ, подъ названіемъ: Societatis Iesu (общество Іисуса), потому что этотъ орденъ былъ основанъ исключительно съ цѣлью—служить Спасителю и слѣдовать Его божественному ученію. Девизомъ новаго ордена было: Ad maiorem gloriam Dei (Для большаго прославленія Божія). Кто желалъ вступить въ этотъ орденъ, долженъ былъ дать обѣты: жить въ

няли гоненіе сперва противъ протестантовъ, до коихъ присоединились тогда многіе знаменитые польскіе роды. Покончивъ съ ними, іезуиты обратились противъ исповѣдующихъ восточно-православную вѣру, къ которой принадлежало, кромѣ милліоновъ простаго русскаго народа, довольно много княжескихъ и шляхетскихъ (дворянскихъ) родовъ. Папамъ и ихъ агентамъ непремѣнно хотѣлось присоединить къ латинской церкви этотъ многочисленный русскій народъ, чтобы тѣмъ пополнить значительную римской іерархіи потерю, понесенную по причинѣ распространившейся въ Европѣ протестантской реформаціи. Разсудивъ однакожъ, что нѣтъ возможности обратить вдругъ весь польско-русскій народъ въ латинскую вѣру, предположили планъ религіозной уніи между церковью русскою и латинскою. Исполненіемъ составленнаго плана уніи усердно занялись польскіе іезуиты, которые, распространившись въ польскихъ областяхъ, посредствомъ воспитанія успѣли захватить въ свои коллегіумы (учебныя заведенія) почти всю шляхетскую молодежь, которую, по духу прозелитизма, старались пропитывать религіознымъ фанатизмомъ и ненавистію къ иновѣрцамъ, въ особенности къ послѣдователямъ вѣры восточно-православной и протестантской.

Къ несчастію Польши и русскаго народа, по смерти послѣдняго изъ ягеллонской династіи короля Сигизмунда-Августа, избранъ былъ польскимъ королемъ изъ династіи шведской—

безбрачіи, безусловно повиноваться старшимъ, не имѣть никакого имущества и скитаться по свѣту, для обращенія невѣрныхъ и еретиковъ. По другой этого ордена принципъ: «цѣль оправдываетъ средства», введенный іезуитами на практикѣ, произвелъ много зла на земли, которое чувствительно отозвалось разными іезуитскими козними во всемъ христіанскомъ мірѣ до той степени, что этотъ орденъ сдѣлался ненавистнымъ во всѣхъ государствахъ, и наконецъ дошло до того, что папа Климентъ XIV (Ганганелли) по настоянію католическихъ государей упразднилъ этотъ орденъ въ 1773 году. Но въ 1814 г. папою Піемъ VII этотъ орденъ опять былъ возстановленъ.

Вазовъ-Сигизмундъ III, воспитанный іезуитами. Пользуясь его расположеніемъ и довѣріемъ, іезуиты дѣятельно принялись осуществлять составленный ими планъ религіозной уніи. Это дѣло началось стѣсненіемъ православныхъ въ ихъ личныхъ правахъ и преимуществахъ и наконецъ дошло до того, что православное русское дворянство было удалено отъ всѣхъ высшихъ правительственныхъ мѣстъ. По этой причинѣ многія знаменитыя родомъ и богатствомъ княжескія и шляхетскія фамиліи, особенно тѣ, которыя получили воспитаніе въ коллегіумахъ іезуитскихъ, избѣгая религіознаго преслѣдованія, скоро приняли обрядъ латинскій. Тогда іезуиты, пользуясь сильнымъ покровительствомъ короля и польскихъ пановъ, особенно совратившихся изъ православія въ латинство, и примѣняясь къ своему правилу: «цѣль освящаетъ средства», взялись горячо за дѣло уніи, употребляя къ тому всѣ хитрые способы, какіе только изобрѣтательный іезуитскій умъ могъ смыслить [1]): королю Сигизмунду сулили царство небесное за обращеніе русскихъ схизматиковъ въ лоно латинской церкви, а польскимъ магнатамъ представляли, что посредствомъ церковной уніи сильнѣе укрѣпится народный союзъ между поляками и русинами, слѣдовательно и могущество польской республики, препятствуя сношеніямъ польскихъ русиновъ съ единовѣрцами московскими. Однакожъ мимо всей хитрости іезуитовъ, предложенное ими средство соединенія на практикѣ оказалось вреднымъ для обѣихъ сторонъ. Они въ своей дерзости не предвидѣли того, что насильнымъ введеніемъ церковной уніи дѣйствовали вмѣсто пользы ко вреду польской республики.

Для осуществленія задуманнаго плана уніи нужны были оо. іезуитамъ помощники изъ среды православныхъ, особенно

---

[1]) Образчикъ іезуитской хитрости, употребленной ими при совращеніи православныхъ въ латинство, смотри въ примѣч. подъ букв. h.

изъ лицъ высшаго духовенства. Такихъ поборниковъ своего дѣла они пріобрѣли въ двухъ православныхъ русскихъ епископахъ, именно, Терлецкомъ и Потѣѣ. Будучи обольщены надеждами на мірскія выгоды и почести, они дѣйствовали по руководству іезуитовъ тайно, мимо вѣдома прочихъ русскихъ епископовъ, духовенства и народа православнаго. Наконецъ, послѣ всѣхъ происковъ и интригъ, прибывъ вмѣстѣ съ прочими русскими епископами въ Брестъ на помѣстный соборъ, они успѣли при содѣйствіи іезуитовъ и прочихъ лицъ составить въ 1593 году актъ церковной уніи, который подписали нѣсколько епископовъ, кромѣ львовскаго Гедеона и Перемышльскаго Михаила, не согласившихся на эту унію [1]). Съ этимъ актомъ уніи, совершившимся безъ вѣдома духовенства и народа русскаго, епископы Терлецкій и Потѣй отправились въ Римъ, исходатайствовать у папы Климентія VIII утвержденіе этой церковной уніи, что и послѣдовало со стороны папы. Между тѣмъ русское духовенство и знаменитыя личности изъ русскихъ князей и дворянъ разныхъ провинцій восточно-православнаго исповѣданія, узнавъ о происшедшемъ въ Брестѣ, и о выѣздѣ Терлецкаго въ Римъ, собрались подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго въ польской исторіи, знаменитаго князя Константина Острожскаго, въ Гродно; тамъ на помѣстномъ

---

[1]) Этотъ соборъ памятенъ трагическою смертію, постигшею въ то время гетмана украинскаго козачества, Косинскаго. Ему до открытія брестскаго собора сдѣланъ былъ запросъ на счетъ согласія украинскаго духовенства, по предмету церковной уніи, на который Косинскій отвѣтилъ: что духовенство козацство и вся Украина не соглашаются на введеніе уніи. Затѣмъ пригласили Косинскаго въ Брестъ подъ предлогомъ совѣщаній по дѣламъ Украины. Прибывшаго туда по приглашенію Косинскаго измѣннически схватили и убили, похоронивъ въ подвалахъ тамошняго іезуитскаго монастыря; нѣкоторые же историки утверждаютъ, что Косинскаго замуровано въ монастырскомъ столбѣ: но какъ бы то ни было, достовѣрно извѣстно то, что Косинскій послѣ своей поѣздки въ Брестъ, уже болѣе не возвратился въ Украину.

соборѣ торжественно протестовали противъ тайныхъ дѣйствій, помянутыхъ епископовъ Терлецкаго и Потѣя, равно ихъ соучастниковъ въ дѣлѣ церковной уніи, признавъ всѣхъ отступниками православной вѣры.

§ 6.

Распространеніе въ провинціяхъ польско-русскихъ церковной уніи насильственными мѣрами.—Бѣдственныя послѣдствія для русской народности; ихъ пагубное вліяніе на политическій бытъ всей Польши.

Епископы Терлецкій и Потѣй, послѣ утвержденія папою Климентіемъ VIII представленнаго ими акта уніи, возвратившись въ Польшу, имѣя на своей сторонѣ покровительство короля Сигизмунда III, іезуитовъ, латинскихъ епископовъ и многихъ пановъ, они, не обращая вниманія на объявленные противъ этой уніи и ея покровителей протесты со стороны православнаго духовенства и представителей русской націи, на Гродненскомъ помѣстномъ соборѣ, торжественно огласили въ своихъ епархіяхъ церковную унію, вводя таковую въ церквахъ своей епархіи волею и неволею, преслѣдуя разными притѣсненіями тѣхъ, кои не соглашались приступить къ уніи. Между тѣмъ число аристократическихъ русскихъ родовъ восточно-православнаго исповѣданія значительно уменьшилось на Руси и въ Литвѣ: однихъ смерть переселила въ вѣчность, другіе для мірскихъ выгодъ, отступивъ отъ православія, приняли обрядъ латинскій, иные, избѣгая религіознаго преслѣдованія и стѣсненія свободы совѣсти, оставили свою родину и перешли на жительство въ Россію и въ другія страны [1]). Остальное русское дворянство и духовенство, равно прочія

[1]) О родахъ княжескихъ и шляхетскихъ русской и литовской націй, исповѣдывавшихъ искони восточно-православную вѣру, коихъ потомки впослѣдствіи перешли въ латинство, смотри примѣч. подъ букв. j.

сословія русскаго народа, не согласившіяся принять унію [1]), были лишены покровительства своихъ представителей въ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ, гдѣ засѣли одни послѣдователи латинскаго исповѣданія. Тогда іезуиты и ихъ агенты, особенно изъ уніатскаго духовенства, примѣняясь къ своему правилу: «divide et impera», не имѣя уже со стороны православной руси сильныхъ препятствій для своей пропаганды, принялись, подъ покровительствомъ короля, епископовъ и пановъ польскихъ, вводить вездѣ на Руси унію самыми наглыми и жестокими мѣрами, противными духу евангельскаго ученія, человѣколюбію и справедливости. Преслѣдованіе православныхъ дошло до того, что ихъ называли въ общежитіи, въ публичныхъ письмахъ, схизматиками, отщепенцами, къ уничиженію ихъ личнаго достоинства; дворянство православное было удалено отъ всѣхъ правительственныхъ должностей; мѣщане были исключены изъ ремесленныхъ цеховъ; а крестьяне, ѣхавшіе въ города и мѣстечка на базаръ, если не имѣли повѣшеннаго на шеи ярлыка съ выраженіемъ «уніатъ», были обязаны платить арендатору еврею положенную за въѣздъ пошлину. Православному духовенству запрещено было мѣстною властью отбывать церковныя требы, поэтому больные православные умирали безъ напутствованія святыми таинствами. Въ однихъ мѣстахъ православныя церкви были запечатаны, въ другихъ были отданы польскими помѣщиками, или ихъ администраторами въ аренду евреямъ, кои давали прихожанамъ ключъ отъ церкви за уплатою положенной пошлины. Грустно вспомнить о тѣхъ безчеловѣчныхъ преслѣдованіяхъ, коимъ тогда подвергались люди

[1]) Уніатская церковь приняла четыре догмата латинской церкви, именно: 1) прибавленіе въ символѣ вѣры, о происхожденіи св. Духа, словъ—и отъ Сына. 2) Совершеніе таинства евхаристіи на квасномъ и на прѣсномъ хлѣбѣ. 3) Ученіе римской церкви о чистилищѣ и 4) признаніе главенства папъ надъ христіанскою церковью.

православные, особенно въ епископствѣ полоцкомъ, по распоряженію тамошняго архіепископа Іосафата Кунцевича, убитаго въ Витебскѣ мѣщанами, выведенными изъ терпѣнія, и причисленнаго римскою церковію къ лику святыхъ угодниковъ [1]). Послѣдствіями сего религіознаго преслѣдованія было то, что одна часть русскаго народа, более загнаннаго польскими помѣщиками и ихъ администраторами, присоединилась (по приказанію) къ уніатской церкви, а другая часть болѣе энергичная, или болѣе пользующаяся личною свободой, каковы были: мѣщане королевскихъ городовъ, козачество и отчасти людъ украинскій, осталась при исповѣданіи своихъ предковъ.

Религіозное преслѣдованіе, введенное римскою пропагандою и іезуитами, противъ диссидентовъ, (такъ называли въ Польшѣ иновѣрцевъ), то-есть, православныхъ и протестантовъ [2]), не прекращалось въ Польшѣ почти до послѣднихъ временъ ея политическаго существованія. О томъ переполнена самыми достовѣрнѣйшими фактами исторія Польши, Литвы и Украины, также, публичные акты судебныхъ и административныхъ мѣстъ сѣверо и юго-западнаго края, хранящіеся подлинниками въ центральныхъ архивахъ кіевскомъ и виленскомъ. Этимъ фактамъ нельзя противорѣчить безъ оскорбленія истины и достоинства исторіи. Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ нашемъ укажемъ на нѣкоторые изъ этихъ историческихъ фактовъ въ подтвержденіе правдивости нами здѣсь сказаннаго.

1. Актъ конфедераціи, или дворянскаго собранія помѣщиковъ разныхъ областей Польши, Руси и Литвы, состоявшій-

[1]) О нахальныхъ и безчеловѣчныхъ распоряженіяхъ сего уніатскаго архіепископа въ полоцкой епархіи, равно о постигшей его участи въ Витебскѣ, и о прочемъ относящемся къ нему, смотри примѣчаніе подъ букв. к.

[2]) Въ царствованіе въ Польшѣ короля Сигизмунда-Августа, допускавшаго свободу совѣсти, значительно развился въ Польшѣ протестантизмъ, особенно между аристократіею; главнымъ его покровителемъ былъ князь Николай Радзивилъ, чернымъ прозванный.

ся 1599 года въ г. Вильнѣ [1]). Симъ актомъ дворянское собраніе, пояснивъ религіозное преслѣдованіе, притѣсненія и жестокія обиды, терпимыя православными и протестантами со стороны латинскаго и уніатскаго духовенства, также нѣкоторыхъ свѣтскихъ католиковъ, опредѣлило оборонительныя мѣры къ защитѣ отъ преслѣдованія и обидъ, какъ церквей, такъ равно и личностей, принадлежащихъ православному и протестантскому исповѣданію. 2. Рѣчь дворянина Лаврентія Древинскаго, чесника и посла воеводства волынскаго, произнесенная на генеральномъ (народномъ) варшавскомъ сеймѣ 1620 года; въ которой, именемъ дворянъ воеводства волынскаго, православнаго исповѣданія, жалуясь на испытанныя преслѣдованія и всякаго рода притѣсненія со стороны латинскаго и уніатскаго духовенства, равно нѣкоторыхъ свѣтскихъ католиковъ, просилъ сейма объ оказаніи законной защиты угнетеннымъ сынамъ отечества, и 3. Оффиціальное посланіе литовскаго канцлера, Льва Сапѣги [2]), послѣдовавшее къ вышепомянутому архіепископу полоцкому Кунцевичу 1622 года, въ которомъ этотъ канцлеръ пояснилъ всѣ вредныя послѣдствія, возникающія изъ религіознаго преслѣдованія православныхъ уніатскимъ духовенствомъ его епархіи. Между многими напоминаніями, откровенно ему высказанными, въ заключеніе своего посланія канцлеръ замѣчаетъ слѣдующее: «восхваленная вами унія, вмѣсто принесенія для нашего отечества ожидаемой пользы,

[1]) Актъ сей подписанъ 168 литовскими и русскими дворянами и въ томъ числѣ 17 православными сенаторами (собр. древн. грам. и акт. Вильно. 1843 г. ч. 1, стр. 48).

[2]) Знаменитый на Литвѣ и въ польской исторіи родъ князей Сапѣговъ, также былъ православнымъ: ихъ гробы до сихъ поръ находятся въ православной церкви въ г. Трокахъ (собр. древ. грам. и акт. Вильно 1843), гробы Тышкевичей находятся въ православномъ троицкомъ монастырѣ въ Вильнѣ, поставлены еще прежде введенія уніи. Хрептовичи, Огинскіе, Воловичи, Бѣлевичи, Долматы, дарили свои имѣнія православнымъ церквамъ и монастырямъ (также стр. XLIX).

можетъ навести на цѣлый край большое несчастіе: народъ русскій, будучи оскорбленъ жестокимъ религіознымъ преслѣдованіемъ, явно отзывается, что католики терпя въ Польшѣ еврейскую и магометанскую вѣру, хотя враждебныя христіанству, преслѣдуютъ народъ русскій, христіанскій, который вѣрно служитъ своему отечеству, какъ нѣкогда преслѣдовали язычники христіанъ первыхъ вѣковъ; что они (русскіе) лучше согласились бы оставаться подъ правительствомъ турецкимъ, чѣмъ испытывать подъ христіанскимъ (Польши) столь несносное притѣсненіе—и за что? за вѣру отцевъ своихъ, и въ собственномъ отечествѣ [1]). Гетманъ украинскаго козачества, Конашевичъ-Сагайдачный, по семужъ предмету отозвался къ латинскому духовенству, на малороссійскомъ парѣчіи, слѣдующими словами: «Мают отци іезуиты і все римское духовенство, і без нас православных, кого до своій уніи навертаты, тіх, которі не відают і не вірать въ Ісуса Христа; а мы православні, древніх святых апостолскіх і отческіх преданій і догматів держатися, без жадноі упіі надіімся нашого спасенія і блаженного жывота вічнаго» [2]).

Такимъ образомъ, по инціативѣ римской пропаганды, съ одной стороны дѣйствовало уніатское духовенство на стѣсненіе держащихся православія, а съ другой іезуиты своими интригами, захвативъ въ свои коллегіумы почти всю шляхетскую молодежь, ей внушали религіозный фанатизмъ и нена-

[1]) Указанные нами факты записаны въ разныхъ актовыхъ книгахъ сѣверо и юго-западнаго края и не подлежатъ никакому сомнѣнію: печатные екземпляры коихъ имѣются также и въ нашей домашней библіотекѣ.

[2]) То-есть: Отцы іезуиты и всё римское духовенство, мимо насъ православныхъ, имѣютъ кого приглашать къ своей уніи: пусть они приглашаютъ не вѣрующихъ въ Іисуса Христа; а мы православные, придерживаясь ученія свят. апостолъ и отцевъ церкви, надѣемся и безъ уніи получить спасеніе и вѣчную жизнь блаженныхъ.

вѣсть къ иновѣрцамъ. Это отразилось не только на латинскомъ духовенствѣ, но почти на цѣломъ народѣ того исповѣданія; оно сдѣлалось поводомъ къ безустаннымъ раздраженіямъ однихъ противъ другихъ въ общежитіи, также, къ стѣснительному ограниченію сеймовыми уставами личныхъ правъ и преимуществъ польскихъ диссидентовъ [1]. Они весьма часто обращались съ жалобами на притѣсненія и произвольныя дѣйствія къ королю и на сеймы, просили защиты и справедливости; но ихъ вопли были гласомъ вопіющихъ въ пустынѣ. Ни король, ни польскіе магнаты не обращали на то вниманія; ибо религіозный фанатизмъ, внушенный дворянству латинскимъ духовенствомъ, всё оправдывая, признавалъ всѣ мѣры, употребляемыя противъ иновѣрцевъ, законными и полезными, какъ для латинской церкви, такъ равно и для общаго блага республики.

Утопающій, какъ гласитъ пословица, хватается за все — и за соломину и за острый ножъ, въ надеждѣ спасенія. Польскіе иновѣрцы, будучи выведены изъ терпѣнія испытанною несправедливостію въ дѣлахъ касающихся совѣсти, и многими личными обидами, въ отчаяніи, не разъ прибѣгали къ покровительству заграничныхъ государей, и просили принять участіе въ ихъ горькой долѣ. Это, естественно, давало благовидный поводъ заграничнымъ кабинетамъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши, также, узнавать ближе ея слабыя стороны и пріобрѣтать для своихъ видовъ партіи. Отсюда возникли между сосѣдними державами, особенно со стороны Прусіи, (постоянно стремившейся распространить свои предѣлы), замыслы и проэкты на счетъ раздѣленія Польши, ослабленной внутри анархіей и неустройствомъ. Къ несчастію Польши присоединилось

[1]) Диссидентами называли въ Польшѣ не принявшихъ церковной уніи и всѣхъ христіанъ некатолическаго исповѣданія.

народное дѣло Малороссіи и Украины, извѣстное въ польской исторіи подъ названіемъ козацкихъ и украинскихъ мятежей (Bunty kozackie i ukrainskie) [1]).

Вспомнивъ здѣсь о возстаніи Малороссіи и украинскаго козачества противъ Польши, считаемъ необходимымъ къ разъясненію ниже слѣдующихъ обстоятельствъ разсказать вкратцѣ о началѣ, развитіи и устройствѣ украинскаго козачества [2]). Послѣ ужаснаго разоренія монголами русскихъ княжествъ, изъ разныхъ сторонъ Руси люди искавшіе независимости и свободы отъ монгольскаго рабства, также, лица бездомные, коихъ семейства были уведены въ плѣнъ симижъ монголами, ведущіе бродячую жизнь, или поссорившіеся на своей родинѣ съ обществомъ и правосудіемъ, уходили въ дальныя незаселенныя степи и лѣса. Многіе поселились въ южныхъ странахъ р. Днѣпра, принимая въ свое общество прибывавшихъ къ нимъ людей изъ разныхъ сторонъ, имѣвшихъ какія-либо причины оставлять свою родину, искать пристанища и независимой жизни въ дикихъ неизмѣримыхъ степяхъ украинскихъ. Это было пестрое сборище самыхъ отчаянныхъ людей пограничныхъ націй: тамъ былъ дикій горецъ, ограбленный монголами россіянинъ, убѣжавшій отъ деспотизма пановъ польскій холопъ, даже бѣглецъ исламизма—татаринъ. Такимъ образомъ это общество подъ названіемъ—козаки современемъ значительно увеличилось, питая духъ независимости, свободы и братства

[1]) О великомъ возстаніи козачества и украинскаго народа, за Гетмана Хмѣльницкаго, смотри ниже въ § 7, а объ участи постигшей его предшественниковъ, т. е. гетмановъ—Наливайку, Павлюка и Остряницу съ ихъ товарищами смотри примѣч. подъ букв. 1.

[2]) Подъ именемъ—козакъ, понимали человѣка свободнаго, независимаго ни отъ чьей воли. Слово—козакъ на татарскомъ языкѣ означаетъ человѣка военнаго нижняго чина, слово—уланъ, дворянина, а мурза,—офицера военной службы.

между собой [1]). При томъ, будучи проникнуты ненавистью противъ монгольскихъ племенъ, разорившихъ ихъ родину, край русскій, они современемъ образовали воинскую, христіанскую республику, главная цѣль которой была, подобно нѣмецкимъ орденскимъ рыцарямъ, вѣчная война съ невѣрными магометанами. Охраняя безопасность своихъ осѣдлостей, вмѣстѣ съ тѣмъ были такъ же защитниками и литовскихъ областей со стороны крымцевъ и турокъ. Привыкнувъ къ военному ремеслу, они часто нападали на пограничныя турецкія области для хищничества; ибо грабить и убивать невѣрныхъ они не только не считали грѣхомъ, но уважали это заслугой предъ Богомъ. Появленіе этаго козачества можно отнести къ XIV столѣтію.

Современемъ это козацкое общество обратило на себя вниманіе польскаго короля Сигизмунда 1, давшаго ему многія гражданскія права, вмѣстѣ съ землями выше днѣпровскихъ пороговъ, тамъ козаки основали городъ Черкасы. За короля польскаго Баторія, ихъ гетманъ получилъ знамя, бунчукъ, булаву и печать гетманскую. Когда же за Сигизмунда III и его преемниковъ началось въ царствѣ польскомъ религіозное преслѣдованіе противъ русскаго православнаго народа; а поселившіеся въ украинѣ польскіе паны, королевскіе старосты и ихъ администраторы, будучи подстрекаемы латинскимъ и уніатскимъ духовенствомъ, начали вводить насильными мѣрами унію и въ Украину, между народомъ мало-образованнымъ и суевѣрнымъ. Кромѣ того, эти личности, основываясь на своихъ привилегіяхъ, начали стѣснять права украинскаго козачества, считая ихъ людьми посполитыми, такъ же, угнетать работами и разными повинностями русскій сельскій народъ; тогда во-

---

[1]) Однакожъ каждому селившемуся въ этомъ козацкомъ обществѣ вмѣнялось въ непремѣнное правило: равенство и исповѣданіе православной вѣры.

оружились ненавистію противъ поляковъ и латинскаго духовенства козачество и народъ украинскій, болѣе энергичный, и гораздо позднѣе своихъ другихъ собратьевъ польскими панами порабощенный, а потому, помнящій свою украинскую свободу и независимость.

Послѣ этихъ всѣхъ нами высказанныхъ событій въ Польшѣ, общее дѣло русской народности съ польскими панами, ихъ администраторами и съ латинскимъ духовенствомъ, за всѣ испытанныя несправедливости, угнетенія и обиды, сосредоточилось въ сердцахъ и рукахъ преслѣдуемаго поляками православнаго духовенства (отказавшагося отъ уніи), равно околичной русской шляхты [1]) и мѣщанъ королевскихъ городовъ, не совратившихся въ латинство и унію, а также, украинскаго козачества и угнетеннаго сельскаго люда. Чувство неудовольствія и мести противъ общихъ враговъ—ляховъ [2]) скрывалось глубоко въ ихъ сердцахъ, ожидая дуновенія благопріятнаго вѣтра, чтобы силой бурнаго урагана вылетѣть на поверхность. Нѣсколько разъ, особенно за гетмановъ козачества, Наливайки, Павлюка и Остряницы, взрывъ этой народной мести послѣдовалъ, но былъ потушенъ польскими силами и ловкостію нѣкоторыхъ лицъ. Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, ударилъ роковой часъ для могущества поляковъ: ужасный взрывъ народнаго возстанія послѣдовалъ за преемниковъ короля Сигизмунда III, то-есть, за Владислава IV и Яна Казимира въ первой половинѣ XVII столѣтія [3]). Мятежъ воспламенилъ всю Украину, по обѣимъ сторонамъ р. Днѣпра, и понесся ужаснымъ

[1]) Объ околичной шляхтѣ сѣверо и юго-западнаго края см. примѣч. подъ букв. у.

[2]) Народъ украинскій обыкновенно называетъ всѣхъ поляковъ ляхами, или ляшками.

[3]) Кто воспламенилъ искру этого народнаго возстанія и предводительствовалъ ему до конца, указано нами въ слѣдующемъ ниже § 7.

ураганомъ до береговъ Днестра, Буга, Случа и Горыня; оставляя за собой слѣды опустошенія сожженныхъ городовъ, мѣстечекъ и селеній, пролитой крови поляковъ угнѣтателей и русиновъ защищавшихъ свою вѣру и свободу; также воздвигнутые на равнинахъ Украины печальные памятники—могилы, усыпанные руками собратій надъ погибшими жертвами дикаго фанатизма и жестокаго эгоизма... Воспоминанія объ этихъ событіяхъ наводятъ грусть на душу и сердце каждаго благомыслящаго человѣка; но кто безпристрастно вникалъ въ ихъ причины, тотъ мимовольно долженъ сознать, что это всё великія погрѣшности нашихъ предковъ,—а еще больше тѣхъ личностей, которыя будучи ослѣплены римскою пропагандою, фанатизмомъ, гордостью и матеріальными интересами, руководили лукаво легковѣрнымъ народомъ и привели его на край гибели... Увы! предки наши понесли кару за свои ошибки, но къ несчастію, ихъ легковѣріе, можно сказать, перешло какъ-бы наслѣдственно къ потомкамъ, какъ увидимъ изъ дальнихъ событій.

По всему нами тутъ сказанному, можемъ съ увѣренностію ссылаться на свидѣтельства многихъ исторіографовъ польскихъ и иностранныхъ, также на архивы древнихъ актовъ сѣверо— и юго-западнаго края, хранящіеся въ Вильнѣ и Кіевѣ; между которыми въ отношеніи событій юго-западнаго края замѣчательны актовыя книги: владимірскія, луцкія, овручскія, кіево-житомирскія и браславскія. Для тѣхъ же изъ нашихъ многихъ собратій, которые по своимъ спеціальнымъ занятіямъ не имѣютъ ни свободнаго времени, ни благопріятныхъ случаевъ къ изслѣдованію обширныхъ историческихъ памятниковъ бывшей Польши, Литвы и здѣшняго западнаго края, считаемъ не лишнимъ присовокупить здѣсь нѣсколько историческихъ фактовъ, наглядно показывающихъ, до какой степени было вреднымъ для Польши вліяніе римской пропаганды, и развиваемые

іезуитами между дворянскимъ сословіемъ принципы ихъ интеллигенціи.

1) 1574 года 10 октября ученики іезуитской краковской школы сдѣлали нападеніе на тамошнюю протестантскую церковь (Kircha), и таковую совершенно уничтожили. Потомъ, разрывъ могилы на протестантскомъ кладбищѣ, тѣла умершихъ и тамъ похороненныхъ протестантовъ, вытащивъ изъ гробовъ, предали поруганію влаченіемъ по городскимъ улицамъ и выброшеніемъ оныхъ за городскія ворота. Въ числѣ прочихъ подобная участь постигла и трупъ умершаго протестантомъ Станислава Мышковскаго, воеводы краковскаго [1]), тамъ же похороненнаго. Къ усмиренію сихъ буйныхъ поступковъ, никто ни изъ городскихъ, ни изъ школьныхъ начальниковъ не приступалъ, покуда не получено королевскаго повелѣнія. Подобная катастрофа публичнаго поруганія похороненныхъ на кладбищѣ тѣлъ умершихъ диссидентовъ случилась тогожъ времени и въ городѣ Вильнѣ.—2) 1597 года доминиканцы кляштора Люблинскаго учинили нападеніе на тамошнюю протестантскую церковь, пастора прибили до смерти, а церковь разрушили до основанія.—3) 1724 года, въ городѣ Торнѣ, въ день католическаго праздника тѣла Господня, произошло между учениками школы іезуитской и торнскими жителями протестантами кровавое столкновеніе, взволновавшее всѣхъ жителей того города. Поводъ къ тому былъ слѣдующій: когда во время торжественной процессіи (крестнаго хода) духовенства и народа католическаго изъ одного костела въ другой, тамошніе жители протестанты изъ любопытства стояли при отворенныхъ окнахъ и дверяхъ, приглядываясь къ проходящей мимо ихъ домовъ процессіи, не снимая съ головы шляпъ и не преклоняя колѣнъ предъ несомой ксендзомъ мон-

[1]) За бывшую Польшу каждый воевода былъ вмѣстѣ и сенаторомъ.

страницей; тогда неожиданно посыпался на стоявшихъ у оконъ и дверей протестантовъ градъ каменныхъ и кирпичныхъ кусковъ, пущенныхъ учениками іезуитскаго колегіума, находившимися при этой процессіи. Эти куски камней и кирпича были учениками заранѣе и съ умысломъ приготовлены въ карманахъ. Протестанты обиженные этимъ неблаговиднымъ поступкомъ учениковъ, съ горяча бросились мстить имъ и ихъ подстрекателямъ. Тогда завязалась между обѣими сторонами жестокая драка, сперва на улицахъ, а потомъ внутри кляшторной ограды. Слѣдствіемъ этого столкновенія, одни были изуродованы сильными побоями, другіе были изувѣчены и прибиты до смерти. По дошедшему свѣдѣнію до короля о семъ печальномъ происшествіи, были назначены отъ правительства коммисары къ изслѣдованію сего дѣла на мѣстѣ. По этому скандалезному дѣлу многіе порядочные люди изъ тамошнихъ протестантовъ, будучи замѣшаны въ оное и оклеветаны іезуитами и ихъ приверженцами, пострадали. Не смотря на то, что главнымъ поводомъ возникшей авантюры была католическая сторона, особенно іезуиты, они подверглись жестокимъ даже смертнымъ наказаніямъ. Это дѣло и его окончаніе вызвало негодованіе многихъ иностранныхъ обывателей и дипломатовъ противъ польскаго правительства и его правосудія. Изъ этихъ образчиковъ не трудно понять, въ какомъ духѣ не терпимости іезуиты воспитывали польскую молодежъ, и чего можно было ожидать для блага польскаго государства отъ направленія такой варварской интеллигенціи.

ГЛАВА III.

§ 7.

Краткій очеркъ состоянія Польши въ царствованіе наслѣдственныхъ, а потомъ избирательныхъ королей въ отношеніяхъ религіозномъ, политическомъ и административномъ.—Преобладаніе польскихъ магнатовъ и шляхетскаго сословія.—Упадокъ центральной государственной власти.—Анархія.—Положеніе средняго и низшаго, народныхъ сословій.—Неустанная борьба народа русскаго въ защитѣ своей вѣры и народности.—Богданъ Хмельницкій—возстаніе козачества и народа украинскаго.—Послѣдствія этой борьбы.

Мы уже разсказали, какъ народъ литовскій, выступивъ въ началѣ XIII вѣка изъ своихъ дремучихъ лѣсовъ на поприще воинственной и политической дѣятельности въ соединеніи съ народомъ русскимъ и его землями, сдѣлался могущественною сѣверною державою. Какъ потомъ при князѣ Ягеллѣ, соединившись федеративнымъ союзомъ съ Польшею, подвергъ себя самой печальной участи. Теперь обратимъ безпристрастно-критическій взглядъ на состояніе Польши въ ея національномъ, религіозномъ и административномъ отношеніяхъ—въ разныхъ фазахъ ея политическаго существованія до эпохи послѣдняго избирательнаго короля Понятовскаго.

Въ Польшѣ сначала царствовала съ монархическою властію династія пястовъ, давшихъ Польшѣ политическое и государственное устройство. Потомъ на польскій престолъ вступила династія ягеллоновъ, расширившихъ ея границы (присоединеніемъ литовско-русскаго княжества) и ея полити-

ческое значеніе между европейскими государствами [1]). Этотъ періодъ, можно сказать, былъ цвѣтущимъ и самимъ счастливѣйшимъ для Польши временемъ; но уже и тогда въ ея лонѣ таились зародыши опаснаго политическаго недуга, какъ укрытый въ корняхъ растѣнія грызущій червь. Этотъ политическій недугъ со всѣми симптомами разслабленія, охвативъ весь организмъ государства, достигъ высочайшей степени при избирательныхъ короляхъ,—и наконецъ сдѣлался причиной его политической смерти, какъ увидимъ изъ дальшаго объ этомъ разсказа.

Уже при королѣ Казимирѣ (коего потомность назвала великимъ) польскіе магнаты и шляхта добивались неограниченной власти надъ сельскимъ народомъ, и не получивъ желаемаго успѣха, назвали его королемъ хлоповъ. Уже при ягеллонахъ аристократія и шляхта имѣли столько силы, что иногда отказывались исполнять королевскія распоряженія. Этому, между прочимъ, служитъ доказательствомъ извѣстное въ польской исторіи событіе за короля Сигизмунда I. Этотъ король далъ повелѣніе воеводамъ собрать шляхту или земское ополченіе (pospolite ruszenie), составлявшее въ Польшѣ государственную воинскую силу на сборный пунктъ, назначенный подъ Львовомъ, имѣя намѣреніе открыть кампанію противъ господаря молдавскаго, польскаго вассала. Прибывшая шляхта изъ разныхъ польскихъ провинцій на сборный пунктъ завела тутъ же съ королемъ и гетманомъ коронным ссоры, обстаивая за свои шляхетскія права и привилегіи. Король обѣщалъ удовлетворить ихъ требованіямъ на будущемъ сеймѣ; но шляхта, не слушая никакихъ увѣщеваній и распоряженій короля и гетмана, поспоривъ нѣсколько дней на сборномъ пунктѣ,

[1]) Династія ягеллоновъ прекратилась смертію послѣдняго этой династіи короля Сигизмунда-Августа безпотомно умершаго.

накопецъ произвольно оставила сборное мѣсто и разошлась по домамъ. Это сопротивленіе, оказанное шляхтою въ военное время противъ короля и гетмана, извѣстно въ польской исторіи подъ сатирическимъ названіемъ—войны куриной (wojna Kokosza). Со временемъ сила магнатовъ такъ увеличилась, что они вмѣшивались даже въ семейную жизнь своихъ королей, этому служитъ доказательствомъ слѣдующее. Наслѣдникъ польскаго престола Сигизмундъ-Августъ, бывши еще принцемъ, женился безъ вѣдома родителей и сената на княжнѣ Радзивилѣ. Послѣ его вступленія на престолъ, когда пришло совершить актъ коронаціи, то король встрѣтилъ сильное сопротивленіе на счетъ вѣнчанія королевы его жены. Сенаторы и сеймовые депутаты серьозно домогались у короля развода съ женой, отказываясь отъ признанія ее королевой. Король съ большимъ трудомъ и твердостію воли едва успѣлъ успокоить взволнованные умы магнатовъ, епископовъ и сеймовыхъ депутатовъ противъ избранной имъ королевы. Однакожъ должно признать, что покуда существовали на тронѣ наслѣдственные короли, то случаи явнаго сопротивленія ихъ воли со стороны аристократіи были рѣдкими и скоро преходящими смутами, какъ скоро мчащіяся на горизонтѣ тучи, послѣ коихъ небо опять становится яснымъ, безоблачнымъ, по прежнему.

Съ прекращеніемъ наслѣдственной ягеллонской династіи внутреннее устройство Польши принимаетъ другой видъ. Польша постепенно начинаетъ терять свою силу, свой прежній блескъ и значеніе между сосѣдними державами. Магнаты начали избирать на сеймахъ королей и отдавать польскій тронъ какъ-бы въ пожизненное владѣніе, имѣя притомъ въ виду болѣе свою личную чѣмъ общественную пользу. Отсюда проистекало то, что во время междуцарствія (interregnum) магнаты образовали отдѣльные партіи на счетъ избранія новаго короля. Предводители этихъ партій мало дорожили благомъ

своего отечества, а заботились больше о своихъ личныхъ интересахъ, расчитывая или на лучшую карьеру при новомъ королѣ, или на пріобрѣтеніе коронныхъ имѣній (староствами именуемыхъ); словомъ польская корона продавалась какъ бы съ публичныхъ торговъ.

На такой оборотъ государственныхъ дѣлъ въ Польшѣ почти всегда вліяла иностранная дипломатія, имѣя въ виду свои собственные расчеты и выгоды. Кромѣ того, съ каждымъ избраніемъ новаго короля шляхта все больше и больше захватывала себѣ права, усиливавшія ея вліяніе въ законодательствѣ и администраціи, ограничивая при томъ власть и значеніе своихъ королей. Наконецъ дошло до того, что короли лишенные всякихъ средствъ къ выполненію лежавшихъ на нихъ великихъ обязанностей по дѣламъ внутреннимъ и внѣшнимъ своего государства остались на тронѣ безъ всякой власти и значенія, только ради обычая. Происшедшая отсюда анархія проникла во всѣ части государственнаго организма, парализируя все государственное управленіе. Тогда Польша потеряла свое прежнее политическое значеніе среди европейскихъ государствъ. Аристократія и высшаго сана латинское духовенство, не менѣе первыхъ гордое [1]), опираясь на свои права, матеріальныя средства и преданную ихъ воли шляхту, составлявшую воинскую силу государства, захватили въ свои руки законодательство и весь правительственный механизмъ; дѣлали то, что хотѣли, имѣя въ виду болѣе свои личные чѣмъ общественные интересы. Почти каждый изъ магнатовъ считалъ себя кандидатомъ короны польской, будучи въ томъ убѣжденіи, что если не теперь, то можетъ быть послѣ доведется и ему

[1]) Необыкновенную гордость и высокомѣріе тогдашнихъ латинскихъ епископовъ доказываетъ слѣдующее: они никакъ не допускали къ засѣданію вмѣстѣ съ ними въ сенатѣ не только православныхъ, но даже и уніатскихъ епископовъ.

быть польскимъ королемъ; поэтому сложилась у нихъ поговорка: «Szlachcic rodzi się do korony» (шляхтичъ родится для короны).

Каждый помѣщикъ разыгрывалъ въ своемъ имѣніи роль удѣльнаго князька или барона среднихъ вѣковъ; едва признавая надъ собой верховную государственную власть, поступалъ съ своими подчиненными по собственному произволу. Самый многочисленный классъ народа, людъ сельскій (chłopi wieśniácy), находился въ самомъ плачевномъ состояніи: хлопъ былъ лишенъ правъ человѣка и покровительства законовъ своего отечества: панъ имѣлъ полное право распоряжать его личностію, потомствомъ и собственностію, безконтрольно подарить и продать какъ вещь или животное кому захотѣлъ [1]). Мѣщанинъ признавался тогдашними законами чѣмъ то среднимъ между человѣкомъ шляхтичемъ и получеловѣкомъ хлопомъ (substantia incompleta); но также былъ лишенъ правъ гражданина въ отечествѣ: первый былъ безконтрольною собственностію шляхтича-помѣщика, а второй—предметомъ презрѣнія гордящагося своими привилегіями шляхтича,—и эта Польша, угнетавшая большинство народа, именовала себя свободною республикою! послѣ паденія которой многіе невѣжды и эгоисты сѣтуя объ ней по настоящее время славятъ предъ подобными себѣ ея высокое достоинство и благополучіе народа подавленнаго игомъ касты шляхетской до крайности. Мало того, они еще отзываются къ покровительству европейскихъ державъ въ имени этой мнимой польской народности, точно такъ, какъ поэты въ своихъ поэтическихъ мечтахъ отзываются о мнимомъ вовсе небываломъ золотомъ вѣкѣ древности... При этомъ не лишнимъ

---

[1]) Одинъ изъ латинскихъ авторовъ XVIII вѣка, весьма мѣтко и справедливо изобразилъ состояніе тогдашней польской республики: «Polonia celum nobilium; paradisus clericorum, infernus rusticorum» то-есть: Польша есть небомъ для шляхты; раемъ для духовенства, но адомъ для сельскаго люда.

считаемъ присовокупить, что орудіями пановъ-помѣщиковъ для угнетенія сельскаго люда были съ одной стороны полуграмотная шляхта—такъ называемый классъ офиціалистовъ, а съ другой—евреи, наполнившіе собою всю Польшу какъ муравейникъ. Евреи, заливая польскихъ крестьянъ своею водкою, уничтожали въ нихъ умственныя способности и человѣческое достоинство. Изъ рукъ мѣщанъ они успѣли вырвать всю торговую и ремесленную промышленность; эксплуатируя всѣ матеріальныя корысти въ свою пользу, приводили ихъ до крайней нищеты. Паны были глухими на всѣ жалобы и вопли своихъ крестьянъ, приносимые противъ истязаній угнетателей: они смотрѣли на хлоповъ какъ на индійскихъ паріевъ [1]), какъ на племя проклятаго библейскаго Хама, назначенное къ вѣчной неволи и презрѣнію, не смотря на то, что они поддерживали свое шляхетское достоинство ихъ трудами и всякаго рода лишеніями [2]).

Польскіе избирательные короли, если когда-либо имѣли желаніе устранить зло, разстроившее порядокъ и общественное благосостояніе, то будучи стѣснены въ своей власти и окружены гордыми и сильными вельможами, должны были ради собственнаго покоя смотрѣть на все происходившее въ государствѣ сквозь пальцы и молчать. Извѣстно изъ польской народной исторіи, равно изъ разныхъ мѣстныхъ памятниковъ, что въ тѣ времена анархіи и своеволія магнаты держали придворное войско, т. е. вооруженныхъ козаковъ и шляхту; они

---

[1]) Индійцы раздѣляются между собою на касты; одну изъ нихъ индійцы уважаютъ за касту проклятую, богами отверженную. Людямъ къ оной принадлежащимъ воспрещено селиться между другими кастами народа, чтобы они своимъ присутствіемъ не оскверняли другихъ. Они называются паріями.

[2]) Называть хлопа Хамомъ, или Хамскимъ сыномъ, это вошло въ обычай у давныхъ поляковъ. Что касается разныхъ повинностей, коими крестьяне были отягощены въ пользу помѣщиковъ тѣхъ временъ, смотри примѣч. подъ буквой ш

часто, какъ феодальные бароны среднихъ вѣковъ, вели между собою кровавыя распри, нападая вооруженною силою, одни у другихъ отнимали земли и заселенные хутора, присоединяя таковые къ своимъ имѣніямъ. Иногда вооружались даже противъ самыхъ королей извѣстными въ Польшѣ конфедераціями, выводя на поле брани вооруженную рать: такъ поступили Зебржидовскій и Радзивилъ противъ короля Сигизмунда III, а гетманъ ~~Юрій~~ Любомирскій (въ 1666 году) противъ короля Яна Казимира. Такое непрочное положеніе польской республики, такая общая анархія, ослабила всѣ основы политическаго зданія этого государства, клонившагося очевидно къ распаденію. Къ счастію этой разстроенной шляхетской республики, во времена самыхъ опасныхъ волненій, случавшихся внутри и извнѣ государства, появлялись на польскомъ горизонтѣ знаменитыя личности, одаренныя энергичною волею, высшимъ умомъ и горячею любовію къ своему отечеству, какими были Янъ Замойскій, Жолкевскій, Чарнецкій, Собѣскій, Баторій и другіе. Они какъ искусные лекаря при одрѣ разслабленныхъ своими трудами, геройствомъ и энергіею спасали это разстроенное государство отъ грозившихъ ему отвсюду опасностей и окончательнаго паденія. Но въ то время, какъ сосѣдніе народы постепенно выработывали въ своей политикѣ лучшіе принципы и формы государственной и общественной жизни, въ Польшѣ продолжались прежнія неустройства: тотъ же религіозный фанатизмъ, то же преслѣдованіе иновѣрцевъ, своихъ собственныхъ согражданъ, дизунитовъ и протестантовъ, а то по причинѣ неослабѣвшаго вліянія римской политики и пропаганды іезуитовъ. Поэтому Польша, терзаемая кромѣ внѣшнихъ враговъ, волненіемъ внутреннихъ ея элементовъ, начала клониться все ближе и ближе къ паденію; какъ больной изнуренный долговременною болѣзнію, оставленный безъ цѣлебнаго пособія, наконецъ—долженъ уми-

рать, такъ Польша, страдая долго неустройствомъ, распрями гордой аристократіи, своеволіемъ малообразованной шляхты и религіознымъ преслѣдованьемъ, приблизилась наконецъ къ политической смерти.

Въ подтвержденіе правдивости нами сказаннаго о состояніи Польши въ періодъ избирательныхъ королей, поминувъ обширные историческіе эпизоды, какъ несоотвѣтственные цѣли сего краткаго очерка, укажемъ на нѣкоторые факты, въ историческихъ памятникахъ Польши помѣщенные. Начнемъ съ перваго избирательнаго короля, принца французскаго Генриха Валуа. За его слишкомъ краткое царствованіе въ Польшѣ [1]) случилось замѣчательное событіе, доказывающее высокую степень дерзости и неуваженія законовъ тогдашнихъ польскихъ магнатовъ. Тенчинскій и Самуилъ Зборовскій поссорились съ собою; послѣ этой ссоры они встрѣтились въ замкѣ королевской резиденціи; тогда Зборовскій предъ окнами королевскаго дворца, во время бытности самого короля, запальчиво съ оружіемъ въ рукахъ бросился на своего противника Тенчинскаго; тутъ нечаянно появился въ замкѣ каштелляницъ Ваповскій, и увидѣвши нападеніе Зборовскаго, началъ оборонять Тенчинскаго, тогда Зборовскій бросился какъ тигръ на Ваповскаго, защищавшаго своего друга, нанесъ ему саблею нѣсколько ранъ, отъ которыхъ Ваповскій въ скоромъ времени скончался. За таковое преступленіе Зборовскій былъ осужденъ къ изгнанію изъ Польши, и онъ удалился изъ ея предѣловъ.

Послѣ тайнаго выѣзда изъ Польши короля Генриха Валуа, когда избранный сеймомъ въ короли Стефанъ Баторій

[1]) Король Генрихъ Валуа въ первый годъ своего вступленія на польскій престолъ безъ вѣдома сената и народныхъ представителей выѣхалъ тайно изъ Польши во Францію, и уже не воротился къ покинутому имъ королевству; поэтому у поляковъ была поговорка: «Rex Henricus, zrobil polakóm psikus».

вступилъ на польскій престолъ, то помянутый изгнанникъ Зборовскій, уповая на покровительство своихъ братьевъ и друзей, принимавшихъ дѣятельное участіе въ избраніи короля Баторія, не ожидая разрѣшенія своего изгнанія, самовольно возвратился въ Польшу. Возвратившись въ свое имѣніе, онъ началъ производить разныя дебошерства и тревожить своими наглыми поступками сосѣдей, приносившихъ на него жалобы мѣстной власти. Такая наглость и самоволіе заставили канцлера Замойскаго сдѣлать Зборовскому отъ имени короля и правительства строгое замѣчаніе на счетъ его самовольнаго возврата въ отечество, дурнаго поведенія и ожидающихъ его послѣдствій. Гордый магнатъ Зборовскій, раздраженный отзывомъ Замойскаго и питая къ нему личную ненависть, началъ собирать шайку злоумышленниковъ противъ Замойскаго, угрожая насиліемъ его личности, тѣмъ болѣе, что весь родъ Зборовскихъ уже смотрѣлъ съ завистію на возрастающее значеніе Замойскаго и его вліяніе на короля Баторія. Замойскій, получивъ предостереженіе друзей о замыслахъ Зборовскаго, на которомъ еще тяготѣлъ приговоръ бонниціи (изгнанія), принялъ свои мѣры. На основаніи своего старостинскаго уряда (онъ былъ старостой краковскимъ) Замойскій успѣлъ поймать своего противника Зборовскаго, находившагося въ домѣ своей любовницы Володкевичевой, затѣмъ, подвергнувъ его въ краковскомъ замкѣ строгому аресту, предалъ вторично какъ изгнанника и буяна уголовному суду. По судебному рѣшенію королемъ Баторіемъ утвержденному, не смотря на сильное ходатайство родныхъ и друзей Зборовскаго, онъ былъ казненъ отсѣченіемъ головы въ Краковѣ.

Это событіе было рѣдкимъ и вмѣстѣ поучительнымъ примѣромъ исполненнаго въ Польшѣ правосудія надъ вельможнымъ магнатомъ; по этому случаю сложилась у поляковъ поговорка: «za króla Stefanka, strach i na panka. Kradnij,

rozbijaj, ale Krakowa mijaj [1]). Царствованіе Баторія было полезнымъ для Польши въ многихъ отношеніяхъ; онъ былъ характера энергичнаго и предпріимчиваго, у него была поговорка: «смѣлость, надежда и трудъ руководствуютъ къ великимъ дѣламъ». Баторій, можно сказать, былъ одинъ изъ лучшихъ королей польскихъ; онъ сдѣлалъ только важную ошибку въ своей политикѣ тѣмъ, что поддался въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ вліянію римскаго двора—и эту ошибку неуспѣлъ исправить, по причинѣ нечаянно постигшей его смерти во время бытности въ Литвѣ.

Послѣ смерти короля Баторія избранъ былъ сеймомъ въ короли Сигизмундъ III Ваза. Онъ будучи воспитанъ іезуитами, окружилъ себя, по свидѣтельству историка Лелевеля и другихъ, нѣмцами и іезуитами. Слѣдуя ихъ совѣтамъ, началъ преслѣдовать иновѣрцевъ польскихъ, т. е. православныхъ русиновъ и протестантовъ, которое продолжалось почти до окончательнаго паденія Польши. Этотъ король, по свидѣтельству польской исторіи, своимъ фанатизмомъ и зловредною политикой положилъ основаніе всѣмъ бѣдствіямъ постигшимъ Польшу, какъ въ его царствованіе, такъ и въ позднѣйшія времена. За этого короля возникли разорительныя для Польши шведскія войны за потерянный имъ по собственной винѣ шведскій престолъ; за него возникли войны съ Россіею по причинѣ покровительства самозванцамъ, искавшимъ русскаго престола. Россія, будучи разстроена внѣшними нападеніями враговъ и внутренними смутами, предлагала царскую корону принцу Владиславу сыну Сигизмунда III; но безразсудный фанатизмъ послѣдняго и совѣты окружавшихъ его іезуитовъ совершенно испортили это дѣло. Противъ сего короля польскіе магнаты Зебржидовскій и Радзивилъ подняли въ 1606

---

[1]) То-есть: за короля Стефанка, страшно стало и для папка. Воруй, разбивай, но Кракова минай.

году конфедерацію (мятежъ), съ намѣреніемъ устранить его отъ престола; предлогами къ этой конфедераціи были: женидьба короля на принцессѣ австрійской, совершившаяся противъ воли польскаго сената; нарушеніе королемъ государственныхъ законовъ, и подозрѣніе магнатовъ въ замыслѣ короля—присвоить себѣ въ Польшѣ монархическую власть. Тогда государству угрожала междоусобная война, а потому король, опасаясь мятежныхъ конфедератовъ и желая привлечь на свою сторону западно-русское дворянство, обѣщалъ, что на будущее время православный народъ не будетъ подвергаться преслѣдованію за свою вѣру; что ему будетъ предоставлена вся свобода богослуженія по древнимъ обрядамъ; что лица православнаго исповѣданія будутъ имѣть право отправлять судебныя и административныя должности на равнѣ съ католиками, а мѣщане заниматься безпрепятственно своими ремеслами.

Дворяне воеводства волынскаго на провинціальномъ сеймѣ 1607 года, желая прекратить гибельные для государства раздоры, согласились сдѣлать уступку въ пользу уніатскаго духовенства, объявляя, что уніатскіе епископы могутъ сохранить свой духовный санъ и пользоваться іерархическими почестями, но должны отказаться отъ всякой власти надъ православнымъ духовенствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дворяне поручили сеймовымъ посламъ просить короля, чтобы съ того времени назначалъ имъ только православныхъ епископовъ, которые состояли бы подъ властію константинопольскаго патріарха [1]). Вслѣдствіе этой инструкціи, въ конституцію сейма варшавскаго 1607 г. внесена была особая статья о православной церкви. Король обѣщалъ между прочимъ не нарушать правъ народа русскаго въ отношеніи ихъ религіи и обрядовъ; раздавать іерархическія должности и церковныя имѣнія только

[1]) Арх. юго-запад. Россіи. Т. I, ст. VIII, стр. 72 и 73.

лицамъ дворянскаго сословія народа русскаго, исповѣдующимъ православную вѣру [1]).

Но всѣ эти обѣщанія короля Сигизмунда и постановленія варшавскаго сейма оставались мертвою буквою. Западно-русское дворянство продолжало жаловаться на преслѣдованія, которымъ подвергался народъ русскій въ отправленіи церковныхъ обрядовъ; на поруганіе православныхъ церквей, на принужденіе священниковъ къ принятію уніи. Почти на каждый варшавскій сеймъ дворяне посылали просьбы о защитѣ православной вѣры, ссылаясь на конституціи и привилегіи, подтвержденныя королевскими присягами и на грамоту о присоединеніи юго-западной Руси къ Польшѣ [2]); но всѣ ихъ просьбы и жалобы оставались безъ всякихъ послѣдствій. Король и сеймъ, или вовсе не обращали вниманія на просьбы дворянъ, или откладывали рѣшеніе дѣла до слѣдующихъ сеймовъ, или провозглашали свободу православной вѣры, не принимая никакихъ мѣръ къ ея защитѣ [3]). Такъ продолжалось до смерти Сигизмунда III.

Послѣ смерти Сигизмунда III, смотрѣвшаго на всё глазами коварныхъ іезуитовъ, основывая свою политику на фанатизмѣ и религіозной нетерпимости, вступилъ на польскій престолъ его сынъ Владиславъ IV; тогда лучь надежды на лучшую будущность блеснулъ предъ глазами западно-русскаго народа. Русское дворянство считало долгомъ воспользоваться случаемъ и начало новую борьбу за свои права и свою народность. Въ 1632 году іюня 3 болѣе 200 дворянъ волынскихъ явилось на провинціальный сеймъ въ г. Луцкѣ; главнымъ предметомъ ихъ совѣщаній была православная вѣра. Дворяне въ своемъ актѣ обвиняли покойнаго короля въ томъ,

---

[1]) Volum. Leg. к. II, p. 1608.

[2]) Арх. юго-западной Россіи. Т. I, ст. XI, XII, XIII и XIV.

[3]) Volum. Leg. II, p. 326, 379, 450, 547, 669.

что народъ русскій съ 1596 года безуспѣшно жаловался о нарушеніи правъ, подтвержденныхъ грамотами королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, на основаніи коихъ король обязанъ былъ раздавать іерархическія должности туземному православному дворянству; между тѣмъ, митрополія кіевская, епископіи и архимандріи раздаваемы были лицамъ постороннимъ и при томъ уніатамъ. Православное дворянство не было допускаемо къ государственнымъ должностямъ; мѣщане, нехотѣвшіе принять унію, были отставляемы отъ городскихъ должностей, лишены права вступать въ цехи и заниматься ремеслами. Православныя церкви насильственно отдаваемы были уніатамъ; запрещалось строить новыя православныя церкви, и невинные люди за свою вѣру томились въ темницахъ. Избранные дворянствомъ депутаты должны были по силѣ данной имъ инструкціи изложить эти жалобы на генеральномъ варшавскомъ съѣздѣ дворянъ польскихъ провинцій, предшествовавшемъ избранію новаго короля, и требовать, чтобы свобода вѣры для всѣхъ была обезпечена ясными законами, и чтобы новоизбранный король подтвердилъ постановленіе присягою [1]).

Когда просьбы и жалобы пословъ, отправленныхъ дворянствомъ на генеральный варшавскій съѣздъ не имѣли успѣха, то дворяне волынскіе снова собрались на провинціальный сеймъ; тутъ они торжественно объявляя себя народомъ русскимъ, постановили отправиться лично и всѣмъ вмѣстѣ на варшавскій сеймъ, назначенный для избранія новаго короля, стоять крѣпко за свои народныя права, и особенно стараться о свободѣ вѣры и о возстановленіи правъ, предоставленныхъ православной религіи, давъ обѣтъ, не приступать къ избранію новаго короля, пока ихъ требованія не будутъ удовлетворены.

[1]) Инструкція эта (Uchwała) записана въ луцкой городской актовой книгѣ подъ 1632 г. на стр. 529—537.

Съ этою цѣлью явилось на избирательный варшавскій сеймъ, бывшій въ сентябрѣ 1632 года, дворяне воеводства волынскаго въ числѣ 140, кіевскаго 25 и брацлавскаго въ числѣ 20 человѣкъ, во главѣ которыхъ были: князь Адамъ Сангушко, князь Юрій съ Острога на Заславѣ и князь Чарторыйскій на Клеванѣ. Ходатайство дворянства, не смотря на фанатическое сопротивленіе католическаго и уніатскаго духовенства, на этотъ разъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Постановленіемъ сейма данъ былъ рѣшительный перевѣсъ православной церкви надъ уніатскою: предоставлено было русскому православному народу свободное отправленіе богослуженія и всѣхъ церковныхъ обрядовъ; право строить новыя церкви и обновлять старыя; учреждать церковныя братства, семинаріи, школы и типографіи. Мѣщане православнаго исповѣданія допускались къ городскимъ должностямъ. Власть высшаго уніатскаго духовенства была ограничена въ тѣсные предѣлы: уніатскому митрополиту оставлена власть надъ одними только уніатами и назначенъ для жительства Выдубицкій монастырь. Имѣнія митрополіи кіевской постановлено передать православному митрополиту, который долженъ быть избираемъ западно-русскимъ дворянствомъ и получать посвященіе отъ патріарха константинопольскаго; такоежъ право на избраніе православныхъ епископовъ на епархіи: львовскую, луцкую, премысльскую и мстиславскую, также архимандрита кіевопечерской Лавры, которая со всѣми прочими церквами и монастырями, находящимися въ Кіевѣ, возвращены были православнымъ. Каждому предоставлено было право переходить изъ уніи въ православіе—и на оборотъ. Затѣмъ какъ уніаты такъ и православные обязаны были прекратить всякіе раздоры и жить между собою въ покоѣ, любви и согласіи [1]). Кромѣ того,

[1]) Арх. юго-запад. Россіи. Т. I, ст. XVIII, стр. 208.

эти примирительныя статьи подтверждены были особою грамотою короля Владислава IV, названною дипломомъ, даннымъ русскому народу въ Краковѣ 1633 года марта 14, который дипломъ записанъ сперва въ актахъ львовскихъ, а потомъ въ городскихъ луцкихъ тогожъ года на стр. 394.

Но эти примирительныя статьи, утвержденныя сеймомъ народнымъ и дипломомъ короля, не успокоили религіозныхъ раздоровъ; не прекратили преслѣдованій противъ православной религіи. Народы славянскіе, а въ томъ числѣ и народъ польскій почти никогда не обнаруживали въ своемъ характерѣ религіозной нетерпимости; мы даже видимъ изъ нѣкоторыхъ актовъ и мѣстныхъ памятниковъ, что давные католики, жившіе въ юго-западной Руси, не дѣлая строгаго различія между католическою и православною религіею, приглашали священниковъ крестить дѣтей и принимали отъ нихъ святое причастіе; они-же часто совершали надъ католиками обряды вѣнчанія и погребенія [1]). Большинство польскаго дворянства на сеймахъ подавало голосъ въ пользу вѣротерпимости, и охотно соглашались на всѣ мѣры примиренія враждовавшихъ партій. Но къ несчастію древней Польши, въ ея государственномъ составѣ существовала чуждая народнымъ интересамъ иноземная власть, старавшаяся наложить оковы на умъ и совѣсть польскаго и западно-русскаго народа; эта власть заключалась въ римской пропагандѣ, распространяемой всѣми средствами и особенно коварными іезуитами. Религіозный фанатизмъ, занесенный въ Польшу римскою пропагандою, поселялъ раздоръ между единоплеменными народами и подтачивалъ основанія польской республики, какъ ядовитый червь, загнѣздившійся въ тѣлѣ животнаго, или въ корняхъ растенія. Онъ, какъ погребальный факелъ, бросалъ зловѣщій свѣтъ на исторію Польши,

---

[1]) Арх. юго-запад. Россіи. ч. I, Т. I, ст. XXXVIII.

ведя это государство къ политической смерти. Какъ только король и сеймъ подтвердили означенныя выше примирительныя статьи и дипломъ, тотчасъ раздались протесты высшаго католическаго и уніатскаго духовенства. Примасъ королевства и вся клерикальная партія объявили, что эти постановленія короля и сейма въ пользу православной религіи не могутъ имѣть никакой законной силы, пока не будутъ утверждены апостольскою столицею.

Въ слѣдъ за тѣмъ отправлено было со стороны католическаго и уніатскаго духовенства посольство къ папѣ Урбану VIII съ жалобами на распоряженія польскаго правительства, нарушавшаго, по ихъ сужденію, права римскаго костела въ пользу еретиковъ и отступниковъ. Напрасно Владиславъ IV старался убѣдить столицу апостольскую, что возстановленіе религіозныхъ правъ русскаго народа основано на сущей справедливости; что въ противномъ случаѣ возникнетъ междоусобная война, опасная для самой уніи, если папа не утвердитъ статей сеймомъ постановленныхъ для примиренія религіозныхъ раздоровъ. Папа Урбанъ VIII передалъ это дѣло на разсмотрѣніе конгрегаціи, учрежденной въ Римѣ для распространенія католичества, которая отвергла всѣ сеймовыя постановленія, въ пользу православной религіи изданныя, объявивъ ихъ противными божескимъ и человѣческимъ законамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было папскому нунцію Гонорату издать отъ имени столицы апостольской публичный протестъ противъ всякихъ правъ, какія бы ни были предоставлены православной церкви [1]).

Такое рѣшеніе столицы римской, противное общему благу и спокойствію республики, парализируя своею политикою

[1]) Ostrowski. Dzicie i prawa kosciola polskiego. Warszawa. 1793 r. T. III, sh. 484.—Łukaszewicz. Dzicie kosciołów wyznania Helweckiego w Litwie. T I, str. 204.

государственные интересы Польши, сдѣлалось причиною новыхъ религіозныхъ смутъ и дальнѣйшихъ несчастій для западно-русскаго народа. Дворянство принуждено было по прежнему посылать на варшавскій сеймъ горькія жалобы на то, что предоставленныя православному русскому народу права сеймомъ и королемъ, подвергаются явному нарушенію; что православная церковь терпитъ жестокія обиды, особенно отъ уніатовъ; что уніатскій епископъ Терлецкій, завладѣвъ православными церквами, позамыкалъ ихъ и позапечатывалъ; что онъ мучитъ православныхъ священниковъ въ тюрьмѣ; что люди умираютъ безъ исповѣди и св. причастія, дѣти безъ крещенія и что умершіе погребаются въ полѣ безъ церковныхъ обрядовъ [1]). На провинціальномъ сеймѣ 1645 года дворянство волынское поручило своимъ посламъ говорить на варшавскомъ сеймѣ между прочимъ слѣдующее: «религія православная подвергается такимъ насиліямъ въ христіанскомъ католическомъ государствѣ, въ вольной и свободной республикѣ, какихъ не претерпѣваютъ и христіане—греки, находящіеся въ неволѣ у невѣрныхъ магометанъ. Церкви, монастыри и соборы у насъ отобраны; запрещено свободное отправленіе церковныхъ обрядовъ; бѣдные христіане умираютъ безъ св. причастія и несмѣютъ публично погребать умершихъ. Въ Люблинѣ, Сокалѣ, Бѣльскѣ и другихъ городахъ православные христіане принуждены тайно погребать умершихъ въ подвалахъ и домахъ своихъ; можетъ-ли быть еще большее рабство»?—Дворяне обязали пословъ своихъ вѣрою, честію и совѣстью не соглашаться ни на какое сеймовое постановленіе, пока народъ русскій не будетъ избавленъ отъ тяжкаго имъ испытываемаго

---

[1]) Архивъ юго-запад. Россіи. ч. 1, Т. I, ст. XXI, стр. 234; ст. XXII, стр. 254; ст. XXIII, стр. 270.

угнетенія [1]). Такія жалобы безуспѣшно продолжались до 1648 года, когда западно-русскій народъ, выведенный изъ терпѣнія, возсталъ поголовно подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго. Вопросы, которые не могло рѣшить дворянство посредствомъ сеймовъ, рѣшилъ народъ съ оружіемъ въ рукахъ и Зборовскій трактатъ, заключенный въ 1650 году, что подробно увидимъ изъ ниже слѣдующаго разсказа.

Мы уже вспомнили выше о началѣ украинскаго козачества, которое соединившись съ Польшею, ограждало ея границы отъ татарскихъ и турецкихъ нападеній. Короли польскіе, признавъ ихъ полезными для государства за ихъ военные услуги, пожаловали имъ земли и права, обезпечивавшія ихъ организацію и существованіе. Это пограничное казачье войско, при хорошемъ устройствѣ государства, могло быть полезнымъ для Польши, какъ оплотъ противъ набѣговъ кочующихъ татаръ [2]); но слабость польскаго правительства, направленіе

---

[1]) Арх. юго-запад. Россіи. Т. I, ст. XXV, стр. 287. Эта жалоба была повторена и на сеймикѣ 1646 года; тамъ же, ст. XXVI, стр. 319.

[2]) Для тѣхъ личностей, которые будучи мало знакомы съ событіями прошедшихъ временъ, воображаютъ, что давняя Польша была для жителей земнымъ раемъ, считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь на основаніи реальныхъ историческихъ фактовъ нѣсколько словъ о татарахъ и о производимыхъ ими въ Польшѣ опустошеніяхъ. Минуя нашествія Батыя и нѣкоторыхъ его преемниковъ, разорившихъ до крайности всю Польшу, пограничныя ея провинціи, особенно Подолье и Волынь весьма часто подвергались нападеніямъ крымскихъ хищниковъ—татаръ. Они производили опустошенія огнемъ и мечемъ, уводили на арканахъ тысячами, а иногда десятки тысячъ плѣнныхъ христіанъ разнаго пола и возраста—въ Крымъ. Минуя прочія ихъ нападенія, въ одно только царствованіе Сигизмунда III татары нападали на Польшу 12 разъ и опустошали ее. Въ 1618 году они напали на Волынь и Подолье, ужасно ихъ разорили, взявъ около 30 тысячъ плѣнныхъ жителей и огромную добычу, и эти хищники не тронутые ушли преспокойно въ Крымъ. Несчастные жители разорялись до крайности выкупомъ у татаръ плѣнниковъ, своихъ родныхъ. Въ 1698, 1703 и 1709 годахъ еще были нашествія этихъ варваровъ на Волынь и Подолье. Одинъ изъ польскихъ лѣтописцевъ говоритъ, что ни языкъ, ни перо не въ состояніи выразить всего ужаса,

религіознаго фанатизма и своеволіе польской аристократія обратили полезное ко вреду государства. Козачество оставлено безконтрольно своей воли, часто было причиной ссоры съ Турціею, а потомъ сдѣлалось грознымъ бичемъ и для самой Польши.

Когда польскіе паны и мѣлкая шляхта, исходатайствовавъ себѣ отъ королей привилегіи на староства и незаселенныя урочища, начали селиться въ Украинѣ, въ слѣдъ за ними втиснулись въ Украину множество евреевъ, сперва начали стѣснять сельскій народъ работами и разными повинностями, чему много пособляли арендаторы—евреи [1]). Потомъ они начали стѣснять и козачество, нарушая пожалованныя имъ королями права, отнимая подъ разными предлогами занятыя козачествомъ земли; къ тому еще присовокупилось и религіозное преслѣдованіе православнаго духовенства принужденіемъ къ уніи. Козачество часто приносило чрезъ своихъ депутатовъ жалобы королю и на сеймы, и просило защиты отъ несправедливости пановъ, старостъ и ихъ администрато-

произведеннаго въ странѣ этими нападеніями; небыло никому и ничему пощады отъ этихъ варваровъ. Нѣкоторые изъ жителей, особенно женщины, сами обрекали себя на смерть, чтобы не попасть въ ихъ руки. Недалеко отъ м. Боремля (дубенскаго уѣзда) показываютъ усыпанную могилу, гдѣ по преданію похоронены нѣсколько сотъ дѣвицъ, добровольно обрекшихъ себя на смерть, чтобы не быть взятыми въ плѣнъ и на позоръ татарамъ. Кромѣ того, эти варвары бывали причиной моровыхъ смертностей или повѣтрій, потому, что дорога, по которой они проходили, была усѣяна трупами человѣческими и скотскими; ихъ не было кому зарывать въ землю; они гнили на поверхности земли и заражали воздухъ. Вотъ какая была счастливая и роскошная жизнь за бывшее польское правительство!! Тутъ нельзя не сознать, что если не вся Европа, то большая часть ея должна чувствовать для Россіи благодарность за то, что она своими усиліями и многими жертвами успѣла разрушить варварскія гнѣзда татаръ, эти логовища летучихъ змѣй и все пожиравшей саранчи, бывшихъ нѣсколько вѣковъ ужаснымъ бичемъ и адскимъ страшилищемъ для христіанскихъ особенно сосѣднихъ народовъ.......

[1]) Объ этомъ смотри примѣчаніе подъ буквой ш.

ровъ; но эти жалобы были гласомъ вопіющаго въ пустыни: они оставались безъ удовлетворенія. Однажды король Владиславъ IV на аудіенціи данной депутатамъ козачества, выслушавъ принесенныя ими отъ имени козачества жалобы, рѣшительно сказалъ имъ: «вы козаки рыцари, имѣете сабли и ружья, этими защищайте свои права и свободу; на томъ полагайте свои надежды, а я ничего вамъ не могу пособить»[1]. Этотъ совѣтъ короля при стеченіи другихъ обстоятельствъ скоро и жестоко былъ приведенъ козачествомъ въ исполненіе, какъ увидимъ изъ слѣдующаго.

Къ великому несчастью Польши, а особенно жившихъ въ Украинѣ ксендзовъ, поляковъ и евреевъ, возникло на Украинѣ казусное дѣло между извѣстнымъ въ исторіи Богданомъ Хмельницкимъ, войсковымъ писаремъ или секретаремъ гетмана украинскаго козачества, и офиціалистомъ старосты Конецпольскаго, Чаплинскимъ. Послѣдній насильно отобралъ отъ Хмельницкаго хуторъ Соботовъ, находившійся близко Черкасъ, дарованный было Хмельницкому гетманомъ коронным Конецпольскимъ; кромѣ того, Чаплинскій обезчестилъ жену и высѣкъ розгами сына Хмельницкаго. Это несчастное дѣло, какъ-бы брошенная въ порохъ ракета, воспламенило всю Украину, сдѣлавшись поводомъ всеобщаго народнаго возстанія. Обиженный Хмельницкій сперва приносилъ жалобы на Чаплинскаго мѣстной власти и суду, потомъ королю и сейму, однакожъ, кромѣ насмѣшекъ, не получилъ никакого удовлетворенія за обиду, потому что Чаплинскаго защищалъ магнатъ Конецпольскій, сынъ умершаго гетмана. Тогда Хмельницкій обратился въ другую сторону: зная достаточно о кипящей въ сердцахъ украинскаго народа ненависти противъ утѣснителей ляховъ, особенно раздраженіе козачества за нарушеніе своихъ

---

[1]) Macieiowzki. pamiętniki starozytnej polski.

правъ, за религіозное преслѣдованіе духовенства и народа русскаго [1]), Хмельницкій къ этимъ горючимъ матеріаламъ успѣлъ бросить зажигательную искру и воспламенить: онъ вооружилъ козачество и народъ украинскій на защиту вѣры отцовъ и личной свободы отъ притѣснителей поляковъ. Сдѣлавъ нужное приготовленіе къ народному возстанію въ Украинѣ, онъ призвалъ еще въ помощь и кримскихъ татаръ. По данному Хмельницкимъ сигналу послѣдовало народное возстаніе по обѣимъ берегамъ р. Днѣпра; потомъ оно распространилось и въ другихъ польско-русскихъ провинціяхъ по р. Днѣстръ, Бугъ, Горынь, Случъ и Припеть. Полилась кровь людская ручьями, особенно поляковъ и евреевъ, всякаго возраста и пола. Озлобленная чернь, подстрекаемая внушеніемъ козачества и преслѣдуемаго духовенства, не щадила ничего, истребляя все безъ пощады и милосердія, какъ опустошительный ураганъ. Запылали огнемъ города, мѣстечка и села, церкви и монастыри латинскіе по Украинѣ, Подоліи и Волыни; одни гибли на мѣстѣ, особенно поляки и евреи не успѣвшіе спастись бѣгствомъ; другихъ татары забирали въ плѣнъ и уводили въ Крымъ. Проигранныя поляками сраженія подъ Пилявою, Жолтыми водами и Збаражемъ ослабили силы и духъ польской республики до крайности; оба польскіе гетмана Потоцкій и Клиновскій достались въ плѣнъ татарамъ, цвѣтъ польскаго рыцарства былъ уничтоженъ. Украина, Подолье и Волынь были тогда театромъ ужасныхъ сценъ и опустошеній; всё это были печальныя послѣдствія несправедливости, гордости и алчности лицъ, руководившихъ нравственнымъ направленіемъ поляковъ. Другая-же сторона, вооружившись на защиту своихъ правъ, личной свободы и вѣры отцами завѣщанной слишкомъ

---

[1]) Главный мотивъ народнаго возстанія былъ: «ляхи, вѣру нашу ломлятъ»! Одолѣвъ поляковъ, Хмельницкій поставилъ надъ р. Случемъ столбы съ надписью: «О такъ, знай ляше, що по Случъ наше».

поддалась чувству мести, чувству столь противному христіанской религіи и человѣколюбію. Послѣ долгой слишкомъ кровавой борьбы народа украинскаго съ Польшею дѣло возстанія кончилось тѣмъ, что вся заднѣпровская Украина отошла отъ Польши и присоединилась навсегда къ царству россійскому.

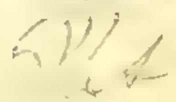
Это общенародное возстаніе въ Украинѣ случилось въ царствованіе королей Владислава IV и его брата Яна-Казимира. Они, можно сказать, пострадали за ошибки своихъ предмѣстниковъ, особенно за Сигизмунда III, положившаго основаніе всѣмъ этимъ смутамъ и несчастіямъ терзавшимъ Польшу. Уже тогда можно было предвидѣть сближавшееся роковое время паденія этого государства. На сеймѣ 1661 года король въ видѣ предостереженія о грозившей опасности откровенно высказалъ собравшимся на сеймъ полякамъ о шаткомъ положеніи польской республики; но для нихъ это былъ гласъ вопіющаго въ пустыни. Не лишнимъ также считаемъ вспомнить здѣсь слѣдующее: противъ сего короля коронный гетманъ Любомирскій возбудилъ шляхетскую конфедерацію (мятежъ), которая имѣла кровопролитныя столкновенія съ коронными войскомъ; король съ большими усиліями успѣлъ усмирить этотъ мятежъ Любомирскаго. Этотъ король, будучи безпотомнымъ, нѣсколько разъ предлагалъ собиравшимся на сеймы полякамъ избрать наслѣдника на престолъ, во избѣжаніе пагубныхъ послѣдствій междуцарствія (interregnum); но поляки не хотѣли на это согласиться, и наконецъ торжественно на сеймѣ объявили считать врагомъ отечества и свободы шляхетской каждаго, кто осмѣлится проектировать избраніе наслѣдника престола при жизни царствующаго короля. Этотъ король, будучи утомленъ тяжкими испытаніями внутреннихъ смутъ и огорченіями со стороны магнатовъ, вѣчно сопротивлявшихся его благимъ намѣреніямъ завести лучшій порядокъ въ государствѣ,

добровольно сложилъ съ себя тяжелое бремя польской короны и выѣхалъ навсегда безвозвратно во Францію.

§ 8.

Положеніе западно-русскаго дворянства во время борьбы Украины съ Польшею.—Подозрѣнія поляковъ противъ православныхъ.—Отступничество отъ православія распространяется.—Участь постигшая воеводу Выговскаго.—Польскіе жолнеры.—Преемники короля Яна-Казимира до послѣдняго короля Понятовскаго.

Народное возстаніе, возбужденное Богданомъ Хмельницкимъ, поставило западно-русскихъ дворянъ въ самое затруднительное положеніе. Въ инструкціяхъ, данныхъ посламъ отправленнымъ на варшавскій сеймъ, дворяне воеводствъ кіевскаго, черниговскаго и волынскаго изображаютъ свое состояніе самыми темными красками. Они тамъ жалуются, что потерявъ свое здоровье и имущество для спасенія отечества, принуждены скитаться по чужимъ дворамъ; что они съ своими имѣніями отданы на жертву распутному своеволію жолнеровъ, служащихъ республикѣ; что возвратившись въ свои имѣнія, опустошенныя огнемъ и мечемъ, нашли однѣ только развалины и трупы непогребенныхъ братьевъ своихъ. Отъ Буга до Днѣстра осталась одна степь, дикія поля, опустошенныя города и селенія, а все спасенное отъ непріятеля истребляется войсками республики. Напрасно они умоляли короля и республику о помощи и состраданіи, припоминая условія Люблинскаго сейма, когда югозападная Русь присоединялась къ Польшѣ, равно свои заслуги и жертвы, принесенныя въ защиту общей отчизны. Напрасно они изображали жалкое положеніе и нищету сельскаго люда въ разоренныхъ провинціяхъ, ожидая помощи отъ польскаго правительства. Поляки тогда смотрѣли на русскихъ вообще подозрительно, предполагая въ нихъ сочувствіе къ на-

родному украинскому возстанію и готовность къ измѣнѣ [1]). Поэтому многіе западнорусскіе дворяне для сохраненія своей жизни и имущества принуждены были или пристать къ козакамъ, или сдѣлаться поляками, отрекшись отъ своей народности и принявъ католицизмъ, такъ какъ вѣра латинская была тогда знаменемъ польской національности. Вмѣстѣ съ тѣмъ содержаніе и цѣль сеймовыхъ дворянскихъ постановленій совершенно измѣнились: дворяне уже не разсуждали ни о русской народности, ни о православной религіи; напротивъ того, они уже являются ревностными защитниками латинской вѣры [2]). Дворяне волынскіе хотя просили тогда о возвращеніи церквей отнятыхъ у православнаго духовенства, но это уже было не по усердію къ древней народной религіи, а только для того, чтобы отвратить новые бунты и возстанія въ народѣ [3]). Эта перемѣна въ духѣ сеймовыхъ постановленій доказываетъ, что полонизированіе западнорусскаго дворянства, подготовленное уже іезуитскимъ воспитаніемъ, начало быстро усиливаться въ западной Руси. Дворяне, переходившіе въ латинство, уже начали считать себя поляками, и такое предубѣжденіе, укоренившееся временемъ и обстоятельствами въ общественномъ мнѣніи, продолжается до настоящаго времени, такъ что потомки древнихъ русскихъ дворянъ и даже владѣтельныхъ князей русскихъ считаютъ себя поляками, если только исповѣдываютъ латинскую вѣру. Эти природные русскіе дворяне, отрекшіеся отъ своей народности и скрывшіе свое отступничество (renega-

---

[1]) Тѣнь этого подозрѣнія, брошеннаго поляками на русскихъ вообще, была главною причиной печальной участи, постигшей въ то время Ивана Выговскаго, воеводу кіевскаго, такъ какъ онъ не былъ польскимъ Яномъ, а русскимъ Иваномъ. Подробное описаніе его трагической кончины, смотри въ примѣч. подъ буквою в.

[2]) Архивъ Югозапад. Рос. т. I, ст. XXXV, стр. 419; ст. XXXVI, стр. 429.

[3]) Тамъ же, ст. XXXIV, стр 397.

tio) подъ чужеземнымъ названіемъ, разорвали моральную связь съ западнорусскимъ народомъ и перестали быть истинными его представителями»[1]).

При размышленіи надъ всѣми печальными событіями, разразившимися надъ бывшимъ польскимъ государствомъ, доведшими его къ гибели, приходимъ невольно къ тому заключенію: что эта своевольная свобода, которою поляки, или яснѣе говоря, шляхта такъ гордилась, называя ее золотою вольностію, о которой многіе фантазеры и екзальтированные мечтатели, незнакомые съ реальными событіями прошедшихъ временъ, вздыхаютъ, точно такъ, какъ евреи о обѣтованной землѣ, и о ожидаемомъ Мессіи; въ сущности эта воображаемая свобода была ничѣмъ инымъ какъ только безпорядкомъ, въ которомъ сердце и фантазія имѣли перевѣсъ надъ умомъ и разсудкомъ. Сама Польша это сознавала, и не совѣстилась говорить открыто, что Польша существуетъ безпорядкомъ; это сознаніе истины вошло у давнихъ поляковъ въ народную поговорку: «polska stoi nierządem»[2]). Въ удостовѣреніе нами сказаннаго можемъ указать въ примѣръ на испытанное польскимъ народомъ бѣдствіе отъ самого даже войска республики, которое, вмѣсто защиты отъ враговъ внѣшнихъ, обходилось съ обывателями края какъ бы съ врагами, какъ увидимъ изъ слѣдующаго.

Извѣстно, что главныя воинскія силы больше польской республики составляла шляхта, которая, въ случаѣ открыв-

---

[1]) Поименный списокъ древнихъ дворянскихъ родовъ западно-русскаго края, которые за бывшее польское правительство, перешли разновременно изъ православія въ латинство и назвали себя поляками, извлеченный нами изъ разныхъ памятниковъ главнаго архива здѣшняго края, а особенно изъ извѣстнаго многимъ полякамъ сочиненія польскаго автора—Песецкаго, подъ заглавіемъ: «Korona Polska» смотри примѣчаніе подъ буквой о.

[2]) Мнѣніе одного современнаго автора о характерѣ племенъ славянскихъ вообще, и народа польскаго въ особенности, смотри примѣчаніе подъ буквой р.

шейся кампаніи, созывалась къ народному ополченію (pospolite ruszenie) посредствомъ областныхъ воеводъ. Однакожъ для охраненія внутренняго порядка, особенно въ столичномъ городѣ и въ другихъ болѣе важныхъ пунктахъ края, содержалось въ Польшѣ нѣсколько регимептовъ (полковъ) регулярнаго войска, которое во время кампаній увеличивалось. Въ эти регименты опредѣлялись посредствомъ вербовки волонтеры изъ разныхъ сословій, весьма часто люди незавидной нравственности. Не разъ случалось такъ, что за недостаткомъ въ государственномъ казначействѣ наличныхъ денегъ, эти коронные регименты не получали долгое время слѣдуемаго имъ жалованья; тогда это войско выходило изъ надлежащаго повиновенія своимъ начальникамъ, самовольно занимало имѣнія коронныя, духовныя и помѣщиковъ, вознаграждая себя поборами и грабежемъ. Разореніе, этимъ войскомъ производимое, не было хуже разореній внѣшнихъ враговъ: жолнеры предавались распутному своеволію и безчинству, не щадя ни помѣщиковъ, ни старостинскихъ державцевъ, а тѣмъ болѣе крестьянъ; страданія жителей еще болѣе увеличивались частыми набѣгами татаръ, грабившихъ города, мѣстечка и селенія и уводившихъ въ плѣнъ огромное количество народа. Всѣ эти бѣдствія преимущественно обрушивались на пограничныя воеводства (области) юго-западной Руси, служившія оборонительною стѣною для всей польской республики. Выведенные изъ терпѣнія дворяне волынскіе поручили въ 1645 году посламъ своимъ спросить на главномъ варшавскомъ сеймѣ: «долго-ли наша отчизна, къ удивленію всѣхъ народовъ, будетъ имѣть въ неустройствѣ свои войска и долго-ли этими войсками сами себя будемъ воевать» [1])? Въ 1622 году дворянство волынское поручило своимъ депутатамъ (posłam) представить варшавскому сейму

---

[1]) Арх. юго-запад. Россіи. Т. I, ст. XXV, стр. 299 и 300.

жалкое состояніе края; дворяне въ своей инструкціи говорили: «за грѣхи наши мы покараны Господомъ различными казнями и бѣдствіями; мы доведены до нищеты, то частыми контрибуціями, то непрерывными войнами, то переходами войскъ чрезъ нашъ край, то толпами своевольныхъ людей, ежегодно появляющихся. Мы разорены нынѣшнею конфедераціею, измѣненіемъ монеты и неурожаемъ. Нѣсколько лѣтъ сряду мы подвергались нападеніямъ невѣрныхъ, производившихъ опустошенія огнемъ и мечемъ, такъ что намъ осталось только смотрѣть съ горестью на пепелище истребленныхъ имѣній, какъ своихъ собственныхъ такъ и братьевъ нашихъ. Мы истощились до крайности, платя за выкупъ изъ плѣна сыновей, женъ и малолѣтнихъ дѣтей, братьевъ и родственниковъ своихъ. Крестьяне въ нашихъ имѣніяхъ едва дышутъ отъ крайней бѣдности и нужды, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ умираютъ съ голоду» [1].

Теперь обратимъ нашъ критическій взглядъ на дальнѣйшія болѣе важныя событія, случившіяся при избирательныхъ (elekcyinych) короляхъ въ Польшѣ. Послѣ сложенія польской короны помянутымъ выше королемъ Яномъ-Казимиромъ на сеймѣ генеральномъ варшавскомъ для избранія новаго короля собравшимся; послѣ многихъ интригъ и споровъ, происходившихъ между партіями разныхъ претендентовъ на польскій престолъ, наконецъ вовсе неожиданно былъ избранъ королемъ князь Михаилъ Корибутъ Вишневецкій, сынъ разореннаго украинскимъ возстаніемъ магната и храбраго полководца Іеремін Вишневецкаго. Сначала этотъ избранникъ, благодаря соотечественникамъ за ихъ къ нему довѣріе, серьезно отказывался отъ королевскаго достоинства, какъ по причинѣ своего ограниченнаго состоянія по имѣнію, такъ равно и по пред-

---

[1]) Тамъ же, ст. XIII, стр. 138.

чувствію ожидавшихъ его испытаній на этомъ престолѣ; но избиратели успѣли склонить его къ принятію предложенной ему короны. Однакожъ въ скорости его предчувствія на дѣлѣ оправдались: гордые магнаты мало-уважали короля, по причинѣ ограниченныхъ матеріальныхъ средствъ, которыми они его превышали. Нѣкоторые изъ честолюбія завидовали его королевскому достоинству и составляли противъ него заговоры, съ намѣреніемъ устранить его отъ престола, выжидая только благопріятнаго къ тому случая. Главными его врагами были, архіепископъ-примасъ Пражмовскій и гетманъ Собѣскій; они интриговали противъ него не только въ Польшѣ, но и за границей—до той степени, что старались исходатайствовать разводъ для королевы его жены, посредствомъ австрійскаго императора ея брата. Они возбуждали противъ него конфедераціи; оказывали ему въ глаза неуваженіе, желая тѣмъ заставить его отказаться добровольно отъ престола. Во время одного общаго засѣданія сената и министровъ, въ которомъ присутствовалъ и король, приглашали отъ имени короля, находившагося въ сенатѣ гетмана Собѣскаго приблизиться къ трону, онъ отвѣтилъ приглашавшему: «мнѣ и здѣсь хорошо». Постигшая этого короля въ цвѣтущемъ возрастѣ смерть освободила его отъ дальнѣйшихъ крамолъ противниковъ и отъ всѣхъ непріятностей, открывъ путь къ престолу завистникамъ королевскаго сана. Въ царствованіе сего короля турки успѣли завладѣть Каменцемъ и цѣлымъ Подоліемъ, кромѣ того, польская республика трактатомъ обязалась платить ежегодно значительную дань въ пользу турецкаго Султана.

Послѣ смерти короля Михаила на генеральномъ варшавскомъ сеймѣ избранъ былъ королемъ гетманъ коронный Янъ Собѣскій, извѣстный въ исторіи одержанною побѣдою надъ турецкою арміею подъ Хотинемъ за Днѣстромъ, также спасеніемъ столицы австрійской имперіи Вѣны, обложенной

было многочисленнымъ турецкимъ войскомъ. Этотъ король, подобно своему предмѣстнику, также испыталъ много зависти и сопротивленій благимъ намѣреніямъ, клонившимся къ пользѣ государства, со стороны гордыхъ и упрямыхъ вельможъ. Нѣсколько разъ онъ хотѣлъ вовсе отказаться отъ польской слишкомъ тяжелой короны, но королева его жена удержала отъ исполненія сего намѣренія. Этотъ король, по свидѣтельству объ немъ исторіи, былъ храбрымъ и искуснымъ полководцемъ, но въ государственныхъ дѣлахъ слабымъ дипломатомъ; къ тому еще жена его, слишкомъ гордая и властолюбивая женщина, часто огорчала короля въ семейной жизни и вмѣшивалась въ государственныя дѣла Польши [1]). Она старалась поддерживать интересы вѣнскаго двора, умѣвшаго льстить ея самолюбію и надеждамъ на пріобрѣтеніе удѣльнаго молдавскаго княжества; этимъ, по сказанію польскихъ историковъ, она много вредила интерессамъ собственнаго государства. Кромѣ того, она своею гордостію и крутымъ нравомъ отравила семейный быть своего мужа короля, а по его смерти старалась своими интригами помѣшать родному сыну быть избраннымъ на польскій престолъ. Въ царствованіе сего короля случилось въ Польшѣ (въ походѣ XVII столѣтія) дѣло казусное, напоминавшее времена существованія въ Европѣ трибунала инквизиціи (sancti officij). Дворянинъ Лещинскій, человѣкъ ученый, въ чинѣ судьи брестъ-литовскаго земскаго суда, былъ обвиненъ предъ властію духовною о распространеніи идей атеизма по этому обвиненію епископъ виленской епархіи велѣлъ его арестовать и предалъ духовному суду. Не смотря однакожъ ни на оппозицію власти свѣтской, по сему предмету объявленной, ни на ходатайство разныхъ лицъ объ его освобожденіи, по инсти-

[1]) Ее даже обвиняютъ во взяткахъ, получаемыхъ ею за должностныя мѣста высшихъ сановниковъ духовныхъ и свѣтскихъ, также за пожалованныя королемъ староства.

гаціи виленскаго и другихъ латинскихъ епископовъ этотъ несчастный былъ подвергнутъ смертной казни [1]).

Послѣ кончины короля Собѣскаго магнаты и избранные дворянствомъ на провинціальныхъ сеймахъ (sejmiki woiewódzkie) послы собрались въ Варшаву на генеральный сеймъ для избранія короля. Тогда выступили на сцену двѣ партіи, изъ которыхъ одна партія избрала въ короли принца французскаго Конти, а другая курфирста саксонскаго Фридриха-Августа [2]). Архіепископъ-примасъ объявилъ всенародно королемъ польскимъ принца Конти, а епископъ Домбскій, членъ противной партіи, объявилъ королемъ курфирста саксонскаго; поэтому чуть не дошло тамъ же на мѣстѣ избранія до междоусобнаго столкновенія, тѣмъ болѣе, что тогда спокойствіе государства было уже нарушено возникшею въ Литвѣ конфедераціею, возбужденною нахальными поступками виленскаго епископа Бржостовскаго противъ гетмана Сапѣги. Тогда выступили противъ себя двѣ вооруженныя партіи, какъ двѣ враждебныя арміи; одною партіею командовали Вишневецкіе, а другою Сапѣги; жертвами этихъ безпорядковъ были даже нѣкоторыя знаменитыя личности, какъ Бяллозоръ и Михаилъ Сапѣга.

Избранный король, курфирстъ саксонскій, подъ именемъ Августа II, желая утвердиться на польскомъ престолѣ, равно успокоить взволнованные умы и возникшіе безпорядки въ Польшѣ и Литвѣ, обратился къ содѣйствію и посредничеству россійскаго императора Петра I, который прислалъ ему свое войско подъ командою генераловъ князя Долгорукаго и Шереметева. Стараніемъ короля и посредничествомъ россійскаго императора

---

[1]) Historya narodu polskiego, Henryka Szmitta galicianina. Lwów. 1855 г.

[2]) На этотъ сеймъ, по свидѣтельству польскихъ историковъ того времени, обѣ партіи прибыли вооруженными, какъ бы на сраженіе. Но такія сцены не были новостью въ Польшѣ.

происходившие въ Польшѣ безпорядки были усмирены, враждовавшіе между собою магнаты помирились, и спокойствіе въ Польшѣ водворилось, но не на долго [1]). При королѣ въ столицѣ находились саксонскія войска, которыя во время происходившихъ смутъ были необходимо нужны; но когда въ краѣ водворилось спокойствіе, поляки начали смотрѣть недовѣрчиво на эти иностранныя войска, и требовали у короля немедленнаго удаленія его изъ областей польскихъ. Король подъ разными предлогами медлилъ эту высылку своего войска; тогда поляки начали подозрѣвать короля въ замыслахъ ввести въ Польшу монархическое правленіе, столь противное ихъ образу мыслей насчетъ шляхетской свободы (złotej wolnosci). Между тѣмъ, по подстрекательству нѣкоторыхъ лицъ безпокойнаго характера, произошли въ самой Варшавѣ довольно непріятныя, хотя частныя, столкновенія между польскими и саксонскими жолнерами; поляки, видя, что король не высылаетъ своего войска изъ Польши, завязали шляхетскую конфедерацію противъ саксонскаго войска; слѣдствіемъ чего произошли довольно чувствительныя стычки между обѣими сторонами въ разныхъ мѣстахъ. Это наконецъ побудило короля къ скорой высылкѣ своего войска изъ предѣловъ Польши; тогда уже стараніемъ короля умиротворилось польское государство и приступлено было къ нѣкоторымъ административнымъ устройствамъ внутренняго управленія и законодательства.

Но несчастная звѣзда опять появилась на польскомъ горизонтѣ и вскорѣ разразилась ужасная гроза надъ этимъ государствомъ. Польша, по силѣ заключеннаго съ россійскимъ императоромъ Петромъ I трактата, вмѣшалась въ войну Россіи

---

[1]) Избранный другою партіею королемъ польскимъ принцъ Конти, хотя прибылъ въ предѣлы Польши, но не дождавшись ожидаемыхъ матеріальныхъ подкрѣпленій со стороны Франціи и Польши, принужденъ былъ оставить предѣлы Польши и возвратиться восвояси, тѣмъ и кончилось его избраніе въ короли.

съ королемъ шведскимъ Карломъ XII; слѣдствіемъ чего этотъ побѣдоносный герой шведскій занялъ своими войсками почти всю Польшу и столицу Варшаву. Король польскій Августъ II принужденъ былъ удалиться изъ Польши въ Саксонію; но будучи стѣсненъ и тамъ превозмогавшими силами Карла XII, совершенно отказался отъ польскаго престола. // Затѣмъ, по содѣйствію тогожъ Карла XII, поляки на созванномъ сеймѣ избрали королемъ польскимъ Станислава Лещинскаго, который подъ покровительствомъ шведскаго героя возсѣлъ на польскомъ престолѣ, но не надолго. После достопамятнаго сраженія, происшедшаго между россійскими и шведскими войсками подъ Полтавой (откуда герой шведскій Карлъ XII едва спасся бѣгствомъ въ предѣлы турецкаго государства), — о которомъ сраженіи сложилась въ русскомъ народѣ поговорка: «пропалъ, какъ шведъ подъ Полтавой», обстоятельства измѣнились и въ Польшѣ. Король Августъ II послѣ уничтоженія арміи шведской подъ Полтавой, не смотря на свое вынужденное отреченіе, при содѣйствіи союзника императора Петра I опять взошелъ на польскій престолъ. Избранный королемъ Лещинскій принужденъ былъ оставить Польшу; въ Данцигѣ переодѣтый въ мужицкое платье, онъ съ большими трудностями и опасностями едва успѣлъ достаться въ предѣлы прусскаго государства, а потомъ уѣхалъ во Францію. / Король Августъ II довольно долго царствовалъ въ Польшѣ; о его характерѣ польскіе историки отзываются, что онъ былъ легкомысленный и романическій; для полученія польской короны онъ измѣнилъ свою прежнюю религію принявъ католичество. Причиною его смерти была рана на ножномъ пальцѣ, происшедшая отъ ушиба, которую лекаря не могли излечить; отъ этой раны впослѣдствіи появилась гангрена, а за нею смерть.

Послѣ кончины Августа II уже не было такъ, какъ бывало прежде, много претендентовъ на польскую корону; а

потому поляки избрали на престолъ сына умершаго короля, подъ именемъ Августа III. Онъ царствовалъ въ Польшѣ до 1763 года, въ которомъ скончался.

О царствованіи въ Польшѣ саксонской династіи историкъ Лелевель и другіе единогласно отзываются: что въ періодъ того времени испорченность нравовъ въ Польшѣ дошла до высшей степени—и созрѣли вполнѣ всѣ эти причины, которыя наконецъ привели это государство къ окончательному паденію. Они утверждаютъ, что Польша въ то время была похожа на шумную корчму, въ которую всякъ безъ спроса можетъ войти и тамъ безнаказанно производить шумъ, споръ, драку и всякое безчинство; отсюда произошла польская поговорка: «za króla Sasa, pij, hulaj i popuszczaj pasa» [1]). Въ довершеніе злополучія Польши, религіозное преслѣдованіе иновѣрцевъ, стѣсненіе ихъ правъ гражданскихъ, поддерживаемыя латинскимъ духовенствомъ, особенно патерами іезуитами (ad maiorem gloriam Dei), нисколько не прекращались; чему служатъ ясными доказательствами между прочимъ слѣдующіе факты: a) договоръ конфедераціи съ королемъ, послѣдовавшій въ 1717 году и внесенный въ книгу законовъ [2]), по которому опредѣлено, новопостроенныя протестантскія церкви уничтожить, воспретивъ собираться на общія молитвы и проповѣди въ такіе дома, гдѣ прежде этого не бывало. b) Скандалезное дѣло о безпорядкахъ, происшедшихъ въ 1724 году въ г. Торнѣ между учениками іезуитской школы и тамошними протестантами [3]). c) Когда въ царствованіе короля Августа III дворяне воеводства краковскаго избрали депутатомъ на генеральный сеймъ дворянина Піотровскаго, то по наущенію латинскаго духовенства этого депутата не допустили въ засѣданіе сеймоваго

[1]) За короля Саса, пей, гуляй—и кушакъ попускай.

[2]) Volum. legum. T. VI.

[3]) Разсказъ объ этомъ происшествіи помѣщенъ въ § 6.

собранія, единственно по той причинѣ, что онъ былъ реформатскаго исповѣданія. d) Въ царствованіе тогожъ короля канонинъ виленской епархіи Жебровскій въ произнесенной имъ рѣчи въ сеймовомъ собраніи, бывшемъ въ г. Гроднѣ, доказывалъ присутствующимъ, что всѣ испытанныя поляками несчастія Богъ допускаетъ за то, что они не стараются уничтожить иновѣрцевъ, живущихъ въ областяхъ польскаго государства; въ такомъ же духѣ проповѣдывали въ разныхъ мѣстахъ при всякихъ удобныхъ случаяхъ оо. іезуиты, особенно патеръ Вота и другіе имъ подобные клерикалы-фанатики.

§ 9.

Состояніе Польши въ періодъ избирательныхъ королей, въ отношеніяхъ законодательномъ, судебномъ и нравственномъ.—Исполненіе судебныхъ рѣшеній посредствомъ вооруженной силы (szlacheckie zaiazdy).—Сеймы генеральные (narodowe) и сеймы провинціальные (sejmiki wojewódzkie).—Законъ Liberum veto (niepozwalam) и его послѣдствія.—Междуцарствіе (interregnum) и его послѣдствія.—Интелигенція и воспитаніе по системѣ іезуитской.—Аристократія и шляхта въ общественной и домашней жизни.—Сужденіе польскихъ историографовъ о давней Польшѣ.

Прежде чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію важнѣйшихъ событій, случившихся въ Польшѣ при избраніи и въ періодъ царствованія послѣдняго короля Понятовскаго до совершеннаго паденія польскаго государства, обратимъ безпристрастный взглядъ на состояніе давней Польши въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ.—Изъ польской исторіи видно, что уже за династіи Ягеллоновъ рыцарство или сословіе шляхетское начало ограничивать власть королей и расширять собственныя права. За избирательныхъ же (elekcyinych) королей это сословіе успѣло забрать въ свои руки законодательную, административную и воинскую власть. Король безъ дозволенія сейма не имѣлъ права распоряжаться ни въ чемъ, даже жениться. Короли были избираемы шляхетскими партіями по руководству

и воли магнатовъ весьма часто несогласныхъ и ссорившихся между собой. Власть законодательная по основнымъ законамъ принадлежала генеральному (narodowemu) сейму, состоявшему изъ короля, сената и земскихъ депутатовъ (posłów sejmowych), избираемыхъ дворянствомъ на провинціальныхъ сеймахъ (sejmiki). Чѣмъ болѣе усиливалось вліяніе на государственныя дѣла аристократіи, тѣмъ больше уменьшалось значеніе представителей законодательной власти, то-есть, короля и посольской палаты. Такимъ образомъ нарушено было равновѣсіе политическихъ силъ, необходимое для правильнаго государственнаго устройства, которое особенно обнаруживалось во время междуцарствій (interregnum), какъ увидимъ изъ слѣдующаго.

По смерти каждаго польскаго короля представителемъ верховной власти являлся примасъ королевства, архіепископъ Гнезненскій. Эта власть примаса, большею частію старика удрученнаго лѣтами, была слабою и недостаточною. Государство во время междуцарствія распадалось на нѣсколько аристократическихъ республикъ, слабо связанныхъ между собою. Всѣ судебныя мѣста прекращали свои дѣйствія: верховная власть государя въ отношеніи къ суду и мѣрамъ внутренней безопасности переходила къ дворянамъ. Дворянство каждой области (Woiewództwa) избирало изъ среды своей депутатовъ для управленія краемъ, установляло порядокъ судопроизводства и опредѣляло мѣры наказанія за нарушеніе законовъ. Эти депутаты, извѣстные въ своемъ комплектномъ составѣ подъ названіемъ каптуровыхъ судовъ (Sądy kapturowe), рѣшали дѣла окончательно; для строгаго исполненія ихъ приговоровъ дворяне обязывались на непослушнаго депутатскому суду возстать поголовно, итти на него войной, какъ противъ врага отечества [1]).

---

[1]) Архивъ юговапад. Россіи. Т. I, ст. II, стр. 30.

Однакожъ, не смотря на эти строгія мѣры, междуцарствіе было для народа временемъ опасностей, раздоровъ и внутреннихъ безпорядковъ, производимыхъ буйными и мятежными людьми [1]); отъ того произошли у поляковъ народныя поговорки: «burzą się bo króla w ziemi niesłyszą» и наоборотъ, когда уже возстановилась королевская власть въ краѣ: «ucichli, bo króla w ziemi posłyszeli» [2]). Народы сосѣдніе, пользуясь внутренними безпорядками и слабостію исполнительной власти, принимали угрожающее положеніе. Польскіе аристократы тѣмъ временемъ придумывали для собственной пользы постановленія, ограничивавшія королевскую власть и доводившія её до совершеннаго безсилія. Затѣмъ новоизбранный король, согласившись на эти постановленія и подтвердивъ ихъ присягою, часто принималъ на себя неисполнимыя обязанности и поэтому дѣлался клятвопреступникомъ. Тогда возникалъ народный ропотъ, подстрекаемый недовольными; дворяне считали себя въ правѣ не повиноваться королю; составлялись мятежные союзы и конфедераціи, часто разрушавшія и частное и государственное благосостояніе [3]).

Высшая судебная инстанція для малопольскихъ воеводствъ былъ трибуналъ Люблинскій, коего депутаты избираемы были дворянствомъ. При крайней слабости исполнительной власти приговоры трибунала часто оставались безъ исполненія. Люди сильные, совершавшіе уголовныя преступленія, пренебрегали не только низшими судебными инстанціями, но и трибуналомъ, не являясь на судъ по его требованію. Тогда трибуналъ за ослушность законной власти приговаривалъ ихъ къ лишенію чести (bannitio)

---

[1]) Тамъ же, ст. II, стр. 19.

[2]) То-есть: возмутились, не слыша короля въ землѣ.—Затихли, почувъ короля въ землѣ.

[3]) Арх. юго-запад. Россіи. ст. XVI, стр. 191. Инструкція дворянъ волынскихъ, данная посламъ на генеральный сеймъ по смерти короля Сигизмунда III.

и осуждалъ даже на изгнаніе изъ отечества; но осужденные, если принадлежали къ могущественной аристократіи, или вовсе не обращали вниманія на судебные приговоры, или получали изъ королевской канцеляріи охранительныя грамоты (glejt, list żelazny) и такимъ образомъ избѣгали наказанія. Поэтому государство наполнялось людьми лишенными чести и осужденными на изгнаніе (bannity). Эти лица не только не боялись правосудія, но безнаказанно совершали новыя преступленія, нападая вооруженною рукой на мелкихъ дворянъ и отнимая у нихъ насильно земли, или движимое имущество [1]). Для разсылки судебныхъ требованій (pozew), призывавшихъ отвѣтчиковъ по заведеннымъ искамъ въ судъ для бытности и объясненій при разбирательствѣ тяжебнаго дѣла, опредѣлялись при каждой судебной инстанціи присяжные чиновники подъ названіемъ возныхъ (woźny). Этимъ вознымъ при исполненіи своей должности, т. е. при врученіи отвѣтчику, или кому изъ его домашнихъ, въ домѣ или въ другомъ мѣстѣ, смотря по удобности посланнаго судомъ требованія, надо было вести себя весьма ловко и осторожно, чтобы не попасть на дурное расположеніе панскаго духа, и не получить отъ пана щедраго подарка розги или нагайки. На опытѣ это часто случалось; а потому лица дворянскаго званія избѣгали такихъ должностей, и по большей части оныя исполняли люди изъ низшихъ сословій, болѣе привыкшіе къ капризамъ и непріятностямъ.

О слабости исполнительной власти можемъ судить изъ слѣдующаго примѣра: для исполненія послѣдовавшаго послѣ долгихъ проволочекъ и изворотовъ отвѣтчика судебнаго рѣшенія, которымъ судъ опредѣлялъ возвратъ истцу неправильно отнятаго имущества, или же отдачу имѣнія должника во вре-

---

[1]) Арх. югозапад. Рос. Т. I. ст. XXVI, стр. 330—331.

менное владѣніе истца, для выручки изъ онаго слѣдуемаго кредитору капитала, или начета инаго рода, что называлось по тогдашнему «Традыція» (Tradycya), исполнительный урядъ, смотря по характеру отвѣтчика, весьма часто принужденъ былъ собирать околичную шляхту, вооруженную какъ бы на войну, для занятія имѣнія отвѣтчика въ пользу истца: это называлось заѣздъ (zaiazd) имѣнія стороны обвиненной по иску. На такихъ заѣздахъ иногда случалось, что сторона проигравшая процессъ, собравъ толпу шляхты, своихъ друзей, также вооруженныхъ и напитками порядочно угощенныхъ, ослушивалась противъ рѣшенія и исполнительнаго уряда, не допуская занять присужденнаго истцу имѣнія. Въ такихъ обстоятельствахъ, иногда происходили между собранною обѣими сторонами шляхтою, разгоряченною напитками, чувствительныя столкновенія; при чемъ доставалось не разъ и истцамъ, вмѣсто ожидаемаго удовлетворенія, обруганіе и побои; иногда на этихъ заѣздахъ случались, въ азартѣ раздраженія и нетрезвости, изувѣчья и смертоубійства между собранною толпою шляхты, и затѣмъ возникали мщенія, или новыя тяжебныя и уголовныя дѣла въ судебныхъ мѣстахъ.

Законодательная власть по основнымъ законамъ бывшей польской республики принадлежала (какъ мы уже сказали) генеральному или народному сейму, въ которомъ засѣдали избранные дворянствомъ на провинціальныхъ сеймикахъ депутаты (posłowie). Въ конституціи основныхъ (kardynalnych) законовъ бывшаго польскаго государства существовалъ законъ подъ юридическимъ названіемъ — «Liberum veto, или—niepozwalam». По этому закону голосъ или мнѣніе одного сеймоваго депутата имѣлъ перевѣсъ надъ голосами или мнѣніями всѣхъ прочихъ на сеймѣ присутствовавшихъ депутатовъ; так, если напримѣръ 99 голосовъ согласились на какое либо постановленіе, относящееся къ государственнымъ дѣламъ, но одинъ,

т. е. сотый, объявилъ въ томъ свое несогласіе, то въ такомъ случаѣ оппозиція этого одного уничтожала мнѣніе всѣхъ 99. Сословіе рыцарское или шляхта, вопреки здравому смыслу, смотрѣла на этотъ чудовищный законъ какъ на гарантію своей свободы и правъ шляхетскихъ [1]). Но время и опытъ доказали имъ на дѣлѣ, что этотъ законъ Liberum veto много содѣйствовалъ къ разстройству порядка и къ паденію государства; ибо между благомыслящими и любящими свое отечество случались такіе люди, которые изъ личныхъ видовъ измѣняли отечеству и своему долгу, срывая общіе сеймы на основаніи этого закона. Въ числѣ прочихъ, такими измѣнниками, по сказанію польской исторіи, оказались: Сѣцинскій, посолъ упитскій, на сеймѣ 1653 г.—Янъ Олизаръ, посолъ кіевскій, на сеймѣ 1669 г., которому сдѣланъ былъ публично извѣтъ о полученіи имъ взятки съ призывомъ на судъ сейма. Подобнаго злоупотребленія допустились также послы: Пржиѣмскій, по причинѣ супружества сына курфирста брандебургскаго съ богатою княжною Радзиviловною, о которой также старался Собѣскій, сынъ польскаго короля; Пржиѣмскій, получивъ награду отъ курфирста, прервалъ дѣйствіе сейма, чтобы этимъ пособить намѣренію курфирста и его сына въ женитьбѣ съ Радзивиловною. Городыскій своею оппозиціею прервалъ дѣйствіе сейма варшавскаго 1696 г. въ угожденіе королевѣ Собѣской и гетману Сапѣгѣ; а Пузына, староста упитскій, прервалъ сеймъ варшавскій 1713 г. въ угожденіе литовскому гетману. Законъ—Liberum veto, хотя очевидно противный здравому смыслу, хотя онъ причинилъ много вреда интересамъ Польши, однакожъ существовалъ въ Польшѣ, какъ вкоренившійся въ тѣло ракъ, до эпохи послѣдняго короля Понятовскаго: это намъ доказываетъ, какъ трудно

[1]) Польская шляхта этотъ законъ Liberum veto называла «zrzenica wolnosci szlacheckiej» (зѣница шляхетской свободы), но на дѣлѣ онъ былъ не зѣницею, а бѣльмомъ, катарактой на глазахъ польско-шляхетскаго сословія.

и частнымъ лицамъ и народамъ разстаться съ принятыми разъ обычаями и застарѣлыми предубѣжденіями, даже очевидно вредными и противными логикѣ ума и здраваго разсудка. Однакожъ нельзя отрицать и того, что въ описываемомъ нами періодѣ существованія Польши являлись иногда какъ между магнатами, такъ и между шляхтою, люди отличавшіеся умомъ, наукой, любовью къ отечеству и примѣрнымъ поведеніемъ, сознававшіе и искренно желавшіе исправить зло, загнѣздившееся въ Польшѣ; что же касается религіозности, мужества и гостепріимства польскаго народа вообще, то эти качества народнаго характера извѣстны всей Европѣ. Но къ несчастію, отсутствіе въ государственной администраціи и въ законодательствѣ хорошихъ принциповъ; худое направленіе воспитанія шляхетской молодежи въ іезуитскихъ коллегіумахъ [1]); излишняя гордость аристократіи и буйный характеръ шляхетскаго сословія, мало образованнаго, гордящагося лишь своими привилегіями и худо понятою свободой съ крайнимъ униженіемъ остальныхъ народныхъ сословій—постепенно разрушали основы и связь политическаго зданія и довели его къ окончательному паденію, какъ увидимъ изъ дальшаго разсказа.

Для вѣрнѣйшаго объясненія выше сказаннаго нами въ общихъ чертахъ начнемъ съ воспитанія польской молодежи, которымъ по большей части управляли патеры іезуиты. Объ этомъ предметѣ польскій историкъ Лелевель такъ отозвался:

---

[1]) Вотъ какъ одинъ знаменитый писатель нашего столѣтія отзывается о дѣятельности іезуитовъ: «іезуитамъ нуженъ былъ рычагъ, который бы дѣйствовалъ на души; они въ людской склонности къ легковѣрію нашли самое могущественное для себя орудіе: поэтому іезуиты старались овладѣть умами юношества и такъ ловко взялись за дѣло, что человѣкъ вышедшій изъ ихъ рукъ, становился человѣкомъ совершенно искаженнымъ: онъ уже не жилъ въ дѣйствительности, но его умъ блуждалъ во мракѣ; свѣтъ былъ скрытъ отъ его глазъ и онъ становился рабомъ самымъ послушнѣйшимъ; словомъ, іезуиты умѣли довести человѣка ими воспитаннаго до галюцинаціи. Laurent, Guerres de religion p. 252—257.

«воспитаніе шляхетской молодежи въ этой эпохѣ заключалось въ изученіи латыни, правилъ грамматики, реторики и поэзіи; также въ софизмахъ философіи и схоластической теологіи, приготовлявшихъ умы молодыхъ людей къ диспутамъ и полемикѣ на разные лады, такъ что одинъ и тотъ-же предметъ, смотря по обстоятельствамъ, можно было представить и бѣлымъ и чернымъ. Въ этомъ іезуитскомъ воспитаніи хуже всего было то, что они внушали въ умы молодежи фанатизмъ и ненависть къ иновѣрцамъ. Это весьма часто обнаруживалось въ буйныхъ поступкахъ, оскорблявшихъ человѣчество, религію и цивилизацію» [1]).

Изъ шляхетской молодежи, окончившей курсъ наукъ въ іезуитскихъ учебныхъ заведеніяхъ, сыновья богатыхъ родителей отправлялись за границу для окончанія своего воспитанія въ высшихъ наукахъ, или оставались дома, приготовляясь къ занятіямъ свойственнымъ ихъ званію. Молодые дворяне бѣдныхъ родителей, одни поступали въ духовное званіе, свѣтское или монашеское, другіе помѣщались въ домахъ богатыхъ помѣщиковъ, занимаясь приготовительнымъ воспитаніемъ ихъ дѣтей, или корепетиціей при старшихъ возрастомъ, или же при администраторахъ ихъ имѣнія; иные служили при надворномъ войскѣ магната, или резидентами были, въ родѣ свиты при панскихъ дворахъ; такихъ дармоѣдовъ поляки обыкновенно называли: pieczeniarze, или—łazanki; нѣкоторые изъ нихъ помѣщались при адвокатахъ судебныхъ мѣстъ (mecenasy) для практическаго изученія законовѣдѣнія и судебнаго производства дѣлъ, такихъ обыкновенно называли палестрантами (palestra). Занятія же промысломъ торговли и ремеслами были крайне унизительны для шляхтича, чему также былъ поводомъ польскій законъ, который лишалъ дворян-

[1]) До какихъ средствъ іезуиты прибѣгали съ цѣлью религіознаго преслѣдованія иновѣрцевъ, смотри примѣч. подъ буквою v.

скаго достоинства тѣхъ, кои занимались лавочною торговлею. Въ этомъ періодѣ считалось въ Польшѣ неприличнымъ занятіемъ для шляхтича быть лекаремъ или художникомъ; такими предметами обыкновенно занимались иностранцы и евреи. Въ тѣ времена поляки, подражая обычаямъ французскимъ, приняли идею пустаго чванства своимъ шляхетскимъ гоноромъ (punkt honoru szlacheckiego), который не одному изъ нихъ сталъ костью въ горлѣ по причинѣ часто возникавшихъ распрей и поединковъ за пустыя ничего не значущія слова; особенно это часто случалось между людьми гордыми, раздражительнаго темперамента, тѣмъ болѣе, что буйный характеръ тогда считался признакомъ рыцарскаго духа, который присвоивалъ себѣ каждый безтолковый наглецъ, каждый буянъ и биберіусъ.

Теперь обратимъ нашъ взглядъ на образъ домашней и общественной жизни шляхетскаго сословія бывшей Польши, также на порядокъ провинціальныхъ сеймовъ (sejmiki), гдѣ вполнѣ выказывалось это наивное и вмѣстѣ разпузданное своеволіе мелкой шляхты, руководимой аристократами. Въ періодъ того времени равенство польскаго дворянства изображалось обыкновенною фразою: «szlachcic na zagrodzie, równy woiewodzie» то-есть, шляхтичь на своемъ огородѣ, равный воеводѣ (сенатору). Однакожъ это мнимое равенство было только номинальнымъ; на практикѣ польская шляхта дѣлилась довольно рѣзкою чертой на высшія и низшія степени. Аристократія по роду, богатству и государственнымъ должностямъ занимала всегда первое мѣсто; другое мѣсто занимали въ обществѣ помѣщики (obiwatele) менѣе знатные родомъ, но владѣвшіе значительными помѣстьями, уѣздные чиновники и присяжные юристы (mecenasi); на третьей степени помѣщались оффиціалисты знатныхъ пановъ, посессоры или арендаторы значительныхъ имѣній и мелкопомѣстные владѣльцы; самую низ-

шую степень занимали официалисты небогатыхъ помѣщиковъ и шляхта чиншовая. Каждый, а особенно богатый помѣщикъ, распоряжался въ своемъ имѣніи безконтрольно, почти какъ удѣльный князь, весьма мало или вовсе не обращая вниманія на государственные уставы, которые сами поляки сравнивали съ паутиной, въ коей только мелкія мухи вязнуть, но большія легко отъ ней освобождаются (ustawy nasze, iako pajęczyna— muszka ulgnie, alebąk przecina). О буйныхъ поступкахъ и авантюрныхъ дѣйствіяхъ польскихъ магнатовъ того періода можно бы составить огромныя фоліанты трагическихъ и комическихъ повѣстей, но по краткости сего очерка ограничимся разсказомъ нѣсколькихъ анекдотъ о поступкахъ старосты Каневскаго (Потоцкаго), кастеляна Мелецкаго, воеводы Потоцкаго и старосты Гулевича. Эти образчики могутъ намъ дать хотя приблизительное понятіе, до какой степени возвышалась ихъ необузданная наглость и своеволіе, не знавшія никакихъ ограниченій [1]). Магнатъ провинціальнаго суда вовсе не боялся; его могъ осудить только одинъ сеймъ, но, по пословицѣ—воронъ ворону глазъ не клюетъ... Каждый изъ магнатовъ имѣлъ въ уѣздѣ свою партію, готовую къ его услугамъ всегда и вездѣ—на ловахъ, на заѣздахъ въ случаѣ надобности, на конфедераціяхъ и сеймикахъ; его воля была ихъ волею, онъ былъ оракуломъ своей партіи; нѣкоторые изъ партизановъ, особенно имѣвшіе важное вліяніе на мелкую шляхту, состояли на жалованьи у своихъ патроновъ. Роскошная жизнь тогдашнихъ магнатовъ до неимовѣрнаго излишества извѣстна каждому мало-мальски знакомому съ историческими памятниками періода существованія Польши. Напримѣръ, они дѣлали конскіе подковы изъ серебра: о чемъ свидѣтельствуетъ памятникъ

[1]) Чтобы однакожъ не прерывать нить нашего сужденія о главномъ предметѣ, помѣщаемъ тотъ разсказъ о поступкахъ помянутыхъ лицъ въ примѣч. подъ буквой в.

посольства магната Оссолинскаго, отправленнаго въ Римъ; римляне удивлялись излишней роскоши и богатству Польши тѣмъ болѣе, когда находили утерянные лошадьми посольства серебряныя подковы. Польскій историкъ Генрихъ Шмитъ галиціанинъ разсказываетъ слѣдующій анекдотъ: когда во время бытности въ Константинополѣ польскаго посольства турки принесли пашѣ турецкому серебряныя подковы, утерянныя лошадьми польскаго посольства, удивляясь этому необыкновенному явленію, то паша, посмотрѣвъ на принесенныя ему подковы, сказалъ: да, у ихъ лошадей серебряныя подковы, за то у нихъ самихъ оловяныя головы.

Выше было уже сказано, что на общій сеймъ дворяне каждаго воеводства (области) высылали своихъ депутатовъ съ инструкціями; но для этого они прежде собирались на провинціальный сеймикъ въ главномъ городѣ своего воеводства; туда каждый изъ магнатовъ торжественно съ музыкой приводилъ свою партію шляхты, какъ отрядъ войска, для подачи голосовъ соотвѣтственно его желанію. Многіе изъ нихъ были одѣты и обуты коштомъ своего патрона-магната, который также содержалъ ихъ въ городѣ на свой счетъ, доставляя изъ своего имѣнія въ изобиліи напитки разныхъ сортовъ бочками, также заготовленный бигосъ [1]), витчину и другія холодныя закуски въ кадушкахъ. Сначала это все было и забавно и интересно для городскихъ жителей; городъ былъ оживленъ прибывшею многочисленною массою свѣжаго народа. Но когда разгостившись въ городѣ братья-шляхта, особенно меньшая, начала употреблять въ излишествѣ горячіе напитки, особенно водку, выставленные gratis для угощенія на свободномъ воздухѣ, въ бочкахъ; тогда уже поэтичность исчезала и сеймиковая драма

---

[1]) У поляковъ называютъ бигосомъ кислую капусту приготовленную съ говядиной и жиромъ.

представлялась глазамъ городскихъ жителей въ весьма нелестномъ видѣ: пьяная и полупьяная шляхта (разумѣется низшаго класса) отъигрывала свою сеймиковую роль довольно комическо-трагически. Пословица гласитъ: «у пьянаго море по колѣни», потому что въ немъ болѣе дѣйствуетъ фантазія, чѣмъ разсудокъ; шляхта въ нетрезвомъ видѣ, мало образованная, считая себя однакожъ чѣмъ-то важнымъ на сеймикѣ и гордясь при этомъ своимъ шляхетскимъ достоинствомъ, безпокоила городскихъ жителей своимъ буйнымъ поведеніемъ, съ чего возникали между обѣими сторонами скандалезныя сцены при столь слабой администраціи, какая была въ Польшѣ. Не одинъ домъ въ городѣ, особенно у евреевъ, оставался безъ оконъ и безъ дверей; не одному еврею хорошо врѣзался въ памяти бывшій сеймикъ, лишившись бороды или пейсаховъ; ибо, по тогдашнимъ фанатическимъ понятіямъ, еврея, какъ потомка мучителей Христа, обижать на всѣ фасоны не считалось грѣхомъ противъ совѣсти. Нѣкоторые изъ сеймиковой шляхты, болѣе буйнаго характера, коихъ обыкновенно поляки называли «rębacze» (рубаками), въ азартѣ нетрезвости, желая отличиться храбростію и удальствомъ между собратьями, часто попадали какъ коса на камень—и послѣ оконченнаго сеймика возвращались домой съ разсѣченными лицами, вышибленными зубами, подбитыми глазами и другими изувѣчьями въ доказательство своего рыцарскаго духа и въ память шумно отправленнаго сеймика [1]).

Въ подтвержденіе выше сказаннаго ссылаюсь на свидѣтельство знаменитыхъ польскихъ историковъ, жившихъ въ разныхъ періодахъ существованія польскаго государства; изъ числа коихъ—епископъ Кромеръ, жившій между 1520 и

[1]) Любопытный очеркъ сеймика, составленный польскимъ авторомъ Козьмяномъ, очевидцемъ бывшаго въ Люблинѣ (XVIII вѣка) сеймика, см. въ примѣч. подъ букв. t.

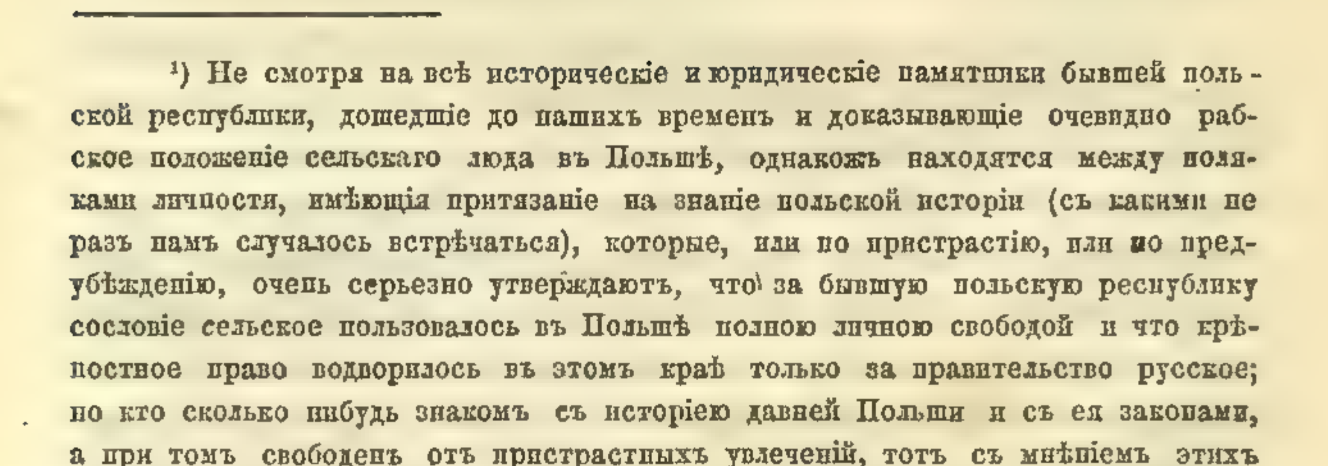
1590 годами, описывая состояніе современной Польши, заключилъ слѣдующими словами: «старый Римъ палъ по причинѣ несогласій, гордости и своеволія патриціевъ и трибуновъ [1]; любопытно было бы угадать, какой ожидаетъ конецъ народъ польскій, смотря на спѣсь аристократіи и своеволіе шляхетскаго сословія». Епископъ Лубенскій въ исторіи Польши говоритъ слѣдующее: «эгоизмъ и гордость шляхетскаго сословія суть черви подтачивающіе основанія нашего отечества: легкомысленность, пылкая фантазія и мечтательность, недающія простора здравому разсудку, вотъ настоящія характеристическія свойства нашей буйной шляхты». Историки Варшевицкій, Кояловичъ и ксендзъ-піяръ Скржетускій, писатели XVIII столѣтія, описывая современное состояніе Польши, въ отношеніи шляхетскаго сословія и сельскаго люда единогласно выразили слѣдующее: «во власти пана находится не только личность и собственность, но и жизнь селянина; за убійство хлопа, учиненное шляхтичемъ, онъ обязанъ по закону заплатить наслѣдникамъ сто грошей, а за убійство жида двѣсти грошей. Всякаго рода своеволіе, въ періодѣ избирательныхъ королей въ Польшѣ, считалось для людей сильныхъ своимъ положеніемъ и богатствомъ дозволеннымъ, и какимъ-то героическимъ удальствомъ, которымъ многіе польскіе магнаты отличались, а ихъ примѣру подражала и мелкая шляхта, но въ меньшихъ размѣрахъ.

Образчикъ оригинальнаго своеволія, существовавшаго даже въ другой половинѣ XVIII столѣтія, можно видѣть въ лицѣ литовскаго магната князя Карла Радзивила (panie kochanku). Между многими его фокусами встрѣчаемъ слѣдующее: иногда изъ фантазіи онъ пріѣзжалъ въ приходскій костелъ, находившійся въ его имѣніи, во время богослуженія, экипажемъ

[1]) Патриціи составляли знаменитые роды римскіе, а трибуны были начальники посполитаго люда (plebs).

запряженнымъ вмѣсто лошадей—медвѣдями, освоенными домашнимъ дресированіемъ съ-изъ-мала. При видѣ этихъ животныхъ, лошади запряженныя въ экипажахъ прихожанъ, пріѣхавшихъ изъ окрестности въ костелъ на молитву, въ испугѣ порывались съ мѣста стоянки, тащили и ломали безпощадно экипажи, часто пострадали не только лошади, но и управлявшіе ими кучера; весь людъ, собравшійся на молитву въ костелъ, приходилъ въ смятеніе по этому непріятному случаю. Этотъ Радзивилъ, какъ объ немъ многіе писатели отзываются, отъ природы былъ гуманнаго характера и за понесенные по его причинѣ убытки въ экипажахъ и лошадяхъ платилъ обиженнымъ съ лихвой; но нѣкоторые изъ нихъ навѣрно не захотѣли бы добровольно согласиться на испытаніе этой штуки, особенно люди находившіеся при экипажахъ. О болѣе своевольныхъ и человѣчество оскорбляющихъ поступкахъ нѣкоторыхъ магнатовъ польскихъ, именно: старосты Каневскаго, кастеляна Мелецкаго, воеводы Потоцкаго и старосты Гулѣвича, пояснено нами въ примѣчаніи сего сочиненія подъ буквой s. Въ заключеніе сей главы приведемъ слова польскаго историка Лелевеля, который, описывая положеніе Польши въ разныхъ періодахъ ея политическаго существованія, между прочимъ говоритъ слѣдующее: «въ царствованіе саксонской династіи польская шляхта если не пировала, то дебошерствовала и ссорилась между собою; пьянство дошло до высокой степени, отсюда произошла польская поговорка: «za króla Sasa, pij, hulaj i popuszczaj pasa». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Польша въ тѣ времена (въ періодъ избирательныхъ королей) уподоблялась заѣздной корчмѣ, до которой вольно было каждому заѣхать, что хотѣть дѣлать и куда угодно отправляться. Она находилась тогда въ положеніи больнаго, который послѣ долгихъ страданій, потерявъ чувствованіе, равнодушно все переноситъ». На счетъ участи польскаго

сельскаго люда онъ же говоритъ: «польская республика въ дѣйствительности была гнѣздомъ тяжкой неволи большей части народа: хлопъ польскій едва почитался человѣкомъ,—и потому что онъ не родился шляхтичемъ, долженъ былъ принадлежать душею и тѣломъ своему пану-шляхтичу, будучи лишенъ покровительства законовъ своего отечества [1]).

[1]) Не смотря на всѣ историческіе и юридическіе памятники бывшей польской республики, дошедшіе до нашихъ временъ и доказывающіе очевидно рабское положеніе сельскаго люда въ Польшѣ, однакожъ находятся между поляками личности, имѣющія притязаніе на знаніе польской исторіи (съ какими не разъ намъ случалось встрѣчаться), которые, или по пристрастію, или по предубѣжденію, очень серьезно утверждаютъ, что за бывшую польскую республику сословіе сельское пользовалось въ Польшѣ полною личною свободой и что крѣпостное право водворилось въ этомъ краѣ только за правительство русское; но кто сколько нибудь знакомъ съ исторіею давней Польши и съ ея законами, а при томъ свободенъ отъ пристрастныхъ увлеченій, тотъ съ мнѣніемъ этихъ господъ не можетъ согласиться. Если въ Польшѣ когда-либо сельскій людъ пользовался личною свободой, то это еще было до XV вѣка, за династіи пястовъ. За династіи же ягеллоновъ уже началось порабощеніе того сословія и дошло до самой высшей степени въ періодъ избирательныхъ королей.

Въ подтвержденіе всего нами сказаннаго въ сей главѣ о Польшѣ мы помѣстили въ концѣ сего изданія подъ букв. z разсказы и замѣчанія польскаго автора Трентовскаго о состояніи давней Польши и о причинахъ ея политическаго падения.

*

ГЛАВА IV.

§ 10.

Избраніе короля Станислава Понятовскаго—Состояніе Польши при его вступленіи на престолъ.—Религіозная нетерпимость въ Польшѣ продолжается; диссиденты польскіе прибѣгаютъ къ покровительству иностранныхъ державъ.—Конфедерація радомская диссидентовъ и конфедерація барская католиковъ.—Мятежъ въ Украинѣ подъ предводительствомъ Железняка и Гонты.—Ночное нападеніе и увезеніе короля изъ столицы конфедератами.—Первый раздѣлъ польскихъ областей въ 1772 г.

Послѣ кончины польскаго короля Августа III, послѣдовавшей въ 1763 г., собрался въ Варшавѣ сеймъ для избранія короля. На этотъ сеймъ явилась шляхта въ большомъ числѣ, вооруженная какъ на войну. Паны, а съ ними шляхта раздѣлились, какъ было всегда, на партіи; каждая старалась поддержать своего кандидата рекомендуемаго въ короли. Послѣ разныхъ интригъ и споровъ по сему предмету уже было весьма близко къ кровавой между партіями сценѣ на мѣстѣ елекціи. Наконецъ шляхта истомилась въ борьбѣ и партія россійскаго кандидата восторжествовала: поляки избрали королемъ Станислава-Августа Понятовскаго, стольника литовскаго, близкаго родственника князей Чарторыйскихъ.

О незавидномъ положеніи тогдашней польской республики при вступленіи Понятовскаго на тронъ пусть скажутъ польскіе

историки Нарушевичъ и Бандке [1]). Притомъ религіозный фанатизмъ въ Польшѣ не прекратился и по прежнему велъ поляковъ по ложному и гибельному пути. Іезуиты и вся клерикальная партія постоянно подстрекали католиковъ, особенно высшій классъ народа, противъ иновѣрцевъ, съ чего возникали постоянно между обѣими сторонами непріятныя столкновенія и вражда. Постановленіемъ сеймовой конституціи 1733 и 1734 годовъ, православные и протестанты лишены были правъ гражданскихъ. Стѣсненные въ своемъ отечествѣ диссиденты разновременно прибѣгали къ покровительству единовѣрныхъ сосѣднихъ державъ, особенно Россіи и Пруссіи. По этой причинѣ на сеймѣ 1767 года послы Англіи, Россіи, Пруссіи и другихъ державъ настоятельно требовали равноправности для иновѣрцевъ въ Польшѣ. Таковое требованіе согласовалось съ духомъ времени, цивилизаціею, свободою совѣсти и благомъ самой же Польши; поэтому король охотно согласился съ справедливымъ желаніемъ иновѣрцевъ и ихъ покровителей. Но противъ этого требованія

---

[1]) Епископъ Нарушевичъ, современникъ короля Понятовскаго, въ рѣчи сказанной на сеймѣ, такъ отозвался: «Cóześ wział N. panie z tym bertem? to, co niegdyś Kazimirz wział: niezgody w domu, ubóstwo skarbu, nierząd milicy, opustoszałe zamki, obdarte miasta, rząd bez związku i rady, nieczynne sejmy, przemoc w sądach, a przytem groźne na około sąsiedstwo. Nieźdołał zaradzić złemu, monarcha dziedziczny, maiący w ręku sądy, wojsko i skarb, cóz potrafi uczynić zwierzchnosi elekcyina, skrępowana i zawsze zostaiąca w podejrzeniu? chiba tylko cierpieć za cudze grzechy i bydz celem zazdrosci, dlatego, ze król wyżej siedzi». (Naruszevicz. Histor. pol. T. VI, к. 11; Warszawa. 1803 г.) Въ другой рѣчи на сеймѣ, тотъ же Нарушевитъ, такъ говоритъ: «N. panie! trudno sobie podchlebiać, trzeba wyznać prawdę, ze my polacy nigdy nie byliśmy narodem systematycz nie rządnym, a zatem i szczęsliwym» (Naruszevicz. tamze, T. VII, к. 8).—Историкъ Бандке, въ описаніи тогдашней польской республики, говоритъ слѣдующее: niebyło w tenczas w polsce, a ni sądownictwa, a ni zadnego porządku; polska buła iak zaiezdna karczma, kazdy tam co chciał to robił. Magnaci woiowali zsobą, iak Baronowie w XI i XII wiekach (Bandke. Histor. pol. T. II, к. 515; Wilno. 1820 г.).

выступила сильная оппозиція со стороны латинскаго духовенства, поддерживаемая нѣкоторыми свѣтскими фанатиками, именно: епископъ краковскій Солтыкъ, папскій нунцій Висконти и епископъ Залускій, также воевода краковскій Вацлавъ Ржевускій и его сынъ Северинъ Ржевускій. Эти личности, поддерживаемыя другими соумышленниками, употребляли всѣ мѣры не допустить къ осуществленію требованія диссидентовъ и ихъ покровителей. Посолъ россійскій князь Репнинъ, выведенный изъ терпѣнія такимъ упрямствомъ, противнымъ справедливости, велѣлъ арестовать главныхъ предводителей оппозиціи, т. е: епископовъ Солтыка и Залускаго, также воеводу Ржевускаго и его сына и затѣмъ выслалъ ихъ на жительство въ великороссійскія губерніи.

Между тѣмъ диссиденты для защиты своихъ правъ и свободы вѣроисповѣданія учредили конфедерацію или общій союзъ противъ партіи католической въ г. Радомѣ, къ которому присоединился и самъ король. Послѣ высылки кн. Репнинымъ помянутыхъ предводителей оппозиціи въ Россію остальные оппозиціонисты успокоились и сеймъ 1768 года обезпечилъ права диссидентовъ. Но это спокойствіе въ скорости опять было нарушено многоголовною гидрою латинскаго фанатизма. Вмѣсто высланныхъ въ Россію возсталъ епископъ каменецкій, Красинскій, который инкогнито, въ свѣтскомъ одѣяніи, ѣздилъ по всей Польшѣ, возбуждая магнатовъ и шляхту возмутительными прокламаціями къ возстанію противъ короля, диссидентовъ и покровительствующей имъ Россіи. Исполнителями начертаннаго Красинскимъ плана избраны были староста Іосифъ Пулавскій и его сыновья. Затѣмъ они, при помощи другихъ возмутителей, основали извѣстную въ польской исторіи барскую конфедерацію [1]), цѣлью которой было:

---

[1]) Названіе это, конфедерація получила отъ существующаго подольской губерніи въ могилевскомъ уѣздѣ городка Баръ; въ окрестности коего находится

устранить короля Понятовскаго отъ престола; на его мѣсто избрать другаго короля и поддержать въ своей силѣ изданные противъ диссидентовъ уставы.

Такимъ образомъ дѣйствій, поляки вмѣсто приведенія въ порядокъ дѣла республики, вмѣсто излеченія ея нравственнаго недуга, происшедшаго отъ долговременной анархіи, сами навлекали на отечество новыя бѣдствія и страданія. Собиравшіяся въ разныхъ провинціяхъ королевства во имя католической религіи и отчизны вооруженныя шайки конфедератовъ нападали какъ саранча на мирныхъ обывателей, требуя отъ нихъ провіанты, фуражи, лошадей для проѣзда и другіе предметы по своему произволу; ибо каждый предводитель конфедерацкой шайки распоряжался въ окрестности по-диктаторски, безконтрольно, а жаловаться было не кому. Самимъ же диссидентамъ, какъ державшимъ сторону короля и Россіи, еще хуже доставалось: рыцари-конфедераты разоряли ихъ грабежемъ и всякими насиліями, поступая съ ними какъ съ врагами отечества. И когожъ эти ослѣпленные фанатики терзали? своихъ же согражданъ! Христіане христіанъ! Ктожъ былъ главною причиной сего зла? Архипастыри народа, именующіеся намѣстниками апостоловъ, епископы Солтыкъ, Залускій и Красинскій, фанатическій тріумвиратъ, дѣйствовавшій подъ маской религіи лицемѣрно и безбожно на пагубу своего отечества.... Для усмиренія этой мятежной конфедераціи, распространявшейся какъ епидемія почти по всей Польшѣ, король Понятовскій обратился къ помощи россійской императрицы Екатерины II. Тогда по ея повелѣнію отряды русскихъ войскъ начали преслѣдовать и уничтожать шайки конфедератовъ, которые, не

много околичной шляхты, владѣющей цѣлыми селеніями и принадлежащими къ нимъ землями. Тамъ еще существуютъ земляные валы давняго укрѣпленія, также развалины Барскаго замка, подъ стѣнами котораго происходило въ 1768 году сраженіе между войскомъ русскимъ и конфедератами.

только въ полѣ, но и въ укрѣпленныхъ замкахъ не могли устоять противъ дѣйствій регулярныхъ войскъ и артилеріи. Наконецъ, послѣ долгихъ и напрасныхъ волненій, которыя стоили не мало крови и многихъ жертвъ, этотъ мятежъ барской конфедераціи былъ усмиренъ. Главные предводители конфедераціи бѣжали за границу; многимъ прощено; нѣкоторые изъ захваченныхъ русскими войсками въ плѣнъ высланы были въ Россію и остались тамъ на жительствѣ. Но этими смутами не окончились бѣдствія Польши, какъ увидимъ изъ слѣдующаго за симъ разсказа.

Опытомъ доказано, что каждое доброе дѣло служитъ какъ-бы зародышемъ другихъ добрыхъ дѣлъ; напротивъ, каждое зло вызываетъ какбы симпатически еще болѣе зла; точно такъ случилось тогда въ Польшѣ. Когда въ этомъ разстроенномъ государствѣ бушевала барская конфедерація всѣми симптонами революціи, тогда въ довершеніе злополучія этой страны появилась еще губительная восточная чума, истреблявшая народъ тысячами въ разныхъ провинціяхъ польскихъ. Кромѣ того собирались грозныя тучи на горизонтѣ польской Украины; но среди волновавшей суматохи барской конфедераціи почти никто на это не обращалъ вниманія. Между тѣмъ искра готовая разжечь пожаръ въ Украинѣ помалу разгорѣлась: чувство ненависти и мести украинскаго народа, возбуждаемое вліятельными личностями противъ латино-уніатскаго духовенства, нарушавшаго православіе насильнымъ влеченіемъ къ уніи духовенства и народа русскаго, а также противъ пановъ-поляковъ и евреевъ украинскихъ, стѣснявшихъ сельскій людъ непомѣрными работами и повинностями—начало производить въ Украинѣ свои гибельныя дѣйствія. Конечно, сначала можно было безъ большаго труда потушить разгоравшійся тамъ мятежъ; но когда ни правительство, ни магнаты заблаговременно не приняли дѣятельныхъ мѣръ, то огонь

мятежа вспыхнувъ, разразился истребительнымъ ураганомъ. Тогда уже слабымъ и разрозненнымъ силамъ республики трудно было потушить его на-скоро. Это возстаніе украинскаго народа послѣдовало въ 1768 году; до него присоединились еще запорожскіе гайдамаки и разная бродячая сволочь; цѣлью этого возстанія было: защита православной вѣры и народной свободы отъ ляховъ, ксендзовъ и евреевъ [1]). Мятежъ этотъ, извѣстный въ польской исторіи подъ названіемъ гайдамачины, котораго главными предводителями были Желѣзнякъ и Гонта, потрясъ всю Украину и ужаснулъ сосѣдпія провинціи Польши своими варварскими дѣйствіями. Грусть проникаетъ душу читать въ памятникахъ этого времени ужасныя сцены этой адской драмы, которую разыгрывала разъяренная чернь, бушевавшая въ пьяномъ видѣ какъ стадо тигровъ. Кровь шляхты и евреевъ всякаго возраста и пола лилась потоками; цѣлые города и мѣстечки были истреблены огнемъ и желѣзомъ этихъ варваровъ. Уманскіе колодези во время ихъ нападенія были наполнены побитыми дѣтьми поляковъ и евреевъ. Эти изувѣры-разбойники пировали адскій пиръ среди горѣвшихъ мѣстечекъ, селеній, церквей и монастырей латинскихъ покуда не ударилъ для нихъ часъ правосуднаго наказанія. Что-же въ то время дѣлала гордая шляхта, эта народная воинская сила? Они занимались конфедераціею; ссорились между собою, стремясь низвергнуть съ престола своего короля. Тѣмъ временемъ въ Украинѣ кровь людская лилась потоками, мятежъ ежедневно расширяясь, угрожалъ подобною участью и

---

[1]) Девизомъ коноводовъ мятежа было: «выбирать въ Украинѣ кукіль изъ пшеницi», это значило—истребить (въ Украинѣ) католиковъ и евреевъ. Если который шляхтичъ-католикъ, желая спасти свою жизнь отъ этихъ разбойниковъ, назвалъ себя православнымъ, то они заставляли его говорить наизусть русскія молитвы; а если это случалось въ день субботный, то еще заставляли его кушать сало для лучшаго удостовѣренія о его православіи.

смежнымъ съ Украиною провинціямъ. Король польскій въ этой катастрофѣ обратился къ помощи Россіи; затѣмъ, повелѣніемъ императрицы Екатерины II, прибывшее въ Украину русское войско подъ командою генерала Кречетникова, успѣло самыми ловкими мѣрами, безъ пролитія крови, захватить главныхъ предводителей мятежа, окружить главное сборище мятежниковъ, обезоружить и передать ихъ польской военной командѣ. Тогда начался послѣдній актъ сей ужасной драмы: самыя жесточайшія наказанія постигли почти всѣхъ забраныхъ въ плѣнъ бунтовщиковъ: кромѣ смертной казни, отсѣченіемъ головы или повѣшеніемъ на висѣлицахъ, нѣкоторымъ важнѣйшимъ преступникамъ палачъ за-живо сдиралъ кожу съ головы; они въ ужасныхъ мученіяхъ кончали жизнь; ихъ четвертовали и эти части мертваго тѣла вѣшали на столбахъ въ разныхъ мѣстахъ въ примѣръ прочимъ. Нѣкоторымъ отсѣкали по одной рукѣ, ихъ вылечивали и потомъ отпускали домой. Многіе, чтобы избѣгнуть жестокихъ мученій и рабства, сами себя лишали жизни.

Еще до усмиренія барской конфедераціи, одинъ изъ ея вожаковъ, сынъ старосты Пулавскаго, видя неудачу затѣй конфедераціи, рѣшился на дерзкое предпріятіе, то-есть, захватить нечаяннымъ образомъ личность короля Понятовскаго въ самой столицѣ и привести его къ нему; какая въ томъ была цѣль, неизвѣстно. Исполненіе сего замысла поручено было одному изъ конфедератовъ, дворянину Стравинскому; онъ вмѣстѣ съ помощниками прибывъ въ Варшаву, выжидалъ благопріятнаго случая для исполненія своего порученія. Наконецъ 3 ноября 1771 года, узнавъ, что король поѣхалъ вечеромъ къ князю Чарторыйскому и навѣрно поздно ночью возвратится въ замокъ, заговорщики, слѣдившіе за нимъ, засѣли въ какой-то улицѣ или площади; тамъ дождавшись его возвращенія, они напали на королевскій экипажъ, разогнали спутниковъ, нѣкоторыхъ

даже изранили саблями; затѣмъ, вытащивъ короля изъ экипажа, посадили его на лошадь и увезли за городъ. Въ то время, по причинѣ продолжавшихся смутъ въ Польшѣ, Варшава для безопасности была окружена отрядами войскъ польскаго и россійскаго. Похитители короля, избѣгая встрѣчи на большой дорогѣ съ разъѣзжавшими ночными патрулями, бросились на объѣздную дорогу. Ночь была тогда мрачная и темная, поэтому заговорщики заблудились выѣхавъ за городъ; они не попали на ту дорогу, которою они думали уѣхать. Чтобы отыскать ее поскорѣе, они разсѣялись въ разныя стороны, оставивъ короля подъ надзоромъ одного изъ товарищей, т. е. козака Кузьмы. Король воспользовался симъ случаемъ: просьбой и обѣщаніемъ своей милости успѣлъ склонить этого Кузьму на свою сторону, такъ, что послѣдній рѣшился спасти короля и завелъ его тропинкой въ мельницу, въ которой король пробылъ до утра, и тамъ по счастливому случаю встрѣтился съ посланными для отысканія его гвардейцами. Такимъ образомъ король, очевидно промысломъ Божіимъ, былъ избавленъ отъ угрожающей опасности. Но этотъ наглый скандалъ конфедератовъ окончательно унизилъ ихъ въ глазахъ современниковъ, и съ той поры даже ихъ друзья перестали имъ сочувствовать, чуждаясь предпринятаго ими политическаго дѣла.

Постоянная анархія, существовавшая въ Польшѣ въ періодъ избирательныхъ королей, религіозный фанатизмъ и нетерпимость католиковъ противъ иновѣрцевъ, поддерживаемыя латинскимъ духовенствомъ, особенно іезуитами, весьма часто возбуждали негодованіе просвѣщенныхъ европейскихъ народовъ и ихъ царей. Европа была убѣждена въ томъ, что это государство при такомъ порядкѣ вещей долго существовать не можетъ. Всѣ предвидѣли скорую кончину польскаго государства; поэтому, ожидая послѣднихъ пароксизмовъ его не-

излечимой агоніи, высматривали, особенно близкіе сосѣди, благопріятнаго случая воспользоваться частицами сего политическаго зданія, клонившагося къ разрушенію. Итакъ мы видимъ изъ польской исторіи, что первую мысль раздѣленія Польши подалъ европейскимъ кабинетамъ господарь молдавскій Михаилъ; потомъ въ 1656 году, владѣтель Трансильваніи Юрій Ракочи, и съ такою цѣлью онъ вторгнулся было съ войскомъ въ предѣлы Польши; но тогда еще не наступила пора совершиться этому дѣлу. Подобный проэктъ на счетъ Польши былъ объявленъ турецкимъ султаномъ въ 1770 году послу австрійскому Тугуту. Это стремленіе сильныхъ воспользоваться положеніемъ слабыхъ хорошо изображаетъ пословица: «если станешь овцею, то и волки скоро найдутся».

Среди этихъ грозныхъ предзнаменованій Польша однакожъ не хотѣла сознавать ни своей политической слабости, ни своего опаснаго положенія; она играла ими не оглядываясь, какъ наивное неопытное дитя, стоя уже на краю пропасти; словомъ, Польша продолжала свои безпорядки, свое религіозное преслѣдованіе согражданъ иновѣрцевъ по прежнему. Тѣмъ временемъ барская конфедерація и украинское возмущеніе, разстроившія дѣла Польши, также скандалъ конфедератовъ ночнаго нападенія на короля Понятовскаго внушили королю прусскому мысль осуществить давно имъ лелѣянный проэктъ раздѣленія Польши, какъ націи служащей аномаліею безпорядка среди европейскихъ народовъ стремящихся къ прогрессу. Составленный проэктъ раздѣла Польши король прусскій сообщилъ сперва австрійскому кабинету. Затѣмъ обѣ эти державы, согласившіяся на этотъ раздѣлъ, вторгнулись вооруженными силами въ Польшу подъ предлогомъ охраненія безопасности своихъ пограничныхъ областей отъ происходившихъ въ Польшѣ безпорядковъ. Въ то же время они сообщили свой проэктъ и петербургскому кабинету, приглашая

россійскую императрицу участвовать въ раздѣлѣ польскаго государства. Императрица Екатерина II не хотѣла согласиться на совершенное уничтоженіе Польши по ихъ проэкту; а потому послѣдовалъ раздѣлъ между сими тремя государствами нѣкоторыхъ Польшѣ принадлежавшихъ областей. Изъ нихъ Россія присоединила къ имперіи область бѣлорусскую, древнее достояніе удѣльныхъ русскихъ князей, потомковъ великаго князя кіевскаго св. Владиміра, захваченное искони литовскими князьями. При этомъ раздѣлѣ, утвержденномъ впослѣдствіи королемъ и сенатомъ польскимъ, россійская императрица гарантировала цѣлость правъ и областей остальной Польши; ибо она не была уже въ силахъ удержать свой политическій бытъ и нуждалась въ чужой поддержкѣ; точно такъ какъ человѣкъ изнуренный долговременною болѣзнію нуждается въ помощи руки здраваго человѣка, чтобы могъ удержаться на ногахъ. Однакожъ, не смотря на крайнее разслабленіе всего организма республики, гордость магнатовъ и своеволіе шляхты ничуть не были подавлены и продолжались по прежнему.

§ 11.

Состояніе Польши послѣ усмиренія мятежей и перваго раздѣла.—Устройство народной интеллигенціи и правительственной администраціи.—Уничтоженіе ордена іезуитовъ 1773 г.—Измѣненіе закона liberum veto **и другихъ уставовъ.—Четырехъ-лѣтній сеймъ и его послѣдствія.—Двѣ противныя партіи между магнатами въ отношеніи реформы основныхъ законовъ республики.—Интрига нѣмцевъ и послѣдствія.—Тарговицкая конфедерація.—Второй раздѣлъ Польши.—Народное возстаніе и диктаторство генерала Костюшки.—Окончательное паденіе Польши и сложеніе короны Понятовскимъ.**

Послѣ усмиренія русскими войсками барской конфедераціи и украинскаго возстанія; послѣ совершившихся событій 1772 г. благомыслящіе поляки изъ магнатовъ и шляхты, особенно болѣе проникнутые духомъ европейской цивилизаціи,

научены печальными опытами прошедшаго, открыли глаза на грустное положеніе отчизны; «mądry polak po szkodzie» [1]) гласитъ польская пословица. Они очнувшись, какъ будто послѣ долгаго летаргическаго сна, начали въ союзѣ съ королемъ принимать дѣятельныя мѣры къ возбужденію въ народѣ энергіи и патріотизма, чтобы общими силами отвратить грозящія Польшѣ опасности и удержать ее отъ совершеннаго паденія. Затѣмъ на сеймахъ возникли многія полезныя учрежденія въ правительственной администраціи; уничтоженъ безсмысленный законъ liberum veto, такъ долго и вредно тяготѣвшій надъ Польшею. Запрещено употребленіе при допросахъ въ уголовныхъ дѣлахъ пытокъ tortury; также заводить судебныя дѣла о чародѣйствѣ и сношеніяхъ съ нечистою силой злаго духа [2]); о употребленіи будто евреями въ нѣкоторыхъ случаяхъ христіанской крови [3]); равно погруженіе сельскихъ женщинъ (вѣдьмъ) въ воду во время продолжительной засухи и тому подобныя человѣчество оскорбляющія суевѣрія [4]). Въ этомъ же періодѣ, то-есть 1773 года папа Климентій XIV выданною буллою подъ заглавіемъ «Dominus ac redemptor noster» уничтожилъ во всей Европѣ орденъ іезуитовъ, по настоянію первостепенныхъ государей европейскихъ. Этой участи подверглись и польскіе іезуиты, долго

---

[1]) Малороссы обыкновенно говорятъ: «мудрый ляхъ по шкоді».

[2]) Въ этомъ періодѣ невѣжества и фанатизма произошло много судебныхъ приговоровъ не только въ Польшѣ, но и въ другихъ странахъ Европы; въ силу которыхъ, обвиняемые въ чародѣйствѣ подвергались смертной казни сожженіемъ. Въ Германіи, по свидѣтельству исторіи, совершилась въ 1783 году послѣдняя смертная казнь надъ жертвою такого суевѣрнаго дѣла, а въ Польшѣ близко прусской границы въ селеніи Любовицахъ были сожжены въ 1793 году двѣ женщины, обвиняемыя въ чародѣйствѣ и колдовствѣ.

[3]) Объ этомъ обвиненіи странномъ и несправедливомъ, взводимомъ противъ народа еврейскаго, см. примѣч. подъ буквой u.

[4]) О суевѣрной причинѣ погружать женщинъ въ воду во время засухи, см. примѣч. подъ букв. v.

преобладавшіе въ Польшѣ, причинивъ ей много вреда, много страданій своими кознями и пропагандой. Они остались вопреки папской буллы только въ одной бѣлорусской области, присоединенной къ россійской имперіи въ 1772 г., будучи покровительствуемы императрицею Екатериною II, а еще болѣе при императорѣ Павлѣ I. Въ царствованіе же императора Александра I іезуиты уличенные правительствомъ въ разныхъ злоупотребленіяхъ своей пропаганды до 1820 года окончательно были удалены изъ предѣловъ россійскаго государства, и уже болѣе туда не возвращались [1]). Послѣ уничтоженія въ Польшѣ іезуитскаго ордена, воспитаніе шляхетской молодежи и вся учебная часть перешла въ непосредственное завѣдываніе свѣтской власти, учрежденной подъ названіемъ эдукаціонной коммисіи (Kommissya Edukacyina) подъ предсѣдательствомъ князя Адама Чарторыйскаго. Оставшіяся послѣ упраздненнаго іезуитскаго ордена значительныя имѣнія обращены на фундушъ народнаго просвѣщенія.

Такимъ образомъ Польша послѣ долгаго летаргическаго сна, какъ человѣкъ послѣ тяжкой болѣзни, начала поправляться и набирать новыя силы въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи. На ея горизонтѣ послѣ мрачныхъ дней и грозныхъ бурь появилась тишина, возсіялъ благотворный лучъ просвѣщенія и порядка. На поприщѣ наукъ явилось много ученыхъ поляковъ, очистившихъ національный языкъ отъ бар-

---

[1]) Въ настоящемъ сочиненіи мы серьезно обвиняемъ орденъ іезуитовъ въ томъ, что они были главными виновниками политическихъ смутъ, бѣдствій и страданій Польши, приведшихъ ее къ совершенному паденію. Чтобы читатели, особенно поляки, не подозрѣвали насъ въ пристрастіи или въ предубѣжденіи по сему предмету, мы въ подкрѣпленіе нашего объ нихъ сужденія считаемъ нужнымъ присовокупить здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія о поведеніи этого ордена въ разныхъ государствахъ Европы, могущія дать понятіе о главныхъ принципахъ, образѣ мыслей, характерѣ и стремленіяхъ этого ордена, о чемъ смотри примѣчаніе подъ буквой x.

баризмовъ латинскихъ и прочихъ примѣсей; польская литература сдѣлала значительный шагъ впередъ. Не только искусства, торговля и ремесла начали процвѣтать въ Польшѣ, но даже народная нравственность и домашніе обычаи приняли гораздо лучшее противъ прежняго направленіе; даже распространившаяся какъ эпидемическая зараза саксонская погулянка въ сословіи шляхетскомъ значительно прекратилась [1]); словомъ, новый порядокъ, установленный въ Польшѣ, сулилъ ей самые полезные результаты въ будущемъ. Но это счастливое для Польши время, много обѣщавшее, сравнить можно съ ясною, тихою, лѣтнею погодой, послѣ которой вдругъ небосклонъ измѣняетъ свой видъ и покрывается черными тучами, несущими запасы ужасной грозы, какъ увидимъ изъ дальшаго разсказа.

У поляковъ есть алегорическая пословица: «Gdzie pan Bóg buduie kożcioł—tam szatan stawi swą kaplicę» [2]). Эту пословицу можно примѣнить въ нѣкоторомъ смыслѣ къ тогдашнему положенію дѣлъ въ Польшѣ: въ ея лонѣ, мимо наружнаго покоя, вели борьбу двѣ противныя идеи людей благонамѣренныхъ и злонамѣренныхъ. Эта борьба идей была похожа на временно затихшій вулканъ, внутри котораго тлѣютъ горючіе матеріалы, угрожая окрестностямъ внезапнымъ взрывомъ. Въ Польшѣ вели тогда борьбу двѣ противныя партіи: изъ нихъ одна хотѣла удержать status quo, то-есть прежній политическій строй, эту золотую вольность, которая была причиной анархіи и многихъ народныхъ бѣдствій; другая

---

[1]) Поэтому современный писатель, епископъ Красицкій въ одной изъ своихъ остроумныхъ сатиръ отзывается до короля Понятовскаго въ родѣ упрека, слѣдующимъ стихомъ: «Ty, coś nas z beczek, baryłek, i kuflów złupił, królu! bodaieś się nigdy, w swem życiu nicupił».

[2]) Значитъ: «если воздвигаютъ во славу Божію церковь, то сатана строитъ близко тамъ же свое капище».

партія стремилась къ реформѣ основныхъ законовъ республики, введеніемъ наслѣдственнаго порядка относительно престола и другихъ учрежденій, могущихъ отвратить на будущее время смуты и безпорядки, терзавшіе Польшу. Всѣ благомыслящіе поляки принимали усердное участіе къ исправленію народной конституціи. Подано было на сеймы много проэктовъ по сему предмету, въ этомъ числѣ былъ также проэктъ Андрея Замойскаго; въ немъ между прочимъ находились не очень пріятныя для многихъ лицъ (по словамъ Лелевеля) статьи, т. е. объ эмансипаціи крестьянъ, о допущеніи мѣщанъ и иновѣрцевъ къ равноправности. Наконецъ, послѣ многихъ преній, какъ на провинціальныхъ, такъ и на генеральныхъ сеймахъ; послѣ неутомимыхъ стараній всѣхъ благомыслящихъ сыновъ отечества на екстраординарномъ четырехъ-лѣтнемъ сеймѣ, издана была новая конституція подъ заглавіемъ «Ustawa rządowa 3 maja 1791 г.». Этою конституціею польскій престолъ признанъ наслѣдственнымъ съ переходомъ по смерти безпотомнаго короля Понятовскаго къ династіи саксонской; иновѣрцамъ предоставлена совершенная свобода религіознаго исповѣданія и прочее. Король, сенатъ, сеймовая палата и обыватели столицы утвердили конституцію присягой; тоже исполнить повелѣно было во всѣхъ польскихъ областяхъ; почти во всей Польшѣ проявилась всеобщая радость и всѣ благомыслящіе ожидали самыхъ лучшихъ результатовъ въ будущемъ [1]). Хотя этою конституціею не предоставлено ино-

[1]) Однакожъ, не смотря на всѣ усилія благомыслящихъ къ поддержанію клонившагося къ паденію польскаго государства, трудно было полякамъ согласиться на реформу и измѣненіе прежняго порядка; это доказываетъ слѣдующее: когда послѣ прочтенія въ посольской палатѣ проэкта конституціи 3 мая собраніе изъявило согласіе принять его, тогда посолъ Сухоржевскій (изъ Калиша), сорвавъ съ себя пожалованный ему королемъ орденъ св. Станислава, выскочилъ на середину залы и, таща за руку своего шести-лѣтняго сына, объявилъ, что онъ убьетъ его собственною рукой посреди сеймоваго собранія, чтобы этотъ ребенокъ не дожилъ до рабства, которое хотятъ водворить въ его отечествѣ....

вѣрцамъ равноправности съ католиками, а сельскій людъ не получилъ личной свободы, однакожъ это былъ уже важный шагъ къ дальнѣйшему прогрессу, къ улучшенію государственнаго порядка и народнаго быта въ будущемъ.

Но эта радость была не продолжительна: на польскомъ горизонтѣ опять появились мрачныя тучи, предвѣщавшія грозу. Гидра несогласія съ своими спутниками—гордостью и егоизмомъ овладѣла сердцами и умомъ нѣкоторыхъ дворянъ: они выступили съ оппозиціею противъ общаго мнѣнія, противъ помянутаго устава 3 мая и повлекли за собой многихъ невѣждъ и подобныхъ себѣ егоистовъ. Эта партія, во главѣ которой были магнаты: Потоцкій, Браницкій и Ржевускій [1]), составила 12 мая 1792 г. въ м. Торговицѣ, на Украинѣ, конфедерацію, торжественно протестуя противъ дѣйствій короля и сейма, по изданію помянутаго устава, нарушающаго будто права и вольности дворянства. Вожаки этой конфедераціи собрали на провинціи шляхту, по большей части ничего не понимавшую о тогдашнемъ политическомъ

---

[1]) Многіе изъ поляковъ утверждаютъ, что Потоцкій, маршалъ этой конфедераціи, питалъ надежду быть королемъ польскимъ послѣ смерти Понятовскаго, и какъ уставъ 3 мая лишалъ его этой надежды, то Потоцкій рѣшился стать во главѣ противной партіи. Объ немъ составлена извѣстная украинская думка: «ой ты Потоцкій, воеводскій сыну, ты запропастывъ Польшу и всю Украину». и т. д. Одинъ изъ польскихъ поэтовъ, на его смерть составилъ стихи подъ заглавіемъ: «głos Potockiego zpiekła» (гласъ Потоцкаго изъ ада); между прочимъ помѣщена слѣдующая строфа:

«Naprózno po wsiach rozbiiacie dzwony;
Próżno mruczycie po kościołach księża;
Próżno pieniądze szlecie w rózne strony;
Już ja zostaie w więzach piekielnego węża»—то-есть:
Напрасно въ селеніяхъ раздаются звоны;
Напрасно ксендзы молятся за душу въ церквахъ;
Напрасно посылаютъ милостыню въ разныя стороны;
Я уже нахожусь въ оковахъ адскаго сатаны.

положенiи европейскихъ державъ; имъ внушали, что сеймъ варшавскiй (который они называли въ своихъ прокламацiяхъ «spisek warszawski», т. е. заговоръ варшавскiй) подъ видомъ полезной реформы стремится наложить на шляхту иго деспотизма и неволи; а потому они, какъ усердные защитники дворянства, приглашали всѣхъ вооружиться на защиту своихъ правъ шляхетскихъ съ цѣлью уничтоженiя этого вреднаго устава. Польское правительство между тѣмъ всенародно объявило какъ предводителей такъ и соучастниковъ торговицкой конфедерацiи врагами и измѣнниками отечества, призывая ихъ на судъ народный. Затѣмъ главные предводители конфедерацiи, не полагаясь на собственныя силы для борьбы съ большинствомъ народа, прибѣгнули къ покровительству россiйской императрицы, гарантировавшей цѣлость Польши и ея давнiя права; они просили заступиться за нихъ, чтобы удержать тотъ порядокъ, какой до настоящаго времени въ Польшѣ существовалъ, не предвидя послѣдствiй этой народной распри ими возбужденной.

Для лучшаго уразумѣнiя причинъ, влiявшихъ на дальнѣйшiя событiя и судьбу Польши, необходимо знать, что когда послѣ смутъ, происшедшихъ при королѣ Понятовскомъ и послѣ событiй 1772 г. (о которыхъ мы уже говорили), шляхта, очнувшись отъ своего летаргическаго сна, усердно занялась устройствомъ своего отечества, то россiйская императрица, одобряя ихъ дѣйствiя, въ то же время предложила полякамъ заключить съ Россiею дружественный союзъ. Нѣмцы вообще, по свидѣтельству многихъ историковъ, были всегдашними врагами племенъ славянскихъ. Они старались искоренять ихъ языкъ и народность, разрывать союзныя ихъ связи, употребляя къ тому насилiе и коварство. Прусскiй кабинетъ постоянно стремился къ расширенiю своихъ границъ на счетъ польской республики, не опуская ни одного случая воспользо-

ваться критическимъ положеніемъ Польши; это мы видѣли и при раздѣлѣ польскихъ провинцій въ 1772 г. Предложенный императрицею Екатериною II полякамъ дружественный союзъ не понравился кабинетамъ австрійскому и прусскому, по ихъ политическимъ расчетамъ; а потому они всѣми средствами интригъ старались рассорить поляковъ съ императрицею, и тѣмъ успѣли помѣшать заключенію предположеннаго союза. Тѣмъ временемъ прусскій король и его министры ласкали легковѣрныхъ поляковъ своею дружбой; предложили имъ заключить съ Пруссіею дружественный союзъ, что къ несчастію поляковъ и послѣдовало. Когда въ Польшѣ возникла помянутая тарговицкая конфедерація, покровительствуемая матеріально российскою императрицею, то конституціонная партія обратилась къ своему союзнику, прусскому королю, за помощію противъ вмѣшательства Россіи. Тогда обнаружились макіавельская хитрость и лицемѣріе прусскаго кабинета: король за матеріальное пособіе противъ конфедераціи и Россіи требовалъ отъ поляковъ уступки Данцига и Торна съ принадлежащими къ нимъ землями. Поляки не согласились удовлетворить его требованіе. Тогда король прусскій, снявъ съ себя маску дружбы, объявилъ польскимъ посламъ, что онъ совершенно отказывается отъ союза съ Польшею, по той причинѣ, что Польша измѣнила прежній образъ своего правленія, хотя онъ самъ поощрялъ поляковъ къ этой реформѣ! Истинною же причиною этого дѣйствія прусскаго кабинета, кромѣ корыстолюбивыхъ видовъ, было еще и то: Пруссія въ это время вела уже войну съ Францією, и конечно не хотѣла вооружить противъ себя и Россію; кромѣ того, прусскій кабинетъ опасался сношеній поляковъ съ французскими революціонерами, взволновавшими тогда западъ Европы. За симъ отреченіемъ отъ союза, король прусскій соединился съ Россіею, чтобы вмѣстѣ дѣйствовать противъ Польши,—и тутъ

оправдалась польская пословица: «dopuki swiat będzie swiatem—niemiec polakowi nie będzie bratem»—то-есть, «покуда свѣтъ будетъ свѣтомъ—нѣмецъ поляку не будетъ братомъ».

Слѣдствіемъ выше помянутыхъ несогласій между поляками или польскою аристократіею, вызвавшихъ тарговицкую конфедерацію и интригъ безсовѣстныхъ нѣмцевъ, разсорившихъ Польшу съ Россіею, къ чему еще присоединились смуты французской революціи за Людовика XVI, наступилъ въ 1793 году второй раздѣлъ польскихъ областей, который былъ утвержденъ поляками на гродненскомъ сеймѣ. Этотъ второй раздѣлъ Польши взволновалъ весь край польскій и Литву; ропотъ сдѣлался всеобщимъ; объявлено было всеобщее народное возстаніе на защиту отечества [1]). Мадалинскій и Костюшко были главнокомандующими малочисленной польской арміи, желавшей сразиться съ двумя огромными арміями русскою и прусскою. Польскій историкъ Лелевель, это возстаніе и не равную борьбу силъ сравниваетъ съ больнымъ человѣкомъ, который, послѣ долговременной болѣзни, возставъ съ одра страданій, вдругъ взялся за трудъ превышающій его

---

[1]) Тогдашнія смуты произвели двѣ ужасныя катастрофы въ Варшавѣ и на предмѣстіи Прагѣ, именно: 1-я) Нѣсколько личностей изъ аристократіи, въ томъ числѣ и епископъ Виленскій, Массальскій, будучи подозрѣваемы въ измѣнническихъ дѣйствіяхъ противъ отчизны, особенно на гродненскомъ сеймѣ, были арестованы и содержались въ Варшавѣ до рѣшенія объ нихъ дѣла. Взволнованные жители Варшавы напали толпой на домъ, въ которомъ содержались арестованные, разломавъ двери тюрмы, вытащили ихъ оттуда и не думая долго, всѣхъ, не исключая и епископа Массальскаго, повѣсили на фонаряхъ. 2-я) Отрядъ русскихъ войскъ подъ командой генерала Ингельстрома, занявъ предмѣстье Прагу, расположился тамъ на квартирахъ; противъ этого отряда послѣдовалъ тайный заговоръ жителей, и по данному сигналу поляки ночью вырѣзали весь отрядъ Ингельстрома. Послѣ этого происшествія прибылъ съ отрядомъ войскъ генералъ Суворовъ, взялъ штурмомъ Прагу и жестоко отмстилъ жителямъ за ихъ варварскій поступокъ съ рускими войсками; говорятъ, что 12 тысячъ поляковъ поплатились тогда жизнію, а имущество жителей разграблено.

слабыя силы. Истощивъ такимъ образомъ послѣднее здоровье, онъ впадаетъ въ рецидивъ болѣзни, а та ведетъ его прямо въ могилу. Генералъ Костюшко, принявъ главное начальство надъ войскомъ и народнымъ ополченіемъ (въ званіи диктатора), въ нѣсколькихъ сраженіяхъ съ непріятелями доказалъ свою способность, мужество и храбрость въ ратномъ дѣлѣ. Однакожъ трудно было бороться долго съ превозмогающими непріятельскими силами, какими онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, тѣмъ болѣе, когда польскіе генералы завидовавшіе ему въ верховной власти, а шляхта недовольна обѣщаніями Костюшки: дать сельскому народу личную свободу, слабо его поддерживали, гдѣ нужно было дѣйствовать рѣшительно и энергично. Въ послѣднемъ сраженіи съ непріятельскими войсками, происходившемъ подъ Мацеіовицами, Костюшко побѣжденный и раненный достался вмѣстѣ съ прочими польскими генералами въ плѣнъ. Въ изнеможеніи отъ трудовъ и ранъ Костюшко упалъ на землю, и вручая побѣдителямъ свою саблю, съ глубокимъ стономъ произнесъ: «finis poloniae»! (конецъ Польши!) [1]).

Тогда русскія и прусскія войска заняли Варшаву; участь Польши была рѣшена, и тутъ оправдалось изреченіе римскаго историка: «Concordia res parvae crescunt, discordia maximae dilabuntur» [2]). Король Понятовскій формально отрекся отъ престола; сдѣлавшись частнымъ лицомъ, онъ выѣхалъ въ Гродно, а потомъ въ Петербургъ, гдѣ жилъ еще три года, получая ежегодно пенсію. Между тѣмъ и Австрія присоединилась къ Россіи и Пруссіи, по дѣлу Польши; затѣмъ въ 1795 году послѣдовалъ окончательный ся раздѣлъ между

---

[1]) Костюшко за императора Павла I былъ отпущенъ на волю; онъ былъ потомъ въ Америкѣ, Англіи и наконецъ въ Швейцаріи, гдѣ и скончался въ 1817 году въ сельскомъ уединеніи.

[2]) «При согласіи малое увеличивается, при несогласіи великое уничтожается».

этими тремя державами. Такимъ образомъ судьба прекратила политическое существованіе Польши; ибо нѣтъ ничего вѣчнаго на землѣ, кромѣ законовъ природы, все рожденное во время обречено въ жертву времени; а десница Всевышняго опредѣляетъ въ книгѣ судебъ начало и конецъ всему существующему въ нашемъ мірѣ. Славныя въ древности монархіи, республики и города Азіи и Африки исчезли съ лица земли какъ проходящая тѣнь, остались только кое-гдѣ историческія воспоминанія о нихъ существованіи... а гдѣ было прежде въ гордомъ Римѣ—forum Romanum, теперь тамъ существуетъ Campo Vaccino... Если же будемъ разсуждать о дѣлахъ человѣческихъ вообще, и объ участи постигшей Польшу въ особенности, раціонально, то прійдемъ къ тому заключенію, что характеръ нашего образа мыслей и нашихъ поступковъ, вмѣстѣ съ окружающими насъ абсолютными обстоятельствами, опредѣляютъ нашу судьбу—и что по большей части каждый народъ и каждый цивилизованный человѣкъ подвержены бываютъ той участи, какую сами себѣ приготовили своими хорошими или же дурными поступками [1]). Поэтому, основываясь на фактахъ польской исторіи, можно безъ предубѣжденія заключить, что главными причинами разстройства, анархіи и политическаго паденія Польши были во-первыхъ: вліяніе на дѣла Польши римской пропаганды, дѣйствовавшей посредствомъ клерикальной партіи, особенно іезуитовъ, взволновавшихъ самые основные элементы, съ коихъ была сложена Польша. Во-вторыхъ: преобладаніе магнатовъ надъ центральною властью государства; ихъ невѣжество (по большей части) и непомѣрная гордость, производившая несогласіе въ самыхъ

---

[1]) Эту мысль изображаетъ алегорически польская народная пословица.— т. е. «jak kto sobie poscieli, tak się wyspi». Что значитъ:— «какъ себѣ постелешь, такъ и будешь спать»....

важныхъ государственныхъ дѣлахъ [1]); излишнее самолюбіе и расточительная жизнь, заставлявшія ихъ имѣть въ виду болѣе собственныя выгоды, чѣмъ общее благо государства; при томъ ихъ алчность захватывать по-больше въ свое владеніе коронныя имѣнія (староства), отъ чего ихъ могущество увеличивалось, тогда какъ люди оказавшіе дѣйствительныя услуги государству, оставались вовсе безъ заслуженной награды; самое же управленіе магнатовъ, или ихъ администраторовъ пожалованными имѣніями было крайне разорительно, не только для сельскихъ, но и для городскихъ жителей тѣхъ староствъ [2]). Въ третьихъ: буйный характеръ шляхты мало образованной, (гордящейся только своими правами и худо понятою свободой), въ которомъ преобладали мечтательность и легкомысліе, не

---

[1]) Какъ трудно было польской аристократіи сойтись и согласиться на одно въ общественныхъ дѣлахъ, это, между прочимъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: Станиславъ Потоцкій (какъ выше сказано) былъ во главѣ тарговицкой конфедераціи, не принявшей уставъ 3 мая; а его братъ Игнатій Потоцкій былъ усерднымъ поборникомъ того устава и сталъ во главѣ партіи противной конфедераціи тарговицкой. Поэтому у украинскаго народа есть поговорка: «для того чортъ забравъ ляхивъ, що каждій изъ ніхъ, ходывъ особною дорогою».

[2]) Польскій авторъ Сярчинскій въ сочиненіи подъ заглавіемъ: «obraz wieku panowania Zygmunta III». Posnań. 1843 г. Т. I, str. 262—указываетъ, что фамилія Казановскихъ имѣла въ своемъ владѣніи 15 староствъ; Зборовскихъ 12; Мышковскихъ 16; Янъ Замойскій 10; Вишневецкій 10; Станиславъ Потоцкій 10; Лукашъ Опалинскій 15 староствъ; и т. д.—О тягостномъ для мѣстныхъ жителей управленіи старостами, доказываетъ между прочимъ слѣдующее: въ 1638 году король польскій Владиславъ IV требовалъ на судъ наслѣдниковъ Адама Калиновскаго, старосты брацлавскаго, по жалобѣ жителей города Брацлава. Въ этой жалобѣ сказано, что Калиновскій, нарушая права брацлавскимъ мѣщанамъ предоставленныя, принуждалъ ихъ къ ежедневнымъ холопскимъ работамъ, обременялъ произвольными податями и сборами, и довелъ ихъ наконецъ до такой крайности, что они были принуждены уходить изъ города, бросивъ и свои дома и свое хозяйство. Слѣдствіемъ такого управленія, изъ двухъ тысячъ жилыхъ домовъ, осталось въ Брацлавѣ только сто съ небольшимъ. (Книга Люблинскаго трибунала, воеводства брацлавскаго, въ главномъ варшавскомъ архивѣ. 1638 года; № 18. справа 311.

дающія простора чистому разуму и здравому разсудку [1]). Въ четвертыхъ: народная конституція, основанная (какъ мы уже видѣли), на liberum veto, на избирательствѣ королей, на шляхетскихъ конфедераціяхъ, и тѣмъ подобныхъ чудовищныхъ уставахъ, постоянно волновавшихъ государство; при томъ вопіющая несправедливость бывшихъ польскихъ законовъ, по которымъ всѣ права и преимущества были предоставлены одному шляхетскому сословію, отказавъ во всемъ, кромѣ воздуха и воды самой большой массѣ народа, трудящагося для общаго блага государства... Всѣ эти обстоятельства должны были привести польское государство въ крайнее разстройство и ослабленіе, а слѣдствіемъ того окончательное его паденіе.

§ 12.

Польская эмиграція на западѣ подъ покровительствомъ французовъ.— Напалеонъ Бонапарте.—Польскіе легіоны въ рядахъ французскихъ войскъ.— Надежда поляковъ на помощь французовъ.—Походъ императора Наполеона въ Россію 1812 года.—Его возвращеніе оттуда и окончательное паденіе его могущества.—Вѣнскій конгрессъ.—Польская депутація у императора Александра I въ Вѣнѣ.—Возстановленіе царства польскаго 1815 г.— Состояніе Польши до революціи 1831 г. и послѣ того.—Вторая революція бывшая въ 1863 году, и ея послѣдствія.

Послѣ окончательнаго паденія бывшаго польскаго государства, шляхта не могла равнодушно забыть свое прошедшее и помириться съ настоящею участью [2]). Въ безотрадномъ

---

[1]) Въ этомъ отношеніи кто-то изъ людей практичныхъ назвалъ поляковъ сѣверными французами.

[2]) Польское сельское сословіе, также и мѣщанское по большей части, будучи лишены въ своемъ отечествѣ правъ гражданскихъ, равнодушно смотрѣли на случившіяся въ Польшѣ потрясенія; ибо кому нечего терять, тотъ обыкновенно остается равнодушнымъ зрителемъ во всѣхъ политическихъ переворотахъ.

положенія она бросилась посредствомъ эмигровавшихъ собратій въ объятія западныхъ народовъ, особенно французовъ. Въ своихъ жалобахъ на постигшую ихъ участь они умоляли западныхъ народовъ о сочувствіи и заступничествѣ въ ихъ дѣлѣ. Къ несчастію поляковъ въ то время западные народы были потрясены въ основаніяхъ своего политическаго быта французскою революціею, начавшеюся 1789 года и продолжавшеюся до выступленія на политическое поприще героя Наполеона Бонапарте; поэтому никто изъ западныхъ народовъ и думать не могъ о томъ, чтобы вмѣшиваться въ дѣла Польши. Тогда польскіе эмигранты разсѣялись по лицу земли куда кто захотѣлъ.

Среди ужасныхъ революціонныхъ потрясеній, постигшихъ въ то время народъ французскій, появился на марсовомъ и политическомъ поприщѣ человѣкъ феноменальный, необыкновенный, родомъ корсиканецъ, т. е. Наполеонъ Бонапарте. Онъ своимъ умомъ, мужествомъ, желѣзною волею и рѣдкимъ счастіемъ взялъ перевѣсъ надъ своими соперниками въ отечествѣ и снискалъ довѣріе французской націи; а своими рѣшительными дѣйствіями на полѣ брани и въ политикѣ навелъ ужасъ и удивленіе на всѣ европейскіе народы. Наконецъ, ввелъ порядокъ въ растроенной Франціи, расширилъ ея границы и сдѣлался императоромъ французовъ (подъ именемъ Наполеона I) и королемъ Италіи. Въ этомъ достоинствѣ признанъ французскимъ сенатомъ и Италіею, торжественно былъ помазанъ прибывшимъ въ Парижъ папою Піемъ VII въ 1804 году. Поляки, подражая другимъ европейскимъ народамъ, также ударили челомъ предъ этимъ любимцемъ фортуны, полубогомъ французовъ и новымъ идоломъ политики европейской. Очарованны его величіемъ и прельщенны обѣщаніями помощи, поляки со всѣхъ сторонъ собирались подъ знамена французскія, предавшись душею и тѣломъ гордому

властелину Франціи. Они въ энтузіазмѣ сражались за дѣла французовъ и ихъ государя съ разными народами; кровь польскаго рыцарства обильно проливалась въ многихъ странахъ Европы, Азіи и Африки; при египетскихъ пирамидахъ, въ альпійскихъ ледникахъ и въ палящихъ пескахъ Аравіи; надъ берегами рѣкъ: Нила, Дуная, Ельстры, Вислы, Немана, Беризины и Днѣпра. Увы! Время доказало разочарованнымъ полякамъ, что они напрасно приносили французамъ и ихъ гордому властелину столько жертвъ. Надежда на помощь французовъ жестоко поляковъ обманула: Наполеонъ, по расчету своей тайной политики, не хотѣлъ сдѣлать для поляковъ то, что легко могъ сдѣлать, стоя на высочайшей степени своего могущества въ Европѣ. Не смотря на это, несчастные поляки еще питали надежду на помощь французскаго императора къ своему воскресенію, и по прежнему служили ему вѣрно, проливая свою кровь въ безпрестанныхъ его компаніяхъ. Но счастію уже наскучило покровительствовать дальше своему любимцу Наполеону въ его гордыхъ и властолюбивыхъ затѣяхъ; да и пролитая по его причинѣ людская кровь безчисленныхъ жертвъ его честолюбія вопіяла къ небу... Ударилъ наконецъ роковой часъ его паденія, котораго и проницательный умъ Наполеона не могъ предвидѣть. Люди говорятъ, что если Господь рѣшилъ наказать человѣка за какую либо вину, то прежде всего помѣшаетъ его мысли; и тутъ точно такъ случилось съ Наполеономъ, котораго судьба почти очевидно повела къ гибели. Всѣмъ извѣстна исторія его грознаго похода въ Россію 1812 г. съ полумилліонною арміею, закаленною въ марсовыхъ дѣлахъ; равно его плачевный оттуда возвратъ, надолго врѣзавшійся въ памяти французовъ и другихъ народовъ, вмѣстѣ съ ними посѣтившихъ Россію,— возвратъ, истребившій голодомъ, холодомъ и желѣзомъ почти всю эту многочисленную рать. Извѣстны также міру возобновленныя послѣ того Наполеономъ усилія въ борьбѣ съ союз-

ными державами почти всей Европы; занятіе послѣдними Парижа и низверженіе его наконецъ съ французкаго престола съ высылкою въ заточеніе на островъ св. Елены.

Послѣ паденія Наполеона, этого грознаго полубога Франціи, потрясшаго всю Европу и наконецъ исчезнувшаго съ политическаго міра, какъ пролетѣвшій на горизонтѣ огненный метеоръ, европейская политика приняла другой оборотъ. Затѣмъ собрались въ Вѣнѣ на конгресъ всѣ европейскіе государи, чтобы рѣшить участь народовъ, послѣ тяжкихъ испытаній, кровавой и долговременной ихъ борьбы. Наполеонъ послѣ великихъ побѣдъ, одержанныхъ имъ надъ Австріею и Пруссіею, между прочимъ учредилъ княжество варшавское, которое отдалъ во владѣніе королю саксонскому. Поляки, жители этого княжества, послѣ паденія Наполеона, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ Европы, не знали какая ихъ ожидаетъ участь между прочими народами. Поэтому они выслали на вѣнскій конгресъ депутацію, которая въ Вѣнѣ узнала, что касательно участи Польши подано было два проэкта: первый—совершить новый раздѣлъ Польши между сосѣдними державами; второй—возстановить Польшу на прочныхъ началахъ. Тогда князь Чарторыйскій, ночью, тайкомъ отъ нѣмцевъ, привелъ къ императору Александру I польскихъ депутатовъ. На данной имъ аудіенціи, они, на колѣняхъ, со слезами на глазахъ, умоляли императора, не отдавать нѣмцамъ княжества варшавскаго, а взять его подъ свою власть; государь внялъ ихъ мольбамъ, обѣщалъ исполнить ихъ желаніе и сдержалъ свое слово. Не смотря на оппозицію многихъ голосовъ конгресса, рѣшено было, отдать княжество варшавское императору Александру, съ предоставленіемъ ему полнаго права учредить въ немъ такое правленіе, какое онъ заблагоразсудитъ. Послѣ вѣнскаго конгресса, сверхъ ожиданій поляковъ, дана была императоромъ Александромъ I княжеству варшавскому

особая конституція съ титуломъ царства польскаго. Польша, получивъ конституціонный образъ правленія, при многихъ благодѣяніяхъ русскаго государя, зажила новою, гораздо лучшею противъ прежняго жизнію.

Но этотъ воскресшій трупъ бывшей польской республики въ своемъ новомъ преобразованіи не могъ забыть своего прошлаго и довольствоваться настоящимъ положеніемъ. Онъ не могъ равнодушно сносить уменьшеніе своего политическаго тѣла; не могъ смотрѣть спокойно на отдѣленные отъ него члены, коими онъ нѣкогда распоряжалъ по своей воли. Поэтому самыя лучшія намѣренія правительства ему показывались стѣснительными и невыгодными для его существованія; однакожъ, покоряясь судьбѣ, Польша нѣсколько времени оставалась въ покоѣ и ничего не предпринимала. Но со временемъ, почувствовавъ въ себѣ нѣкоторую силу, Польша начала откровенно заявлять свое недовольство, свои притязанія на минувшіе порядки. Главными же причинами новыхъ затѣй, предпринимаемыхъ тогда Польшею, были: князь Чарторыйскій, питавшій негодованіе противъ русскаго императора за то (какъ многіе современные публицисты утверждали), что вице-королемъ возстановленнаго царства польскаго былъ назначенъ не онъ, а генералъ Заіончекъ, фигура не значительная въ сравненіи съ Чарторыйскимъ: польская эмиграція, подстрекавшая поляковъ по внушеніямъ иностранной дипломатіи: экзальтированныя бредни польскихъ поэтовъ и романистовъ о давней Польшѣ и о счастливой шляхетской свободѣ, которыми они воспламеняли пылкое воображеніе польскаго юношества: также фанатическая пропаганда латинскаго духовенства, особенно уніатско-монашескаго ордена базиліановъ, коимъ правительство въ Польшѣ и въ западныхъ губерніяхъ ввѣряло воспитаніе молодежи. Результатъ всѣхъ этихъ сѣмянъ, посѣянныхъ зломыслящими на почвѣ польской, возникшій въ 1831 году

мятежъ, который, взволновалъ не только царство польское, но и многихъ изъ дворянъ—католиковъ западныхъ губерній, увлекшихся напрасными затѣями и пустыми мечтами Польши, равно неосновательными надеждами на содѣйствіе иностранныхъ державъ. Поляки въ этомъ легкомысленномъ порывѣ понесли много личныхъ и матеріальныхъ потерь; пролито много слезъ и крови; усыпано много могилъ надъ павшими жертвами этого необдуманнаго возстанія. Сила русскаго оружія усмирила совершенно этотъ мятежъ и наконецъ взволнованныя страсти и умы поляковъ успокоились какъ послѣ оконченной шумной оргіи. Многимъ политическимъ преступникамъ, особенно въ Польшѣ, дана была амнистія, многіе эмигровали за границу къ своимъ собратьямъ и покровителямъ; а время, этотъ лекарь всѣхъ нравственныхъ страданій и душевныхъ смущеній, многое во время этой бури случившееся предало забвенію. Польскій горизонтъ послѣ этихъ мрачныхъ дней и грозныхъ тучъ опять прояснился; возстановились въ краѣ порядокъ и тишина, появились изобиліе и довольство; поляки опять сблизились съ русскими по прежнему; казалось, что никто не можетъ поколебать общее благоденствіе и спокойствіе обитателей Польши.

Но въ крови польской (говоря откровенно и по чистой совѣсти) все таки таились искры ненависти и неудовольствія противъ русскаго элемента. Этотъ печальный незабудь прошедшаго, возникшій по нашему мнѣнію изъ религіозныхъ споровъ и политическихъ столкновеній, старались поддерживать и укрѣплять въ умахъ и сердцахъ поляковъ,—съ одной стороны, иностранные кабинеты (завидовавшіе могуществу Россіи) посредствомъ поселившихся въ ихъ территоріяхъ эмигрантовъ—поляковъ; а съ другой, пропаганда латинскаго духовенства и толпа разнородныхъ экзальтированныхъ польскихъ писателей здѣсь и за границею. Обѣ эти стороны употребляли всѣ хит-

рости макіавелизма, чтобы вселять въ умы и сердца поляковъ, особенно пылкой молодежи, патріотическій энтузіазмъ къ покойницѣ, бывшей польской республикѣ, и экзальтацію къ воображаемому золотому вѣку шляхетской свободы. Въ то же время, при всѣхъ удобныхъ случаяхъ, они выставляли полякамъ все русское въ темныхъ краскахъ и отвратительныхъ карикатурахъ. Эти сѣмена ненависти и презрѣнія, лелѣянныя долгое время зломыслящими наставниками, созрѣли наконецъ въ умахъ и сердцахъ поляковъ, и принесли для нихъ же горькіе плоды, какъ увидимъ изъ дальшаго разсказа.

Среди ясной и тихой погоды, существовавшей долгое время на польскомъ горизонтѣ, вдругъ подулъ иной вѣтеръ и начали собираться мрачныя тучи. Всѣ воздушныя перемѣны случающіяся въ физическомъ мірѣ обыкновенно предвѣщаютъ намъ суетливыя движенія и пронзительные голоса воздушныхъ жителей—птицъ; похожее на это, въ отношеніи нравственномъ, случилось въ Польшѣ. Съ 1862 года, куда не повернешся, въ костелы, въ шляхетскіе дома, вездѣ польскія баришни, дамы и мужчины—поляки распѣвали съ энтузіазмомъ патріотическіе гимны и пѣсни съ акомпаниментомъ фортепіана, гдѣ таковые были [1]). Кое-гдѣ можно было услышать въ компаніяхъ шляхетскихъ чтеніе гнусныхъ стиховъ и возмутительныхъ прокламацій подземнаго ржонда, направленныхъ противъ схизматическаго (по ихъ выраженію) правительства, на которое они вострили зубы, не скупясь на различныя остроумныя фразы. Въ церквахъ латинскихъ ксендзы отправляли секретныя панихиды за упокой души какихъ-то варшавскихъ мучениковъ, оглядываясь впрочемъ не ѣдетъ-ли на молебенъ становой приставъ, или какой нибудь помощникъ его. Польскія

---

[1]) Намъ случалось встрѣчать подражателей сего донкихотства даже изъ дамъ православныхъ, по случаю находившихся въ обществѣ поляковъ: это было, можно сказать, безсознательное обезьянство.

дамы носили траурныя платья, по этому русскіе остряки называли ихъ чорными птицами; были даже учреждены цензоры, которые за этимъ зорко слѣдили, и не одно цвѣтное дамское платье пострадало отъ ихъ правосудія, за нарушеніе трауриаго устава. Между шляхтою замѣтны были необыкновенная суетливость и тайныя приготовленія. Видно было, что эти собиравшіяся на польскомъ горизонтѣ тучи произведутъ непремѣнно грозу,—и вотъ въ скоромъ времени наступила въ Польшѣ развязка этой драмы, которая нашла сочувствіе и дѣйствующихъ актеровъ, не только въ самой Польшѣ, но и въ западныхъ россійскихъ губерніяхъ.

Одинъ польскій писатель XVIII столѣтія, коего фамилію не помню, составилъ противъ давнихъ сеймовыхъ порядковъ, особенно противъ вреднаго закона—liberum veto, критическую драму подъ заглавіемъ«: krzykneli (posłowie) niepozwalam, i uciekli na Pragę» [1]). Для драмы или исторіи этого польскаго возстанія, самое приличное заглавіе: krzykneli polacy niepozwalam i uciekli do lasu; и въ самомъ дѣлѣ, не могло быть иначе... Наступилъ роковой 1863 годъ и возгорѣлось въ Польшѣ возстаніе, какъ ужасная гроза. Поляки, подстрекаемые вожаками эмиграціи, пропагандою нѣкоторыхъ восторженныхъ литераторовъ и клерикаловъ, не щадившихъ для эфекта никакихъ черныхъ красокъ къ очертанію москаля-схизматика, какъ они обыкновенно титулуютъ русскихъ, при томъ будучи обнадежены иностранною дипломатіею на помощь своему дѣлу, поддались своимъ легкомысленнымъ порывамъ и несбыточнымъ мечтамъ: опять начали борьбу съ могущественною Россіею. Примѣру Польши послѣдовали многіе помѣщики и мелкая шляхта западныхъ губерній, особенно классъ официалистовъ, озлобленный противъ русскаго правительства за объявленную

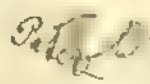
[1]) То-есть: «крикнули (сеймовые послы) не позволяемъ, и ушли на Прагу» Прага—это предмѣстье Варшавы.

крестьянамъ свободу [1]). Поляки Галиціи и княжества Познанскаго также фактически доказали свое сочувствіе этому возстанію, и появилось оттуда немало гостей въ Россіи. Нѣкоторые изъ мелкой шляхты, оставляя свое семейство безъ всякихъ средствъ къ существованію, на произволъ судьбы, пошли въ мятежъ искать отчизны въ лѣсахъ. Этотъ мятежъ развился въ гораздо большихъ размѣрахъ противъ бывшаго въ 1831 году: въ немъ теперь сильно дѣйствовалъ терроръ, агитаторы мятежа, тайные пружины подземнаго ржонда, и его жандармы-вѣшатели, которыхъ мѣстные жители страшились какъ волковъ и разбойниковъ, могущихъ сдѣлать нечаянное нападеніе на указанныя имъ жертвы. Тогда опасно было даже отозваться какимъ либо словомъ къ ихъ уразумѣнію; ибо они такихъ считали или измѣнниками (zdrajce) или русскими шпіонами (szpieg). Каждый изъ благомыслящихъ католиковъ, если имѣлъ дѣтей или близкихъ родныхъ мужескаго пола, зрѣлаго возраста, то трепеталъ за нихъ, чтобы агитаторы возстанія не повлекли ихъ за собой въ пропасть. Многіе оплачивались деньгами агитаторамъ возстанія, чтобы ихъ и дѣтей оставили въ покоѣ.

Въ это бурное время возстанія, лѣса и боры Польши, Литвы, Полѣсья, Бѣлоруси и Волыни наполнялись шайками собравшихся повстанцевъ, между которыми находились люди разныхъ возрастовъ, половъ и званій: юристы, канцелярскіе, воспитанники учебныхъ заведеній, также ксендзы и монахи

[1]) Нѣкоторые крестьяне западныхъ губерній болѣе любопытные, замѣчая необыкновенную суетливость своихъ пановъ и пѣніе гимновъ въ костелахъ, спрашивали знакомую имъ шляхту: что это все значитъ? Шляхта на вопросы имъ отвѣчала: что паны просятъ Бога за свою ойчизну; крестьяне по своей простотѣ, не понявъ хорошо смыслъ отвѣта, разсказывали одинъ другому, что паны въ костелахъ Бога просятъ о возвращеніи имъ панщизны. Многіе поляки западнаго края въ это время были того убѣжденія, что крестьяне пріймутъ ихъ сторону въ возстаніи; но на опытѣ они горько разочаровались.

латинскіе въ свѣтскомъ, а женщины въ мужескомъ одѣяніи. Во многихъ мѣстахъ Польши и западныхъ губерній происходили между шайками повстанцевъ и отрядами русскаго войска чувствительныя встрѣчи: лилась кровь людская какъ съ одной, такъ и съ другой стороны,—и какая кровь? Кровь христіанская! кровь одноплеменныхъ славянскихъ народовъ! и за что ее проливали? увы! за отжившую свой не очень похвальный вѣкъ покойную польскую республику, которой идеи и принципы такъ далеко разошлись съ идеями и принципами цивилизаціи нашего столѣтія...... Въ заключеніе сего очерка можно сказать, что изъ случившихся во время этого возстанія многихъ необыкновенныхъ событій, разныхъ трагическихъ и комическихъ сценъ, какъ въ Польшѣ, такъ и въ западныхъ губерніяхъ, историки и романисты будутъ имѣть немалый запасъ матеріаловъ для своего пера... Но этотъ бурный ураганъ, этотъ горячечный бредъ возстанія оставилъ жителямъ Польши и западныхъ губерній много печальныхъ памятниковъ, много горестныхъ воспоминаній; а начатое поляками неразумное дѣло кончилось раскаяніемъ въ необдуманности и разочарованіемъ въ питаемыхъ надеждахъ на помощь заграничныхъ друзей въ ихъ—swiętej sprawie. И тутъ опять оправдалась польская пословица: «mądry polak poszkodzie»!

ГЛАВА V.

§ 13.

Заключеніе выше сказаннаго.—Главныя причины національной вражды между поляками и русскими, особенно въ сѣверо—и южно-западномъ краѣ.—Вредное вліяніе римской пропаганды на дѣла Польши вообще, и на народность литовской Руси въ особенности.—Обязанность, лежащая въ настоящее время на совѣсти латинскаго духовенства.—Мысли автора о примиреніи.—Его же отзывъ къ латинскому духовенству и къ лицамъ свѣтскимъ, пользующимся довѣріемъ общества.

Высказавъ моимъ собратьямъ по Христу откровенно и безъ всякаго пристрастія о важнѣйшихъ событіяхъ Польши въ разныхъ періодахъ ея политическаго существованія до настоящаго времени, обращаюсь къ вамъ, братья-читатели духовнаго и свѣтскаго званія; обращаюсь къ вашему чувству, къ вашей совѣсти и къ здравому смыслу съ вопросомъ: послѣ столькихъ испытаній и печальныхъ послѣдствій, не пора ли очнуться отъ пусто-идеальныхъ мечтаній, отъ тѣхъ иллюзій, которыми обманываютъ насъ какъ фокусами магіи, ради своихъ цѣлей, иностранная дипломатія и польская эмиграція, которая не имѣетъ уже чего терять въ здѣшнемъ краѣ [1])? Не-

---

[1]) Одинъ иностранный публицистъ относительно польской эмиграціи сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «Польская эмиграція, онъ говоритъ, соображаясь съ іезуитскимъ правиломъ: «prima charitas abego» употребляетъ польскій патріотизмъ какъ сѣть для ловли денегъ у легковѣрныхъ поляковъ; это ключъ къ польскимъ шкатулкамъ, замаскированный патріотическимъ пуфомъ. Нѣкоторые кабинеты держатъ польскихъ эмигрантовъ въ резервѣ, чтобы ими при случаѣ пугать Россію.

ужели, истощая наши нравственныя и матеріальныя силы, ради безвозвратнаго прошлаго и воображаемаго будущаго, уподобимся въ суетныхъ мечтаніяхъ и несбыточныхъ надеждахъ еврейскому народу, который въ своей иллюзіи, считая себя народомъ избраннымъ, выше другихъ народовъ, не хотѣлъ и не хочетъ согласоваться съ духомъ времени; до сихъ поръ стоитъ неподвижно въ своихъ закоснѣлыхъ предразсудкахъ и ожидаетъ воображаемаго Мессію, имѣющаго будто поставить его на высшей степени земнаго могущества....? Въ этомъ умственномъ усыпленіи держатъ его фанатическіе руководители, ихъ талмудисты и цадики, доказывая этимъ, что вкоренившіеся предразсудки и суевѣріе омрачаютъ умъ и разсудокъ, точно такъ, какъ катаракта ослѣпляетъ глаза. Во имя христіанской любви, составляющей основу нашей вѣры, повелѣвающей любить даже враговъ, совѣтую вамъ, братья, помириться съ волею Провидѣнія и съ своею участью; бросить эту ненависть и злобу, которыя какъ ядъ переходя съ поколѣнья въ поколѣнье, нравственно отравляютъ жизнь родственныхъ славянскихъ племенъ. Также совѣтую вамъ устранить отъ себя этотъ фанатическій мракъ римской пропаганды, который, закрывая свѣтъ истины, внушаетъ своимъ послѣдователямъ идеи, противныя принципамъ христіанства, во угожденіе честолюбивымъ притязаніямъ римскихъ папъ. Пора, братья, освободить себя изъ этого заколдованнаго круга; исправить по возможности ошибки предковъ и погрѣшности тогдашнихъ пастырей народа для блага своего и грядущихъ поколѣній, чтобы потомки, судя объ насъ, не примѣнили къ намъ слова, сказанныя въ евангеліи на счетъ закоренѣлыхъ въ заблужденіяхъ фарисеевъ: «сердце и умъ сего народа окаменѣли: ибо имѣя очи не видятъ, имѣя уши не слышатъ».

А потому вы, отцы и духовные пастыри латинской церкви, особенно живущіе въ западныхъ губерніяхъ россійской импе-

ріи, по долгу вашего призванія—быть (по словамъ евангелія) солью и свѣтомъ для народа; по долгу христіанскаго человѣколюбія должны внушать ввѣреннымъ вамъ паствамъ, что пора выбросить изъ головы и сердца всѣ давніе расчеты національной вражды, порожденные заблужденіемъ и печальными обстоятельствами минувшихъ временъ невѣжества и фанатизма [1]). Вашъ долгъ устранять враждебный элементъ римской пропаганды съ ея политическими тенденціями, отжившими свой вѣкъ. Вы по совѣсти должны исправить сдѣланныя ошибки какъ вашихъ давнихъ предшественниковъ, такъ равно и современныхъ братій своихъ, ошибки, бывшія причиной столько зла, столькихъ страданій и напрасныхъ жертвъ какъ въ Польшѣ, такъ равно и въ западныхъ губерніяхъ. Притомъ, да не будетъ вамъ, отцы духовные, въ укоръ наша откровенность, относящаяся не ко всѣмъ, а только къ нѣкоторымъ членамъ вашего общества, если мы съ душевнымъ прискорбіемъ здѣсь вспомнимъ, не въ цѣли обвиненія, а для объясненія нами сказаннаго, то-есть, что многіе изъ вашихъ собратьевъ здѣсь и въ Польшѣ, во время послѣднихъ смутъ, не только не содѣйствовали къ отрезвленію общества, къ удержанію пылкой молодежи на пути долга и здраваго разсудка, но напротивъ, разжигая политическія страсти, подстрекали ихъ къ преступнымъ дѣйствіямъ; дѣлались ихъ руководителями и проливали кровь руками, предназначенными для совершенія безкровной жертвы,

---

[1]) Извѣстный польскій авторъ Мицкевичъ въ историческихъ лекціяхъ о славянахъ вообще такъ говоритъ: «Polak uwaza rossianina za człowieka innego rodu; lecz uczeni ludzie wołaią do słowian, wimie wspulnego rodu, aby się porozumieli z sobą; lecz niestety! jnstytucye religyne i polityczne, sprawiły trudne do cofnienia róznicy; iednakze nie traćmy nadziei: jdea powszechna, idea wielka, mogłaby słowian połączyć».—Въ другомъ мѣстѣ, тамъ-же, Мицкевичъ сказалъ: «Polska i Rossya, w teraznicj szym czasie, są to dwie sprzeczne z sobą jdee w słowianszczyznie; obie dążą do przewodniczenia i spychaią się nawzaiem z zamierźonej drogi».

дѣлаясь вдвойнѣ преступными, и предъ законами церкви, и предъ законами государства [1]); поэтому, повторяемъ, что теперь на вашей совѣсти лежитъ великая обязанность исправить зло своихъ собратьевъ по призванію, для общей пользы.

Трудно измѣнить судьбу свыше назначенную; опасно плыть противъ волнъ, превозмогающихъ обстоятельствъ силы и времени, чтобы не погрузиться еще глубже въ пропасть пора намъ понять высшую волю провидѣнія, историческую правду и ходъ событій, особенно въ западныхъ губерніяхъ, не оставляющихъ ни малѣйшей надежды къ осуществленію политическаго польскаго элемента. Сопротивляться этому не только преступно, но и неразумно. Содѣйствовать же настоящей политической жизни западнаго края, не только есть долгъ совѣсти и присяги, но долгъ разума и собственной пользы. Поэтому гораздо выгоднѣе для католиковъ западнаго края подать себѣ руки не pro forma, а по-братски; искренно помириться съ русскою націею, какъ единоплеменною по славянству; православную вѣру считать равною сестрою католической, исполняющею въ равной мѣрѣ миссію Спасителя и Его апостоловъ. Всѣ же несбыточныя надежды и обѣщанія, которыми обманываютъ васъ заграничные друзья, считать макіавельскою хитростію эгоизма, и этой заграничной дружбѣ не вѣрить.

Но пока изложенный нами въ пользу нашихъ собратій совѣтъ братскаго примиренія, проистекающій отъ искренняго доброжелательства, осуществится на дѣлѣ, считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе нашихъ читателей на причины и характеръ той хронической вражды, которая существуетъ между сими одноплеменными народами, русскими и поляками.

[1]) О таковыхъ дѣйствіяхъ мы встрѣчаемъ множество фактовъ какъ въ офиціальныхъ вѣдомостяхъ, такъ равно и въ судебно-уголовныхъ дѣлахъ того времени.

Какъ въ страданіяхъ физическихъ, такъ равно въ недугахъ нравственныхъ, желая освободиться отъ нихъ радикально, необходимо познать реальную причину ихъ развитія, словомъ, источникъ зла. Поэтому обратимъ безпристрастный взглядъ на факты и событія минувшихъ временъ въ отношеніяхъ соціальномъ и религіозномъ, откуда возникли борьба разномыслія и національная антипатія. Папы римскіе (какъ доказано историческими фактами), подъ маской религіи, облекшись въ характеръ высшій обыкновенныхъ смертныхъ, точно такъ, какъ нѣкогда завоеватель Азіи, Александръ Македонскій [1]), присвоеніемъ титула намѣстника Христова, главы церкви и наслѣдника апостола Петра, постоянно стремились къ установленію въ христіанскомъ мірѣ ѳеократической монархіи, глава которой папа, а средоточіе или столица—Римъ [2]). Для достиженія этой цѣли римская курія примѣнила къ своей политикѣ два принципа: 1-й: что цѣль освящаетъ принятыя средства; и 2-й: гдѣ безсильно слово Павла, тамъ дѣйствовать мечемъ Петра; Польшѣ суждено было испытать всѣ печальныя послѣдствія этихъ правилъ Ватикана, какъ увидимъ изъ слѣдующаго.

---

[1]) Извѣстный въ исторіи древнихъ народовъ царь Македонскій Александръ, побѣдивъ персовъ и другихъ восточныхъ народовъ, для внушенія имъ страха и безусловнаго повиновенія своей власти, огласилъ себя, посредствомъ жрецовъ Дельфійскаго оракула, сыномъ бога-юпитера.

[2]) Нѣкоторые писатели исторіи папъ серьезно утверждаютъ, что послѣ прекращенія извѣстнаго трехъ-вѣковаго гоненія христіанъ въ римской имперіи, папы приняли за образецъ систему ветхозавѣтной іерархіи: извѣстно изъ библейской исторіи, что городъ Іерусалимъ былъ столицею еврейскаго народа, а храмъ іерусалимскій средоточіемъ религіи іудейской; туда единственно были приносимы евреями закономъ установленныя жертвы. Главою религіи былъ первосвященникъ, коего власти подчинялись всѣ безъ исключенія священники (каганы) и ихъ помощники левиты. Но эта идея папъ не можетъ имѣть мѣста въ христіанствѣ, потому, что она противорѣчитъ основаніямъ науки Спасителя и Его апостоловъ, которые отнюдь не передавали верховной власти надъ вселенскою церковію никакимъ мѣстамъ, никакимъ отдѣльнымъ личностямъ.

Князь польскій Мечиславъ, по сказанію нѣкоторыхъ польскихъ историковъ, женившись въ другой разъ, ввелъ въ Польшу римско-католическую вѣру; это открыло широкія ворота для латино-германскаго элемента и римской политики. Польша по своему происхожденію принадлежала племени славянскому, по принятіемъ католицизма она примкнула къ системѣ западныхъ народовъ, а съ принятіемъ римской идеи о верховной власти или главенствѣ папъ въ христіанскомъ мірѣ, она по неволѣ сдѣлалась угодницею Рима. Польша, служа его видамъ, наравнѣ съ германскими и романскими племенами; ея всемогущее тогдашнее духовенство, по большей части германской національности, дѣйствовало въ Польшѣ за одно съ католическимъ міромъ противъ самаго славянства и въ пользу стихіи латино-германской. Въ этомъ заключается причина гибели гусситовъ, какъ національной богемской партіи, и едва-ли не главная причина внутренняго разстройства бывшей польской республики. Польша, служившая интерессамъ католическаго Рима, способствовала, сама того не замѣчая, усиленію германскихъ народовъ, которые и безъ того, даже до реформаціи Лютера, стояли уже выше славянъ по образованію и по роли первоначальныхъ проповѣдниковъ христіанства. Послѣ реформаціи, совершившейся въ Германіи, Польша, не смотря, что ея сосѣдка послѣ разрыва съ Римомъ, одолѣвъ свои вѣковые предразсудки, вступила на путь прогресса въ наукахъ и образованіи, служила усердно по прежнему интересамъ католическаго Рима,—и когда самыя политическія обстоятельства требовали перемѣны прежняго фанатическаго направленія, она продолжала итти въ своей политикѣ не впередъ, а назадъ.

Извѣстно, что Римъ и всѣ пропитанные латинствомъ народы всегда смотрѣли на христіанъ другихъ исповѣданій, какъ на ослушниковъ папы и его власти; этотъ гордый Римъ

употреблялъ всѣ средства для приведенія ихъ къ покорности. Исполнителями его властолюбивыхъ стремленій должны были служить народы, принимавшіе западное христіанство и ихъ предводители. Не могла избѣгнуть подобныхъ вассальныхъ отношеній къ Риму и Польша. Послѣ соединенія Польши съ Литвою, первая, заставъ на Руси литовской христіанскую благоустроенную церковь, законы, языкъ и обычаи, Польша, вмѣсто способствованія къ дальнѣйшему ихъ развитію наукою и нравственнымъ образованіемъ, ступила на самый ошибочный путь и поставила себя въ самое ложное отношеніе къ юго-западной Руси. Польша, проникнутая фанатизмомъ, выработаннымъ подъ вліяніемъ интелигенціи и пропаганды іезуитской, явилась на Руси (какъ прибывшій нахалъ въ чужой домъ) съ притязаніями на господство, на подавленіе мѣстнаго элемента: только за представителями панства и шляхетства признаны были права на почетъ и значеніе; все остальное должно было или низойти на степень холопства, или рѣшиться на отреченіе отъ своей народности и религіи.

Послѣ нѣкотораго колебанія въ отношеніи къ православнымъ и протестантскимъ сектамъ, возникшимъ въ Польшѣ и Литвѣ, Польша, ратуя не во имя евангельской правды, а за повсемѣстное владычество папъ, притомъ, проникнутая рыцарскою спѣсью въ отношеніи восточнаго славянства, она не могла довольствоваться однимъ объединеніемъ формы управленія, или федеративнымъ союзомъ; но какъ чуждый и враждебный элементъ, вступивъ на почву русской національности, изобрѣтала всѣ средства къ пораженію въ югозападной Руси православной русской народности, въ угожденіе Риму. Экзальтированная іезуитами Польша забываетъ свое опасное положеніе съ запада, вооружаетъ противъ себя до крайности православный южно-русскій народъ и ставитъ себя между двумя огнями, между двумя враждебными силами,

лишь бы заслужить благоволеніе Рима.... Налегая всею тяжестію своихъ представителей на русскій народъ, Польша настойчиво требовала истребленія всего достоянія его народности: религію, языкъ и обычаи; она, по внушенію іезуитовъ, хотѣла вырвать у занятой ею Руси самую душу и замѣнить ее своею душею. Этотъ религіозно-политическій фанатизмъ, продолжавшійся даже до конца XVIII столѣтія, привелъ на Польшу самыя гибельныя послѣдствія, причину коихъ, сколько мы изъ опыта удостовѣрились, поляки, по большей части, до сихъ поръ еще не поняли вполнѣ, и потому приписываютъ свои политическія несчастія постороннимъ обстоятельствамъ. Но это свойственно слабой человѣческой природѣ, сваливать свои ошибки, свою вину на другихъ, чтобы оправдать свои хотя и дурные поступки.

Въ подтвержденіе вышесказаннаго о вредномъ вліяніи ватиканской политики на дѣла польскаго государства въ разныхъ періодахъ его существованія приведемъ нѣсколько историческихъ фактовъ, именно: 1) въ XI вѣкѣ папа Григорій VII своимъ абсолютнымъ вліяніемъ на дѣла Польши, отлученіемъ отъ церкви короля Болеслава, разрѣшеніемъ его подданныхъ отъ присяги и повиновенія [1]), объявленіемъ интердикта (запрета) на всю Польшу, привелъ это государство, по свидѣтельству польскихъ историковъ—каноника Длугоша и

[1]) Этотъ король совершилъ въ 1079 году важное преступленіе, убивъ въ крайней запальчивости собственною рукою епископа краковскаго Станислава Щепановскаго (причисленнаго римскою церковію къ лику святыхъ) во время произнесенія послѣднимъ анаѳемы надъ королемъ, находившимся въ церкви. Критическія изслѣдованія древнихъ лѣтописей Галла (Gallus) и Длугоша, сдѣланныя учеными поляками—Чацкимъ и Мацѣевскимъ, обнаружили, что этотъ король негодовалъ противъ епископа Станислава за то, что онъ кромѣ упрековъ, дѣланныхъ королю лично, вмѣшивался въ государственныя дѣла; принималъ участіе въ заговорахъ, польскими панами составленныхъ; сносился, по сказанію лѣтописца (на стр. 109) Галла, съ иностранными народами, подстрекая чеховъ противъ Польши и короля.

епископа Нарушевича, въ крайнее замѣшательство. 2) Польскій король Владиславъ III вмѣстѣ съ сенаторами заключили съ турками трактатъ мира, утвержденный по тогдашнему обычаю присягой. Папа римскій былъ противный этому миру и по расчетамъ своей политики требовалъ возобновленія войны съ турками; поэтому онъ чрезъ своего нунція разрѣшилъ короля и сенаторовъ отъ данной ими при заключеніи трактата присяги [1]), благословляя на борьбу. Такимъ образомъ война между Польшею и турками опять возгорѣлась; но какъ бы въ наказаніе за клятвопреступничество, поляки въ этой войнѣ понесли жестокое пораженіе отъ арміи турецкой подъ городомъ Варною. Тамъ цвѣтъ польскаго рыцарства и самъ король Владиславъ III пали въ проигранномъ сраженіи; многихъ турки забрали въ плѣнъ, остальные изъ польской рати спаслись бѣгствомъ. По народному преданію, во время этой несчастной для поляковъ войны, турецкіе янычары носили на пикахъ списки заключеннаго трактата съ королемъ польскимъ, и поднимая ихъ въ гору кричали: «смотри полякъ, этотъ Богъ, которому ты присягалъ, накажетъ тебя за твое вѣроломство». Послѣ этого пораженія поляковъ подъ Варною, турки отыскали на полѣ брани трупъ убитаго короля, отрѣзали голову и отослали въ Константинополь, гдѣ воткнутую на желѣзномъ шестѣ турки носили по улицамъ, какъ трофей одержанной надъ поляками побѣды. 3) Извѣстно изъ польской исторіи, какой перевѣсъ имѣла Польша надъ Россіею во время войнъ удачно веденныхъ королемъ Баторіемъ; но вліяніе на дѣла Польши римскаго двора, имѣвшаго надежду подчинить Россію папской власти, было причиной заключенія невыгод-

---

[1]) Это разрѣшеніе значитъ, что папамъ вольно, смотря по обстоятельствамъ, нарушать самыя важнѣйшія Божескія и человѣческія правила, на основаніи своего правила, что цѣль освящаетъ принятыя средства, коего іезуиты крѣпко придерживались.

наго для Польши мирнаго трактата. 4) Изъ разсказанныхъ нами событій (гл. III, § 7.) мы видѣли плачевныя послѣдствія религіозной уніи введенной на Руси по инціативѣ Рима пропагандой іезуитовъ и разными насильственными мѣрами, вызвавшими многократныя возстанія украинскаго народа, ужасныя убійства и опустошенія края, которыя поселили въ сердцахъ и памяти украинскаго народа наслѣдственную вражду противъ утѣснителей и ненависть противъ имени ляха [1]). Притомъ мы также видѣли какъ въ царствованіе польскаго короля Владислава IV, хотѣвшаго примирить враждовавшія народности прекращеніемъ религіознаго преслѣдованія и обезпеченіемъ правъ православной церкви и русской народности, папа Урбанъ VIII, поддерживая въ Польшѣ клерикальную партію, вооружился противъ благихъ намѣреній короля и постановленій сейма; такимъ образомъ онъ сдѣлался главною причиной всѣхъ дальнѣйшихъ смутъ и раздоровъ, происшедшихъ въ Польшѣ. Одна эта унія съ своими печальными послѣдствіями, можно сказать безъ пристрастія, есть уже весьма достаточнымъ доказательствомъ зловредности римской пропаганды и ея гибельнаго вліянія на дѣла польскаго государства. 5) Вліяніе римской политики было поводомъ военныхъ дѣйствій Польши, подъ предводительствомъ короля Собѣскаго, противъ Турціи начатыхъ для спасенія нѣмецкой имперіи и ея столицы Вѣны: послѣдствія этой войны, по свидѣтельству польской исторіи, были очень вредными для интересовъ Польши; поэтому одинъ изъ польскихъ писателей (Трентовскій) отзывается, что памятникъ побѣдъ Собѣскаго, одержан-

---

[1]) Въ Малороссіи простой народъ клялся слѣдующими словами: «а щобъ-же я ляхомъ ставъ, коли говорю неправду», а противорѣчившій обыкновенно отвѣчалъ ему: «Стій человіче, не губи своеи души»!—Малолѣтныя дѣти украинцевъ, увидѣвъ нечаянно предъ собою поляка, говорили въ испугѣ своимъ матерямъ: «Мамо, закрый мині очи, нехай не дивлюсь на того негідного ляха».

ныхъ надъ турками подъ Вѣной, есть надгробнымъ памятникомъ для Польши. 6) Когда родная сестра польскаго короля Сигизмунда III, принцесса Анна, умерла, то папа чрезъ своего нунція запретилъ хоронить тѣло умершей принцессы между гробами фамиліи королевской, по той причинѣ, что она была протестантскаго исповѣданія. Ее похоронили на торнскомъ протестантскомъ кладбищѣ. 7) Папы своимъ авторитетомъ и ихъ агенты вмѣшивались въ дѣла внѣшнія и внутреннія Польши; налагали подать на мірянъ, подъ названіемъ лепты св. Петра (grosz s. Piotra), какъ будтобы апостолъ Петръ налагалъ на христіанъ какія-либо подати; духовенство платило пошлины, подъ названіемъ церковныхъ аннатъ (annaty Kościelne), въ пользу римской столицы, при вступленіи на высшія іерархическія степени. Кромѣ того, папы и ихъ нунціи вмѣшивались въ домашнія дѣла духовенства; требовали отъ поземельныхъ собственниковъ уплаты десятины въ пользу духовенства со всѣхъ сельскихъ произведеній, начиная отъ хлѣба до пасѣки, телятъ, ягнятъ и даже домашнихъ птицъ. Все это видно изъ выданной по сему предмету буллы папы Евгенія VI. Исполненіе въ точности этой десятинной повинности включено было въ число церковныхъ заповѣдей (przykazań Kościelnych) [1]). Изъ этого источника происходили въ Польшѣ между духовными и свѣтскими лицами разныя скандалезныя сцены и тяжбы; поэтому давніе поляки называли иронически латинское духовенство мухами, которыя вездѣ лѣзутъ и ко всему прилѣпляются.

Изъ всѣхъ европейскихъ народовъ, одна восточная Русь избѣгла ига коварной римской политики, хотя въ разныхъ періодахъ времени, при всѣхъ удобныхъ случаяхъ, папы, по-

[1]) Намъ нѣсколько разъ случалось видѣть эту заповѣдь о десятинахъ, помѣщенною между прочими церковными заповѣдями, даже въ давнихъ элементарныхъ польско-латинскихъ учебникахъ.

средствомъ своихъ агентовъ, особенно іезуитовъ, стремились подчинить Россію своей духовной власти, въ чемъ судьба имъ не благопріятствовала и всѣ ихъ усилія по сему предмету принятые обращались въ ничто. Россіане и православное духовенство всегда обращали свои взоры на востокъ, откуда возсіялъ для нихъ лучь вѣры Христовой, уклоняясь постоянно отъ ухищреній Ватиканской политики. Однакожъ видно, что папы своими козпями и интригами много надоѣли россіанамъ, это доказываетъ сложившаяся у нихъ поговорка: «никто Россіи столько бѣдъ не сдѣлалъ, какъ Ханъ крымскій и папа римскій». По нашему мнѣнію, послѣднія слова этой фразы преимущественно относятся къ юго-и. сѣверо-западной Россіи, на которую (какъ мы видѣли) римская пропаганда гибельно вліяла со времени люблинской уніи до окончательнаго паденія бывшей польской республики. Не лишнимъ считаемъ здѣсь присовокупить, что, не смотря на свирѣпствовавшій въ Польшѣ фанатизмъ, однакожъ изъ среды самыхъ поляковъ выдвигались личности, проникнутыя истиннымъ просвѣщеніемъ и искреннимъ патріотизмомъ, которыя, сознавая вредное вліяніе римской политики на дѣла Польши, хотѣли освободить свое отечество отъ этого тягостнаго ига. Въ числѣ этихъ благомыслящихъ патріотовъ, жившій въ XVI вѣкѣ за короля Сигизмунда—Августа, архіепископъ гнѣзненскій, примасъ королевства, Яковъ Уханскій, который не только энергически противодѣйствовалъ всѣмъ притязаніямъ папъ и замысламъ инквизиторовъ (извѣстнаго папскаго трибунала Sancti officij), присланныхъ было папою въ Польшу; но даже подавалъ королю и польскому правительству проэктъ, чтобы совершенно отдѣлить Польшу отъ Рима, установить независимый патріархатъ и польско-католическую церковь. Но сильное вліяніе іезуитовъ и нѣкоторыхъ епископовъ польскихъ помѣшали осуществленію сего полезнаго для Польши проэкта. Тогда кар-

диналъ Гозій (Hozius) своимъ краснорѣчіемъ и энергичнымъ характеромъ много содѣйствовалъ къ поддержанію въ Польшѣ папской власти, клонившейся къ паденію, вслѣдствіе распространившейся въ Польшѣ реформаціи, особенно между аристократическими фамиліями.

Мы уже въ предыдущихъ статьяхъ сего очерка указали на реальныя причины разъединенія церкви восточной и западной, съ поясненіемъ пагубныхъ послѣдствій, возникшихъ изъ этого источника для всего христіанскаго міра, потому что люди коварные и фанатики употребляли этотъ разрывъ христіанства, какъ маску для своихъ политическихъ цѣлей и эгоистическихъ расчетовъ. Слѣдя теперь за причинами видимой вражды между соплеменными націями, польскою и русскою, и считая священною обязанностію каждаго благомыслящаго человѣка предостеречь заблуждающихся безсознательно, по иниціативѣ зломыслящихъ эгоистовъ, хотя знаемъ, что наша откровенность многимъ не понравится, многихъ вооружитъ злобой, ибо истина часто глаза колетъ,—не можемъ однакожъ лицемѣрно скрывать нашего убѣжденія, основаннаго на фактахъ, что латино-польское духовенство, будучи проникнуто съ одной стороны политическою пропагандою Рима, а съ другой мечтательнымъ польскимъ патріотизмомъ, питаетъ ненависть и отвращеніе ко всему русскому и подъ религіозною маскою бросаетъ камни злобы на православіе, называя оное схизмой, отщепенствомъ, а послѣдователей схизматиками и отщепенцами, съ цѣлью держать въ отдаленіи католиковъ отъ православныхъ, положивъ между ними фанатическую преграду, вопреки принципамъ ученія Спасителя нашего, вопреки христіанскому человѣколюбію [1]).

[1]) Руководствуясь въ нашихъ мысляхъ и сужденіяхъ безпристрастіемъ единственно въ цѣли подтвержденія нами сказаннаго, съ душевнымъ прискорбіемъ мы должны вспомнить здѣсь о фразѣ, которою хотя не всѣ, однакожъ многіе

Почтенные духовные отцы и братья по Христу! вспомните, что сказалъ Спаситель своимъ апостоламъ, коихъ мѣсто заступаютъ служители алтаря: «Вы свѣтъ міра, вы соль земли, дающая всему вкусъ», также и то—«что любовь Бога и ближняго, есть основаніемъ вѣры нашей, алфа и омега христіанскаго совершенства»; а по словамъ апостола Павла (посланіе Кориноамъ) христіане составляютъ одно тѣло въ Христѣ, взаимная любовь есть основаніемъ Его ученія. Соображаясь съ этими принципами и съ духомъ нашего времени, пора устранить, по словамъ апостола, старый испорченный нравъ, исправить ошибки предшественниковъ, бывшихъ причиной многаго зла и многихъ страданій; ибо, по словамъ Спасителя, трудно служить двумъ господамъ; нельзя быть поклонникомъ правды и лжи. Пора разстаться съ предубѣжденіями, несообразными съ истиною и духомъ времени: пора снять повязку съ глазъ и взглянуть подъ таинственную маску Ватикана, коимъ постоянно руководствовали и руководствуютъ не цѣль отеческой любви къ христіанскимъ народамъ, но властолюбіе и мірскія выгоды, принявъ за образецъ гордую политику языческаго Рима, угнетавшаго древніе народы своими легіонами, пока не ударилъ роковой часъ его гибели. Къ этой клонится и настоящій папскій Римъ, согнившій остовъ прежняго могучаго Рима, бросавшаго громы изъ Ватикана, какъ Юпитеръ изъ своего Олимпа на покорныхъ жителей земли. Соображаясь съ духомъ времени и цивилизаціею европейскихъ народовъ, пора намъ выступить изъ заколдованнаго круга предразсудковъ и суетныхъ надеждъ, взятыя усердно за ис-

---

изъ членовъ латинскаго духовенства отзываются къ своимъ единовѣрцамъ, то-есть: «Lepiej pujdz do chliwa it am pomodl się niżeli masz chadzić do Corkwi Schrizmatyckiej» (Лучше тебѣ пойти въ сарай и тамъ помолиться, чѣмъ ходить въ схизматическую церковь). Эта легкомысленная фраза не разъ оглашалась въ нашихъ ушахъ.

правленіе ошибокъ прошлыхъ временъ для блага собственнаго и грядущихъ поколѣній.

Въ настоящее время каждый просвѣщенный человѣкъ понимаетъ, что религія не есть признакомъ національности: можетъ быть русскій католикъ, русскій протестантъ, русскій еврей; ибо вопросъ богословскій отдѣленъ отъ вопроса политическаго. Поэтому теперь открывается для католическаго духовенства широкое поприще государственной заслуги, которая одна и можетъ загладить вины многихъ членовъ его общества... Дѣло въ томъ, чтобы разобщить католическую церковь, если уже не можно съ папствомъ, по причинѣ закоренѣлаго вѣками предразсудка, то по крайней мѣрѣ съ полонизмомъ, и соединить ее съ русскою національностію посредствомъ введенія въ костелы русскаго языка; оставивъ въ сторонѣ сумасбродные идеи возстановленія въ западныхъ губерніяхъ польскаго элемента; устранивъ всѣми силами здраваго разсудка и логики силу обычая и невѣжества, неумѣющаго сдѣлать различія между языкомъ и вѣроисповѣданіемъ. Наставить и разсѣять это предубѣжденіе, особенно между низшими слоями народа, можетъ только ксендзъ, руководствующій совѣстію своей паствы... Если не грѣшно высказать откровенно свои мысли, свои убѣжденія [1]), то позвольте, почтенные отцы и пастыри народа, сдѣлать въ духѣ доброжелательства нашимъ собратьямъ скромное замѣчаніе: если многіе члены католическаго духовенства во время минувшихъ смутъ, разжигая политическія страсти, содѣйствовали прискорбному положенію, въ которомъ по необходимости очутилась значительная часть католическаго населенія въ западныхъ губерніяхъ; то въ настоящее время это духовенство по долгу совѣсти и человѣколюбія обязано помочь ему выйти

---

[1]) У поляковъ есть поговорка: «przed księdzem i lekarzem niema sekretu». (Предъ священникомъ и лекаремъ нѣтъ тайны).

изъ этого затруднительнаго положенія, которое можетъ измѣниться только тогда (судя по окружающимъ фактамъ), когда права русской народности не только не будутъ тамъ оспариваться, но войдутъ въ полную силу. Разумѣется, что правительство и русское общество доведутъ этотъ край до общежелаемаго русскою націею состоянія; но трудъ этотъ могъ бы облегчиться и ускориться ко взаимной выгодѣ обѣихъ сторонъ, если-бы въ помощь имъ явилось содѣйствіе мѣстной силы, какою есть вліяніе мѣстнаго духовенства и лицъ свѣтскихъ, стоящихъ на высшихъ ступеняхъ и потому пользующихся довѣріемъ своего общества.

А потому, и по долгу человѣколюбія, совѣтую вамъ, почтенные отцы и братья по Христу, выбросить изъ головы и сердца всѣ старые національные расчеты, порожденные духомъ времени и несчастными политическими обстоятельствами, помириться чистосердечно съ единоплеменнымъ русскимъ народомъ, который наравнѣ съ прочими цивилизованными христіанскими народами слѣдуетъ правиламъ ученія евангелія, надѣясь, какъ и мы надѣемся, на благодать будущей жизни [1]), тѣмъ болѣе, если по волѣ всевышняго Про-

---

[1]) Оставляя въ сторонѣ папскія тенденціи къ абсолютной власти и непогрѣшимости, принятыя въ среднихъ вѣкахъ (временъ невѣжества) латинскою церковію, равно минуя разности въ нѣкоторыхъ церковныхъ обрядахъ; самые принципы или главныя основанія православной церкви тѣ же самыя, что и въ первой. Минуя предразсудки, лицемѣріе и ханжество, соображаясь съ здравымъ смысломъ и логикой, спрашиваю: можно-ли въ нашъ прогрессивный вѣкъ, по чистой совѣсти, придерживаться фанатическихъ средневѣковыхъ идей о непогрѣшимости папъ, о пути спасенія единственно посредствомъ римскаго Ватикана, если мы христіане вѣримъ о вездѣсущемъ Божествѣ, если мы вѣримъ въ сидящаго одесную Отца (na prawia Boga Ojca) Спасителя нашего, обѣщавшаго апостоламъ быть съ своею церковью до конца вѣковъ?? Идея о непогрѣшимости папъ въ XIX вѣкѣ, есть absurdum; оскорбительная пародія для человѣческаго ума и для цивилизаціи нашего времени... Эта идея, созданная римскою политикою въ вѣкахъ полнаго затмѣнія, была необходима къ поддержанію гордыхъ

видѣнія, распоряжающаго судьбами народовъ, русскій народъ вмѣстѣ съ нами находится подъ однимъ скиптромъ благополучно царствующаго монарха; который, въ теченіе своего кратковременнаго царствованія, при многихъ другихъ полезныхъ для Россіи учрежденіяхъ, успѣлъ самыми кроткими мѣрами вызвать болѣе двадцати милліоновъ закабаленнаго вѣками невѣжества народа изъ унизительнаго для человѣчества и цивилизаціи рабскаго положенія на поприще свободы и нравственнаго развитія. Кромѣ того, усердно и постоянно заботится въ разныхъ отрасляхъ государственнаго устройства о благѣ порученныхъ ему Провидѣніемъ многочисленныхъ народовъ [1]).

Пусть никого изъ великосвѣтскихъ либераловъ нашего вѣка не соблазняетъ то, что мы въ подкрѣпленіе нашихъ мыслей и сужденій о національномъ примиреніи ссылаемся на правила евангельскаго ученія; ибо мы убѣждены въ томъ, что никакая человѣческая правоучительная мудрость, въ этомъ отношеніи, не можетъ сравниться съ практическими и человѣко-

---

папскихъ тенденцій, такъ какъ были нужны для нихъ трибуналы—sancti officij, уставъ о индульгенціяхъ, о десятинахъ, орденъ іезуитовъ и т. п. Но держаться теперь этихъ идей какъ принциповъ, значитъ пятиться назадъ въ глубь средневѣковаго невѣжества, просвѣщеннымъ народамъ Европы—подражать полу-образованнымъ японцамъ, буддаистамъ и другимъ, уважающимъ своихъ первосвященниковъ за существа сверхъ-человѣческія, отдавая имъ божескія почести....

[1]) Если же за всѣмъ тѣмъ, мы однакожъ встрѣчаемъ много личностей недовольныхъ настоящимъ порядкомъ дѣлъ, то не входя въ подробное изслѣдованіе причинъ и объясненіе фактовъ этого явленія, какъ несообразныхъ цѣли настоящаго труда; мы поэтому ограничимся вопросомъ: случалось ли когда либо въ мірѣ кому нибудь изъ смертныхъ угодить всѣмъ безъ исключенія людямъ? Это, кажется, есть выше силъ человѣческихъ... Мы слышимъ иногда, что люди ропщутъ противъ Провидѣнія Всевышняго, если ихъ затѣи неудовлетворены сходно ихъ желанію... Недовольные поляки называли своего короля Казимира III, въ насмѣшку, королемъ холопскимъ (krol chłopów), однакожъ справедливый судъ потомства, оцѣнивъ лучше его доблести, назвалъ его великимъ королемъ Казимиромъ........

*

любивыми правилами евангельскаго ученія. Спаситель нашъ въ своемъ Божественномъ разумѣ предвидѣлъ, что средства мести и злопамятности не могутъ привести людей къ мирнымъ и счастливымъ результатамъ; а потому ученіемъ, примѣрами своей жизни и смерти завѣщалъ людямъ прощать согрѣшенія и обиды [1]); любить даже враговъ; словомъ, жить въ согласіи и любви христіанской, безъ которыхъ, по словамъ апостола Павла, самыя величайшія жертвоприношенія не имѣютъ предъ Богомъ никакой заслуги [2]). Соображаясь съ этими христіанскими правилами, по нашему мнѣнію, какъ духовные пастыри латинской церкви въ Польшѣ и въ западныхъ губерніяхъ, такъ равно и граждане стоящіе на высшихъ ступеняхъ въ своемъ обществѣ просвѣщеніемъ и другими преимуществами, по долгу совѣсти и человѣколюбія, должны быть примѣромъ для своихъ собратьевъ въ общемъ дѣлѣ примиренія единоплеменныхъ славянскихъ народовъ. Уклоняться отъ сего обще-полезнаго дѣла какими либо трудностями въ успѣхѣ не можетъ служить, особенно передовымъ личностямъ, оправданіемъ ни предъ судомъ Божіимъ, ни предъ судомъ потомства. Во всѣхъ вообще дѣлахъ, какъ опытъ доказываетъ, первый шагъ обыкновенно бываетъ самый труднѣйшій; но кто полезное дѣло началъ и стремится окончить его хорошо, тотъ половину уже сдѣлалъ; а блаженны миротворцы, ибо они,

---

[1]) Два достопамятные примѣра Христосъ указалъ апостоламъ предъ своею крестною смертію: запретивъ апостолу Петру употреблять мечь для личной обороны, и тутъ же излечивъ израненнаго слугу первосвященника; второй примѣръ, молясь на крестѣ, среди тяжкихъ страданій, за своихъ враговъ и мучителей.

[2]) Вотъ и слова Спасителя, сказанныя по настоящему предмету: «если ты принесешь свой даръ на алтарь, и притомъ вспомнишь о ссорѣ съ своимъ братомъ; то оставь свой даръ предъ алтаремъ и иди примириться прежде съ своимъ соперникомъ, а тогда принесешь свой даръ на алтарь (Еванг. Матѳ. гл. V, ст. 23).

по словамъ Спасителя, суть Божіими сынами. Возвращеніе изъ пути заблужденія на путь истинный никого не унижаетъ; напротивъ, это доказываетъ, что мы чистосердечно трудились для познанія истины—и по здравому смыслу, гораздо лучше вступить на путь правый хотя поздно, чѣмъ никогда. Быть можетъ, что противъ вашей миссіи примиренія возстанутъ приверженцы фанатизма, предразсудковъ и несбыточныхъ надеждъ, съ цѣлью оклеветать и очернить ваши благія намѣренія; но въ такомъ случаѣ не падайте духомъ, надѣйтесь на помощь всевидящаго Провидѣнія и сочувствіе благомыслящихъ людей: правда всегда имѣла и имѣетъ на землѣ свои алтари и своихъ поборниковъ (kapłanów). При томъ, въ вашемъ посвященіи для истины и общаго блага, вспомните слова нашего Спасителя: «кто не несетъ свой крестъ и не подражаетъ Мнѣ, тотъ не достоинъ Меня» [1]); вспомните великіе труды и личныя жертвы апостоловъ и ихъ подражателей—великихъ миссіонеровъ, понесенные ими для блага человѣчества. Они словомъ истины и твердою волею одолѣвали всѣ препятствія, всѣ опасности; ибо по словамъ Спасителя: все отъ сердца происходящее, находитъ откликъ (echo) въ сердцахъ другихъ; а все происходящее отъ суетныхъ словъ, исчезаетъ какъ дымъ безъ слѣда.

А потому покоряясь судьбѣ въ настоящемъ положеніи дѣлъ, по нашему мнѣнію, самый надежнѣйшій путь для насъ есть путь указанный нашею религіею, которая повелѣваетъ своимъ послѣдователямъ отпускать согрѣшенія и обиды намъ причиненныя; любить даже враговъ нашихъ. Правило же ветхозавѣтное, око за око, зубъ за зубъ; равно путь идеальныхъ мечтаній и несбыточныхъ надеждъ, по которому водили насъ заграничные друзья, не спасутъ, а скорѣе погрузятъ въ

---

¹) Еванг. Матѳ. гл. VI, ст. 24; гл. X, ст. 38.

пропасть... Для того повторяемъ, что руководствующіе народною совѣстію и передовыя личности католическихъ обществъ, особенно въ западныхъ губерніяхъ, должны дать собою примѣръ къ христіанскому примиренію, для радикальнаго излеченія нравственныхъ недуговъ, причиненныхъ славянскимъ племенамъ предразсудками, фанатизмомъ, невѣжествомъ и эгоизмомъ предмѣстниковъ вашихъ; устранивъ совершенно всѣ эгоистическіе и суетные расчеты міра сего для общаго блага вашихъ собратій. Поступая иначе, значитъ сойти съ прямаго пути вашего евангельскаго призванія и быть пастырями—non propter Iesum, sed propter usum [1]). При такомъ образѣ мыслей и дѣйствій подумайте о томъ, что васъ ожидаетъ судъ Божій и судъ потомства, по словамъ Спасителя сказаннымъ къ фарисеямъ и книжникамъ: «горе вамъ взявшимъ ключь разумѣнія (св. писанія); ибо вы сами не пошли туда, куда слѣдовало, и другимъ помѣшали». Въ другомъ мѣстѣ, Христосъ сказалъ: «если бы вы были невидящими, то ваша вина была бы гораздо меньше, чѣмъ она теперь, когда вы видите предъ собою прямую дорогу, и однакожъ итти по ней уклоняетесь». Если же для удовлетворенія эгоистическихъ цѣлей и для угожденія суетнымъ мірскимъ расчетамъ вы будете вести по прежнему кривыми путями повѣренныхъ вашему пастырскому попеченію чадъ, то берегитесь, чтобы по угрозѣ Спасителя, объявленной фарисеямъ и книжникамъ іерусалимскимъ, и вашъ домъ не остался пустынею.... за упрямство противъ очевидной истины, за гордость устоять на своемъ хотя ошибочномъ сужденіи, не обращая вниманія на ожидающую будущность настоящихъ и грядущихъ поколѣній вашихъ собратій....

---

[1]) Эта фраза на малороссійскомъ нарѣчіи такъ выражается: «Сдѣлався попомъ не для Інсуса, а для хлѣба куса».—А на польскомъ языкѣ: «został księdzem, nie dla nieba, a dla chleba».

Не лишнимъ считаемъ присовокупить здѣсь нѣкоторыя мысли, относящіяся къ выше поясненнымъ предметамъ. Растеніе, если его въ корняхъ подтачиваетъ ядовитый червь, увядаетъ; человѣкъ, потерявшій уваженіе и довѣріе въ обществѣ, нравственно увядаетъ. Послѣ всѣхъ враждебныхъ затѣй, предпринятыхъ Польшею, а по ея примѣру латинскимъ духовенствомъ и польскимъ дворянствомъ западныхъ губерній противъ русской націи и его правительства, начиная съ 1831 года по настоящее время, трудно намъ добиться прежняго довѣрія одними обѣщаніями на исправленіе. Желая искренно загладить свои прежнія ошибки, необходимо доказать это не словами, а фактами. Чтобы искренно помириться съ единоплеменною русскою націею, надо прежде всего выбросить изъ польскаго словаря и изъ сердца враждебныя слова: «moskal schizmatyk, mongoł, schizma, odszczepieniec» и т. п.; надо стремиться къ одной общей цѣли, то-есть, ко благу нашего общаго отечества Россіи; православную вѣру считать равною сестрой католической, равно исполняющею миссію Спасителя и Его апостоловъ; словомъ, надо преобразовать свой прежній образъ мыслей и дѣйствій, чтобы смотрѣть на себя и на русскій народъ съ надлежащей точки: не чрезъ призму предубѣжденій, не по внушеніямъ лицемѣрныхъ заграничныхъ друзей. Чтобы этого вполнѣ достигнуть и другихъ въ томъ убѣдить, по нашему мнѣнію, самый вѣрнѣйшій и лучшій способъ во-первыхъ освободиться разъ навсегда отъ папскаго абсолютизма, который, по стеченію средневѣковыхъ обстоятельствъ, вопреки ученію евангелія и вселенской церкви, присоединенъ властолюбивыми папами какъ догматъ вѣры къ религіи католической; во-вторыхъ—прервать всякія политическія сношенія съ польскими эмигрантами и съ прочими врагами Россіи; ибо папскій абсолютизмъ заражаетъ своихъ послѣдователей зловредными предубѣжденіями и вселяетъ ненависть противъ другихъ

христіанскихъ вѣроисповѣданій; политическія же сношенія съ эмигрантами и съ прочими заграничными псевдо-друзьями заражаютъ поляковъ, особенно молодое неопытное поколѣнье, вредными экзальтаціями пустыхъ мечтаній и несбыточныхъ надеждъ, которыя приводятъ ихъ къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ; на это все съ душевнымъ прискорбіемъ наши глаза смотрѣли съ 1831 года по настоящее время.

Послѣ всего нами сказаннаго, не думайте, любезные братья, что мы предлагаемъ вамъ непремѣнно оставить обрядъ вѣры отцовъ вашихъ и перейти въ другой; нѣтъ, мы вовсе такъ не думаемъ. Напротивъ, мы совѣтуемъ вамъ оставаться по вашему убѣжденію въ той религіи, въ которой вы воспитывались; но ради блага собственнаго и вашихъ потомковъ, по всѣмъ выше поясненнымъ причинамъ, слѣдуетъ устранить то, что невѣжество, фанатизмъ, насиліе и властолюбіе эгоистовъ, подъ маской религіи, навязали западному католицизму къ его собственному и народному вреду... Какъ физическіе наросты истощаютъ органическія тѣла, такъ равно нравственные наросты-предразсудки истощаютъ въ отношеніи социальномъ. Этакимъ наростомъ или волчкомъ на тѣлѣ христіанскаго міра есть папскій абсолютизмъ съ своими тенденціями, вселяющій несогласіе и вражду между послѣдователями миссіи Христовой. Къ поддержанію этого абсолютизма папъ, въ разныя эпохи было употреблено много усилій, много козней и жертвъ; но истина есть искра Божества, которую уничтожить трудно; она преодолѣваетъ всѣ козни злонамѣренныхъ, и наконецъ съ торжествомъ выходитъ на верхъ, какъ олива на воду. Истина всегда имѣетъ свои алтари и своихъ поборниковъ, дающихъ объ ней свидѣтельство предъ народами и царями, не смотря на угрожающія опасности со стороны ея враговъ. Христосъ сказалъ: «изъ плодовъ узнается свойство дерева». Исторія церкви и европейскихъ народовъ указываетъ

намъ наглядно, какіе горькіе плоды издали римская пропаганда и папскій абсолютизмъ, пока усердные друзья истины и человѣчества не выступили на отчаянную борьбу противъ силъ папскаго деспотизма, жертвуя собой для общаго блага.

Въ заключеніе нашихъ мыслей совѣтуемъ вамъ, братья по Христу: любите и почитайте вашу религію, какъ залогъ временнаго и вѣчнаго блаженства: исполняйте правила ея мудрой нравственности; будьте католиками христіанскими,— а не римскими; кромѣ того, что Римъ съ своею пропагандой, съ своими іезуитами, былъ причиной многаго зла для нашихъ предковъ вообще; нельзя отрицать исторической истины, что источникъ нашей вѣры, нашего спасенія получилъ свое начало на востокѣ, а не въ Римѣ; онъ, коснѣя въ язычествѣ, старался всѣми средствами искоренить христіанство, тогда какъ оно распространялось и процвѣтало на востокѣ. При этомъ считаемъ не лишнимъ пояснить и то: изъ дѣяній апостольскихъ и первыхъ вѣковъ христіанства видно, что первыя восточныя церкви имѣли свои названія отъ главныхъ провинціальныхъ или столичныхъ городовъ, напримѣръ: церковь антіохійская, александрійская, ефесская и т. п., а всѣ христіанскія церкви въ совокупности именовались вселенскою, соборною церковью. Если такъ было прежде, то почему этотъ іерархическій порядокъ не могъ бы существовать въ настоящее время, въ отношеніи каждаго народа, каждаго государства?? Судя безпристрастно, по логикѣ здраваго смысла, намъ кажется, что церкви католической въ Польшѣ свойственнѣе именоваться польско-католическою, а въ Россіи—россійско-католическою, чѣмъ титуловаться римско-католическою.... Всѣмъ читавшимъ евангеліе и церковную исторію извѣстно, что колыбель христіанской вѣры была на востокѣ, въ Іерусалимѣ и въ другихъ восточныхъ городахъ, а оттуда она распространилась на западъ и въ другія стороны свѣта.

Тутъ естественно возникаетъ вопросъ: почему полякамъ, жителямъ Польши и Россіи, называться римскими католиками, зачѣмъ не польскими, не русскими католиками? Каждому извѣстно, что поляки по своему родовому происхожденію не принадлежатъ ни романскому, ни германскому племени, а принадлежатъ племени славянскому... На эти оба вопросы одинъ обычный отвѣтъ: что папа римскій есть главою церкви, и что эта формула введена въ Польшу первоначально и освящена давностію. Оставивъ главенство папъ, такъ какъ мы уже объ этомъ предметѣ подробно говорили, замѣтимъ слѣдующее: на свѣтѣ было много вредныхъ и вздорныхъ обычаевъ, какъ у древнихъ, такъ и у новыхъ народовъ, освященныхъ временемъ, утвержденныхъ невѣжествомъ и фанатизмомъ; однакожъ эти обычаи, по причинѣ своей вредности, уступили мѣсто лучамъ истинной религіи, просвѣщенія и здравому разсудку. Если такъ случалось прежде; почему же въ настоящее прогрессивное время слѣпое предубѣжденіе не должно уступить мѣста истинѣ, основанной на фактахъ исторіи, на здравомъ смыслѣ и на просвѣщеніи нашего вѣка?

§ 14.

Политическія причины вражды поляковъ противъ русскихъ.—Виновники этихъ причинъ.—Притязанія поляковъ на западныя россійскія губерніи.—Народность, языкъ и религія большинства жителей этихъ губерній.—Съ какой исторической точки надо смотрѣть на этотъ вопросъ?—Права Россіи на сѣверо и юго-западный край.—Политика великихъ князей литовскихъ.—Происхожденіе княжескихъ и дворянскихъ родовъ западнаго края, ихъ вѣроисповѣданіе.—Причины ихъ совращенія въ латинство и послѣдствія для русской народности.—Мысли относящіяся къ послѣднимъ событіямъ въ западномъ краѣ.

Мы уже говорили о вредномъ вліяніи римской пропаганды и іезуитовъ на дѣла бывшей Польши; о возникшей отъ того вражды между поляками-католиками и русскими-право-

славными. Теперь обратимъ безпристрастно-критическій взглядъ на другую причину этой народной вражды. Она заключается въ политическомъ паденіи бывшей польской республики, въ чемъ поляки вообще устами эмигрантовъ громогласно обвиняютъ предъ Европою преимущественно Россію, оставляя нѣмцевъ позади. Поэтому взглянемъ безъ предубѣжденій на главныя причины и на виновниковъ этой катастрофы, постигшей Польшу въ концѣ прошедшаго столѣтія.

Изъ всего нами сказаннаго въ §§ 6, 7, 8, 9, 10 и 11, почерпнутаго изъ фактовъ польской исторіи и памятниковъ западнаго края, мы удостовѣрились: а) что зародышъ анархіи, разстройства и политическаго паденія бывшей польской республики находился въ ея собственномъ лонѣ; онъ постепенно созрѣвалъ и наконецъ, какъ разрушительнымъ пламенемъ, охватилъ весь организмъ этого государства. b) Что это политическое зданіе безпрестанно потрясаемо было неустройствомъ и своеволіемъ магнатовъ и шляхты; оно долго клонилось къ паденію; но главные его хозяева, по своей безпечности и нерадѣнію, не обращали на это вниманія; не приняли заблаговременно приличныхъ мѣръ къ исправленію, чтобы отвратить грозившую опасность, а всякое зло физическое и нравственное, увеличиваясь, доходитъ наконецъ до крайности. с) Что фанатизмъ и религіозная нетерпимость, внушаемые польскимъ католикамъ, агентами Рима—іезуитами противъ иновѣрцевъ сограждан, также угнетеніе шляхтою прочихъ сословій народа, особенно сельскаго люда, продолжались постоянно въ Польшѣ до послѣдняго періода ея политическаго существованія. Это все, потрясая зданіе республики въ его основаніяхъ, разстроило гармонію и связь элементовъ составлявшихъ цѣлость государства. Затѣмъ спрашиваемъ каждаго здравомыслящаго: могъ-ли держаться такой разстроенный механизмъ общества и не пасть окончательно среди

прогрессивныхъ, благоустроенныхъ государствъ? Кого прежде всѣхъ слѣдуетъ обвинять въ случившейся катастрофѣ народнаго паденія, если не тѣхъ, которые стояли во главѣ народа, и своими злоупотребленіями и равнодушіемъ къ общему благу привели его на край пропасти, въ которую посторонняя сила, для своихъ эгоистическихъ видовъ, безъ большаго труда, успѣла его ввергнуть?! [1]). Тутъ оправдалось изреченіе римскаго философа: «Concordia res parva crescunt, discordia maximae dilabuntur».

Вѣковыми опытами доказано, что индивидуумы и народы теряютъ свой самостоятельный бытъ, свое благополучіе болѣе по причинѣ внутреннихъ волненій и домашнихъ неустройствъ, чѣмъ по вліянію внѣшнихъ враждебно дѣйствующихъ обстоятельствъ. Легче излечить наружные, чѣмъ внутренніе недуги животнаго организма; легче избѣгнуть сѣтей внѣшнихъ враговъ, чѣмъ избавиться отъ домашнихъ и отъ собственныхъ страстей; поэтому можно заключить, что характеръ и образъ мыслей, управляющіе индивидуумами и народами, приготовляютъ ту участь, какую они въ жизни несутъ, покоряясь судьбѣ по необходимости; къ этому можно примѣнить извѣстную польскую народную пословицу: «jak kto sobie pościeli, tak się wyspi» (какъ себѣ постель постелешь, такъ и будешь спать).

Извѣстно, что въ природѣ все содержится порядкомъ, гармоніею, равновѣсіемъ и обновленіемъ дѣйствующихъ силъ. Всякое органическое тѣло, подвергшись по какому либо случаю разстройству, или лишенію обновляющихъ силъ, приходитъ по законамъ природы въ уничтоженіе. Члены животнаго

---

[1]) Тутъ мы припомнили сатиричную строфу изъ одной польской народной пѣсеньки, иронически изображающую—какъ польскій народъ судитъ о своихъ давнихъ представителяхъ:

Jedzie szlachcic na zrzebcu, a pan na kobyle
Nieumieliscie panowie iść naprzód, zostańcież w tyle.

организма, зараженные антоновымъ огнемъ, отсѣкаютъ для того, чтобы они не заражали гнилостію остальныя части тѣла. Подобнымъ образомъ поступаютъ благоустроенныя общества людей, отсѣкая отъ себя нравственно-испорченные члены для своего самосохраненія и спокойствія. Такая участь, можно сказать безпристрастно, постигла поляковъ въ XVIII вѣкѣ среди благоустроенныхъ европейскихъ народовъ. Сосѣдніе державы долго смотрѣли на Польшу, какъ на гнѣздо анархіи и безпорядка; какъ на соблазняющій примѣръ религіознаго фанатизма и буйнаго своеволія; поэтому они сперва какъ посредники вмѣшивались въ дѣла Польши, защищая преслѣдуемыхъ диссидентовъ, своихъ единовѣрцевъ; наконецъ, видя что Польша не измѣняетъ своей анархической системы, прибѣгнули къ мѣрамъ рѣшительнымъ. Мы видимъ на опытѣ, что къ одному бѣдствію часто пристаетъ другое; одна неудача часто производитъ другую, дѣйствуя какъ бы по законамъ симпатіи. Къ несчастію Польши присовокупились тогда и посторонніе обстоятельства, то-есть, французская революція, начавшаяся 1789 года, нарушившая равновѣсіе державъ и спокойствіе Европы [1]); также кабинетныя интриги нѣмцевъ, успѣвшихъ поссорить поляковъ съ императрицею Екатериною; наконецъ, къ довершенію бѣдствій Польши, возникли и внутреннія несогласія между самыми поляками, по поводу изданнаго сеймоваго устава 3 мая 1791 г.; затѣмъ послѣдовала извѣстная тарговицкая конфедерація, давшая поводъ къ вмѣшательству сосѣдней державы Россіи, также необдуманное возстаніе поляковъ при слишкомъ слабыхъ

[1]) Слѣдствіемъ этой революціи король французскій Людовикъ XVI лишенъ жизни въ Парижѣ подъ гильотиной; подобная участь постигла тогда многихъ знаменитыхъ французовъ духовнаго и свѣтскаго званія. Тогда нѣкоторые сосѣдніе кабинеты подозрѣвали поляковъ въ сношеніяхъ съ французскими революціонерами, якобинцами...

силахъ подъ предводительствомъ генерала Костюшки. Эти всѣ смутныя обстоятельства, вмѣстѣ собравшіяся, приспѣшили окончательное паденіе этого разстроеннаго государства.

Какъ прежнія, такъ равно и послѣднія событія Польши, особенно торговицкая конфедерація, ясно доказываютъ, какъ трудно было польской шляхтѣ, особенно аристократіи, разстаться съ своимъ status quo, то-есть, съ своею феодальною системою, съ своею, такъ названною, золотою шляхетскою вольностію, не терпѣвшею ни нормальнаго порядка, ни сравненія въ правахъ съ прочими народными сословіями [1]). Послѣ того неудивительно, что Польшу постигла та участь, которую она сама себѣ приготовила своими дѣйствіями и анархіей. Но болѣе другихъ виновны личности, стоявшія на высшихъ ступеняхъ значенія, могущества и интелигенціи, то-есть, магнаты и высшее духовенство, какъ главные представители націи. Они въ своей гордости, алчности и безпечности, закрывъ глаза на происшедшія въ Европѣ реформы, и на окружавшія отечество опасности, шли не оглядываясь по прежнему направленію и привели всѣхъ въ разставленныя сѣти. Ихъ ошибками и неосторожностію воспользовались другіе: извѣстно, что нѣтъ ангеловъ на земли, а только люди, которыми, по большей части, управляютъ суетные мірскіе расчеты и страсти; неосторожностію и беспечностію однихъ обыкновенно пользуются другіе и для того пословица гласитъ: «если будешь овцею, то скоро найдутся

---

[1]) Вотъ образчикъ гордости польской шляхты и нелѣпости ея правительственныхъ учрежденій: въ Польшѣ былъ законъ, по которому лица духовнаго званія, поступающія на высшія іерархическія степени, напр., въ каноники, прелаты, епископы, провинціалы и т. п., обязаны были до производства представить доказательства о томъ, что ихъ предки мужескаго и женскаго колѣна, до пятой степени восходящей линіи, происходили изъ шляхетскаго, а не плебейскаго сословія. Такъ высокое значеніе имѣла въ Польшѣ шляхетская кровь!

волки». Поэтому судъ міра сего всегда осуждаетъ тѣхъ, которые проиграли свое дѣло; кои потеряли то, что имѣли въ рукахъ своихъ, мало заботясь разбирательствомъ причинъ— и во всякомъ неудачномъ дѣлѣ—vae victis!! Однакожъ, мимо всѣхъ вычисленій опыта и ума человѣческаго, всмотрѣвшись пристально въ обороты и судьбы дѣлъ міра сего, трудно не сознать той истины, что возвышеніе и униженіе царствъ и народовъ зависитъ отъ всемогущей воли Провидѣнія, а потому трудно слабымъ силамъ нашимъ противоборствовать и измѣнять его опредѣленіе: эту истину подтверждаетъ участь многихъ цивилизованныхъ народовъ древности, коихъ память существованія передала намъ исторія; но ихъ знаменитые многолюдные города—одни исчезли совершенно, а другіе покрылись жалкими развалинами; а гдѣ было прежде Forum Romanum, тамъ теперь — Campo Vaccino!...

Разсуждая о причинахъ національной вражды между поляками и русскими, нельзя замолчать объ одномъ довольно серьозномъ вопросѣ, т. е. о притязаніяхъ Польши или, яснѣе говоря, польской шляхты, на юго и сѣверо-западный край, въ которомъ заключаются: Бѣлорусь, Волынь, Подолье и Украина. Польская эмиграція, а за нею многіе заграничные журналисты, не зная или же притворяясь незнаніемъ этого края въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи, смотрятъ на этотъ вопросъ слишкомъ парціально, не съ надлежащей исторической точки, и потому надрываются своими неправильными криками и обвиненіями противъ Россіи, защищая притязаніе поляковъ или польской шляхты. Желая объяснить этотъ предметъ безпристрастно, фактическими данными, мы должны вспомнить нашимъ читателямъ вкратцѣ, сказанное нами въ Ч. II, § 4, 5 и 6 о соединеніи съ Польшею (въ XIV вѣкѣ) великаго княжества литовскаго, о его народности,

религіи и гражданскихъ правахъ; ибо гдѣ по какому-либо дѣлу происходитъ споръ, тамъ audiatur et altera pars...

Не подлежитъ сомнѣнію, какъ фактъ историческій, что юго и сѣверо-западный край, нынѣшнія западныя губерніи Россіи, составляли нѣкогда и довольно долгое время часть бывшаго польскаго государства; но при этомъ выступаютъ на сцену довольно важные вопросы, именно: въ какомъ политическомъ положеніи находился этотъ край до соединенія съ Польшею и послѣ того? Какіе тамъ были господствующіе: народность, религія, языкъ и литература? Къ какой именно народности принадлежало туземное дворянское сословіе? Разъясненіе этихъ вопросовъ историческими фактами укажетъ намъ наглядно какъ парціально смотрятъ и какъ ошибочно судятъ многіе изъ поляковъ, а за ними ихъ заграничные друзья-публицисты о свойствѣ народности этого края (который, можно сказать, есть для нихъ terra incognita), равно о притязаніяхъ Польши къ Россіи по настоящему предмету.

Каждому сколько нибудь слѣдившему въ исторіи Польши, Литвы и западной Руси за ходомъ важнѣйшихъ политическихъ событій, случившихся въ Польшѣ и великомъ княжествѣ литовско-русскомъ, послѣ введенія туда христіанской вѣры, должны быть извѣстны слѣдующія истины: а) что земли или области, бѣлорусская, червонорусская или галицкая, минская, волынская, брацлавская и кіевская съ Украиной, испоконъ вѣка были заселены славянскимъ племенемъ, подъ разными наименованіями, смотря по мѣстности ими занимаемой. b) Что эти славянскія племена подъ владѣніемъ княжеской династіи Рюрика приняли обще-народное названіе Руси или людей русскихъ. c) Что славяно-русскій языкъ былъ общимъ языкомъ всѣхъ жителей вышесказанныхъ областей, это очевидно почти осязательно доказываетъ не только древне-церковная литература этого края, но и сходство нарѣчій упо-

треблаемыхъ по настоящее время кореннымъ населеніемъ т. е. большинствомъ жителей этихъ областей. d) Что столицею великихъ князей русскихъ (потомковъ Рюрика) послѣ Новгорода, до введенія христіанства, былъ Кіевъ, куда въ другой половинѣ X вѣка была введена великимъ княземъ кіевскимъ св. Владиміромъ православно-восточная вѣра, распространившаяся по всему русскому государству. e) Что этотъ же великій князь Владиміръ, по обычаю и духу этого времени, раздѣливъ все русское государство между своими сыновьями, возникло въ этомъ государствѣ много удѣльныхъ князей и княжествъ, а между ними много несогласій и кровавыхъ распрей, ослабившихъ могущество этой державы [1]. — f) Что послѣ ужаснаго монгольскаго погрома, разразившагося надъ русскимъ государствомъ въ первой половинѣ XIII вѣка, князья литовскіе почти неизвѣстные тогдашнимъ цивилизованнымъ европейскимъ народамъ, пользуясь крайнимъ ослабленіемъ Россіи и своимъ вліяніемъ въ дѣла удѣльныхъ князей сѣверныхъ и южныхъ областей, постепенно, разными благовидными (какъ напримѣръ женидьбой на русскихъ княжнахъ) также и коварными средствами захватывали русскіе смежные области, каковые присоединяли къ Литвѣ, не нарушая однакожъ своею политикой ни вѣры православной, господствовавшей въ этихъ областяхъ, ни народныхъ обычаевъ. g) Что такимъ образомъ въ западной Россіи мѣсто древнихъ нормандскихъ князей, нечувствительно для русскаго народа, заняла династія литовскихъ князей, которые не только

[1]) Изъ историческихъ лекцій профессора Кояловича видно, что потомки в. князя Владиміра Мономаха были раздѣлены на три линіи удѣльныхъ князей; изъ нихъ потомки Мстислава владѣли червоною Русью или Галиціею, также Волынью и югозападными областями; линія Юрьевичей, владѣла сѣверо-восточными областями, коихъ главный городъ былъ Владиміръ на Клязьмѣ. Князья Ольговичи господствовали въ Кіевѣ, Черниговѣ, Брянскѣ, Пинскѣ и Полоцкѣ.

женились на русскихъ княжнахъ, но даже нѣкоторые изъ нихъ вмѣстѣ съ своими домочадцами исповѣдывали вѣру православную,—и такъ какъ литовскій языкъ не имѣлъ (да и нынѣ не имѣетъ) никакой литературы, то употребляли въ Литвѣ русскій языкъ и его письменность, въ составленіи граммать и изданіи государственныхъ законовъ. h) Что господствующая народность западнаго края и въ томъ числѣ дворянское сословіе страны (за исключеніемъ не многочисленнаго литовско-жмудскаго племени) испоконъ вѣка была русская: это ясно доказываетъ русскій языкъ, употребляемый не только кореннымъ людомъ этого края, но и при великокняжескомъ дворѣ за династіи ягеллоновъ, въ дипломатикѣ и во всѣхъ судебныхъ дворянскихъ дѣлахъ, что видѣть можно изъ всѣхъ древнихъ актовыхъ книгъ сего края, хранящихся подлинниками въ центральныхъ архивахъ кіевскомъ и виленскомъ. Кромѣ того, эту истину подтверждаютъ: уцѣлѣвшія до нашего времени древніе церкви и монастыри, находящіеся въ Кіевѣ, Вильнѣ и на всемъ пространствѣ юго и сѣверо-западнаго края: гробницы князей и дворянъ съ русскими надгробными надписями и синодики поминальные, наполненные княжескими и дворянскими фамиліями, хранящіеся въ православныхъ церквахъ и монастыряхъ: это все громко свидѣтельствуетъ, что западно-русское древнее дворянство причисляло себя къ русскому народу и до гроба пребывало вѣрнымъ своей православной религіи. i) Что даже за бывшее польское правительство въ XV, XVI и XVII вѣкахъ въ официальныхъ бумагахъ, грамматахъ и привилегіяхъ выше названныя провинціи всегда именовались русскими воеводствами, русскими землями, Бѣлоруссіею, Червоноруссіею и т. д.; поэтому въ самомъ титулѣ королевскомъ, во всѣхъ грамматахъ и привилегіяхъ отъ имени короля выходящихъ, послѣ словъ «король польскій, великій князь литовскій» сейчасъ

слѣдовало слово «Русскій» (król polski, wielki książę Litewski, Ruski, etc.). Мѣстное же дворянство всегда именовало себя русскою шляхтою, русинами, а коренной народъ этого края, со времени введенія въ Россію христіанства св. Владиміромъ, всегда исповѣдывалъ вѣру восточно-православную [1]) и она была тамъ постоянно господствующею религіею до насильнаго введенія іезуитами и королемъ Сигизмундомъ III въ концѣ XVI вѣка извѣстной церковной уніи. И наконецъ, k) что всѣ знаменитые роды сѣверо и юго-западнаго края, княжескіе и дворянскіе, были исповѣданія православнаго, а ихъ потомки, по причинѣ ограниченія гражданскихъ правъ и разныхъ преслѣдованій, поднятыхъ въ Польшѣ противъ православныхъ вообще, перешли разновременно въ латинство. Польскій же элементъ, т. е. языкъ, литература и обряды латинской церкви начали распространяться въ западномъ краѣ въ началѣ XV столѣтія, послѣ соединенія Литвы съ Польшею, подъ покровительствомъ прозелитизма польскихъ королей и магнатовъ, а особенно послѣ введенія стараніемъ іезуитовъ церковной уніи въ этотъ край. Отъ сихъ нами указанныхъ общихъ чертъ національнаго характера сѣверо и юго-западнаго края перейдемъ къ краткому объясненію историческими фактами важнѣйшихъ событій, относящихся къ сему предмету, дабы каждый безпристрастно и здраво мыслящій могъ по совѣсти судить, на сколько справедливы притязанія поляковъ на этотъ край.

Въ 1386 году великое княжество литовское, заключавшее въ своемъ составѣ нынѣшнія западныя губерніи, соединилось съ Польшею, какъ равный съ равнымъ, подъ властію одного государя, великаго князя литовскаго Ягеллы. Это со-

---

[1]) Слово русское «православный» соотвѣтствуетъ польскому слову—«prawowierny», а польскіе слова «kościał katolichi» соотвѣтствуютъ русскимъ—«соборная церковь».

*

единеніе имѣло чисто федеративный характеръ. Цѣль этого союза состояла въ томъ, чтобы соединенными силами отражать внѣшнихъ непріятелей и содѣйствовать политическому могуществу обоихъ государствъ [1]). На основаніи такого федеративнаго союза, каждое изъ сихъ государствъ должно было сохранить главныя условія политической независимости, именно: отдѣльную территорію и особые органы законодательной, судебной и административной власти.

Территорія Литвы и западной Россіи строго отдѣлялась отъ территоріи польскаго королевства (Korony); объ этомъ постоянно заботилось литовско-русское дворянство и неоднократно подавало свои просьбы королю, жалуясь въ нихъ, что польскіе паны, переходя границы, отдѣляющія Польшу отъ великаго княжества литовскаго, наносятъ пограничнымъ владѣльцамъ много обидъ, отнимая насильно ихъ земли. Для отвращенія безпорядковъ дворянство просило короля, чтобы границы между Польшею и великимъ княжествомъ литовскимъ приведены были въ точную извѣстность. Объ этомъ оно подавало просьбы на виленскомъ сеймѣ въ 1547, 1551 и 1554 годахъ. Такія же просьбы особо подавало дворянство волынское въ 1551 и 1544 годахъ, жалуясь на разбой, убійства и грабежи, претерпѣваемые пограничными владѣльцами отъ польскихъ пановъ. Вслѣдствіе этихъ просьбъ, король отправлялъ депутатовъ, какъ со стороны Литвы и юго-западной Руси, такъ и со стороны Польши, чтобы постановить между этими государствами точныя и вѣчныя границы [2]). Польша, отдѣленная отъ Литвы и югозападной Россіи вѣчными границами, была для литовско-русскаго народа страною чужеземною, поляки считались людьми загра-

---

[1]) Privilegium praelatorum Lithvaniae 1401, Voll. Legg. T. I, p. 60—288.

[2]) Zbiór praw Litewskich. Poznań. 1841 r. str. 428, 469, 474, 490 и 501. Такъ-же акты издавные археограф. комм. Т. III, стр. 10, 42 и 46.

личными, иноземцами [1]); не имѣли права занимать въ Литвѣ и югозападной Руси никакихъ государственныхъ должностей, ни владѣть поземельною собственностію. Польскіе чиновники, сопровождавшіе короля во время его поѣздки въ Литву и на Русь, должны были останавливаться на границѣ; а если въѣзжали съ королемъ въ предѣлы княжества литовскаго, то считались гостями и не имѣли права вмѣшиваться въ дѣла. При королѣ оставались только придворные чины, необходимые для его личныхъ услугъ [2]). Право пріобрѣтать поземельную собственность въ Литвѣ и на Руси предоставлено было полякамъ только съ 1564 года на варшавскомъ сеймѣ [3]).

Изъ всѣхъ выше приведенныхъ историческихъ фактовъ слѣдуетъ заключить: что Литва вмѣстѣ съ западною Русью, заключивъ федеративный союзъ съ Польшею, сохраняла свою политическую независимость, имѣла свою отдѣльную территорію и особую внутреннюю администрацію, считая Польшу чужеземною страною. Что западно-русское дворянство, строго отличая Русь отъ Польши, называло себя народомъ русскимъ, и этимъ именемъ польское правительство называло, какъ дворянъ такъ и весь народъ, населявшій западную Русь, нынѣшнія западныя губерніи. Поэтому грамматы, данныя польскимъ правительствомъ для охраненія православной религіи въ Литвѣ и на Руси, назывались дипломами русскому народу данными [4]). Но нѣтъ ничего неизмѣннаго въ нашемъ мірѣ: люди и обстоятельства все измѣняютъ, часто по прихоти и къ своему вреду: характеръ федеративнаго союза Литвы съ Польшею измѣнился въ 1569 году на люблинскомъ

---

[1]) Статутъ литовскій 1529 г. разд. IV, арт. IX.

[2]) Zbiór praw Litewskich, str. 433—405. Такъ-же акты запад. Рос. Т. III, стр. 13.

[3]) Voll. Leg. T. I, p. 649 ar. 23.

[4]) Акты запад. Рос. Т. IV, № XX, стр. 223 и XXXII, стр. 370.

сеймѣ. Въ этомъ году югозападная Русь, заключавшая въ себѣ воеводства волынское, брацлавское и кіевское, была отдѣлена отъ Литвы и включена въ составъ польскаго королевства въ формѣ провинцій, какъ части къ цѣлому, какъ членъ къ своей главѣ.

Но такое соединеніе имѣло гибельныя послѣдствія для обоихъ народовъ. Двѣ почти равносильныя, но по своимъ основнымъ началамъ совершенно противоположныя народности, отличавшіяся нравами, языкомъ и религіею, при томъ разрозненны вліяніемъ римской пропаганды и религіознымъ преслѣдованіемъ, должны были находиться въ непрерывномъ столкновеніи и парализировать развитіе государства. Съ тѣхъ поръ ни Польша, ни югозападная Русь не знали покоя, по причинѣ взаимной вражды; между тѣмъ какъ другія государства подъ защитою центральной монархической власти укрѣплялись въ силахъ, переходя постепенно къ новымъ болѣе совершеннымъ формамъ государственной жизни; Польша и югозападная Русь, вооружены другъ противъ друга, истощали свои силы во внутренней борьбѣ противоположныхъ народностей, въ распряхъ религіозныхъ и въ несогласіяхъ аристократіи. Литовско-русское дворянство предвидѣло эти невыгодныя послѣдствія—и потому долго старалось противодѣйствовать планамъ польскаго правительства по сему предмету; неразъ принимало мѣры къ совершенному отдѣленію княжества литовскаго отъ Польши. По окончаніи даже люблинскаго сейма король принужденъ былъ прибѣгнуть къ угрозамъ, чтобы принудить западно-русскихъ дворянъ дать согласіе на присоединеніе къ Польшѣ и подтвердить это согласіе присягою, угрожая посланнымъ универсаломъ конфискаціею имѣнія сопротивляющихся его распоряженію [1].

[1]) Акты зап. Рос. Т. II, № 1 стр. 1.

Дворянство западно-русскаго края, вступая въ союзъ съ Польшею, старалось оградить свою народность и сохранить ее неприкосновенною. Главныя основы западно-русской народности были: русскій языкъ и православная вѣра. Однимъ изъ главныхъ условій присоединенія югозападной Руси къ Польшѣ было сохраненіе русскаго языка во всѣхъ оффиціальныхъ актахъ, какъ въ судахъ градскихъ и земскихъ, такъ и въ королевской канцеляріи: это въ грамматѣ о присоединеніи къ Польшѣ воеводства волынскаго и княжества кіевскаго подробно изложено [1]). Такоежъ постановленіе касательно главнаго трибунала и метрики коронной послѣдовало въ 1632 году на варшавскомъ сеймѣ по требованію западно-русскаго дворянства, чтобы всѣ акты, касающіеся воеводствъ кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго, были писаны въ королевскихъ канцеляріяхъ и выдаваемы изъ нихъ копіи на русскомъ языкѣ, съ тѣмъ ограниченіемъ, что акты, писанные на другомъ языкѣ, не должны имѣть никакой силы. Въ главномъ люблинскомъ трибуналѣ, составлявшемъ высшую судебную инстанцію, ведены были особыя актовыя книги для выше помянутыхъ воеводствъ, въ которыя книги постановлено было записывать всѣ дѣла и судебныя рѣшенія русскимъ языкомъ [2]). То же постановлено и въ статутѣ литовскомъ [3]).

Съ какою заботливостію западно-русское дворянство старалось о томъ, чтобы означенныя выше постановленія объ употребленіи исключительно одного русскаго языка въ судебныхъ и административныхъ дѣлахъ были исполняемы въ точности, доказываетъ слѣдующее. Въ 1576 году король Сте-

---

[1]) Voll. Legg. T. II, p. 757 и 764.

[2]) Akta obligationum grodu Warszawskiego 1631—1632 r. № 8, pag. 2419. Voll. Legg. T. II, pag. 1237.

[3]) Статутъ литовскій 1566 года, разд. IV, арт. 1. То же повторено и въ статутѣ 1588 года, въ разд. IV, арт. 1.

фанъ Баторій потребовалъ къ себѣ нѣкоторыхъ дворянъ воеводства брацлавскаго позовными листами, писанными польскимъ языкомъ. Дворянство брацлавское не позволило своей братіи исполнить королевское приказаніе, замѣтивъ своимъ меморіаломъ королю, что листы, присылаемые къ нимъ изъ королевской канцеляріи, должны быть писаны на русскомъ языкѣ. «Найяснѣйшій милостивый король!—писало дворянство брацлавское.—Наши вольности и права нарушаются тѣмъ, что изъ канцеляріи вашей королевской милости посылаются къ намъ листы, писанные польскимъ письмомъ. Поэтому мы просимъ вашу королевскую милость покорными просьбами, на будущее время сохранять въ цѣлости привилегіи и свободы наши, приказавъ, чтобы къ намъ изъ канцеляріи вашей королевской милости присылаемы были листы на русскомъ языкѣ» [1]).

О томъ, что русскій языкъ былъ употребляемъ въ Литвѣ и югозападной Россіи, въ судебныхъ и административныхъ дѣлахъ, свидѣтельствуютъ древнія актовыя книги, хранящіяся въ центральныхъ архивахъ виленскомъ и кіевскомъ; здѣсь мы вспомнимъ о тѣхъ, которые намъ болѣе извѣстны и относятся къ юго-западному краю, именно: луцкіе, владимірскіе, овручскіе, кіевскіе, житомирскіе и брацлавскіе. Изъ нихъ можемъ удостовѣриться, что въ XV, XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка, русскій языкъ былъ официальнымъ во всѣхъ судебныхъ дѣлахъ, а духовенство писало на немъ свои проповѣди и сочиненія. Самые знатные и образованные изъ западно-русскихъ патріотовъ завѣщали дѣтямъ своимъ учиться русской грамотѣ, не оставлять добрыхъ русскихъ обычаевъ, пребывая вѣрными своей православной вѣрѣ до самой смерти [2]).

---

[1]) Акты запад. Россіи. Т. III, стр. 187.

[2]) См. завѣщаніе Василія Загоровскаго, каштеляна брацлавскаго въ арх. югозапад. Россіи Т. I, стр. 67.

Но въ концѣ XVI вѣка начали уже появляться въ актахъ здѣшняго края официальные письма и документы частныхъ лицъ, писанные польскимъ и латинскимъ языкомъ. Въ другой же половинѣ XVII столѣтія языкъ польскій и латинскій, благодаря направленію іезуитскаго воспитанія, начали уже брать верхъ надъ русскимъ языкомъ, особенно въ дворянскомъ сословіи. Польскій писатель Сярчинскій, основываясь на сказаніяхъ польскаго историка Стрыйковскаго, въ своемъ сочиненіи утверждаетъ, что въ древнія времена Литва во всѣхъ письменныхъ памятникахъ не употребляла другаго языка, какъ только русскій. На этомъ языкѣ писаны были лѣтописи, уставы и жалованныя грамматы князей, письма княжескаго двора, поученія духовенства [1]). Западная Русь, вышедшая изъ состоянія дикости гораздо прежде Литвы, передала ей свои обычаи, вѣру, законы и языкъ. Множество Руси, спасая жизнь и имущество отъ дикихъ татаръ, уходили въ Литву и тамъ поселялись. Не только въ XV, но и въ XVI вѣкѣ Литва въ церквахъ, судахъ и школахъ не знала другаго языка, кромѣ русскаго.

Такъ какъ настоящій нашъ трудъ мы преимущественно посвящаемъ для пользы тѣхъ изъ нашихъ собратій, которые, по причинѣ своихъ занятій на житейскомъ поприщѣ, не имѣя свободнаго времени и удобнаго случая, не могутъ заниматься подробнымъ изслѣдованіемъ обширныхъ историческихъ памятниковъ бывшаго польскаго государства и западнаго края. По этому мыслятъ и судятъ о многихъ событіяхъ по предубѣжденію и парціальному внушенію другихъ, вопреки историческимъ фактамъ. Итакъ между прочимъ многіе думаютъ, что этотъ край испоконъ вѣка всегда былъ Польшею, а не Русью; что здѣшнее древнее дворянство польскаго происхо-

[1]) Obraz wieku panowania Zygmunta III, X. Franciszka Siarczyńskiego. Poznań, 1843 r. T. I, str. 198.

жденія и что оно съ самаго начала введенія въ этотъ край христіанства принадлежало къ латинской церкви. Для нихъ, какъ мало знакомыхъ съ исторіею Польши и западнаго края, не лишнимъ будетъ присовокупить здѣсь нѣкоторыя историческія свѣдѣнія, собранныя кіевскою археографическою коммисіею изъ древнихъ актовыхъ книгъ югозападнаго края, помѣщенныя въ томѣ I части IV архива югозападной Руси, о происхожденіи шляхетскихъ родовъ этого края. Изъ этихъ свѣдѣній можно видѣть, что многіе изъ здѣшнихъ дворянъ именующихся поляками (если ихъ родоначальники были дѣйствительно коренными обывателями сего края, не выходцами) въ сущности происходятъ отъ предковъ русской національности; а потрудившись внимательнымъ прочтеніемъ своихъ родовыхъ документовъ и разныхъ памятниковъ, мы надѣемся, что они найдутъ въ своихъ документахъ и родословныхъ (genealogiach), вмѣсто польскихъ Яновъ—русскихъ Ивановъ; вмѣсто польскихъ Габріеловъ—русскихъ Гавріиловъ; вмѣсто польскихъ Гржегоржевъ русскихъ Григоріевъ,—или здѣшняго края Грыцковъ; и т. п. Но перейдемъ къ разсмотрѣнію историческихъ фактовъ, относящихся къ сему предмету.

Прежде всего мы вспомнимъ здѣсь о двухъ важнѣйшихъ историческихъ фактахъ, именно: 1) Актъ конфедераціи или постановленіе (Uchwała) дворянства православнаго и протестантскаго исповѣданія, собравшагося 1599 года въ г. Вильнѣ изъ разныхъ провинцій Польши, Литвы и Руси, съ цѣлью обдумать и опредѣлить приличныя мѣры защиты и обороны для безопасности православной и протестантской церкви отъ испытанныхъ обидъ со стороны латинскаго и уніатскаго духовенства, а также свѣтскихъ лицъ. Этотъ актъ, въ числѣ прочихъ дворянъ, подписали со стороны православной слѣдующія личности: князь Константинъ Острожскій, воевода кіевскій; князь Александръ Острожскій, воевода волынскій;

князь Сангушко-Коширскій, кастелянъ брацлавскій [1]). 2) Въ 1601 году сорокъ четыре представителя важнѣйшихъ дворянскихъ фамилій воеводства волынскаго заключили между собою обязательство о защитѣ церковнаго люблинскаго братства, назначивъ ему на содержаніе земли. Подъ этимъ обязательствомъ подписались, между прочими дворянами, слѣдующія личности: князь Константинъ Острожскій (Ostrogski); князь Іоахимъ Корецкій; князь Юрій Друцкій-Горскій; Василій Сѣмашко; Лаврентій Древинскій; князь Курцевичъ-Булыга; князь Юрій Чарторыйскій; Тышкевичъ; князь Григорій Четвертинскій-Святополкъ [2]); князь Друцкій-Любецкій; князь Сангушко-Коширскій [3]) и Мартинъ Бутовичъ (Акты запад. Рос. т. IV, стр. 35). Теперь перейдемъ къ свѣдѣніямъ собраннымъ по сему предмету выше-помянутою археографическою коммисіею, равно къ критическому изслѣдованію дѣйствительныхъ причинъ, вліявшихъ на совращеніе православныхъ дворянъ западнаго края въ латинство; когда это совращеніе началось на Руси и когда достигло высшей степени; а также, какое принимало въ томъ участіе бывшее польское правительство; при томъ увидимъ еще, которые изъ православно-

---

[1]) Этотъ актъ взаимной обороны православной и протестантской религіи подписало 168 литовскихъ и русскихъ дворянъ; въ томъ числѣ 17 православныхъ сенаторовъ. (Собр. древн. грам. и акт. Вильно. 1843 г. ч. I, стр. 48.

[2]) Не лишнимъ считаемъ замѣтить здѣсь о томъ, что между аристократіею западнаго края, родъ князей Четвертинскихъ долѣе всѣхъ другихъ родовъ придерживался православной религіи своихъ предковъ, не принимая ни унію, ни католицизмъ. Изъ этого рода князь Гедеонъ Четвертинскій въ XVII столѣтіи былъ кіевскимъ митрополитомъ.

[3]) Въ историческихъ памятникахъ нѣкоторыхъ волынскихъ князей случилось намъ читать, что князь Богушъ Федоровичъ Корецкій, воевода волынскій, въ своемъ имѣніи устроилъ православные монастыри: корецкій, маренинскій и городискій; а князь Федоръ Андреевичъ Сангушко, староста владимірскій, маршалъ волынской земли, выстроилъ въ с. Милцахъ 1542 года милецкій православный монастырь во имя св. Николая.

русскихъ дворянъ скорѣе поддались этому соблазну, а которые изъ нихъ долѣе вели борьбу въ защитѣ своей религіи и народности.

Кіевская археографическая коммисія, разсматривая древнія актовыя книги югозападнаго края, хранящіяся въ центральномъ архивѣ, въ отношеніи историческомъ, привела въ положительную извѣстность русское происхожденіе 711 шляхетскихъ родовъ здѣшняго края; собрала свѣдѣнія, опредѣляющія частію съ точностію, частію приблизительно время совращенія въ латинство членовъ 140 русскихъ фамилій [1]). Изъ общаго числа,—477 родовыхъ именъ взяты изъ постановленій дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ югозападной Руси, участники которыхъ съ самого начала люблинской уніи, т. е. съ 1569 года до второй половины XVII столѣтія вели этими постановленіями борьбу противъ посягательства Польши на права и интересы православной церкви и русской народности, а потому не могли быть ничѣмъ инымъ какъ только русскими православными.

Совращеніе здѣшнихъ русскихъ дворянъ изъ православія въ латинство началось послѣ люблинской уніи, во второй половинѣ XVI вѣка, и составляло главную задачу польской политики, такъ какъ латинство, будучи символомъ польской народности, служило по правиламъ и понятіямъ іезуитской пропаганды самимъ дѣйствительнымъ и лучшимъ способомъ къ

---

[1]) Эти свѣдѣнія, основанныя на фактахъ, не могутъ быть заподозренны ни пристрастіемъ, ни сомнѣніемъ, потому, что источники, съ коихъ они почерпнуты археографическою коммисіею, т. е. подлинныя актовыя книги, находятся какъ живые свидѣтели на лицо въ центральномъ архивѣ; поэтому каждый заинтересованный симъ предметомъ можетъ легко удостовѣриться въ истинѣ показаннаго во всякое время, такъ какъ всѣ публичные акты суть доступны каждому желающему имѣть справки или копіи. Поименный списокъ членамъ 73-хъ разныхъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій, совратившихся въ латинство за бывшее польское правительство, мы помѣстили въ примѣчаніяхъ подъ букв. о, опустивъ для краткости остальные роды, показанные въ вышеупомянутомъ томѣ I, части IV, архива югозапад. Россіи.

уничтоженію православной русской стихіи [1]). Но русское дворянсто поддавалось отступничеству не вдругъ: оно было богато и сильно, богаче и сильнѣе польской шляхты, имѣло такихъ представителей какъ князь Константинъ Острожскій и такихъ іерарховъ какъ Петръ Могила. Засѣдая въ варшавскомъ сенатѣ, могущественные представители Руси не допускали формальныхъ посягательствъ на свою вѣру и народность, сохраняя свободу дѣйствія и поддерживая духъ православія въ своемъ народѣ. Польское правительство не рѣшалось еще принимать формальныхъ насильственныхъ мѣръ противъ православнаго дворянства; а потому ограничивалось косвеннымъ, административнымъ покровительствомъ совратившимся въ латинство или унію: награждая чинами (urzędami), должностями, староствами и всякими бенефиціями исключительно отступниковъ (renegatow) изъ русскаго дворянства. Но и такая политика имѣла свои успѣхи: въ этомъ періодѣ латино-польская пропаганда представляетъ уже много прозелитовъ, поддавшихся соблазну мірскихъ благъ, которымъ сдѣлки съ совѣстью устроили патеры іезуиты. Знатные отступники православія становились естественно проводниками латинства и притягательными центрами для окружающей среды, особенно для своей многочисленной дворни, которая волею и не волею подчинялась примѣру своихъ патроновъ.

Такимъ образомъ въ первое столѣтіе послѣ люблинской уніи польская политика умѣла образовать въ средѣ русскаго дворянства достаточный запасъ поборниковъ латинства, чтобы съ ихъ опорой начать формальную осаду православія, и начала ее во второй половинѣ XVII вѣка, съ воцареніемъ бывшаго іезуита Яна Казимира, пожинавшаго то, что было

[1]) Эта пропаганда іезуитовъ слишкомъ глубоко пустила свои корни въ образъ мыслей поляковъ: мы видимъ что латинство или папство служитъ полякамъ и въ настоящее время весьма важнымъ политическимъ орудіемъ....

посѣяно отцомъ его Сигизмундомъ III и помощниками іезуитами. Этотъ король при самомъ вступленіи на тронъ далъ присягу не давать ни одного мѣста въ сенатѣ, ни одной должности, ни одного староства диссидентамъ. Такую же присягу повторяли и слѣдующіе за нимъ короли. Послѣ этого рѣшительнаго шага стали уже возникать противъ русской православной церкви и народности, одно за другимъ, притѣснительныя распоряженія и дошли наконецъ до того, что однимъ изъ нихъ запрещалось канцлерамъ государства прикладывать государственную печать ко всякимъ актамъ, даже королевскаго помилованія, если эти акты содержали что либо выгодное для лицъ не католическаго исповѣданія [1]); такимъ образомъ диссиденты лишались покровительства закона и предоставлялись на произволъ буйства ничѣмъ необузданной католической шляхты. Другимъ распоряженіемъ постановлялось, что церковь католическая не должна терпѣть рядомъ съ собою, никакимъ образомъ, другихъ вѣроисповѣданій, послѣдователи которыхъ—въ своихъ правахъ сравнивались съ правами евреевъ: ихъ духовенству запрещалось ходить по улицамъ со святыми дарами къ страждущимъ болѣзнями: крещеніе, бракъ и похороны совершались не иначе какъ съ разрѣшенія латинскихъ ксендзовъ за установленную плату. Публичные похороны воспрещались иновѣрцамъ вовсе, а разрѣшались не иначе какъ ночью. На церквахъ уничтожались колокола, а каноническіе законы католиковъ были обязательными для иновѣрцевъ [2]). За короля Августа II въ 1699 г. на сеймѣ было постановлено: чтобы къ должностямъ магистратскимъ въ г. Каменцѣ допускать только однихъ

---

[1]) Постановленіе сейма 1712 года.

[2]) Постановленія конфедераціи, во время междуцарствія (interregnum), въ 1732 году, получившія силу закона. Moraczewski, polskie starozytności T I, pag. 195.

унитовъ, исключая православныхъ и протестантовъ, которымъ наравнѣ съ евреями запрещалось жительство въ этомъ городѣ [1]); кромѣ того, по распоряженію сейма, православныя каменецкія церкви были запечатаны, а православное духовенство изгнано [2]).

Наконецъ, вслѣдствіе правительственныхъ мѣръ, была упразднена въ югозападномъ краѣ православная іерархія: съ 1709 года до окончательнаго раздѣла Польши, т. е. въ продолженіе слишкомъ осьмидесяти лѣтъ небыло въ этомъ краѣ ни одного православнаго епископа, а рукоположенію священниковъ за границей въ Россіи и Молдавіи воздвигнуты были разныя препятствія, такъ что православная церковь, лишенная іерархіи, осуждена была на совершенное уничтоженіе, путемъ естественнаго вымиранія духовенства. Подъ такимъ гнетомъ внѣшней силы, дѣлавшимъ жизнь почти невыносимою, нужны были необыкновенная крѣпость вѣры и твердость духа, чтобъ дворянину въ виду латино-шляхетскихъ преимуществъ, столь соблазнительныхъ для человѣческихъ инстинктовъ, устоять противъ искушенія и не совратиться въ католика и поляка.... Поэтому къ концу XVIII столѣтія русскіе православные дворяне стали исключеніями въ югозападной Россіи. Тутъ нелишнимъ считаемъ замѣтить, что околичная шляхта, благодаря своему родовому быту, а можетъ быть и тому обстоятельству, что заносчивое польское панство мало удостоивало вниманія людей немного отличавшихся, по своему общественному положенію и быту, отъ простаго земледѣльческаго класса, долѣе всѣхъ прочихъ своихъ собратій вела борьбу съ реформой, вводимой въ этотъ край поляками и латинскимъ духовенствомъ, удерживая типъ своей народности,

---

[1]) Volum. Legg. T. I, p. 35, § 19 и 21.

[2]) О томъ свидѣтельствуетъ книга градская каменецкая за 1699 и 1700 годы.

то-есть русскій языкъ, восточно-православную вѣру и обычаи предковъ, тогда какъ русско-дворянскіе роды, отличавшіеся знатностію своего происхожденія и богатствомъ, ради мірскихъ выгодъ, легко разставались съ своею народностію, религіею и обычаями своихъ предковъ [1]).

Такимъ образомъ въ Польшѣ, съ одной стороны принятая правительствомъ система—во что бы ни стало ввести въ западный край католицизмъ на мѣсто православія, символа русской народности; а съ другой стороны вмѣшательство анархической шляхты съ своими феодальными идеями устремлялись какъ бойцы къ уничтоженію православной русской стихіи, вызывая своими наглыми дѣйствіями, неосторожно, народныя массы на борьбу за политическую и личную независимость, борьбу поразившую смертельно польское государство за Богдана Хмельницкаго. Тѣмъ временемъ восточная Россія, послѣ двухъ вѣковыхъ страданій, освободившись отъ ига монгольскаго, собирала во едино свои удѣлами разрозненныя области, укрѣпляясь внутреннимъ устройствомъ своего гражданскаго быта и сдѣлалась сильною державой. Тогда русскіе государи, потомки великаго князя Владимира Мономаха, чувствуя свои силы и зная достаточно о томъ, что сѣверныя и южныя области Россіи, искони принадлежавшія потомкамъ этого князя, во время порабощенія дикими

---

[1]) Околичная шляхта, владѣющая съ давнихъ временъ и по настоящее время хуторами и цѣлыми селеніями, имѣющими по большей части названія ихъ собственныхъ фамилій, пожалованными отъ польскихъ королей и великихъ князей литовскихъ въ югозападномъ краѣ, имѣетъ свои осѣдлости въ значительной массѣ жителей, занимающихся по большей части сельскимъ хозяйствомъ, кіевской губерніи—въ радомысльскомъ; волынской—въ овручскомъ и подольской—въ литинскомъ, летичевскомъ и частью въ могилевскомъ уѣздахъ. Общій нашъ взглядъ относительно народнаго происхожденія, религіи, гражданскихъ правъ, образа жизни и разныхъ похожденій этого класса людей, за бывшую Польшу, смотри въ примѣч. подъ буквой у.

монголами восточной Россіи, были захвачены литовскими князьями, а потомъ присоединены къ Польшѣ, начали требовать у Литвы и польской республики ихъ возврата. Объ этомъ, въ теченіе двухъ столѣтій съ промежутками мирными, русскіе государи вели съ Польшею борьбу матеріальную и политическую. Между тѣмъ Польша своимъ неустройствомъ, анархіею, религіозною нетерпимостію, возбудившею борьбу ея составныхъ элементовъ, все болѣе и болѣе клонилась къ разложенію; тогда для Россіи настало время осуществить свои вѣковыя притязанія на эти области. Этому благопріятствовали (какъ мы уже видѣли) самыя безтактныя дѣйствія польской республики, также ея безсиліе удержать разлагавшіяся составныя части. Такимъ образомъ территорія смоленская, а за нею Малороссія, потомъ и остальныя русскія области, какъ чуждыя польскому элементу, отдѣлившись отъ Польши, соединились съ своимъ природнымъ по языку, вѣрѣ и обычаямъ элементомъ—Россіею.

Въ матеріальномъ мірѣ мы видимъ, что все движущееся на земной поверхности имѣетъ свое начало и свой конецъ, свою весну и лѣто, также свою осень и зиму, а пройдя назначенный Провидѣніемъ кругъ дѣйствія, подвергается общему закону тлѣнія, чтобы съ него возсталъ зародышъ новой жизни. Подобная участь постигаетъ и нравственный міръ въ отношеніи политическаго существованія народовъ. Польша, отъигравъ свою политическую роль, о достоинствѣ которой исторія изрекла свой нелицемѣрный приговоръ; по волѣ всевышняго Провидѣнія, или по собственной винѣ сошла со сцены своего политическаго поприща, очистивъ мѣсто для другихъ дѣятелей. Трудно измѣнить свою судьбу; прошедшее-умершее пусть покоится въ своей могилѣ, надъ которою исторія изрекла свое requiam eternam!!

Послѣ всего нами сказаннаго по выше изъясненному предмету на основаніи историческихъ данныхъ, соображаясь съ обстоятельствами времени, дѣйствительностію и съ этнографическимъ положеніемъ западнаго края, притязанія поляковъ, или, яснѣе говоря, польской шляхты на этотъ край можно сравнить съ притязаніемъ правнука на наслѣдство имѣнія принадлежавшаго когда-то его прадѣду, который по собственному нерадѣнію допустилъ перейти оному въ чужія руки, и этотъ переходъ фактами и давностію вошелъ въ законную силу. Такому притязателю каждый судящій здравымъ смысломъ сказалъ бы: твои затѣи напрасны, если твой прадѣдъ за жизни, не принимая приличныхъ мѣръ къ защитѣ своей собственности, допустилъ завладѣть имѣніемъ. Наконецъ, минуя всѣ политическія и историческія доказательства, по сему предмету приводимыя обѣими сторонами, и судя объ этомъ безпристрастно, по здравому смыслу и по этнографическому положенію западнаго края, въ которомъ по статистическимъ даннымъ польско-католическое населеніе относится къ населенію русско-православному едва какъ 1 къ 10 [1]), можно-ли это притязаніе польской шляхты на западный край признать правильнымъ и основательнымъ? Можно-ли Россіи, по здравой логикѣ, согласиться на то, чтобы признать Польшею этотъ край, въ которомъ $^9/_{10}$ частей народонаселенія, т. е. коренные жители (antenatos) этого края суть русскаго происхожденія и православной религіи; въ угожденіе притязаніямъ $^1/_{10}$ части католическаго населенія, считающаго себя поляками, а тѣмъ самимъ чужеземцами, прибывшими сюда на жительство?! Поэтому правильно сказалъ профессоръ М. У. Погодинъ: «языкъ есть естественная граница народовъ; гдѣ

---

[1]) Можно также безошибочно сказать, что въ числѣ польско-католическаго населенія едва третья часть его серьозно сочувствуетъ польско-шляхетскому мечтательному патріотизму.

большинство народонаселенія говоритъ по-русски, тамъ Россія, а гдѣ большинство говоритъ по-польски, тамъ Польша».

Среди размышленій о минувшихъ событіяхъ, мимовольно приходятъ на мысль разныя сцены изъ катастрофъ случившихся въ 1831 и 1863 годахъ въ западномъ краѣ съ ихъ печальными послѣдствіями, при коихъ мы были, къ душевному прискорбію, очевидцами. Скажемъ объ нихъ нѣсколько словъ, а вось кому-либо пригодятся.

Читателямъ заграничныхъ журналовъ извѣстны громогласныя жалобы поляковъ, особенно польской эмиграціи противъ русскаго правительства о слишкомъ строгихъ, по ихъ выраженію, варварскихъ мѣрахъ, употребляемыхъ противъ возставшихъ поляковъ и противъ осужденныхъ за участіе въ бывшихъ польскихъ смятеніяхъ. Но во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ, если хотимъ дать основательное мнѣніе, мы должны быть посвященны въ сущность дѣла: знать причины, образъ дѣйствія, и наконецъ положительныя и отрицательныя доказательства обѣихъ сторонъ—audiatur et pars altera!

Каждый государь, какъ намѣстникъ Божій на землѣ, есть отцомъ ввѣреннаго ему Провидѣніемъ народа, охранителемъ его безопасности и блюстителемъ государственнаго благоустройства. Отецъ семейства иногда употребляетъ карательныя мѣры противъ дѣтей непослушныхъ и безнравственныхъ; иногда совершенно исключаетъ порочнаго сына изъ семьи для отвращенія пагубнаго соблазна. Каждый государь, какъ отецъ и судья ввѣреннаго ему Богомъ народа, заботясь о его благѣ, иногда по необходимости долженъ прибѣгать къ мѣрамъ строгимъ противъ нарушителей общаго порядка. Однакожъ, наказанный сынъ не долженъ относиться къ своему наказанію, какъ къ мести со стороны отца, а смотрѣть какъ на средство къ его исправленію для блага въ будущемъ, помня при этомъ прежнія отцовскія благодѣянія.

*

Дворянство западнаго края въ настоящее время больно чувствуетъ свое непріятное положеніе, возникшее естественно по причинѣ послѣднихъ смутъ, взволновавшихъ Польшу и западный край.... Правда, не всѣ они были причастны къ происходившимъ смутамъ; многіе искренно уклонялись отъ нихъ, скорбя о заблудшихъ собратьяхъ; однакожъ, положа руку на сердце, надо признать, что также многіе дѣйствительно увлеклись этими пагубными мечтами. Теперь (говоря откровенно) спрашивается: если въ какомъ-либо семействѣ наприм. изъ десяти душъ состоящемъ, половина запятнала себя порочными поступками, не будутъ-ли заподозрѣны и остальные члены этого семейства? Въ такомъ точно положеніи теперь находится польское дворянство: необдуманные поступки однихъ бросили черное пятно сомнѣнія на другихъ, какъ на членовъ одного семейства; недуги нравственные бываютъ заразительными, какъ недуги физическіе...

Послѣ всякихъ человѣческихъ согрѣшеній должны слѣдовать сознаніе, исправленіе и надежда. Въ настоящемъ положеніи мы должны припомнить тѣ благодѣянія, которыми дворянство западныхъ губерній пользовалось во время оно, т. е. въ царствованіе благословеннаго Александра I и незабвеннаго Николая I до печальной катастрофы 1831 года и послѣ потушенія пламени этого возмущенія. Дворянство здѣшняго края жило, можно сказать, припѣваючи: оно было уравнено въ правахъ съ великороссійскимъ дворянствомъ: оно на всѣхъ военныхъ и гражданскихъ поприщахъ имѣло открытую для себя карьеру: нѣкоторые изъ нихъ были сенаторами, нѣкоторымъ правительство довѣряло управленіе губерніями и важными частями по разнымъ министерствамъ имперіи. Но видно, что если Господь хочетъ наказать, или за что-либо унизить человѣка, то отвращается отъ него, допуская ему идти по пути грезъ, пустыхъ мечтаній и несбы-

точныхъ надеждъ, приводящихъ его къ пропасти... Однакожъ, познавъ свои ошибки, мы должны во всякомъ случаѣ, съ чувствомъ искренняго раскаянія сойти съ пути заблужденій на путь истины, ибо лучше поздно, чѣмъ никогда; не должны упорствовать въ пустыхъ мечтаніяхъ и несбыточныхъ надеждахъ, омрачающихъ разсудокъ превратными идеями.—Напротивъ, мы должны смотрѣть на Россію какъ на общее отечество, а стремясь къ одной цѣли, уважать россіанъ какъ братьевъ по славянскому происхожденію и по христіанскому исповѣданію... Пора оставить пустыя мечты о воскресеніи умершаго, покоющагося въ гробѣ и заняться для собственнаго блага предметами реальными. Мы имѣемъ предъ глазами живой примѣръ мечтательныхъ надеждъ—еврейскій народъ, который болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, ожидая пришествія воображаемаго Мессіи, обращаетъ свои взоры, свои мысли своего духа къ идеальному отечеству, считая себя интрузомъ среди всѣхъ прочихъ народовъ, атомомъ висящимъ въ воздухѣ между облаками и землею.......

Тѣ личности, которыя въ настоящее время нарекаютъ, особенно за границей, на строгія мѣры, принятыя здѣшнимъ правительствомъ противъ нарушителей государственнаго порядка и общаго спокойствія, во время происходившихъ въ Польшѣ и въ западномъ краѣ смутъ, пусть подумаютъ о томъ, что каждое правительство обязано по своему долгу для общей безопасности принимать установленныя законами мѣры къ укрощенію дерзающихъ нарушать порядокъ государства и общественное спокойствіе, карая виновныхъ по закону въ примѣръ прочимъ. Этимъ нарекающимъ личностямъ совѣтуемъ заглянуть въ страницы исторіи Польши, въ памятники Малороссіи и Украины; тамъ они увидятъ, какія жестокія мѣры принимали польское правительство и его начальники-магнаты противъ возстававшаго украинскаго народа

и его представителей: Косинскаго, Наливайки, Павлюка, Остряницы и прочихъ, пострадавшихъ мученическою смертію, одни въ Польшѣ, а другіе въ разныхъ мѣстахъ несчастной Украины, облитой слезами и кровью своихъ жителей,—и за что они пострадали? за то, что защищали свои права, личную свободу и вѣру своихъ предковъ [1]). Пусть также вспомнятъ эти господа нарекающіе о недавно случившейся катастрофѣ галицiйской (1847 г.) по инициативѣ тамошняго правительства возникшей..... Если-же во время происходившихъ въ Польшѣ и въ западномъ краѣ безпорядковъ случились какія-либо крупныя происшествія со стороны сельскаго люда, питающаго негодованіе противъ ляховъ-паповъ; то въ этихъ случайностяхъ нельзя обвинять мѣстныхъ властей, которые въ то время, будучи озабочены въ многихъ мѣстахъ возстановленіемъ порядка нарушеннаго инсургентами, не могли вездѣ быть, все видѣть и злоупотребленіе предупредить... Тутъ, по справедливости, слѣдуетъ обвинять тѣхъ, которые были причиной нарушенія нормальнаго порядка и вызвали въ многихъ мѣстахъ замѣшательство и буйное своеволіе черни.

§ 15.

Нѣкоторыя мысли автора, относящіяся къ настоящему сочиненію.—Нерѣшимость его къ исполненію предпринятаго намѣренія.—Видѣніе.—Встрѣча и полемика съ епископомъ К.—Заключеніе.

Послѣ долгаго колебанія, наконецъ, рѣшившись передать бумагѣ собранныя нами свѣдѣнія и выведенныя изъ нихъ заключенія, невольно приходятъ въ голову мрачныя

---

[1]) Объ этомъ предметѣ, кромѣ многихъ памятниковъ Малороссіи и Украины, говорятъ также и польскіе историки: Мацѣёвскій Pamiet. star. pol. (изд. 1839 г.); Бандке—Dzieie króles pols.; Теодоръ Вага—Hist. książąt i królów polskich.

мысли о судьбѣ ожидающей настоящій трудъ. Быть можетъ, что не только природные поляки, сыны Польши, но и многіе изъ ополяченныхъ жителей здѣшняго края, коихъ предки искони были русскими и ревнительными защитниками православія, прочитавъ этотъ письменный трудъ—или его частицу, безъ историческаго приготовленія и надлежащаго вниманія, подумаютъ, что нами руководило къ его составленію пристрастіе, или личность, или же какіе-либо матеріальныя виды. Этихъ собратій нашихъ мы торжественно увѣряемъ честью и совѣстію, что нашимъ перомъ не руководили никакіе личные интересы, а только самая сущая нелицемѣрная истина. Мы убѣждены совѣстію, что каждому слѣдуетъ отдать справедливость, даже врагу, что никакія причины не освобождаютъ насъ отъ исполненія сего священнаго долга, если мы не намѣрены вести борьбу, противъ собственной совѣсти; если нашъ разсудокъ не омраченъ предубѣжденіемъ, смотритъ на данный обсужденію ума предметъ чистымъ глазомъ и съ надлежащей точки.

Послѣ многолѣтней борьбы съ враждебными обстоятельствами и съ людскою несправедливостію (о чемъ здѣсь подробно говорить неумѣстно), пройдя большую часть своей жизни по терновому пути многихъ испытаній—и приближаясь по естественнымъ законамъ къ общей цѣли земнаго странствованія, разочарованъ печальными опытами жизни, мы смотримъ на все окружающее насъ чрезъ призму дѣйствительности. Обманчивыя мечты воображенія и мірскихъ суетъ для насъ совершенно исчезнуты, какъ ночной призракъ при солнечныхъ лучахъ. Поэтому, въ настоящемъ трудѣ нашемъ, мы руководствуемся не лицемѣріемъ, не пристрастіемъ, не тенденціями какихъ либо партій, а только искреннимъ желаніемъ высказать слова истины нашимъ собратьямъ по Христѣ, друзьямъ правды и человѣчества, а особенно мало знакомымъ съ историче-

скими событіями давней Польши и западнаго края, съ цѣлью предостереженія отъ тѣхъ заблужденій и ложныхъ идей, которыя имъ внушаютъ съ малолѣтства предубѣжденные фанатики, невѣжды, эгоисты и экзальтированные мечтатели. При этомъ не лишнимъ считаемъ сказать нашимъ собратьямъ по Христѣ, что истина есть искра Божества, и потому она не терпитъ сообщества лжи, лести и лицемѣрія; она отъ нихъ рѣзко отдѣляется, точно такъ, какъ олива отъ воды. Затѣмъ если васъ, любезные братья, огорчаетъ наша откровенность: указаніе вамъ истины безъ маски и прикрасъ лести; указаніе ошибокъ и заблужденій бывшей польско-шляхетской республики, или, яснѣе говоря, вашихъ предковъ, а особенно ихъ руководителей духовныхъ и свѣтскихъ; то въ оправданіе этой откровенности предъ судомъ вашей совѣсти благоволите обратить безпристрастный взглядъ на мотивы и цѣль этого труда; тогда, мы твердо надѣемся, убѣдитесь въ томъ, что нашимъ намѣреніемъ руководило—не цѣль оклеветать или оскорблять кого либо, а только цѣль высказать коллективно, ясно, безъ лести и лицемѣрныхъ прикрасъ сущую истину, основанную на историческихъ данныхъ, показывающую намъ какъ зерцало всѣ причины страданій Польши и западнаго края по настоящее время. Не подлежитъ сомнѣнію, что нагая истина, безъ маски представляющаяся, часто бываетъ противна человѣческимъ страстямъ и по словамъ пословицы—глаза колетъ,—а потому многимъ личностямъ не нравится. Однакожъ вѣковыми опытами дознано, что какъ глазная катаракта закрываетъ очамъ лучи солнечнаго свѣта, такъ точно ложь, лесть и лицемѣріе закрываютъ своею тѣнью лучи истины; а ведя людей и цѣлые народы по ложному пути заблужденій, часто приводятъ ихъ на край пропасти. Поэтому, блажены тѣ люди и тѣ народы, которые идутъ по прямой и утертой дорогѣ долговременнаго опыта, имѣя впереди

15

руководителей опытныхъ и правдолюбивыхъ, избѣгая опасныхъ внушеній льстецовъ и лицемѣровъ; собственный же опытъ обходится намъ слишкомъ дорого.

Не можемъ также пройти молчаніемъ не вспомня о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ имѣвшихъ вліяніе на изданіе сего труда. Собравъ нужные матеріалы и обдумывая планъ къ осуществленію предпринятаго нами намѣренія въ пользу нашихъ собратій; среди этого, инстинктъ самосохраненія со всѣми призраками воображенія отозвались; началась борьба между двумя противными чувствами: между побужденіемъ къ изданію нашего труда, и сознаніемъ основаннымъ на опытѣ, что за правду легко нажить враговъ и преслѣдователей, даже при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ [1]. Въ этой душевной борьбѣ, при другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, препятствовавшихъ заняться исполненіемъ нашего намѣренія, мы были готовы совершенно отказаться отъ сихъ миссіонерскихъ затѣй, какъ нѣкогда пророкъ Іона отказывался проповѣдывать ниневитянамъ о грозящей имъ гибели. Но неожиданный и можно сказать—странный для ума случай (о которомъ сейчасъ разскажемъ), произвелъ метаморфозу въ нашихъ намѣреніяхъ, и рѣшилъ гамлетовскій вопросъ—быть или не быть....

Однажды, путешествуя по собственнымъ дѣламъ въ очаровательныхъ по своимъ фантастическимъ видамъ горныхъ окрестностяхъ р. Днѣстра и предаваясь во время этого путешествія размышленіямъ, я перспективно разсматривалъ

---

[1]) Въ постоянной борьбѣ тьмы съ свѣтомъ, лжи съ истиною, лести съ искренностію, эгоизма съ человѣколюбіемъ, міръ весьма часто представляетъ трагическое зрѣлище, униженія и терзанія апостоловъ истины и друзей человѣчества. Начиная съ эпохи пророка Иліи до Іисуса Христа, со времени Сократа до Яна Гусса и прочихъ, поборники истины, друзья человѣчества часто были гонимы и терзаемы эгоистами и фанатиками.

свое прошедшее, свои давнія затѣи и обманчивыя надежды, свое настоящее положеніе и миссіонерскія затѣи, къ которымъ съ молоду чувствовалъ симпатическую склонность. Время было лѣтнее, довольно жаркое. Послѣ цѣло-дневной ѣзды не весьма выгоднымъ экипажемъ, къ вечеру расположился почевать въ трактовой гостинницѣ, въ лѣсу находившейся. Послѣ чаю положившись, я скоро уснулъ крѣпкимъ сномъ, какимъ обыкновенно засыпаютъ люди изнуренные трудами ѣзды и невыгоднымъ экипажемъ, особенно въ жаркіе лѣтніе дни. Во время этого сна моему воображенію представилось явленіе такъ ясно, какъ будтобы оно дѣйствительно на яву происходило.

Представилось во снѣ, будто при самомъ утреннемъ восхожденіи солнца мы очутились на какомъ-то довольно пространномъ лугу, покрытомъ зеленью и цвѣтами чудной красоты; лугъ былъ окаймленъ цвѣтущими деревьями разной величины и формы. Прохаживаясь по этому лугу одинокій, я восхищался красотой цвѣтовъ и деревьевъ, а также пріятнымъ пѣніемъ птицъ. Вдругъ голосъ птицъ утихъ и раздался въ воздухѣ какъ будто небесный голосъ, торжественно поющій гимнъ: «swięty Boże, swięty mocny, swięty nieśmiertelny, zmiłujsię nad ludem Twoim» (св. Боже, св. крѣпкій, св. безсмертный, помилуй народъ Твой). Этимъ голосомъ гимна я былъ такъ восхищенъ, что не могъ тронуться съ мѣста. Оглядываясь на всѣ стороны и напрягая слухъ, дабы узнать откуда этотъ чудный голосъ происходитъ, наконецъ я увидѣлъ вдали приближавшуюся ко мнѣ человѣческую фигуру, но казалось, что она не идетъ по земли, а по воздуху. Эта человѣческая фигура, окруженная ликомъ Ангеловъ (какъ ихъ обыкновенно изображаютъ на картинахъ), приблизившись ко мнѣ пріостановилась. Всмотрѣвшись на нее, я съ удивленіемъ узналъ образъ лица св. Павла апостола, которое многократно видѣлъ на разныхъ картинкахъ и бюстахъ гипсовыхъ и

бронзовыхъ. Глядя съ удивленіемъ на эту фигуру, я былъ проникнутъ болѣе благоговѣніемъ къ видѣнному, чѣмъ страхомъ. Вдругъ я былъ оглашенъ вопросомъ: «доволенъ ли ты своимъ настоящимъ положеніемъ въ мірѣ? Припомни данное мною тебѣ наставленіе на счетъ избранія поприща жизни, а теперь уже поздно» [1]). Затѣмъ наступилъ со стороны видѣнія другой вопросъ: «почему колеблясь въ своемъ намѣреніи, не рѣшаешься издать свой письменный трудъ, стоившій тебѣ столько времени? онъ могъ бы принести нравственную пользу твоимъ собратіямъ и спасеніе для твоей души».... Тогда въ отвѣтъ я сказалъ: «не рѣшаюсь издавать мой трудъ изъ опасеній людской злобы и нареканій со стороны католическаго духовенства». На этотъ отвѣтъ видѣніе, махнувъ рукой въ сторону, указало на стоявшую группу разнообразныхъ лицъ [2]), прибавивъ: «смотри и подражай этимъ богоугоднымъ примѣрамъ, не бойся людей; Богъ и истина будутъ твоими защитниками: высшая воля призываетъ тебя къ этой миссіи, а потому ты не долженъ сопротивляться своему назначенію».

Послѣ этихъ словъ видѣніе начало удаляться, какъ бы скрываясь въ тѣни непроницаемаго облака и наконецъ все видѣнное совершенно исчезло. Я остался въ неподвижномъ положеніи, съ чувствомъ удивленія, душевнаго волненія и съ обращеннымъ въ одну сторону взоромъ. Тѣмъ временемъ

---

[1]) Подобное видѣніе мнѣ случилось испытать въ молодости: тогда я былъ озабоченъ размышленіемъ, какое избрать себѣ поприще въ обществѣ. Видѣніе предлагало избрать духовный санъ; руководствуясь духомъ скептицизма, я приписывалъ это видѣніе грезамъ воображенія и потому не обращалъ на это серьезнаго вниманія; но время и опытъ обнаружили мою въ томъ ошибку.

[2]) Между многими предъявившимися тогда фигурами, соображаясь съ видѣнными изображеніями на картинкахъ и бюстахъ, замѣчалъ лица нѣкоторыхъ апостоловъ, особенно Луки и Іоанна, также нѣкоторыхъ учителей церкви, особенно Іоанна Златоустаго и Августина: нѣкоторыхъ мучениковъ, особенно Еразма, Стефана и въ томъ числѣ признаннаго римскою церковью еретикомъ—Яна Гусса.

произведенный шумъ и трескотня въ этой гостинницѣ отъѣзжавшими уже экипажами пассажировъ пробудили меня; тогда я увидѣлъ, что день давно уже начался и пора было собираться мнѣ въ дальшій путь. Это видѣніе сильно подѣйствовало на мое воображеніе, тѣмъ болѣе, когда соображалъ его съ видѣніемъ испытаннымъ мною въ молодыхъ лѣтахъ и съ нѣкоторыми другими приключеніями моей жизни. Съ этого времени, я рѣшился окончательно, не смотря ни на что, заняться изданіемъ настоящаго труда. Мы хорошо знаемъ, что многіе скептики, прочтя мною разсказанное, отозвутся, что это послѣдствіе мечтаній, или соннаго бреда; но пусть себѣ судятъ какъ имъ угодно объ этомъ, съ своей стороны я торжественно увѣряю въ томъ, что выше разсказанное есть дѣйствительнымъ, хотя для насъ самихъ непонятнымъ фактомъ... Шекспиръ сказалъ: «есть на небѣ и на землѣ чудеса, о которыхъ нашимъ философамъ даже и не снилось»....

Еще вспомнимъ здѣсь объ одномъ обстоятельствѣ, предупредившемъ изданіе нашего труда. Рѣшившись окончательно, какъ мы уже сказали, заняться этимъ предметомъ, по личному знакомству съ каменецкимъ римско-католическимъ епископомъ Ф. мы посѣщали его во время бытности въ К. Тогда, среди серьезной бесѣды о предметахъ относящихся къ религіи, іерархіи католической церкви и положеніи католиковъ въ западныхъ губерніяхъ, мы рѣшились высказать ему откровенно наши задушевныя мысли и убѣжденія о папской власти, о соборной церкви, о польской народности въ здѣшнемъ краѣ и о прочихъ предметахъ; сообразаясь въ нашей откровенности съ польскою пословицею [1]). Въ этихъ бесѣдахъ мы высказали ему намѣреніе объ изданіи въ скоромъ времени брошюры по симъ предметамъ; ибо намъ хотѣлось знать его

[1]) Т. е. «przed księdzem i lekarzem niema sekretu» (предъ священникомъ и лекаремъ нѣтъ секрета).

мнѣніе. Послѣ выслушанія епископомъ нашихъ вопросовъ, объясненій и соотвѣтсвующихъ предмету доказательствъ, произошелъ между нами полемичный разговоръ слѣдующаго содержанія.

Епископъ. Я хорошо понялъ ваши идеи: не отрицая, что все вами высказанное имѣетъ свое основаніе; но эти вопросы были уже не разъ подняты людьми неспокойнаго характера, имѣющими притязаніе на апостольство, а потому не входя въ обширныя теологическія аргументаціи, по моему мнѣнію, вы какъ католикъ не должны затрогивать такіе предметы, которые освящены вѣками. Я полагаю, что вамъ извѣстна польская пословица «każda sosna swemu borowi szumi» (каждая сосна шумитъ для своего бора). По вашему мнѣнію не нужна папская власть для церковной іерархіи; но я спрашиваю васъ: можетъ ли быть въ порядкѣ домъ безъ хозяина, городъ или государство безъ правителя? ясное дѣло, какъ бочка безъ обручей должна разсыпаться, такъ точно домъ безъ хозяина, государство безъ правителя должны прійти въ разстройство. Какъ же вы думаете что церковь можетъ существовать безъ верховнаго архипастыря?

Я. Безъ сомнѣнія, папская власть какъ духовная такъ и свѣтская давно уже существуетъ въ Европѣ. Однакожъ, если наши предки по своему простодушію, будучи обмануты хитрыми эгоистами, приняли ложь за истину, обманъ за дѣйствительность, ужели ихъ потомки до безконечности должны подражать и нести наложенное на нихъ иго, а обличенную друзьями человѣчества ложь считать истиною? Позвольте доложить вамъ, что это деспотическая система среднихъ вѣковъ, налагавшая цѣпи на совѣсть людей; тогда въ Европѣ царствовалъ непроницаемый мракъ общаго невѣжества; всему сказанному надо было слѣпо вѣрить и безпрекословно повиноваться; умъ человѣческій находился въ оковахъ невѣжества

и грубѣйшаго фанатизма; тогда простому, устрашенному народу легко было внушать и навязывать подобныя идеи о непогрѣшимости папской какбы божественной власти, которую агенты Рима и трибуналы инквизиціи (sancti officij) успѣли распространить и упрочить. Но въ настоящее прогрессивное время, когда лучи правды и просвѣщенія разсѣяли уже мракъ невѣжества и грубаго фанатизма, по моему мнѣнію, эта абсолютная власть, присвоенная папами, должна бы прекратиться и каждое государство порознь должно бы имѣть свою іерархическую митрополію дома, не за границей. Изъ исторіи первыхъ вѣковъ христіанства видно, что такой іерархическій порядокъ существовалъ, теперь подобный же порядокъ встрѣчаемъ у восточныхъ христіанъ, въ англиканской и въ православной церквахъ. Что же касается тенденціозныхъ притязаній папъ о главенствѣ надъ общею христіанскою церковью и о пріемствѣ намѣстника Христова апостола Петра; то это не больше какъ теорія властолюбивой ватиканской политики, примѣнившей ее къ практикѣ, благодаря благопріятствовавшимъ средневѣковымъ политическимъ и нравственнымъ обстоятельствамъ. Что же касается удѣльной свѣтской власти папъ, то весьма трудно согласить ее съ духомъ евангельскаго ученія, по которому церковь не есть царствомъ міра, а есть царствомъ духа. Мы видимъ, что ни Спаситель, ни Его апостолы никакой совершенно свѣтской власти не присвоивали и не искали; напротивъ, изъ евангелія видно: что Христосъ до самой крестной смерти, равно Его апостолы всегда повиновались свѣтской власти и къ тому повиновенію другихъ призывали [1]). Между тѣмъ

[1]) Вотъ примѣры повиновенія: 1) Когда по распоряженію римскаго императора назначена была общая перепись еврейскаго народонаселенія въ Палестинѣ, то Мать Христова вмѣстѣ съ Нимъ и св. Іосифомъ лично явились на родину для исполненія этой обязанности. 2) Когда присланные отъ іудейскихъ

папы присвоили себѣ удѣльную свѣтскую власть вопреки словамъ Спасителя: «Царствіе мое не отъ міра сего», и по этой причинѣ такъ много пролито крови человѣческой, не только давнихъ временъ, но и въ настоящемъ, для поддержанія обветшалой свѣтской власти римскихъ папъ....

Епископъ. Не входя въ подробное разбирательство вашего мнѣнія, скажу вамъ, что оно слишкомъ высокомѣрно и необдуманно: минуя вопросы и доказательства теологическія, обѣими спорившими по сему предмету сторонами приводимыя въ защиту своихъ принциповъ и мнѣній, вѣковыми опытами на практикѣ доказано, что опасно ниспровергать то, что трудами цѣлыхъ вѣковъ сдѣлано для устройства извѣстнаго общества или государства, съ намѣреніемъ устроить на этомъ мѣстѣ что-либо новое, хотя бы и полезное. Каждая реформа, касающаяся основныхъ принциповъ религіи и общественнаго порядка, возбуждаетъ опасныя потрясенія; ваша идея относительно іерархіи нашей церкви есть такого рода дѣло, послѣдствія котораго, въ случаѣ реформы, трудно предвидѣть и оцѣнить.

Я. Не отрицая, что эти архипастырскія замѣчанія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ суть весьма важны и практичны, однакожъ если бы апостолы и миссіонеры такъ думали и поступали во время своей евангельской миссіи, то не было бы уничтожено идолопоклонство, и при такомъ консерватизмѣ старыхъ порядковъ христіанская вѣра или вовсе не существовала бы, или весьма мало имѣла бы послѣдователей. Но мы видимъ, что эти великіе люди иначе поступали: кромѣ

священниковъ и фарисеевъ послы спросили Спасителя: слѣдуетъ ли еврейскому народу платить римскому Кесарю подать; то Онъ отвѣтилъ имъ: отдайте Кесарю то, что ему слѣдуетъ. 3) Когда требовали уплаты слѣдуемой подати, то Спаситель велѣлъ апостому Петру вынуть изъ внутренности пойманной рыбы монету, и заплатить слѣдуемую съ обоихъ царской казнѣ подать.

принятыхъ трудовъ ученія, они жертвовали своею личностію, подвергали себя разнымъ преслѣдованіямъ, опасностямъ и истязаніямъ для исполненія своей миссіи и принесенія пользы угнетенному человѣчеству. За это мы ихъ и почитаемъ мужами великими, угодниками и святыми.

Епископъ. Ваше сравненіе неосновательно по многимъ причинамъ: можемъ ли сравнить себя съ апостолами и великими христіанскими миссіонерами? Какое сравненіе между давно прошедшими вѣками, и настоящимъ временемъ, между народами древности, и народами теперишними? Иное было тогда, а иное теперь; съ порядками нынѣ существующими мы должны соображаться, если не желаемъ быть отверженцами того общества, въ которомъ судьба насъ помѣстила.

Я. Не подлежитъ сомнѣнію, что намъ нельзя поднестись на ту высокую степень совершенства, на которой находились апостолы и великіе христіанства миссіонеры. Это были люди необыкновенны, избраны къ великой Христовой миссіи, которую они исполняли съ энергіею непоколебимой воли и по вдохновенію свыше. Просвѣщеніе нашего времени тоже нельзя сравнивать съ интеллигенціею народовъ древности. Но если въ тѣ времена ограниченнаго просвѣщенія позволительно было ниспровергать принципы заблужденія, утвержденные вѣками, потому что были вредны для человѣчества, отъ чего же теперь въ эпохѣ гораздо высшаго образованія грѣшно ниспровергать предразсудки и заблужденія, введенные въ христіанскую церковь властолюбивыми эгоистами и фанатиками?? Система папской власти хотя освящена давностію, но она была вредна для европейскихъ народовъ вообще, и для поляковъ въ особенности, о чемъ удостовѣряетъ всеобщая исторія. Даже теперь этотъ обветшалый ватиканъ еще питаетъ въ своемъ лонѣ тѣ же гордыя тенденціи абсо-

лютной власти; а потому для пользы человѣчества слѣдуетъ общими силами уничтожить это зло въ самомъ корнѣ.

Епископъ. Оставимъ полемику. Неужели вамъ не извѣстно, что смѣльчаки, рѣшающіеся на ниспроверженіе религіозныхъ или гражданскихъ порядковъ, добровольно напрашиваются на страданія и на отвѣтственность предъ современными и потомствомъ? Вы человѣкъ свѣтскій, не призваны къ роли объяснять высокія истины и принципы религіи; зачѣмъ же вамъ искать приключеній мученика правды? Это не въ духѣ нашего времени! Зачѣмъ вамъ рѣшаться на отчаянный шагъ библейскаго Самсона, уничтожившаго твердыню филистиновъ?

Я. Мнѣ очень хорошо извѣстна печальная участь многихъ благомыслящихъ людей, имѣвшихъ душевное призваніе и рѣшимость оглашать людямъ слова истины и обличать ложь. Быть можетъ, что и меня ожидаетъ подобная участь за откровенность; но я уже рѣшился. Въ тяжкой борьбѣ съ жестокою судьбой и съ несправедливостію людей, пройдя по терновому пути жизни разныя испытанія, для меня не новость страдать за правду... Впрочемъ, еслибы я своими идеями стремился къ уничтоженію полезнаго для моихъ собратій, тогда ожидала бы меня справедливая отвѣтственность предъ ними и предъ собственною совѣстію. Если же я изъ доброжелательства совѣтую соотечественникамъ сбросить заграничное иго, наложенное на ихъ предковъ невѣжествомъ и фанатизмомъ среднихъ вѣковъ, иго, не приносящее никакой нравственной, ни матеріальной пользы, напротивъ,—вредное по своимъ послѣдствіямъ; въ такомъ случаѣ, ни совѣсть, ни благомыслящіе люди не будутъ въ томъ меня упрекать. А если кто по предубѣжденію или по невѣжеству броситъ на меня камень злобы, то какъ христіанинъ, обязанный нести съ покорностію свой крестъ, отпущу ему его несправедливость; а можетъ быть найдутся и такіе, которые справедливо

оцѣнятъ это намѣреніе. Извѣстно, что всѣ эгоисты думаютъ и хлопочутъ только о своихъ личныхъ выгодахъ; хотя бы весь родъ человѣческій страдалъ, для нихъ все равно. Что-же касается личнаго призванія оглашать принципы истины, то по моему убѣжденію, правда есть общею, а не отдѣльною собственностію одной касты, какъ нѣкогда были тайны египетскихъ жрецовъ; она, какъ воздухъ и вода, есть принадлежностію всего рода человѣческаго.

Епископъ. Вамъ, я думаю, извѣстно предостереженіе опыта: quid quid agis prudenter age, et respice finem [1]). Вы господинъ своей воли, можете писать и издавать что вамъ угодно; однакожъ, позвольте сдѣлать вамъ одно дружеское замѣчаніе: всякое дѣло обыкновенно начинаютъ утромъ или днемъ, а не вечеромъ; я уже въ преклонныхъ лѣтахъ, вы—тоже; оба стоимъ на очереди кандидатовъ вѣчности, ожидая повелѣнія отправиться въ путь; зачѣмъ-же вамъ въ такихъ лѣтахъ безпокоить себя проэктами неудобоисполнимыми и навлекать на себя нареканіе многихъ противниковъ?

Я. Говорятъ люди, что лучше начать дѣло поздно, чѣмъ никогда; знаю, что мои проэкты не очень легки къ осуществленію; но во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ первый шагъ обыкновенно самый труднѣйшій; но если кто начнетъ полезное дѣло, то со временемъ найдутся личности, которыя обратятъ на него свое вниманіе и начатое дѣло окончатъ. Если кто броситъ на почву зерно, то найдутся собиратели. Ни что въ мірѣ вдругъ не созрѣетъ, какъ гласитъ польская пословица: «Kraków, odrazu nie zbudowany». (Краковъ не вдругъ выстроился). Извѣстный польскій писатель Мицкевичъ сказалъ: «Za ludźmi poiedyńczemi, copoieli i objawili wielkie prawdu moralne, postępują narody; droga krzyża zawsze

---

[1]) То-есть: все, что дѣлаешь, дѣлай умно, и смотри на конецъ дѣла.

buła i iest iedyną drogą prawdy; bezposwięcenia i ofiar, ludzkosë nic niedokaźe na drodze postępu cywilizacy» [1]). Послѣ того, я разсказалъ епископу о моемъ видѣніи, на это онъ отозвался: «часто случаются во снѣ представленія необыкновенныя, загадочныя; я самъ испыталъ въ своей жизни подобные случаи. Но толкованіе сонныхъ видѣній было бы напраснымъ усиліемъ для человѣческаго ума. Природа, какъ человѣкъ, имѣетъ свои тайны, до которыхъ трудно добрать ключа. Впрочемъ, наша религія запрещаетъ толковать, а тѣмъ болѣе вѣрить въ сонныя видѣнія».

Въ заключеніе нашего труда, желая отъ всей души всѣмъ собратьямъ по Христѣ самой лучшей будущности, не лишнимъ считаемъ вспомнить здѣсь нами сказанное, что на совѣсти латинскаго духовенства и личностяхъ свѣтскихъ, стоящихъ впереди своихъ единовѣрцевъ, лежитъ великая и священная обязанность стараться по всей возможности исправить ошибки своихъ предмѣстниковъ указаніемъ народу, приведенному эгоистами и фанатиками на путь заблужденія, пути истиннаго. Поэтому совѣтуемъ вамъ чистосердечно: устранивъ гордость, вражду и ненависть, противныя принципамъ ученія Спасителя нашего, употребить слово религіи и всѣ нравственныя средства къ искорененію вредныхъ терній, коихъ сѣмена брошены среди единоплеменныхъ славянскихъ народовъ сынами тьмы и лукавства, къ общему ихъ вреду. Покажите себя достойными пастырями народа, ввѣреннаго Провидѣніемъ вашему попеченію; истинными послѣдователями Христовой миссіи—покоя и человѣколюбія. Христосъ есть глава христіанской церкви, которая есть Его тѣломъ; мы члены

---

[1]) То-есть: по стопамъ значностей, понявшихъ и огласившихъ всенародно великія истины, идутъ народы. Крестный путь есть путь истины; ибо безъ трудовъ и жертвъ человѣчество не подвинется впередъ по пути прогресса и цивилизаціи.

этого тѣла; а вы духовные пастыри, по словамъ евангелія, свѣтъ христіанскаго міра: освѣщайте свѣтомъ евангельской истины и укажите народу пути спасенія въ настоящемъ и въ будущемъ... Блажены—и стократъ блажены тѣ пастыри, которые, устранивъ отъ себя мірскія суеты, сдѣлаютъ первый шагъ къ примиренію славянскихъ племенъ, ради имени Христова и блага человѣчества. Если же васъ избранныхъ Провидѣніемъ къ дачѣ свидѣтельства истинѣ въ кругу собратій, при вашихъ человѣколюбивыхъ намѣреніяхъ встрѣтятъ вражда, ненависть и униженіе за откровенно высказанную правду; то не унывайте сердцемъ и не падайте духомъ среди вашей христіанской миссіи; надѣйтесь на защиту Отца правды и на помощь друзей человѣчества. Въ испытанныхъ противностяхъ, воспомяните указанные намъ примѣры кальварійскаго страдальца, его апостоловъ и великихъ христіанскихъ миссіонеровъ, не щадившихъ даже и жизнь свою для блага человѣчества. Это укрѣпитъ вашъ духъ и дастъ бодрость преодолѣть всѣ козни сыновъ тьмы и враговъ человѣчества.

Пуская въ свѣтъ нашъ смиренный трудъ, мимовольно приходятъ на умъ разныя мысли объ ожидающей его участи со стороны собратій, которымъ этотъ трудъ преимущественно посвящаемъ. Быть можетъ, что нѣкоторые изъ нихъ, прочтя отрывочно, или пробѣжно, безъ надлежащаго вниманія, другіе, судя о немъ по наслышкамъ, или по брошенному наскоро взгляду на заглавіе и первыя страницы, вмѣсто сочувствія благимъ намѣреніямъ, будутъ негодовать за нашу нелицемѣрную откровенность, и въ порывѣ необдуманнаго гнѣва скажутъ: это сочиненіе написалъ сякой-такой, другъ москалей, а врагъ поляковъ, въ цѣли оклеветанія послѣднихъ. Но совѣсть есть самымъ лучшимъ свидѣтелемъ и судьею нашихъ намѣреній: мы взялись за перо не съ цѣлью унизить репутацію нашихъ собратій и значенія латинскаго духовенства; не для угожденія

какой либо партіи; не для суетныхъ мірскихъ разсчетовъ, а единственно для того, чтобы высказать нашимъ соотечественникамъ откровенно слова правды, въ предостереженіе отъ тѣхъ заблужденій, къ которымъ ихъ приводятъ зломыслящіе наставники для ихъ собственной пользы, основываясь въ томъ на фактахъ церковной и свѣтской исторіи, также на многочисленныхъ памятникахъ западнаго края, ни какому сомнѣнію не подлежащихъ. По опыту знаемъ, что часто для радикальнаго излеченія паціента, одержимаго физическимъ недугомъ, но предубѣжденнаго иначе о своемъ положеніи, лекарь встрѣчаетъ необходимую конечность объяснить ему всѣ причины и переходы его страданій, также ожидающія его опасности отъ запущенія, или отъ несоблюденія гигіеническихъ правилъ и лекарскихъ совѣтовъ; это можно весьма часто примѣнить и къ нравственнымъ человѣческимъ недугамъ и заблужденіямъ...

Всемірная исторія представляетъ намъ на своихъ страницахъ разительные примѣры печальной участи, постигшей тѣхъ, которые рѣшались оглашать всенародно слова истины, слова предостереженія своимъ землякамъ для ихъ собственной пользы: одни по слѣпому предубѣжденію не могли ихъ понять, другіе, понимавшіе ихъ мысли, старались заглушить голосъ правды для своихъ эгоистическихъ цѣлей. Эти друзья истины и человѣчества часто испытали на своей родинѣ, вмѣсто сочувствія и благодарности, горькую или мученическую участь. Спаситель, Его апостолы и великіе ихъ сотрудники-миссіонеры подверглись той же участи. Но упованіе страждущаго человѣчества на пути заблужденія основывается на личностяхъ, которыя трудятся и страдаютъ за истину и за общее благо; ихъ нелицемѣрными судьями суть: Всевидящій, совѣсть и потомство... Съ этой точки смотря на нашъ смиренный трудъ, мы не унываемъ душевно и съ надеждой пускаемъ его въ

свѣтъ... Если же который изъ нашихъ собратій, по эгоизму, по несправедливости, или по слѣпому предубѣжденію, бросить камень ненависти за нашу откровенность и благія намѣренія; то этотъ камень, брошенный безъ участія со стороны совѣсти, не можетъ возмутить нашего убѣжденія и душевнаго покоя. Этимъ противникамъ истины, мы съ христіанскимъ смиреніемъ отвѣтимъ словами Спасителя: Господи, прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ............ До дня 7-го Дек.

П. П. Р........ 1870

ПРИМѢЧАНІЯ.

a)

Правила о папской власти, изданныя папою Григоріемъ VII (Гильдебрандомъ): 1) Папа не подверженъ лжи; онъ есть непогрѣшимый въ своихъ рѣшеніяхъ и ученіяхъ. 2) Всѣ царства и народы подвержены рѣшеніямъ папъ. 3) Папа имѣетъ право отлучать царей отъ общенія съ вѣрными, а отлученныхъ удалять отъ престоловъ. 4) Важнѣйшія дѣла церкви подвержены рѣшенію папъ. 5) Папа имѣетъ право разрѣшать присягу вѣрности и послушанія подданыхъ, относительно ихъ государя. 6) Соборъ безъ дозволенія папы собравшійся не имѣетъ никакого значенія; также, никакой умственный трудъ не можетъ быть издаваемъ, ни считаться законнымъ, безъ дозволенія папы. 7) Рѣшеніе папы неизмѣнно, а папа можетъ всякое рѣшеніе отмѣнить. 8) Папу никто не имѣетъ права судить. 9) Папа, безъ участія соборовъ, можетъ измѣнять и увольнять епископовъ. 10) Въ публичныхъ молебствіяхъ священники имѣютъ поминать одного только папу.

b)

Послѣдователи ученія Виклефа, богемцы Иванъ Гуссъ и Гіеронимъ Прагскій были приглашены на соборъ констанцскій, бывшій въ началѣ XV вѣка, для личнаго объясненія правилъ своего ученія. Не смотря на охранную граммату (glejt) императора нѣмецкаго Сигизмунда, оба были сожжены

на кострѣ по распоряженію папскаго нунція. Ученіе Гусса преимущественно требовало: ограниченія злоупотребленій латинскаго духовенства, причастія въ обоихъ видахъ и литургіи на народномъ языкѣ.

c)

О появлявшихся въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ ночное время, чистилищныхъ душахъ (dusze czyscowe), просившихъ у жителей земли пособія къ скорѣйшему освобожденію отъ чистилищныхъ страданій, встрѣчаемъ въ разныхъ сочиненіяхъ авторовъ этого суевѣрнаго времени столько сказокъ и повѣстей разныхъ, принимаемыхъ тогда за вѣрную истину, что можно бы изъ нихъ составить цѣлые томы повѣстей. Здѣсь разскажемъ объ одномъ хитромъ средствѣ, до котораго прибѣгали нѣкоторыя тогдашнія духовныя лица для побужденія своихъ прихожанъ обратить вниманіе на страданья чистилищныхъ душъ. Нѣкоторые изъ корыстолюбивыхъ ксендзовъ приходскихъ настоятелей, пользуясь тогдашнимъ общенароднымъ суевѣріемъ, чтобы возбудить въ своихъ прихожанахъ сострадапіе къ чистилищнымъ душамъ, они, для достиженія этой цѣли, секретно приготовляли нарочно-сдѣланныя желѣзныя лопатки, на подобіе ладоней съ пальцами, большихъ и меньшихъ размѣровъ. Эти лопатки съ рукоятками, при удобномъ времени распекались въ огнѣ до красна, потомъ прикладывали ихъ секретно, ночной порой, къ церковнымъ дверямъ или къ мебели, внутри церкви находящейся. Раскаленное желѣзо, приложенное къ дереву, оставляло на немъ выпаленные знаки, подобіе ладони съ пальцами человѣческими. Такія хитрыя штуки обыкновенно дѣлались предъ большими годовыми праздниками, когда бываетъ стеченіе множества народу всѣхъ состояній, прибывающихъ въ костелъ на молебенъ. Тогда настоятели костела или монастыря, также

ихъ помощники и причетники съ набожнымъ удивленіемъ показываютъ и высшимъ и низшимъ классамъ собравшагося народа эти огненные знаки, объясняя имъ при томъ, что это оставленные знаки явившимися душами, страдающими въ чистилищныхъ мученіяхъ и нуждающихся въ пособіи богоугодными жертвами, къ скорѣйшему оттуда освобожденію. Эта хитрость имѣла хорошій успѣхъ и приносила ея изобрѣтателямъ—духовенству обильную поживу отъ прихожанъ, особенно зажиточныхъ, не щадившихъ пожертвованій на молебствія, на закупныя миссы (mszy) и на богоугодныя настоятелями предлагаемыя дѣла, чтобы поскорѣе спасти отъ чистилищныхъ мукъ своихъ родныхъ, благодѣтелей, друзей; ибо жители земли не могутъ знать, куда ихъ души послѣ смерти поступили—въ рай, или въ чистилище на покаяніе; поэтому, неизвѣстность судьбы покойниковъ могла затронуть чувство состраданія многихъ набожныхъ лицъ. Этотъ разсказъ мы встрѣчали въ польскомъ сочиненіи подъ заглавіемъ «Upior Ukrainski». Эти и тѣмъ подобныя фокусныя штуки съ чистилищными душами удавались изобрѣтателямъ до поры, до времени, покуда случай не открылъ слѣдовъ обмана: ибо, по словамъ Спасителя, нѣтъ въ мірѣ ничего тайнаго, котораго бы время и обстоятельства не сдѣлали гласнымъ.

d)

Объ индульгенціяхъ римской церкви.

Въ первыя времена церковь обыкновенно назначала тяжкія покаянія за нарушеніе заповѣдей религіи. За грѣхи публичные назначалось и покаяніе публичное. Кающимся не вольно было присутствовать при общественномъ богослуженіи; они стояли при входѣ въ церковь въ особенномъ костюмѣ, и просили входящихъ, чтобы они за нихъ молились. Епископы

могли сокращать срокъ покаянія, предписанный церковными уставами, или замѣнить самое покаяніе богоугодными дѣлами, или набожными упражненіями. Со временъ крестовыхъ походовъ индульгенціи начали появляться все чаще и чаще; каждый разъ, когда нуждались въ деньгахъ, предлагали народу индульгенцію, или по случаю построенія церквей и школъ, или для другой цѣли, если только можно было примѣнить ее къ религіи. Собираніе приношеній возлагалось епископами на священниковъ и монаховъ. Но случалось и то, что проповѣдники индульгенцій позволяли себѣ разныя злоупотребленія въ исполненіи своихъ обязанностей, преступая мѣру индульгенцій изъ своекорыстныхъ видовъ. При томъ не мало было такихъ, которые имѣли совершенно ложный взглядъ на индульгенцію: простолюдинъ воображалъ, что купленная индульгенція вполнѣ очищаетъ его отъ грѣховъ, не соображая, что кромѣ того церковь требуетъ отъ него покаянія и исправленія жизни. Онъ охотно платилъ не большую сумму денегъ за документъ, очищающій его разомъ безъ всякаго труда отъ всѣхъ его грѣховъ; затѣмъ церкви посѣщались все менѣе, а невѣжество и безбожіе народа увеличивались. Конечно, обязанностію проповѣдниковъ индульгенцій было обясненіе ихъ значенія, не допуская народъ до ложныхъ понятій. Но многіе изъ нихъ намѣренно поддерживали этотъ ложный взглядъ, потому что извлекали изъ него денежныя выгоды. Никто изъ проповѣдниковъ индульгенцій не пріобрѣлъ такой извѣстности недостойнымъ ихъ навязываніемъ, какъ доминиканскій монахъ Іоаннъ Тетцель въ 1517 году. Продажа индульгенцій производилась въ Римѣ и въ разныхъ мѣстахъ. За папу Льва X изъ Рима высылали нарочно монаховъ въ разныя стороны съ запасомъ индульгенцій для продажи желающимъ имѣть отпущеніе грѣховъ прошедшаго, настоящаго и будущаго времени. Права индульгенцій даруемы были

папами нѣкоторымъ церквамъ и монастырямъ; изъ монашескихъ орденовъ богаче всѣхъ были сими индульгенціями ордена доминиканскій и іезуитскій.

Слово индульгенція значитъ снисхожденіе, послабленіе, отпустъ. Подъ этимъ названіемъ скрывается слѣдующее римское ученіе: хотя въ таинствѣ исповѣди и покаянія отпускаются грѣхи и вѣчныя наказанія за нихъ, но не всегда отпускаются временныя наказанія, которыя непремѣнно долженъ понесть христіанинъ въ этой жизни или по смерти въ чистилищѣ, для удовлетворенія правды Божіей. Но онъ можетъ избавиться, выкупиться отъ этихъ наказаній, отъ этой выплаты, словомъ—получить отпустъ при пособіи какого-то скарба церковнаго, состоящаго изъ заслугъ Христовыхъ и запаса или излишка добрыхъ дѣлъ накопившихся въ церкви отъ святыхъ. Скарбъ этотъ находится будто бы въ рукахъ папы, который можетъ выдавать изъ него людямъ сколько хочетъ, на выкупъ ихъ грѣховъ, т. е. наказаній или кары за нихъ. Имѣя такое особенное право давать индульгенціи или отпусты христіанамъ всего свѣта, папа можетъ по своей волѣ удѣлять это право и другимъ епископамъ, ксендзамъ, церквамъ и монастырямъ, также нѣкоторымъ праздникамъ и молитвамъ называвшимся поэтому отпустовыми, индульгенціонными. Отпущеніе грѣховъ получалось не только за время прошедшее, но иногда и за будущее, на дни, недѣли, мѣсяцы и годы; особенно щедры были такіе отпусты для тѣхъ, которые ходили въ Римъ, разумѣется съ богатыми приношеніями, или посылали туда деньги. Но это установленіе римской церкви противно таинству покаянія: въ церкви Божіей установленъ одинъ отпустъ—въ таинствѣ исповѣди и покаянія, гдѣ пастыри даютъ кающимся отпущеніе грѣховъ по заповѣди Господа: «которымъ отпустите грѣхи, тѣмъ будутъ отпущены», и это отпущеніе дается по силѣ безконечныхъ

заслугъ Спасителя. Скарбъ же церковный есть заслуга Іисуса Христа и принадлежитъ всей церкви; никто не можетъ присвоять себѣ право на особое имъ обладаніе, а усвоять себѣ духовное богатство изъ этого сокровища можно только чрезъ вѣру, покаяніе, добрыя дѣла, а не по чьему-либо распоряженію. Такимъ образомъ и отпустъ, даруемый въ покаяніи и исповѣди, доступенъ всякому истинно кающемуся при посредствѣ церковной власти, общей всѣмъ священнослужителямъ: раздаваніе его не можетъ быть какимъ-либо особымъ правомъ папы, или какого-либо бискупа и ксендза. Что-же касается до скарба или запаса добрыхъ дѣлъ, накопившихся отъ святыхъ, то это ученіе есть самая нелѣпая выдумка схоластиковъ; ибо для святости христіанской нѣтъ границъ и не можетъ быть у христіанина дѣлъ лишнихъ для его святости: величайшіе святые не почитали себя достигшими полнаго совершенства. Святые могутъ помогать намъ своими молитвами и мы можемъ молитвами другъ другу помогать, но никто не можетъ взять у святыхъ долю ихъ добрыхъ дѣлъ и передавать таковую другимъ для отпущенія грѣховъ и заслуженнаго наказанія. Пояснивъ значеніе индульгенцій по ученію римской церкви, равно съ какой точки надо смотрѣть и судить объ этомъ предметѣ, перейдемъ къ дальшему разсказу.

Папа Юлій II задумалъ построить въ Римѣ въ честь апостола Петра великолѣпную церковь, самую большую и лучшую въ свѣтѣ. Для этой цѣли онъ и преемникъ его Левъ X своими энцикликами объявили вездѣ полное отпущеніе грѣховъ желающимъ покаяться и сдѣлать приношеніе на постройку храма. Въ Германіи это поручено было ордену доминиканскому, который избралъ проповѣдникомъ помянутаго Тетцеля; онъ при помощи своихъ братьевъ монаховъ, распространялъ это дѣло по всей Саксоніи и дальше. Недо-

вольствуясь проповѣдью съ каѳедръ, эти монахи продавали индульгенціи какъ обыкновенный товаръ, на улицахъ, рынкахъ, въ гостинницахъ и частныхъ домахъ. Можно было предвидѣть, что всѣ недовольные будутъ на сторонѣ того, кто первый осмѣлится открыто выступить противъ такого злоупотребленія. Такимъ явился монахъ ордена Августиновъ, Мартинъ Лютеръ, въ то время профессоръ виттенбергскаго университета. Сперва онъ началъ издавать письма противъ злоупотребленій индульгенціями, которыми преимущественно затронулъ орденъ доминиканов и этимъ навлекъ на себя преслѣдованіе не только со стороны этого ордена, но и высшей духовной власти. Преслѣдованіе духовной власти не усмирило Лютера, напротивъ, еще болѣе вооружило его рѣшимостію, и наконецъ дошло до того, что онъ выступилъ явно своими письменными, довольно серьезными и основательными, диссертаціями, противъ разныхъ злоупотребленій папской власти, которыми нанесъ сильные удары самимъ основаніямъ папскаго абсолютизма. Слѣдствіемъ чего возникла въ Германіи религіозная реформація и протестантская церковь. Эти событія занимаютъ много страницъ въ исторіи западно-христіанскихъ народовъ. Мы встрѣчали въ одномъ историческомъ сочиненіи любопытный анекдотъ о приключеніи случившемся монаху Тетцелю, во время его путешествій по разнымъ странамъ для продажи индульгенцій. На пути слѣдованія, въ довольно далекомъ разстояніи отъ людскихъ жилищъ, какая-то незнакомая личность, видной наружности, въ костюмѣ рыцарскомъ, встрѣтившись съ монахомъ Тетцелемъ, завелъ съ нимъ разговоръ и по взаимномъ объявленіи своего званія съ обѣихъ сторонъ, этотъ господинъ объявилъ Тетцелю желаніе, пріобрѣсть индульгенцію или отпустную карту за грѣхи прошедшаго, настоящаго и будущаго времени. Монахъ, получивъ отъ этого господина слѣдуемыя за такую карту деньги, съ

удовольствіемъ удовлетворилъ его желаніе, не ожидая никакихъ худыхъ послѣдствій. Но этотъ господинъ не удовольствовался полученною индульгенціонною картою; по данному выстрѣломъ сигналу, къ этому господину присоединились еще два вооруженные человѣка; тогда онъ затребовалъ отъ монаха Тетцеля выдачи ему немедленно сундука съ деньгами. Послѣдній на такое требованіе началъ доказывать безбожность и грѣховность этого поступка, объясняя, что эти деньги принадлежатъ церкви, а потому онъ обременитъ свою совѣсть тяжкимъ грѣхомъ. На эти возраженія монаха, незнакомый рыцарь, показавъ ему карту, сказалъ рѣшительнымъ и угрожающимъ тономъ: эта карта освобождаетъ меня и мою совѣсть отъ грѣховъ прошедшаго, настоящаго и будущаго времени: давай сейчасъ деньги, не доводя меня къ новому грѣху, и тутъ-же приложилъ смертоносное орудіе къ груди поблѣднѣвшаго отъ испуга монаха, который будучи убѣжденъ такими краснорѣчивыми аргументами мнимаго рыцаря, всѣ за индульгенціи собранныя деньги вручилъ послѣднему безпрекословно и тогда спокойно разъѣхались.

е)

Вотъ историческіе факты подтверждающіе здѣсь нами сказанное: 1) сынъ в. князя литовскаго Миндовга,—в. князь Войшелгъ, принявшій русское крещеніе въ половинѣ 13 вѣка, по смерти отца своего, принявъ бразды правленія надъ Литвой, предпринялъ намѣреніе ввести въ Литву принятую имъ вѣру православную. Съ тою цѣлью входилъ въ 1265 году въ сношеніе съ новгородскимъ княземъ Святославомъ Ярославичемъ, на счетъ присылки въ Литву изъ Пскова, какъ болѣе другихъ знакомыхъ съ языкомъ и обычаями, литвиновъ [1]). 2) Въ 1266

---

[1]) Dzieie starożytne narodu Litew. Narbuta. T. IV, str. 230.

году князь литовскій Довмонтъ съ дружиною своею и со всѣмъ домомъ своимъ, прибывъ въ г. Псковъ, были окрещены въ церкви Св. Троицы. Этотъ князь принялъ на крещеніи имя Тимоѳея [1]). 3) Православный духовникъ в. княгини литовской, первой супруги Ольгердовой—Маріи, монахъ Несторъ, обращалъ придворныхъ в. к. въ православную вѣру; три изъ нихъ: Круглецъ, Кумецъ и Нежило твердость свою въ принятой вѣрѣ запечатлѣли мученическою смертію—и теперь нетлѣнныя ихъ мощи почиваютъ въ виленскомъ Святодуховскомъ монастырѣ [2]). 4) Что подъ конецъ XIV вѣка со дня на день язычество въ Литвѣ упадало, а вѣра православная быстро распространялась, пріобрѣтая значительное число послѣдователей въ многолюдныхъ литовскихъ городахъ, очевидно доказываетъ примѣръ Вильна, гдѣ во время обращенія в. княземъ и королемъ польскимъ Ягеллою литовцевъ въ римское католичество, половина жителей этого города составляли люди крестившіеся уже крещеніемъ православной церкви [3]). Внѣ столицы, король Ягелло, принявъ на себя апостольскіе труды, ѣздилъ изъ одной земли (уѣзда) въ другую, занимаясь крещеніемъ остальныхъ язычниковъ литовскихъ, преимущественно жмуди, какъ самой отдаленной страны, населенной коренными литовцами и долѣе прочихъ собратій своихъ хранившихъ вѣру отцовъ своихъ. Окрестныя же мѣста г. Вильны, какъ ближе къ центру православія—столицѣ, прежде жмуди просвѣтились свѣтомъ евангелія отъ православныхъ проповѣдниковъ. Туровскій епископъ Антоній, по свидѣтельству литовскаго историка Нарбута, еще въ 1405 году обращалъ и крестилъ литвиновъ въ православную вѣру, не смотря на то,

---

[1]) Времен. Соф. часть 1 стр. 275 и 276.

[2]) Dzicie star. narodu Litew. Narbuta. T. V, dodat X.

[3]) Dzicie starozytne narodu Litew. Narbuta. T. V, str. 403 i 408.—Obraz Litwy Jaroszeuicza. T. II, str. 3, 4, 5 i 7.

что послѣ вступленія Ягеллы на тронъ польскій, римское католичество начало уже брать верхъ распространеніемъ на Литвѣ [1]). 5) Въ 1544 году на брестскомъ сеймѣ, по просьбѣ князей и всего дворянства, король Сигизмундъ I (старый) повелѣлъ для исправленія статута в. княжества литовскаго избрать десять человѣкъ искусныхъ въ законовѣдѣніи, въ томъ числѣ пять римско-католиковъ и пять русской вѣры. То же самое и въ томъ же предметѣ сдѣлано распоряженіе па сеймахъ виленскихъ, бывшихъ въ 1547 и 1551 годахъ [2]). Это все очевидно доказываетъ значительность русскаго народо-населенія въ Литвѣ тогдашнихъ временъ и его вѣроисповѣданіе.

f)

Историкъ литовскаго народа Нарбутъ по сему предмету такъ говоритъ: «отъ самаго начала власти великихъ князей литовскихъ надъ землями русскими, не смотря на большую разность вѣры, никогда не было нетерпимости христіанства; напротивъ, князья, уважая права, языкъ и обычаи подвластныхъ имъ народовъ, сами заимствовали у нихъ, что признавали мудрымъ. Поэтому православная вѣра путемъ кроткаго убѣжденія въ святыхъ истинахъ распространилась по Литвѣ прежде, нежели правительство думало принимать къ тому мѣры. Православные русины и язычники литовцы, имѣя одно общее отечество и одного государя, засѣдали на одной скамьѣ и вмѣстѣ радили о общей пользѣ, вмѣстѣ шли въ бой и кости свои слагали въ одну могилу. Dzicie starożyt. narodu Litew. T. V, str. 339 i 340).

g)

Великій князь литовскій Ольгердъ былъ крещенъ печерскимъ архимандритомъ Давидомъ, а предъ смертію своею по

---

[1]) Dzicie star. nar. Litew. Narbuta. T. VI, str. 87.

[2]) Zbiór praw Litew. Hr. Działyńskiego str. 397, 413, 418, 435, 449, 450 i 470. Obraz Lit. Jaroszeuicza. 1844 r. T. II, str. 136.

тогдашнему общему обычаю принялъ схимничество (ангельскій санъ по тогдашнему выраженію). Его тѣло погребено въ церкви св. Богородицы въ г. Вильнѣ; эту церковь онъ самъ создалъ и тамже погребена жена его Іуліанія. У сего князя, по исторіи Карамзина, было отъ первой его жены пять сыновъ, именно: Корибутъ, Скиргайло, Кирисайло, Витригайло и Минигайло. Отъ другой жены семь сыновей, именно: Андрей полоцкій; Владиміръ бѣльскій, а потомъ кіевскій; Иванъ острожскій; Яковъ Ягайло или Ягелло (король польскій); Лугвеній волынскій; Василій черторижскій или чарторыйскій и Оленко или Олелько кіевскій. Польскій историкъ Стрыйковскій именуетъ сыновей Ольгерда такъ: отъ первой жены— Владиміръ; Іоаннъ подольскій; Симеонъ-Лингвеній мстиславскій; Вигунтъ-Андрей полоцкій; Константинъ Чарторыйскій и Ѳедоръ Сангушко. Отъ второй жены: Ягелло-Владиславъ (польскій король); Скиргайло-Казимиръ; Свидригайло-Болеславъ; Корибутъ Димитрій и Вигунтъ Василій. Ягелло былъ назначенъ своимъ отцомъ наслѣдникомъ престола, но родной его дядя Кейстутъ соперничалъ съ нимъ въ этомъ отношеніи; а потому послѣдній по велѣнію Владислава Ягеллы былъ лишенъ жизни въ темницѣ.

h)

Вотъ одинъ изъ многихъ образчиковъ, доказывающій ловкую способность патеровъ іезуитовъ на сдѣлки съ совѣстію, взятый нами дословно изъ извѣстнаго сочиненія польскаго автора Нѣсецкаго, который самъ былъ іезуитъ, а потому не можетъ быть заподозрѣнъ въ неправдивости своего разсказа, который заключается въ слѣдующемъ событіи.

«Владиславъ Немиричъ, польскій дворянинъ, прежде православный, а потомъ обращенный въ латинство, будучи смертельно боленъ, просилъ пригласить ксендза напутствовать

его святыми дарами; явившійся къ нему ксендзъ былъ іезуитъ Михаилъ Кисаржевскій. Немиричъ исповѣдавъ предъ нимъ грѣхи, заявилъ при исповѣди сомнѣніе о томъ, достигнетъ-ли онъ спасенія, если пріиметъ святое причастіе подъ однимъ видомъ, и потому просилъ этого іезуита выдать ему письменное удостовѣреніе въ томъ, что онъ будетъ спасенъ въ вѣрѣ католической. Ксендзъ долго не думалъ и охотно выдалъ ему требуемое удостовѣреніе, которое было слѣдующаго содержанія: «я ксендзъ Михаилъ Кисаржевскій изъ ордена іезуитовъ, удостовѣряю симъ Божіе величіе въ томъ, что если благородный Владиславъ Немиричъ потерпитъ какой-либо ущербъ предъ судомъ Господнимъ, вслѣдствіе причастія католической церкви подъ однимъ видомъ, одобреннаго сю въ теченіе вѣковъ, то я весь сей ущербъ принимаю на себя и на свою душу и готовъ буду отвѣчать предъ величіемъ Божіимъ (przed Boskim majestatem) вмѣстѣ съ матерью моею, святою католическою и апостольскою церковью и со всѣми вѣрными. Дано въ Люблинѣ, въ іезуитской коллегіи, 19 апрѣля 1653 года. Ксендзъ Михаилъ Кисаржевскій». Немиричъ вскорѣ скончался, держа въ рукахъ этотъ документъ, съ которымъ положенъ былъ, согласно его желанію въ гробѣ. Черезъ пять дней послѣ его смерти, когда собрались спускать его тѣло въ могилу или катакомбу [1]), устроенную въ люблинской нашей церкви, и прежде этого открыли гробъ, то кромѣ документа бывшаго въ рукахъ покойника, увидѣли еще другой лежащій на его груди, который былъ слѣдующаго содержанія:—«я Владиславъ Немиричъ, освобождаю преподобнаго Михаила Кисаржевскаго, ксендза іезуитскаго ордена, отъ обязательства принятаго имъ на свою душу; ибо я получилъ

---

[1]) Катакомбы устраивались тогда въ склепахъ находившихся внизу подъ церквами.

полное удовлетвореніе по безграничной Божіей милости, и отпущеніе грѣховъ въ страшную минуту суда, вслѣдствіе исповѣди и святаго причастія, принятаго мною по обряду римской церкви въ часъ моей смерти. Въ чемъ удостовѣряю настоящимъ свидѣтельствомъ. Дано въ долинѣ покаянія 26 апрѣля 1653 года. Владиславъ Немиричъ». Оба эти документы, для большей достовѣрности, явлены были въ актовыя книги люблинскаго трибунала 1653 года, ректоромъ іезуитской коллегіи, ксендзомъ Ардою [1]).

іѣ

Изъ разныхъ сочиненій польскихъ, литовскихъ, галицій-скихъ и познанскихъ авторовъ, а также изъ разныхъ юридическихъ актовъ и историческихъ памятниковъ сѣверо и юго-западнаго края, мы убѣдились въ томъ, что ниже поименованные княжескіе и шляхетскіе роды были, одни русскаго, а другіе литовскаго происхожденія, а всѣ они искони исповѣдывали религію восточно-русско-православную; но ихъ потомки, повинуясь іезуитской пропагандѣ и политикѣ тогдашняго польскаго правительства, постепенно перешли въ латинство. Вотъ названія этихъ родовъ. 1) Княжескіе: Острожскіе, Слуцкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Вишневецкіе, Сангушки, Чарторыйскіе, Пронскіе, Рожинскіе, Соломерецкіе, Головчицы, Коширскіе, Четвертинскіе, Массальскіе, Горскіе, Соколинскіе и Пузины. 2) Дворянскіе: Ходкевичи, Глѣбовичи, Сапѣги (принявшіе послѣ княжескій титулъ), Дорогостайскіе, Войны, Воловичи, Зеновичи, Пацы, Халецкіе, Корсаки, Хребтовичи, Тризны, Горностаи, Бокѣи, Мышковскіе, Гурки, Гулевичи, Ярмолинскіе, Калиновскіе, Кирдѣи, Заборовскіе, Мелешки, Боховитины, Павловичи, Сосновскіе, Скумины и Потѣи. По этому же предмету, смотри примѣчаніе подъ буквой о.

---

[1]) Korona Polska. Niesiecki. Tom. III, str. 359.

k)

Іосафатъ Кунцевичъ, сынъ виленскаго сапожника, получивъ воспитаніе у католическихъ монаховъ, сдѣлался ревностнымъ папистомъ. Принявъ санъ духовный, онъ потомъ былъ произведенъ въ уніатскіе епископы. Этотъ епископъ, вопреки ученію евангелія о человѣколюбіи и милосердіи, вопреки нравственному правилу написанному, по словамъ апостола Павла, на сердцахъ нашихъ, т. е. guod tibi non vis, alteri ne feceris, принялъ въ своей полоцкой епархіи самыя жестокія мѣры къ насильному распространенію религіозной ново-введенной въ русскихъ провинціяхъ уніи. Онъ безчеловѣчно преслѣдовалъ православное русское духовенство, несоглашавшееся принять унію; мучилъ ихъ въ темницахъ, отбиралъ или печаталъ православныя церкви, запрещая богослуженіе въ нихъ и раздаваніе православнымъ святыхъ даровъ религіи. Наконецъ онъ дошелъ до той крайности, что велѣлъ выбрасывать тѣла умершихъ православныхъ, не хотѣвшихъ до самой смерти принять унію и похороненныхъ по обычаю тогдашняго времени при церквахъ православныхъ. Этими варварскими жестокостями, противными религіи и человѣчеству, епископъ Кунцевичъ вооружилъ противъ себя ненавистію и мщеніемъ всѣхъ православныхъ до такой степени, что витебскіе мѣщане посреди города напали на него и убили до смерти. Это случилось въ 1627 году. Римская церковь причислила его къ лику святыхъ, а его мощи покоятся въ Бялой на Подлясѣ; туда къ его гробу стекаются изъ разныхъ сторонъ набожные поклонники и богомольцы тысячами. Многіе изъ нихъ, приблизившись къ церкви, становятся на колѣни и цѣлыми рядами ползутъ вокругъ церковнаго зданія, по нѣсколько разъ; потомъ то же самое благоговѣйное ползаніе на колѣняхъ повторяютъ внутри церкви около гроба сего угодника.

l)

Послѣ убитаго въ Брестѣ (по внушенію іезуитовъ) гетмана украинскаго козачества Косинского, избранъ былъ симъ же козачествомъ гетманъ Наливайко, который послѣ долгой борьбы за ихъ права и послѣ заключеннаго съ поляками мира, не подозрѣвая съ ихъ стороны никакой опасности для себя, вмѣстѣ съ депутатами высланными отъ козачества на сеймъ, именно: полковникомъ Лободой, судьею Мазепою и сотникомъ Кизимомъ, прибылъ въ 1597 году въ Варшаву. Тамъ гетмана Наливайку и его товарищей депутатовъ тотъ-часъ арестовали; безъ формальнаго суда и рѣшенія всѣхъ мученическою смертію въ раскаленномъ мѣдномъ котлѣ (miedziany byk) замучили. Подобная мученническая участь постигла и другихъ украинскихъ гетмановъ. Павлюка и Остряницу; ихъ также, послѣ заключенія съ поляками мира, измѣннически поймали и казнили въ Варшавѣ самымъ жестокимъ образомъ. О тѣхъ печальныхъ событіяхъ, которыми тогдашніе поляки запятнали свою исторію, кромѣ многихъ памятниковъ украинскаго народа, вспоминаютъ также (хотя весьма не точно, а только легкими намеками) польскіе историки [1]).

m)

Кромѣ многочисленныхъ повинностей работами, деньгами и продуктами, крестьянами отбываемыхъ въ пользу помѣщиковъ тогдашняго времени, подъ разными названіями, инвентарными именуемыхъ, а именно: барщина (panszczyzna) еженедѣльная; ночная сторожа въ разныхъ мѣстахъ; шарварки; заорки и оборки, закоски и обкоски, зажинки и обжинки: десятина пчельная и очковое; подорожчина; роговое; пряденіе

¹) Именно: Bandke. Dzieie król. pols.—Teodor Waga. Histor. książ. i królów polskich.—Hemyk szmitt galicianin. Historya nar. polskiego.

мотковъ женщинами и очищеніе конопли; даваніе положеннаго числа домашнихъ птицъ и яицъ, также грибовъ и орѣховъ и проч. крестьяне подвергались еще одной весьма дикой, можно сказать, повинности, именно: евреямъ-арендаторамъ сельскихъ корчемъ, контрактомъ помѣщика дозволялось набрасывать поселянамъ, во время торжественныхъ праздниковъ, какъ рождество Христово и свѣтлое воскресенье, также на крестины и свадебные акты, означенное контрактомъ (смотря по инвентарному состоянію хозяина) количество водки. Это называлось «prawo narzutu trunkow», отъ чего крестьяне не имѣли права отказываться; но потомъ волею-неволею они были принуждены уплатить еврею деньгами или продуктами за этотъ наброшенный имъ гостинецъ; ибо администрація помѣщика строго понуждала крестьянъ посредствомъ экзекуціи къ платежу арендаторамъ сельскихъ корчемъ показанныхъ ими начетовъ на крестьянахъ; на это не было ни апеляціи, ни пощады.

n)

Извѣстный въ исторіи югозападной Руси Иванъ Выговскій, по происхожденію онъ былъ земянинъ или шляхтичъ волынскаго воеводства, изъ многочисленнаго рода околичной шляхты Выговскихъ изъ с. Выгова, по тогдашнему времени человѣкъ довольно образованный. Этотъ Выговскій, во время украинскихъ смутъ, достался въ плѣнъ украинскаго козацства. Богданъ Хмѣльницкій, познавъ его ближе какъ шляхтича православной вѣры, при томъ замѣтивъ въ немъ умъ образованный, опытность въ письменныхъ дѣлахъ и здравый разсудокъ, назначилъ его главнымъ войсковымъ писаремъ при своемъ штабѣ. Во время войнъ Хмѣльницкаго съ поляками и переговоровъ съ польскимъ правительствомъ на счетъ мира, Выговскій своею услужливостію польскому дѣлу съ народомъ

украинскимъ обратилъ на себя благосклонное вниманіе короля и высшихъ сановниковъ польскаго государства. Когда Малороссія совершенно отдѣлилась отъ Польши и присоединилась къ Россіи, король польскій, помня заслуги Выговскаго оказанныя Польшѣ и обративъ при томъ вниманіе на довѣріе къ нему украинскаго народа, котораго образъ мыслей и обычаи хорошо ему были извѣстны, пожаловалъ его кіевскимъ воеводою, барскимъ староствомъ и другимъ вотчинымъ имѣніемъ. Этому возвышенію бѣднаго шляхтича Выговскаго на степень сенатора и пана значительнаго имѣнія завидовали польскіе магнаты; гордые своимъ родовымъ происхожденіемъ не могли хладнокровно смотрѣть на выскочекъ равнявшихся съ ними въ значеніи, тѣмъ болѣе что Выговскій происходилъ изъ русской шляхты и былъ исповѣданія православнаго. Магнаты предприняли унизить Выговскаго, начали его преслѣдовать разными оскорбительными выходками и острыми сатирами, даже въ глаза говорили ему въ сенатѣ колкія фразы—напримѣръ: «w senacie krzesło nie dla Jwana, lecz dla pana» [1]). «Rusin w radzie iak koza w sadzie, nie pomoże, a zaszkodzi». и т. п.

Выговскій, чувствуя свои заслуги, оказанныя полякамъ въ критическое для нихъ время, цѣня пожалованное ему званіе, и при томъ испытывая безвинно отъ гордыхъ магнатовъ вмѣсто благодарности, зависть и униженіе своего достоинства, въ пылу раздраженія гнѣвомъ и справедливаго противъ нихъ негодованія, быть можетъ иногда выразилъ свое неудовольствіе угрозами, противъ польскихъ пановъ; но онъ ничего вреднаго и измѣнническаго противъ правительства и отечества не предпринималъ (это доказываетъ его оправданіе,

---

[1]) Выговскій былъ кіевскимъ воеводой, а каждый воевода имѣлъ званіе сенатора и кресло въ сенатѣ.

полученное на сеймѣ его наслѣдниками, уже послѣ казни Выговскаго). Однакожъ, его враги и завистники успѣли оклеветать его заочно предъ королемъ, сенатомъ и гетманомъ коронныъ, будто онъ замышляетъ измѣну и такъ какъ Хмѣльницкій намѣренъ взволновать польскую Украину и передать ее въ руки Россіи. Этой клеветы, въ тогдашнее время, было достаточно къ погубленію заслуженнаго въ отечествѣ Выговскаго, который, происходя изъ мелкой шляхты, не имѣлъ никакихъ родственныхъ связей съ польскими аристократами, которые могли бы вступиться за него во всякомъ случаѣ, притомъ былъ православный русинъ.

Вслѣдствіе помянутаго заочнаго оклеветанія, вмѣсто призванія Выговскаго—какбы слѣдовало—на судъ, для обличенія его вины, выслушанія его оправданій и постановленія по правиламъ правосудія законнаго рѣшенія, дано изъ Варшавы секретное повелѣніе регементарю Чарнецкому, чтобы тотчасъ за полученіемъ ординанса схватить Выговскаго и казнить смертію. Затѣмъ, высланная Чарнецкимъ секретно команда жолнеровъ наглымъ образомъ схватила ничего не знающаго о своей участи Выговскаго и привезла его въ Корсунь, гдѣ безъ суда и рѣшенія онъ былъ разстрѣлянъ. Наслѣдники Выговскаго принесли жалобу по сему предмету на сеймъ, доказывая фактически несправедливость исполненной казни и ненадлежаще данное повелѣніе на счетъ конфискаціи его имѣнія; но среди разныхъ придворныхъ интригъ, трудно имъ было добиться справедливости по сему дѣлу; а потому, чтобы не потерять всего, наслѣдники Выговскаго принуждены были войти въ сдѣлку продажи оставшагося послѣ его смерти имѣнія, въ пользу магнатовъ Л. и П. По ихъ ходатайству принятомъ для собственнаго интересса, казненный Выговскій былъ оправданъ сеймомъ послѣ смерти, а

его значительное имѣніе перешло за безцѣнокъ въ руки посмертныхъ его защитниковъ....

о)

Поименный списокъ членамъ нижеслѣдующихъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ, перешедшимъ въ разное время за бывшее польское правительство изъ православія въ латинство: 1) князь Иванъ Сапѣга, маршалъ литовскій, около 1514 года, во время пребыванія въ Римѣ, перешелъ изъ православія въ латинство. (Niesiecki: korona polska. T. IV, str. 21). 2) Князь Александръ Пронскій, кастелянъ троцкій, принялъ католичество около 1580 г. во время путешествія въ Римъ (Тамъ же, Т. III, стр. 740). 3) Александръ Сѣмашко, кастелянъ брацлавскій, принялъ католичество 1586 г. (Тамъ же, стр. 80). 4) Князья Александръ и Симеонъ слуцкіе (Олельковичи), около 1590 года приняли католичество (Тамъ же, стр. 433). 5) Князья Збаражскіе: Степанъ, воевода троцкій, съ женою и дочерью, также его племянникъ Янушъ, воевода брацлавскій, обращены въ католичество около 1600 г. (Тамъ же, Т. IV, стр. 706). 6) Князья Вишневецкіе: Юрій Михайловичъ, кастелянъ кіевскій, около 1600 г.; Еремія Михайловичъ, воевода русскій, 1614 г.; Александръ, Ѳома и Юрій Криштофъ 1629 г.; Елисавета по мужу Радзиловая, около 1600 г; Константинъ Константиновичъ, воевода русскій, 1595 г. приняли католичество (Тамъ же, стр. 541—553). 7) Потѣи: Адамъ-Ипатій, епископъ владимірскій, былъ главнымъ руководителемъ введенной уніи 1596 г.; его дѣти приняли католичество (Тамъ же, Т. III, стр. 619). 8) Князья Массальскіе: Лука и Александръ, маршалокъ ковенскій и воевода минскій, около 1600 г. (Тамъ же стр. 228). 9) Князь Острожскій Янушъ Константиновичъ, воевода волынскій, около 1600 г. (Тамъ же, стр. 517). 10) Князь Ружинскій Романъ, около

1600 г. (Тамъ же, стр. 898). 11) Князь Заславскій Янушъ, воевода волынскій, 1603 г. (Тамъ же, Т. IV, стр. 690). 12) Князь Чарторыйскій Юрій Ивановичъ, около 1610 г. (Тамъ же, Т. I, стр. 370). 13) Гумецкій Войтехъ, кастелянъ галицкій, 1613 г.—(Тамъ же, Т. II, стр. 382). 14) Зеновичъ Богуславъ, кастелянъ полоцкій, около 1620 г. (Тамъ же, Т. IV, стр. 745). 15) Елцъ Александръ-Игнатій 1620 г.; онъ послѣ принятія католичества основалъ овручскую іезуитскую коллегію (Тамъ же, Т. II, стр. 425). 16) Горбовскій Сигизмундъ, не смотря на просьбы своихъ родителей, принялъ католичество и поступилъ въ іезуиты 1625 г. (Тамъ же, Т. IV, стр. 679). 17) Князь Полубинскій Александръ около 1629 г. (Тамъ же, Т. III, стр. 351). 18) Служка Александръ, воевода минскій, около 1636 г. (Тамъ же, Т. IV, стр. 136). 19) Тышкевичъ Өедоръ обращенъ въ унію епископомъ Іосафатомъ Кунцевичемъ около 1600 г.—(Тамъ же, стр. 420). Потомъ около 1630 г. принялъ католичество (Тамъ же, стр. 422). 20) Князья Козики: нѣкоторые члены этого рода погребены въ XVII вѣкѣ въ кіевопечерской лаврѣ—приняли католичество около 1635 г. (Тамъ же, Т. II, стр. 686). 21) Селявы: Павелъ, 1657 г. вписанъ въ помянникъ луцкаго братства; Анастасій 1646 года избранъ уніатскимъ митрополитомъ (Тамъ же, Т. IV, стр. 78). 22) Вороничи: Даніилъ, Юрій и Самуилъ подписали актъ избранія Тризны въ архимандриты печерскіе и Сильвестра Коссова въ митрополиты (Архивъ ч. II, Т. I, стр. 341—347). 23) Проскуры Сущанскіе: Өедоръ упоминается 1647 г. въ числѣ попечителей назначенныхъ митрополитомъ Петромъ Могилою надъ его коллегіею. (Пам. Т. II, ч. I, стр. 29 и 171). 24) Солтаны: Өедоръ подписалъ 1647 г. завѣщаніе митрополита Петра Могилы и участвовалъ въ избраніи Сильвестра Коссова. (Арх. ч. II, Т. I, стр. 342 и 347). 25) Щеніовскіе: Даніилъ и Павелъ 1647 г. принимали

участіе въ выборахъ архимандрита печерскаго и кіевскаго митрополита. (Арх. ч. II, Т. I, стр. 341 и 348). 26) Балабаны: Арсеній 1590 г. епископъ львовскій православный.— (Пам. Т III, ч. I, стр. 48); Дмитрій, членъ луцкаго православнаго братства. (Тамъ же, Т. I, ч. I, стр. 12); Діонисій съ 1657 по 1663 митрополитъ кіевскій; Александръ записался въ луцкое православное братство (катал. луцк. братства); около 1650 г. Юрій, староста трубовельскій, и Александръ приняли унію въ Римѣ (korona polska. Niesiecki T. I, str. 35). 27) Древинскій Лаврентій, подписалъ 1601 г. обязательство защищать люблинское братство (Арх. ч. II, Т. I, стр. 38). 28) Стеткевичи: Богданъ 1647 г. назначенъ митрополитомъ Петромъ Могилою опекуномъ могилянской коллегіи (Пам. Т. II, ч. I, стр. 171); его братъ Криштофъ около 1650 г. принялъ католичество (korona polska. Niesiecki T. IV, str. 205). 29) Немиричи: Матвѣй 1601 г. обязался защищать люблинское братство (Архивъ ч. II, Т. I, стр. 38); Александръ былъ членомъ луцкаго братства; Юрій 1650 г. присоединился отъ аріанства къ православію; Владиславъ 1653 г. принялъ латинство, а Михаилъ 1704 г. сдѣлался іезуитомъ (korona polska. Niesiecki. T. III, str. 338 i 339). 30) Мѣлешки: Иванъ и Николай поступили въ іезуиты 1652 г.; Иванъ, кастелянъ смоленскій, обращенъ въ унію епископомъ униатскимъ Іосафатомъ Кунцевичемъ (Тамъ же, стр. 256). 31) Князья Огинскіе: Александръ, воевода минскій, и Богданъ, хорунжій великаго княжества литовскаго 1647 г. были попечителями коллегіи основанной митрополитомъ Петромъ Могилою. Около 1660 г. сынъ Александра—Маркіанъ, принялъ латинство—(Тамъ же, стр. 419). 32) Мазараки: Иванъ, 1666 г. записался въ львовское православное братство (Пам. Т. III, ч. I, стр. 91). 33) Князья Курцевичи-Булыги: Иванъ 1601 г. подписалъ обязательство защищать люблинское православное братство

(Арх. ч. II, Т. I, стр. 38); Максимъ служилъ въ запорожскомъ войскѣ (korona polska. Niesiecki. T. I. str. 222) и былъ полковникомъ козацкимъ. 34) Князья Пузыны: Юрій 1601 г. подписался защитникомъ люблинскаго православнаго братства; Павелъ (Афанасій) 1644 г. епископъ луцкій праславный (Арх. ч. II, т. I, стр. 345). Около 1670 г. встрѣчаемъ Петра и Павла внуковъ Павла-Афанасія монахами латинскими (korona polska. Niesiecki. T. III, str. 785). 35) Князья Четвертинскіе Святополки: Гедеонъ 1685—1690 митрополитъ кіевскій православный; Сильвестръ—около 1710 г. архіерей могилевскій. Около 1673 г. Стефанъ и Андрей приняли латинство (Тамъ же, Т. I, стр. 386). 36) Оранскіе: Өеодосій 1631 г. іеромонахъ печерскій (Пам. Т. II, ч. I, стр. 44 и 181); Гедеонъ 1674 г. уніатскій пинскій епископъ; Адамъ 1728 г. намѣстникъ католической каменецкой епархіи (Тамъ же, Т. III, стр. 477—478). 37) Еловицкіе: Криштофъ и Филонъ 1617—1619 г. были членами луцкаго православнаго братства (Пам. Т. I, ч. I, стр. 2 и 12); 1688 г. родъ ихъ внесенъ въ помянникъ луцкаго православнаго братства; Иванъ 1680 каноникъ луцкій; Гіеронимъ-Матвѣй около 1700 г. католическій епископъ (korona polska. Niesiecki. T. II, str. 430 i 431). 38) Шумлянскіе: Іосифъ, архіепископъ львовскій правосл. 1681 г. перешелъ въ унію (Лѣт. Величка); Кириллъ до 1721 г. православ. переяславскій епископъ (Максимовичъ). 39) Микуличи: Герасимъ былъ игуменомъ чернинскаго монастыря, а въ 1624 г. игуменомъ луцкаго правосл. братства (Пам. Т. I, ч. I, стр. 1 и 81). Өедоръ 1681 г. епископъ латинскій граціанопольскій (korona polska. Niesiecki. T. III, стр. 263). 40) Головинскіе: родъ Петра 1647 г. внесенъ въ помянникъ луцкаго православнаго братства; Дмитрій 1682 г. записанъ въ число луцкихъ братчиковъ (Каталогъ луцк. правосл. братства). 41) Князья Друц-

кіе-Любецкіе: Павелъ 1619 г. членъ луцк. правосл. братства (Архивъ ч. II, Т. I, стр. 39); около 1690 г. уже упоминается Иванъ іезуитъ (korona polska. Nies. T. III, стр. 157). 42) Кисели: Францискъ принялъ унію около 1690 г. и основалъ уніатскій монастырь на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Кунцевичъ (Тамъ же, Т. II, стр. 520). 43) Залевскіе: Стефанъ 1630 г. записался въ луцкое правосл. братство (Катал. луцк. прав. братства); Лаврентій 1692 г. былъ луцкимъ катол. канonикомъ (kor. pol. Nies. T. IV, str. 653). 44) Павши: Симеонъ участвовалъ въ избраніи печерскаго архимандрита (Арх. ч. II, Т. I, стр. 342); Өедоръ 1698 г. подписалъ протестъ противъ притѣсненій православія (Тамъ же, ч. IV, Т. I, стр. 348). 45) Третяки: Станиславъ 1647 г. принималъ участіе въ избраніи печерскаго архимандрита (Арх. ч. II, Т. I, стр. 342); Александръ 1698 г. протестовалъ противъ притѣсненій православія католиками (Тамъ же, ч. IV, Т. I, стр. 348). 46) Вельгорскіе: Александръ участвовалъ 1616 г. въ посольствѣ дворянъ волынскихъ, требовавшихъ отъ сейма именемъ своего воеводства, отмѣнить мѣры стѣснительныя для православія. Въ такомъ же посольствѣ участвовалъ Киліанъ 1652 г. (Тамъ же, ч. II, Т. I, стр. 104—393); внуки его Анна и Антоній около 1700 г. упоминаются въ католическихъ монастыряхъ (Niesiecki T. IV, str. 505). 47) Олизары-Волчкевичи: Семенъ Олизаръ 1512 г. подарилъ село Бѣлашево дерманскому монастырю. Около 1700 г. одинъ изъ нихъ былъ похороненъ въ іезуитскомъ монастырѣ (Тамъ же, Т. III, стр. 453—454). 48) Гулевичи: Анна основательница кіевскаго братства 1615 г.; Михаилъ 1617 г. принадлежалъ къ луцкому правосл. братству. Уставъ этого братства подписали 1624 г. Романъ, Петръ и Семенъ (Пам. Т. I, ч. I, стр. 12, 81 и 222). Многіе члены этого рода принимали участіе въ постановленіяхъ провинціальныхъ сеймиковъ воеводства во-

лынскаго въ 17 вѣкѣ (Архивъ ч. II, Т. I, стр. 228, 250, 253, 268, 283 и т. д.); Сильвестръ былъ въ 1639 г. епископомъ православнымъ перемышльскимъ (Тамъ же, стр. 263). Католичество приняли Петръ 1694; Владиміръ 1700, его сынъ Яковъ поступилъ въ орденъ доминиканцевъ; Дмитрій поступилъ 1730 г. въ іезуиты (Niesiecki kor. pol. T. II, str. 381—382). 49) Козловскіе: Василій 1686 г. братчикъ луцкій (Катал. луцк. правосл. братства); Францискъ былъ каноникомъ луцкимъ, а около 1730 г. Іосифъ іезуитъ (kor. pol. Niesiecki T. II, str. 687—688). 50) Ярошинскіе: записался въ луцкое правосл. братство около 1674 г. (Катал. луцк. брат.); Ѳедоръ въ 1702 г. былъ еще православнымъ (Тамъ же, стр. 403). 51) Братковскіе: Богданъ въ 1619 г. членъ луцкаго братства (Пам. Т. I, ч. I, стр. 12); родъ его внесенъ въ помянникъ тогожъ братства; Даніилъ подписалъ 1699 г. протестъ противъ притѣсненій православія католиками; онъ казненъ поляками за ревность къ православію 1702 г. (Арх. ч. IV, Т. I, стр. 348 и помян. луцк. братства). 52) Борейки: Николай 1634 г. внесенъ въ помянникъ луцк. правосл. братства; Самуилъ 1699 г. подписалъ протестъ правосл. дворянъ противъ насилій католиковъ (Арх. ч. IV, Т. I, стр. 348); Иванъ 1710 г. подписалъ актъ избранія въ епископы Кирилла Шумлянскаго (Тамъ же, стр. 362). 53) Князья Воронецкіе: Юрій 1619 г. подписанъ въ числѣ охранителей луцк. правосл. братства; Иванъ подписалъ 1634 г. протестъ противъ притѣсненій іезуитами луцкаго братства (Пам. Т. I, ч. I, стр. 12 и 222); Александръ 1710 г. подписалъ актъ избранія въ епископы Кирилла Шумлянскаго (Арх. ч, IV, Т. I, стр. 362). 54) Подгороденскіе: Андрея родъ внесенъ 1634 г. въ помянникъ луцкаго братства; Петръ участвовалъ 1710 г. въ избраніи въ епископы Кирилла Шумлянскаго (Тамъ же, стр. 361). 55) Федьковичи: Иванъ записался 1693 г. въ луц-

кое братство; Михаилъ протестовалъ 1699 г. противъ притѣсненія православія и 1701 г. записался въ луцкое братство (Каталогъ тогожъ братства и Арх. ч. IV, Т. I, стр. 348 и 362). 56) Яворскіе: Григорій послѣ 1700 г. записался въ львовское правосл. братство (Пам. Т. III, ч I, стр. 92); Иванъ и Василій 1707 г. подписали протестъ противъ уніи (Арх. ч I, Т. III, стр. 340); около 1720 г. встрѣчается Иванъ въ іезуитскомъ орденѣ (Niesiecki Т. II, str. 42). 57) Гуляницкіе: 1720 г. записаны были въ луцк. правосл. братство— Иванъ, Яковъ, Ѳома, Александръ и Стефанъ (Пам. Т. I, ч. I, стр. 190—200); 1699 г. подписали протестъ противъ угнетенія православія: Александръ братчикъ луцкій съ 1648, Петръ, Яковъ и другой Александръ (Арх. ч. IV, Т. I, стр. 348). 58) Красовскіе: 1586 г. записаны въ члены львовскаго правосл. братства: Дмитрій и Іоаннъ Демидовичи; 1649 Стефанъ, 1666 Николай, 1698 Романъ, 1710 г. Андрей (Пам. Т. III, ч. I, стр. 90—91). 59) Ледуховскіе: Самуилъ 1637 г. подписалъ запись Ирины Ярмолинской загаецкому монастырю (Пам. Т. IV, ч. I, стр. 54 и 85); Гавріилъ 1647 г. принималъ участіе въ выборѣ митрополита Сильвестра Коссова (Архивъ ч. II, Т. I, стр. 348); Стефанъ и Адамъ приняли участіе въ выборѣ епископа Кирилла Шумлянскаго (Арх. ч. IV, Т. I, стр. 362); католичество приняли: Станиславъ 1725 г; его братья Францискъ и кастелянъ волынскій Яковъ, построившій монастырь бернардинскій въВарковичахъ 1733 г. (kor. pol. Niesiecki Т. III, str. 65). 60) Рудницкіе: Антоній игуменъ загаецкаго правосл. монастыря (Пам. Т. IV, ч. I, стр. 72, 74, 81 и 84); Доминикъ принялъ латинство и поступилъ въ іезуиты около 1724 г.; Ѳеодосій епископъ уніат. луцкій около 1740 г. (kor. pol. Niesiecki. Т. III, str. 906). 61) Трипольскіе: Стефанъ, Парфенъ, Ѳедоръ и Александръ 1647 г. принимали участіе въ избраніи печерскаго архимандрита и

кіевскаго митрополита; Павелъ протестовалъ 1699 г. противъ притѣсненія православія католиками; а 1691 г. онъ записался въ луцкое правосл. братство; 1724 г. родъ Павла внесенъ въ помянникъ луцк. правосл. братства (Архивъ ч. II, Т. I, стр. 341 и 348). 62) Чаплицы-Шпановскіе: Іосифъ 1600 г. архіерей луцкій (Пам. ч. II, стр. 204); около 1728 г. всѣ дѣти Юрія Чаплица были уже католиками (Niesiecki kor. pol. T. I, str. 332). 63) Гораины: Богушъ 1607 г. подписалъ инструкцію данную посламъ, отправленнымъ на сеймъ отъ воеводства волынскаго съ требованіемъ уничтоженія уніи; Иванъ 1624 г. подписалъ уставъ луцк. правосл. братства; Иванъ другой 1710 г. участвовалъ въ избраніи епископа Кирилла Шумлянскаго (Арх. ч. II, Т. I, стр. 81 и ч. IV, Т. I, стр. 361). Приняли католичество: 1733 г. Александръ бывшій епископъ жмудзкій; около того же года Иванъ поступившій въ іезуиты (Niesiecki kor. pol. T. II, str. 370). 64) Верещаки: 1686 г. Максимъ участвовалъ въ выборѣ старостъ луцкаго братства (Пам. Т. I, ч. I, стр. 193); его родъ внесенъ въ помянникъ луцк. правосл. братства 1710 г.; Михаилъ подписалъ актъ избранія въ епископы Кирилла Шумлянскаго правосл. (Арх. ч. IV, Т. I, стр. 361). Около 1740 г. упоминается членъ іезуитскаго ордена доминикъ (Niesiecki T. IV, str. 492). 65) Перетятькевичи: 1668 Криштофъ записался въ луцкое правосл. братство (Катал. тогожъ братства); 1710 г. Адамъ и Антонъ принимали участіе въ выборѣ епископа правосл. Кирилла Шумлянскаго (Арх. ч. IV, Т. I, стр. 362). Около 1740 г. уже были въ латинскихъ монастыряхъ: Варвара, Пій и Ядвига (Niesiecki kor. pol. T. III, str. 375). 66) Піотровскіе: 1699 г. Стефанъ подписалъ протестъ, противъ притѣсненій православія католиками; 1700 г. Александръ участвовалъ въ избраніи епископомъ Кирилла Шумлянскаго (Арх. ч. IV, Т. I, стр. 348 и 362). Около 1740 г. Маріамна

и Евва были уже въ католич. монастырѣ; Станиславъ подарилъ луцкой іезуитской коллегіи село Кочкоровъ (Niesiecki Kor. pol. T. III, str. 604). 67). Попѣлк или Попели: Иванъ записался въ XVIII вѣкѣ въ братства луцкое и львовское правосл. (катол. луцк. брат.). Около 1740 г. встрѣчаемъ уже Симеона и Станислава въ католическихъ монастыряхъ (Kor. pol. Niesiecki T. III, str. 651). 68) Стецкіе: 1615 г. Николай правосл. (Пам. Т. II, ч. 1, стр. 26 и 28); 1710 г. Казимиръ подписалъ актъ избранія въ епископы правосл. Кирилла Шумлянскаго (арх. ч. IV, Т. I, стр. 362). Около 1740 г. Гавріилъ и Андрей были уже въ орденѣ іезуитовъ (Niesiecki T. IV, str. 202). 69) Сурины: Өедоръ 1601 г. защитникъ люблинскаго правосл. братства; Петръ 1619 г. членъ луцк. правосл. братства; Иванъ 1647 г. участвовалъ въ выборѣ архимандрита печерскаго; 1699 г. Ремигіанъ, Иванъ и Мартинъ протестовали противъ насилій, причиняемыхъ православію католиками (архивъ ч. II, Т. I, стр. 37 и 342, также, ч. IV, Т. I, стр. 346 и 348). Около 1740 г. Казимиръ записанъ въ числѣ фундаторовъ крывошіинскаго костела (Niesiecki T. IV, str. 24). 70) Городыскіе: 1634 г. Иванъ подписалъ протестъ противъ нападенія на луцкое братство іезуитскихъ учениковъ (Пам. Т. I, ч. I, стр. 222); Стефанъ 1647 г. подписалъ актъ избранія въ епископы правосл. Сильвестра Коссова (арх. ч. II, Т. I, стр. 347); 1700—1750 Иванъ, Петръ и Стефанъ записались въ члены луцк. правосл. братства (Пам. Т. III, ч. I, стр. 92). 71) Шумовицкіе: 1767 г. одиннадцать членовъ рода Шумовицкихъ подписали протестъ противъ уніи (архивъ ч. I, Т. III, стр. 349). Не лишнимъ считаемъ присовокупить здѣсь, что кромѣ выше изъясненныхъ 71 родовъ княжескихъ и дворянскихъ, болѣе извѣстныхъ въ историческомъ отношеніи западнаго края, имѣющіеся у насъ подъ рукой факты показываютъ еще болѣе шляхетскихъ родовъ, перешедшихъ

во время оно изъ православія въ латинство; но для краткости и по сомнѣнію о существованіи этихъ родовъ въ настоящее время мы ограничились вышеизложенными свѣдѣніями.

р)

Одинъ изъ современныхъ писателей, изображая характеристику племенъ славянскихъ вообще и поляковъ въ особенности, такъ говоритъ: «польскій народъ, какъ и все славянское племя, въ большей или меньшей степени, представляетъ въ своемъ характерѣ господство сердечности надъ умомъ. Начиная отъ временъ Болеслава храбраго до послѣднихъ эпохъ существованія польскаго государства, полякъ почти всегда дѣйствовалъ преимущественно подъ вліяніемъ сердца; умъ и воля подчинялись у него этому влеченію и часто имъ парализировались. Вслѣдствіе своей сердечности, полякъ легко воспламеняется и легко охлаждается, легко довѣряется тому, что льститъ желанію его сердца, и легко теряетъ это довѣріе, когда слышитъ что-нибудь непріятное сердцу; въ обоихъ случаяхъ легко впадаетъ въ обольщеніе и обманъ: голосъ холоднаго здраваго разсудка, хотя бы самый дружескій, ему противенъ; увлекаясь чувствомъ, онъ считаетъ возможнымъ невозможное для его силъ, затѣваетъ великое дѣло и не кончаетъ его, дѣлается несостоятельнымъ, когда для дѣла оказывается недостаточно сердечныхъ порывовъ, а нужно холодное обсужденіе и устойчивый трудъ; онъ способенъ къ чрезвычайной дѣятельности, но не надолго и можетъ скоро впасть въ лѣнь и апатію; онъ способенъ на величайшія самопожертвованія въ пользу добраго дѣла въ минуту увлеченія, но рѣдко способенъ вести его съ постоянствомъ, и можетъ бросить его на половинѣ дороги; онъ тоже легко можетъ сдѣлаться свирѣпымъ, жестокимъ,—но также по увлеченію сердца и не надолго. У поляковъ даже свобода (złota wolność), кото-

рою они такъ всегда гордились, была свобода сердечная, но не разумная. Идеалъ свободы разумной—порядокъ, гармонія; идеалъ свободы сердечной—безпорядокъ и развязность. По легкомыслію и непостоянству польскаго характера, кто-то кстати назвалъ поляковъ сѣверными французами, присовокупивъ при томъ, что этотъ народъ, особенно сословіе шляхетское, легко поддается очарованіямъ лести, и потому можете повести поляка на шнуркѣ лести куда вамъ угодно, лишь бы этотъ шнурокъ былъ сдѣланъ изъ шелка».....

г.

Польскій историкъ Шмиттъ галиціанинъ (Historia narodu polskiego. Lwów. 1864 г.), говоря о обычаяхъ поляковъ, между прочимъ доказываетъ, что обычай ставить при дорогахъ и на поляхъ кресты введенъ въ Польшу іезуитами. Если гдѣ имѣлась спорная земля (kontrowers) между имѣніями двухъ помѣщиковъ, изъ коихъ одинъ былъ диссидентомъ (иновѣрцемъ), то въ такомъ случаѣ іезуиты подстрекали помѣщика католика поставить на спорной землѣ крестъ; противная сторона въ защиту своей собственности отъ присвоенія, на основаніи поставленнаго креста, какъ знакъ владѣнія этою землею, выбрасывала поставленный на спорной землѣ крестъ. Это охраненіе своей собственности наводило на иновѣрцевъ уголовныя дѣла, какъ за богохульство и униженіе религіи католической. Авторъ указалъ на подобное дѣло, возникшее въ Раковѣ; его послѣдствіемъ было совершенное изгнаніе аріанъ изъ предѣловъ Польши.

s.

Въ числѣ многихъ буйныхъ и своевольныхъ поступковъ, извѣстнаго по народнымъ преданіямъ и разнымъ памятникамъ западнаго края, магната Потоцкаго—старосты Каневскаго, жившаго въ XVII вѣкѣ, мы встрѣчали слѣдующій разсказъ:

*

этотъ Потоцкій, однажды проѣзжая инкогнито (что весьма часто случалось) въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ, встрѣтилъ на пути въ домѣ гостинномъ, близко его резиденціи находившемся, заѣхавшихъ туда на отдыхъ (napopas) двухъ монаховъ изъ ордена бернардиновъ. Изъ разговора, заведеннаго съ ними, Потоцкій узналъ, что они ѣдутъ куда-то далеко къ лекарю, чтобы посовѣтоваться съ нимъ на счетъ своего разстроеннаго здоровья, такъ какъ они потеряли апетитъ и притомъ лишились сна. Потоцкій, приглядѣвшись хорошо къ этимъ монахамъ, нашелъ, что они при полнотѣ тѣла и цвѣтущей свѣжести лицъ, вовсе не похожи на страждущихъ физическими недугами. Тутъ онъ имъ сказалъ: преподобные отцы! Я бы вамъ совѣтовалъ не утруждать себя такимъ далекимъ путешествіемъ къ лекарямъ, а лучше заѣхать къ старостѣ Каневскому; у него, какъ мнѣ извѣстно, есть хорошій, изъ-за границы недавно прибывшій, придворный лекарь, съ которымъ могли бы посовѣтоваться на счетъ своихъ страданій. Монахи, не зная съ кѣмъ они ведутъ разговоръ, отозвались объ старостѣ Каневскомъ не очень лестными фразами: между прочимъ назвали его инфамисомъ, безбожникомъ и разбойникомъ, съ которымъ опасно даже встрѣчаться. Послѣ этого разговора, староста поѣхалъ, монахи тоже скоро оставили гостинницу и продолжали свой путь. Но скоро верховые козаки ихъ догнали и пріостановили, требуя отъ имени своего милостиваго пана старосты Каневскаго, чтобы они пожаловали къ нему заѣхать на нѣсколько минутъ, по какому-то экстренному дѣлу. Путешествующіе монахи, какъ-бы предчувствуя инстинктомъ опасность, отказывались отъ сего посѣщенія разными причинами; но козаки, заступивъ дорогу, настоятельно требовали исполненія воли ихъ пана, убѣждая монаховъ, что староста пріиметъ ихъ посѣщеніе весьма радушно и что отъ ихъ воли будетъ зависѣть время пребыва-

нія у него въ гостяхъ, дольше или короче. Наконецъ монахи рѣшились и поѣхали съ ними для свиданія съ старостою. Прибывъ въ указанное козаками мѣсто, монахамъ тотъ-часъ отвели приличную квартиру, ихъ экипажъ, лошади и человѣка-кучера тоже размѣстили какъ слѣдуетъ. Затѣмъ явился къ монахамъ одинъ изъ придворныхъ и объявилъ, что случились неожиданно какіе-то другіе гости у старосты, и какъ вечернее время уже приближается, то староста приглашаетъ ихъ ночевать здѣсь, чѣмъ дальше ѣхать на невыгодный ночлегъ, а завтра утромъ онъ желаетъ съ ними видѣться и поговорить о какомъ-то дѣлѣ. Этотъ придворный старосты Каневскаго, игравшій при монахахъ, можно сказать, роль Іуды-предателя, провелъ съ ними въ дружескихъ бесѣдахъ цѣлый вечеръ, съ ними вмѣстѣ ужиналъ и старался пріохотить монаховъ выпить порядочную порцію хорошаго вина съ повтореніемъ на сонъ грядущій, а можетъ быть, что онъ еще добавилъ къ этому вину какую примѣсь, чтобы тѣмъ лучше усыпить бѣдныхъ монаховъ, попавшихся въ ихъ руки.

Послѣ довольно крѣпкаго сна, монахи пробудившись утромъ, были весьма удивлены, увидѣвъ себя помѣщенными вмѣсто вчерашней порядочной комнаты, въ какой-то простой мужицкой горницѣ на землѣ и на соломѣ, а вмѣсто своего монашескаго платья, они увидѣли предъ собой мужицкіе поношенные армячки, такіяжъ шапки и въ добавокъ къ этому нарядному костюму, лежали еще лычаные лапти. Сначала они не вѣрили своимъ глазамъ; они думали, что это все имъ представляется или во снѣ, или это наважденіе сатаны, во что самые образованные люди того времени вѣрили; а потому другъ на друга съ недоумѣніемъ посматривая, сперва молчали, а потомъ начали молиться, не смѣя въ испугѣ тронуться съ мѣста.

Черезъ нѣсколько времени явился къ нимъ въ горницу какой-то мужичокъ и, безцеремонно назвавъ ихъ именами Семена и Максыма, довольно грубо имъ сказалъ, что уже пора вставать и отправиться на панскую работу. Монахи въ изумленіи слушали эти слова, нѣсколько разъ имъ повторенныя, и наконецъ убѣдились, что это все происходитъ не во снѣ, а на яву. Затѣмъ, нѣсколько ободрившись духомъ, они начали протестовать, говоря этому мужичку, приглашавшему ихъ на работу, что они вовсе ни Семенъ, ни Максымъ, что они суть ксендзы изъ такого-то кляштора, что они были приглашены въ гости старостою Каневскимъ, поэтому никто не имѣетъ права обижать ихъ и заставлять къ работѣ; притомъ они требовали отдать имъ ихъ монашеское одѣяніе и прочее. Мужикъ, выслушавъ ихъ рѣчи хладнокровно (или только притворяясь равнодушіемъ), серьозно отозвался, что все ими сей-часъ сказанное есть чистая ложь; что они вовсе ксендзами никогда не были; что они суть мужиками изъ такого-то села, такихъ-то родителей, и наконецъ—что они тогда-то бѣжали изъ села, бродяжничали долго, а теперь ихъ тамъ-то поймали и привели на родину и это можетъ подъ присягою засвидѣтельствовать вся сельская громада. Монахи слушали эти слова въ крайнемъ изумленіи, и не постигая значенія этой чудной исторіи и своего положенія, начали сомнѣваться въ присутствіи у нихъ здравой памяти, и думать не опутаны ли они нечистою силою злаго духа или чародѣйства.

Между тѣмъ этотъ мужикъ, именовавшій себя фольварчнымъ служителемъ, неотвязчиво настаивалъ надъ монахами исполнить его требованіе, то-есть, встать, одѣться и пойти на работу, угрожая при самыхъ оскорбительнѣйшихъ и грубѣйшихъ фразахъ, принять противъ упорствующихъ непослушаніемъ убѣдительныя средства плети, которую онъ держалъ въ рукахъ. Тогда бѣдные монахи, смотря на этого мужика

и сомнѣваясь въ душѣ, человѣкъ ли это предъ ними стоитъ, или дьяволъ въ образѣ мужика ихъ преслѣдуетъ, по-тихоньку творили крестное знаменіе и молитвы, авось онъ исчезнетъ; но видя свое безотрадное положеніе и неотступную навязчивость этого мужика, рѣшились наконецъ покориться своей непостижимой и печальной участи. Затѣмъ вставъ, они одѣлись въ новые костюмы-армячки, отказавшись отъ лежавшихъ предъ ними лычаныхъ лаптей; по указанію своего пристава отправились вмѣстѣ съ нимъ въ какой-то садъ, тамъ монахамъ поданы были заступы, показано гдѣ копать землю и куда ее тачкою перевозить. Монахи въ крайнемъ смущеніи не знали что дѣлать, слезы катились изъ глазъ; но повелительный голосъ ихъ неумолимаго пристава, нещадившаго колкихъ словъ, припоминающихъ ихъ мнимое бродяжничество и что пора имъ уже остепениться и взяться усердно за работу, чтобы не навлечь на себя жестокой экономской нагайки, заставилъ ихъ повиноваться: они взялись за эту земляную работу, при которой (какъ не привыкшіе) кровавый потъ ихъ обливалъ; ихъ надзиратель, смотря хладнокровно, не обращалъ на нихъ никакого сострадательнаго вниманія. Черезъ нѣсколько часовъ имъ принесли кушанье въ обыкновенныхъ горшкахъ, черный разовой хлѣбъ и постную пищу; на одинъ видъ этого прибора монахи почувствовали отвращеніе, не хотѣли ѣсть принесеннаго имъ кушанья, довольствуясь отдыхомъ послѣ труда при земляной работѣ; послѣ отдыха опять взялись за работу; къ вечеру изнуренные цѣлодневнымъ трудомъ и по инстинкту природы, почувствовали необходимость въ подкрѣпленіи пищею ослабленныхъ физическихъ силъ и затѣмъ отвѣдали принесенную имъ утромъ незавидную пищу. Вечеромъ оставили свою работу; ихъ надзиратель завелъ ихъ опять въ тужъ горницу, гдѣ они ночевали, тамъ они застали принесенный имъ ужинъ похожій на ихъ обѣдъ; за то поло-

жившись на соломѣ они тотъ-часъ заснули и спали крѣпкимъ сномъ до самаго поздняго утра. На другой день равно и въ слѣдовавшіе за симъ прочіе дни, монахи принуждены были вести подобный же образъ жизни, опять ихъ заставляли по прежнему копать землю и тачкою развозить и сыпать ее въ разныхъ мѣстахъ въ саду. Они догадывались, что попали въ когти старосты Каневскаго, но не могли ни отъ кого добиться никакихъ совершенно свѣдѣній, гдѣ именно они находятся, какая причина и цѣль ихъ истязаній, и что ихъ ожидаетъ въ будущемъ, а потому они слезно молились Богу объ избавленіи отъ неволи и ждали смиренно конца.

Такой образъ жизни или жестокой неволи монахи вели около десяти дней, которые имъ выдавались вѣкомъ; въ теченіе этого времени, они исхудали и не были похожи на себя, но за то имъ вернулся сонъ и апетитъ до ѣды; они кушали простое крестьянское кушанье и ѣли черный разовой хлѣбъ съ пріятностію, и какъ будущее было закрыто предъ ними непроницаемою тайною, то они смиренно переносили свою участь и терпѣливо ожидали конца этой трагедіи. Наконецъ, срокъ ихъ тяжкаго испытанія приближался, но медленно; ихъ начали кормить лучшимъ кушаньемъ противъ прежняго, имъ даже давали по немногу водки утромъ и вечеромъ для подкрѣпленія силъ физическихъ. Въ одинъ вечеръ—разумѣется по приказанію ихъ лекаря старосты Каневскаго—подали монахамъ порядочную бутылку водки, предоставляя оную въ запасное ихъ распоряженіе; пользуясь этимъ случаемъ, монахи для развлеченія и услажденія своего горя въ неволи, принялись охотно за этотъ сосудъ и выпили на сонъ грядущій порядочную порцію водки, съ варіантами повторенія; послѣ того они заснули почти мертвымъ сномъ и спали довольно долго. Пробудившись отъ сна довольно поздно, они были поражены удивленіемъ, увидѣвъ себя вмѣсто мужицкой избы, въ поря-

дочной комнатѣ, на мягкомъ матрацѣ и замѣтивъ при томъ тутъ же лежавшіе на стулѣ ихъ монашескіе костюмы; сперва они не вѣрили своимъ глазамъ, почитая это все фантастическимъ явленіемъ во снѣ, или насмѣшливою шуткою нечистаго духа, однакожъ рѣшились встать съ своей постели, чтобы лучше приглянуться всему ихъ окружающему и, если можно будетъ, узнать, гдѣ они теперь находятся. Между тѣмъ явились къ нимъ въ комнату служитель этой гостинницы—еврей, а также ихъ кучеръ, тогда только монахи вышли изъ сомнѣнія и увѣрились въ томъ, что окружающіе ихъ предметы не есть призрачный обманъ, а дѣйствительность. Они сердечно обрадовались своему избавленію отъ неволи, когтей и медицины старосты Каневскаго: они скорѣе собрались и выѣхали изъ гостинницы въ дальшій путь, никого ни объ чемъ даже не спрашивая; сидя въ своемъ экипажѣ и отъѣхавъ уже далеко отъ гостинницы, они еще оглядывались со страхомъ на всѣ стороны горизонта, не догоняютъ ли ихъ опять козаки старосты Каневскаго. И такъ какъ послѣ его медицины монахамъ возвратился и апетитъ и сонъ, то они уже не имѣли ни охоты, ни надобности искать далеко лекарей на свои недуги, и потому они возвратились поскорѣе съ памятью о старостѣ Каневскомъ въ свой мирный кляшторъ, благодаря Бога за избавленіе отъ его когтей и его варварской медицины.

Еще разскажемъ одну подобную исторію. Въ XVII вѣкѣ производилось довольно долгое время тяжебное дѣло о значительномъ имѣніи между двумя магнатами—старостою Оборскимъ и кастеляномъ Мелецкимъ. Это дѣло по разнымъ обстоятельствамъ оставалось не разрѣшеннымъ, и обѣ стороны вели между собою за это имѣніе враждебную борьбу. Наконецъ, принялся за это дѣло одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ и искуснѣйшихъ юристовъ того времени, нѣкто по фамиліи Мартусѣвичъ, будучи приглашенъ со стороны истца Оборскаго. Мартусѣвичъ при-

нявшись за это дѣло, началъ по оному дѣйствовать энергически, не обращая вниманія на угрозы и предостереженія противной стороны; его стараніемъ это дѣло подвинулось значительно впередъ и была надежда на скорое его окончаніе. Между тѣмъ, однажды лѣтняго времени, Мартусѣвичъ отправился по дѣламъ своего вѣрителя Оборскаго и по другимъ въ Люблинъ; слѣдуя прямымъ путемъ къ цѣли своего путешествія, Мартусѣвичу пришлось переѣзжать чрезъ имѣніе Мелецкаго и къ несчастію встрѣтить въ лѣсу цѣлый таборъ его дворни и казацтва, гдѣ также находился и самъ кастелянъ Мелецкій. Одинъ изъ дворни зналъ лично Мартусѣвича какъ противника его патрона, поэтому увидѣвъ его, далъ знать кастеляну, который велѣлъ своимъ козакамъ догнать его, задержать и волею-неволею пригласить въ свой таборъ. Одинъ изъ дворни вмѣстѣ съ козаками догнавъ Мартусѣвича, объявилъ ему вѣжливо приглашеніе пана кастеляна въ таборъ для свиданія и размолвки по дѣлу. Мартусѣвичу весьма не хотѣлось принять это приглашеніе, инстинктивно предчувствуя непріятныя послѣдствія этого визита, но попавшись уже въ когти демона, опасно было дразнить его и отказываться отъ чести его приглашенія; поэтому Мартусѣвичъ радъ-нерадъ явился къ Мелецкому. Тотъ принялъ его весьма радушно, почти по-дружески, приглашая притомъ Мартусѣвича раздѣлить съ нимъ пріятную лѣсную прогулку на этотъ день, такъ какъ онъ намѣренъ сообщить ему свой проэктъ на счетъ миролюбнаго окончанія съ его вѣрителемъ тяжебнаго дѣла. Попавшись въ руки неожиданно и зная буйный характеръ пана кастеляна, Мартусѣвичъ не рѣшился отказать этому приглашенію, и остался въ таборѣ Мелецкаго на этотъ день, не предвидя что его ожидаетъ. Разгостившись въ веселой компаніи, тутъ начали его щедрою рукою потчивать разными напитками и закусками, и какъ-же ему отказаться отъ этой

чести—пить въ компаніи, когда у поляковъ того времени принято было за правило: «Szlachecka rzecz pić, a chłopska ieść» [1]), а противъ непьющихъ была аксіома: «Ten zdrajca, kto niepiie w kompanij» [2]). Всѣ тамъ находившіеся пили безпощадно, не исключая и самого пана кастеляна, а потому трудно было Мартусѣвичу уклоняться отъ очереди и быть предметомъ насмѣшливыхъ остротъ дворскихъ зубоскаловъ. Въ этой разгульной компаніи дворянъ находился также монахъ, въ бернардинскомъ костюмѣ одѣтый; онъ схоластическими аргументами Мартусѣвичу доказывалъ, что хорошіе напитки ведутъ человѣка въ рай спасенія; ибо, онъ говорилъ, «кто пьетъ—тотъ спитъ; кто спитъ—тотъ не грѣшитъ; а кто не грѣшитъ—тотъ получаетъ спасеніе и рай». Кромѣ того, этотъ монахъ указывалъ на текстъ библейскій (книга бытія Моисея), въ которомъ значится, что патріархъ Ное, послѣ всемірнаго потопа, насадилъ виноградникъ и его сокомъ порядочно себя потчивалъ, спрашивалъ Мартусѣвича, уклонявшагося спачала отъ лишнихъ порцій: можетъ-ли онъ считать себя выше или лучше этого праведника, патріарха Ноя, избавленнаго Господомъ отъ всеобщаго потопа? если-же патріархъ Ной не считалъ грѣхомъ порядочно выпить, то почемужъ намъ не подражать примѣру этого святаго мужа? словомъ, Мартусѣвичъ попалъ въ такое испорченное общество, у котораго трезвость считалась почти грѣхомъ. Притомъ надо знать и то, что здѣсь еще укрывалась другая цѣль, то-есть: съ умысломъ приняты были мѣры довести Мартусѣвича напитками до разслабленія и безпамятства, чтобы помѣшать ему прибыть въ трибуналъ на судебный срокъ, гдѣ по вышеупомянутому тяжебному дѣлу имѣло уже послѣдовать окончательное рѣшеніе, а потому это

[1]) Дворянина дѣло пить, а мужика дѣло ѣсть.

[2]) Тотъ измѣнникъ, кто отказывается пить въ компаніи.

угощеніе мимо воли Мартусѣвича, продолжалось нѣсколько дней сряду, тѣмъ болѣе что его экипажъ съ дорожными вещами и бумагами были спрятаны въ неизвѣстномъ ему мѣстѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія въ таборъ Мелецкаго, Мартусѣвичъ пробудившись утромъ отъ крѣпкаго хмѣльнаго сна своего, увидѣлъ себя въ незнакомой ему квартирѣ, похожей по мебели на монашескую келлію; среди мертвой тишины окружавшей его, онъ долго смотрѣлъ на стѣны этой комнаты, припоминая гдѣ-то онъ былъ, и гдѣ онъ теперь долженъ находиться, но не могъ ничего угадать; наконецъ, вставъ съ постели съ намѣреніемъ одѣться и выйти на дворъ, чтобы разузнать о мѣстѣ своего настоящаго пребыванія, онъ началъ искать глазами по комнатѣ своего одѣянія, и подойдя машинально къ одному стулу, стоявшему незамѣтно въ углу комнаты за кроватью, замѣтилъ на немъ лежавшее одѣяніе; но какъ же онъ былъ удивленъ, увидѣвъ вмѣсто своего монашескій костюмъ; онъ началъ ощупывать и оглядывать его на всѣ стороны; едва вѣрилъ своимъ глазамъ и думалъ не во снѣ ли это все ему грезится... Вскорѣ онъ услышалъ голосъ звонка, который вывелъ его изъ задумчивости; желая поскорѣе разрѣшить свое недоумѣніе и загадочное положеніе, онъ поскорѣе набросилъ на себя этотъ монашескій костюмъ съ намѣреніемъ выйти на дворъ. Но вдругъ онъ услышалъ шаги идущаго и тутъ-же вошелъ къ нему въ комнату монахъ-бернардинъ, который послѣ обыкновеннаго католическаго привѣтствія—Laudetur Iezus Christus, назвалъ его —frater Gaudentius, по-имени вовсе не принадлежавшемъ Мартусѣвичу, замѣтивъ ему, что онъ долго предается сну и что уже давно пора на келейныя молитвы (pacierzy); вмѣстѣ съ тѣмъ монахъ приглашалъ его итти съ нимъ на молебенъ въ кляшторную каплицу. Мартусѣвичъ выслушавъ съ крайнимъ удивленіемъ слова монаха, началъ его въ свою очередь серьозно просить,

чтобы онъ прежде всего объяснилъ ему гдѣ именно и въ чьей власти онъ находится? также гдѣ его костюмъ и всѣ вещи, и кто рѣшился дѣлать съ нимъ такія шутки—переодѣть въ монашеское платье? Монахъ выслушавъ хладнокровно эти вопросы, съ гримасой удивленія отвѣтилъ ему: развѣ ты—frater Gaudentius (ему дали новое имя) не знаешь или притворяешься незнающимъ о томъ, что ты монахъ изъ кляштора такого-то; что оттуда тебя прислали въ нашъ кляшторъ, такой-то, на эпитимію, за нарушеніе орденскихъ правилъ и за оказанную дерзость противъ настоятеля монастыря?? Мартусѣвичъ началъ спорить съ монахомъ, протестуя, что онъ меценатъ трибунальскій (mecenas); что онъ монахомъ Гавдентіемъ никогда не былъ, и такого кляштора, о какомъ онъ упоминаетъ, вовсе не зналъ и объ немъ даже не слышалъ, добавляя при томъ, что онъ очень хорошо знаетъ, кто съ нимъ эти шутки дѣлаетъ. Но монахъ, выслушавъ его рѣчь прехладнокровно, началъ его осѣнять крестнымъ знаменіемъ, говоря ему набожнымъ тономъ: o Domine Iesu Christe! o Mater Dei! видно что тебя frater Gaudenti опутала нечистая сила злаго духа за твои согрѣшенія, когда ты несчастный смѣешь отрекаться отъ своего духовнаго сана, опомнись frater Gaudentius и моли Господа о прощеніи твоихъ заблужденій и объ освобожденіи тебя отъ искушеній злаго духа, чтобы нашъ благочестивый настоятель кляштора не былъ вынужденъ употребить противъ твоей дерзости дисциплинарныхъ нашими уставами предписанныхъ мѣръ. При слушаніи этихъ фразъ, высказанныхъ монахомъ набожно-смиреннымъ и вмѣстѣ рѣшительнымъ тономъ, Мартусѣвичъ едва вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ; онъ растерялся среди взволнованныхъ чувствъ негодованія, и въ порывѣ гнѣва готовъ былъ броситься какъ тигръ на этого безстыднаго лжеца, игравшаго съ нимъ такую шутовскую роль; но взглянувъ на его атлетическую фигуру, увидѣлъ неравную для себя

борьбу съ нимъ, при томъ вспомнивъ его послѣднія слова предостереженія, онъ потерялъ бодрость духа и предался размышленію. Наконецъ, видя, что монахъ уже намѣренъ оставить его келлію и уйти, онъ машинально пошелъ съ нимъ подъ предлогомъ зайти въ каплицу помолиться, а болѣе для того, авось не удастся ли ему узнать тамъ, гдѣ онъ находится и какой смыслъ этой комедіи, которую съ нимъ играютъ.

Идя вслѣдъ за своимъ проводникомъ, они оба прошли довольно темный корридоръ и наконецъ вошли въ каплицу; тутъ находилось около десяти монаховъ, одѣтыхъ въ одинаковыхъ бернардинскихъ костюмахъ [1]), а кромѣ ихъ никого больше не было въ каплицѣ. При алтарѣ одинъ монахъ отправлялъ мшу (Missa) латинскую, прочіе молились, не обращая никакого вниманія на прибывшаго Мартусѣвича, который также началъ молиться о избавленіи отъ когтей врага, въ которые онъ нечаянно попалъ. Послѣ окончанія мши, монахи начали выходить изъ каплицы, одинъ изъ нихъ мигнувъ рукой на Мартусѣвича, призвалъ къ себѣ и повелъ его въ смежную отъ каплицы комнату, туда пришли еще два монаха. Тамъ монахъ первый подалъ Мартусѣвичу ременную дисциплину, приглашая его, какъ состоящаго на эпитиміи, снять съ плечъ верхнее одѣяніе и бичеваться дисциплиной, по существовавшему тогда обычаю въ латинской церкви. Мартусѣвичъ отъ исполненія серьозно отказался, доказывая имъ фактически, что онъ монахомъ никогда въ жизни не былъ, и не понимаетъ какими судьбами онъ къ нимъ достался, а потому онъ ихъ просилъ какъ лицъ духовныхъ, въ имени Спасителя и Матери Божіей, объяснить ему, что это за комедія, которую съ нимъ играютъ, и гдѣ онъ находится. Монахи

---

[1]) Исключая одного имѣвшаго мшу при алтарѣ, всѣ прочіе были свѣтскими лицами, переодѣтыми въ монашескіе костюмы.

выслушали прехладнокровно его рѣчь, потомъ одинъ изъ нихъ отозвался: видно что ты frater Gaudentius находишься подъ вліяніемъ нечистой силы, когда смѣешь отрекаться отъ своей присяги, выполненной предъ Богомъ, отрекаться отъ своего монашескаго сана, котораго печать носишь на своей головѣ [1]); а потому поручаю вамъ братья имѣть бдительный надзоръ за симъ заблудшимъ братомъ и молите Господа объ его душевномъ исцѣленіи и освобожденіи отъ нечистой силы злаго духа руководящей имъ, а при томъ тебѣ frater Gaudentius совѣтую, опомниться и молить Господа объ освобожденіи твоей души отъ навожденій адской силы, каяться за свои грѣхи для очищенія совѣсти отъ ига грѣховнаго и всѣхъ заблужденій. Послѣ того монахъ отвелъ его этимъ же корридоромъ въ занимаемую имъ келлію, давъ ему молитвенникъ и дисциплину, также наставленіе какъ провести время на молитвѣ и набожномъ размышленіи, онъ оттуда ушелъ. Мартусѣвичъ, прійдя въ келлію, засталъ уже тамъ принесенную для него порцію постнаго кушанья, также хлѣбъ и кувшинъ съ водой.

Мартусѣвичъ оставшись наединѣ въ своей келліи, предался размышленію о постигшей его участи и о непріятномъ положеніи, въ которомъ находился. Онъ хорошо зналъ, кто и за что разыгривалъ надъ нимъ эту комедію; онъ началъ придумывать средства, чтобы вырваться изъ этой западни и уйти; въ той цѣли онъ вышелъ осмотрѣть хорошо тотъ корридоръ, который прилегалъ къ его келліи или тюрьмѣ; пройдясь по немъ нѣсколько разъ, онъ наконецъ убѣдился, что двери дубовыя, крѣпко окованныя, запирали тотъ корридоръ и что другаго выхода вовсе тамъ не было, а окно его келліи было

[1]) Это значило, что Мартусѣвичу во время его крѣпкаго хмѣльнаго усыпленія выбрили на головѣ лысину, которую обыкновенно носятъ всѣ ксендзы подъ названіемъ короны, о чемъ онъ даже еще не зналъ.

ограждено крѣпкою желѣзною рѣшеткой, изъ этого окна видно было высокій каменный заборъ, небо и больше ничего, поэтому онъ заключилъ, что нѣтъ способа уйти оттуда и погрузился въ печальную думу, не зная, что его тутъ ожидала—долгая ли неволя, или смерть?... Къ вечеру онъ почувствовалъ упадокъ силъ; это его заставило отвѣдать принесенное ему утромъ кушанье, которое онъ сперва даже не тронулъ, опасаясь нѣтъ-ли въ немъ примѣси какой-либо отравы, а откушавъ эту пищу, не очень-то спокойно въ душѣ ожидалъ ея послѣдствій... На другой день опять тотъ-же монахъ пришелъ къ Мартусѣвичу, опять подобный вчерашнему произошелъ между ними разговоръ, и опять оба пошли на молитву въ каплицу мнимо-монастырскую. Послѣ оконченной мши, опять въ той же комнатѣ повторилась вчерашняя сцена съ дисциплиною и увѣщаваніемъ Мартусѣвича, опомниться въ своемъ заблужденіи и упрямствѣ и принять усердное покаяніе въ своихъ согрѣшеніяхъ. Эта комедіо-трагедія продолжалась на одинъ и тотъ-же ладъ болѣе недѣли: ежедневно приходилъ къ Мартусѣвичу одинъ и тотъ-же монахъ, приглашая его опомниться, оставить свое упрямство, внушенное силою злаго духа, и предаться усердному покаянію для спасенія души и для возвращенія въ первобытное монашеское состояніе. На всѣ дѣлаемые монаху вопросы, Мартусѣвичъ получалъ одинъ и тотъ-же отвѣтъ, что онъ (Мартусѣвичъ) есть монахъ frater Gaudentus, и присланъ сюда настоятелемъ такого-то монастыря на эпитимію. Среди этакихъ увѣреній со стороны монаховъ, Мартусѣвичъ иногда выходилъ изъ терпѣнія и говорилъ имъ: одно изъ двоихъ здѣсь должно быть, или я нахожусь въ бреду сумашествія и мнѣ это все грезится, или-же я попалъ по милости враговъ въ домъ ума лишенныхъ.....

Находясь въ такомъ безотрадномъ положеніи и не зная что его ожидаетъ дальше, Мартусѣвичъ впалъ въ уныніе, въ разстройство силъ душевныхъ; его терзали разныя меланхолическія мысли и предчувствія ослабленнаго воображенія; онъ думалъ и самъ не зналъ на что ему рѣшиться въ его печальномъ положеніи. Наконецъ ему пришла на умъ новая мысль, покориться безусловно окружавшимъ его обстоятельствамъ, въ надеждѣ возбудить какое-либо сострадание къ себѣ со стороны этихъ мучителей, мнимыхъ монаховъ. По этой мысли онъ началъ не только молиться по наставленію этихъ монаховъ въ каплицѣ и въ келліи своей, но и бичевать себя дисциплиной съ усердіемъ, ежедневно; перестал также спорить съ монахами о своей личности, и такъ ведя себя, ожидалъ спокойно конца этой комично-грустной драмы. Послѣ этой перемѣны, монахъ обыкновенно приходившій къ нему ежедневно, началъ быть съ нимъ ласковѣе; онъ даже сказалъ ему однажды, что уже послано отъ настоятеля монастыря письмо о его нравственномъ исправленіи; кромѣ того, ему начали приносить вмѣсто постной пищи мясную, также порцію водки и пива. Приходившій къ нему монахъ, началъ играть роль искренняго друга и однажды въ интимной бесѣдѣ сказалъ ему по секрету, что онъ узналъ съ достовѣрностію о томъ, что настоятель сего монастыря, видя его чистосердечное раскаяніе и исправленіе, намѣренъ письменно просить кого слѣдуетъ о сокращеніи срока эпитиміи; такъ прошла еще одна недѣля его заточенія.

Однажды вечеромъ, монахъ посѣщавшій Мартусѣвича, зашелъ къ нему побесѣдовать; черезъ нѣсколько времени, монастырскій прислужникъ вошелъ въ комнату и принесъ порядочный штофъ напитка и закуску. Поставивъ это все на столѣ, монахъ началъ дружески приглашать Мартусѣвича отвѣдать напитокъ и развеселить умъ и сердце отъ груст-

ныхъ мыслей; сначала онъ отказывался, подозрѣвая въ отравѣ, или въ искушеніи какъ остающагося на эпитиміи; но видя, что монахъ выпилъ порядочную порцію этого напитка, онъ съ горя рѣшился тоже сдѣлать, имѣя притомъ въ виду, авось ему удастся при этомъ случаѣ (извѣстно, что напитки развязываютъ языкъ) узнать что-либо о своей дальшей участи; затѣмъ послѣ одной порціи слѣдовала другая и такъ дальше, къ чему монахъ весьма радушно приглашалъ и своего компаньона; на вопросы же Мартусѣвича—что его ожидаетъ, онъ лаконически отвѣчалъ ему, что все будетъ хорошо и нѣтъ причины ему безпокоиться своимъ будущимъ. Послѣ этой дружеской бесѣды о разныхъ разностяхъ, въ которой мнимый монахъ болѣе вымышлялъ, чѣмъ сущую правду говорилъ; опорожнивъ принесенный съ напиткомъ сосудъ, наши собесѣдники, пожелавъ себѣ покойной ночи, разстались. Нашъ эпитимистъ—frater Gaudentius, послѣ этой хмѣльной бесѣды, едва успѣлъ раздѣться и положиться, тотъ часъ уснулъ самимъ крѣпкимъ сномъ. Утромъ довольно поздно пробудившись отъ долгаго сна, онъ увидѣлъ себя не въ келліи монастырской, а въ комнатѣ гостиннаго дома; сперва онъ думалъ что это ему такъ представляется во снѣ; но вставъ съ постели, пройдясь по комнатѣ и увидѣвъ свой прежній свѣтскій костюмъ, онъ тогда только убѣдился, что это не сонное представленіе, а сущая дѣйствительность; онъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, благодаря Господа душевно за избавленіе изъ западни неволи и началъ поскорѣе одѣваться въ свой костюмъ, оглядываясь во всѣ стороны—нѣтъ-ли гдѣ и монашескаго платья въ комнатѣ. Тутъ-же явился къ нему еврей, хозяинъ гостинницы, вмѣстѣ съ его кучеромъ (котораго увѣряли, что будто его панъ куда-то поѣхалъ и велѣлъ ожидать на мѣстѣ); послѣ нѣкоторыхъ распросовъ, Мартусѣвичъ окончательно удостовѣрился въ томъ, что эту всю комедію съиграли съ нимъ

кастелянъ Мелецкій и его придворный штатъ. Затѣмъ Мартусѣвичъ, благодаря Господа отъ всей души, что этимъ кончилась его бѣда, и вырвавшись какъ изъ огня, изъ когтей людоѣда этой околицы Мелецкаго, не долго думая простился съ хозяиномъ гостинницы, сѣлъ въ свой экипажъ и поскорѣе удралъ въ путь, оглядываясь нѣтъ-ли за нимъ какой погони отъ Мелецкаго...

А вотъ еще одинъ образчикъ деспотическаго своеволія польскихъ магнатовъ, или уголовное дѣло, случившееся въ другой половинѣ XVIII-го столѣтія, около 1768 года, за короля Понятовскаго. Сынъ богатаго пана воеводы Потоцкаго Станиславъ Потоцкій [1]), забравъ знакомство съ довольно порядочнымъ дворянскимъ домомъ старосты Комаровскаго, страстно влюбился въ его дочь панну Марію. Зная хорошо, что гордый своимъ происхожденіемъ и богатствомъ отецъ его панъ воевода, ни за что не согласится на брачный союзъ его сына съ дочерью мелкаго дворянина, какимъ былъ Комаровскій въ сравненіи съ магнатомъ Потоцкимъ; онъ рѣшился съ согласія родителей Маріи, мимо вѣдома своего отца, сочетаться съ нею тайнымъ бракомъ, что и послѣдовало. Когда объ этомъ тайномъ обвѣнчаніи сына съ Комаровскою воевода получилъ свѣдѣніе отъ своихъ шпіоновъ, онъ пришелъ въ изступленіе гнѣва и ярости поступкомъ сына и дерзкою рѣшимостію Комаровскихъ, и тутъ-же поклялся своимъ гоноромъ, во-что бы ни-стало расторгнуть немедленно связь сына съ Маріею и съ ея родителями. Исполненіе своей гордой неукротимой воли, по сказанному предмету, онъ поручилъ нѣкоторымъ своимъ придворнымъ, готовымъ рѣшиться на всякіе

[1]) Это тотъ самый Потоцкій, который въ 1793 году былъ маршаломъ тарговицкой конфедераціи, которому украинская поэзія поетъ извѣстную въ Украинѣ пѣсеньку: Ой ты Потоцкій, воеводскій сыну, ты изгубывъ Польшу, и всю Украину и т. д.

*

азартные и противозаконные поступки, для угожденія замысламъ и капризамъ своего пана, въ надеждѣ получить щедрое вознагражденіе. Тогда было время запустоваго карнавала; главный ваташка порученности Потоцкаго призналъ это время по своему вычисленію самымъ удобнѣйшимъ къ исполненію преступнаго замысла, противъ дочери Комаровскихъ Маріи предпринятаго. Затѣмъ посовѣтовавшись еще съ воеводою, онъ взялъ съ собой нѣсколько удальцовъ изъ дворни Потоцкаго, игравшихъ на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ, также нѣсколько придворныхъ гайдуковъ, словомъ, столько, сколько по его расчету нужно было взять, чтобы справиться успѣшно съ этимъ дѣломъ, кромѣ того, онъ еще взялъ съ собой хорошій запасъ напитковъ для угощенія кого нужно будетъ. Въ такомъ порядкѣ эта вся честная компанія отправилась въ деревню, гдѣ жилъ староста Комаровскій съ своимъ семействомъ; цѣль ихъ была: схватить и увезть съ собой ихъ дочь Марію.

Мы уже сказали, что это было время запустоваго карнавала (Bachusowe dnie), время пьянства и всякихъ легкомысленныхъ забавъ и дебушерствъ, освященныхъ модою и обычаемъ, особенно въ тѣ разгульныя времена. Шляхта цѣлыми бандами въ маскахъ и безъ масокъ, знакомые и незнакомые, какъ-бы свалившись съ неба, толпой прибывали въ шляхетскіе дома, иногда вмѣстѣ съ музыкой, чтобы погулять, потанцовать и повеселиться въ шумной компаніи; этотъ обычай ѣздить цѣлыми бандами изъ одного селенія въ другое, отъ одного дому къ другому, въ запустные дни, болѣе недѣли продолжавшіеся, назывался у давнихъ поляковъ «kulig», или ѣздить—kuligiem. Въ такое-то разгульное время высланная воеводой Потоцкимъ шайка похитителей прибыла вечеромъ въ домъ Комаровскаго, въ значительномъ числѣ лицъ, изъ коихъ нѣкоторые были замаскированы, имѣя съ собой въ за-

насѣ и музыкальные инструменты. Они отрекомендовались фальшивыми прозваніями; хозяинъ дому, не подозрѣвая въ нихъ никакихъ злоумышленниковъ, принялъ ихъ радушно какъ честныхъ и добрыхъ людей. Ихъ начали потчивать разными напитками и закусками, но они велись на этотъ случай воздержно, чтобы имъ можно было ловко обдѣлать свое злонамѣренное дѣло; затѣмъ нѣкоторые занялись музыкой, начались танцы, прерываемые отдыхомъ и попойкой, потомъ опять музыка и танцы продолжались довольно долго. Тѣмъ временемъ лакеи и гайдуки этихъ гостей прибирались и знакомились съ домашнею челядью; имѣя въ запасѣ напитки, начали ими потчивать дворню Комаровскаго, а ведя себя воздержно, они ловко старались довести челядь Комаровскаго, особенно мущинъ, въ состояніе совершеннаго опьяненія. Танцы и забавы продолжались довольно долго въ ночь, поселяне этой деревни давно уже предались мирному сну, затѣмъ по расчету ваташки этой честной компаніи наступило время исполнить свое злодѣйское предпріятіе на счетъ дочери Комаровскаго, несчастной Маріи. По данному сигналу, бывшіе въ засадѣ и при экипажахъ гайдуки, одни окружили домъ, другіе ворвавшись въ людскую, перевязали безъ большаго труда пьяную и перепуганную дворскую челядь и потомъ заперли ихъ въ одну комору; такаяжъ участь постигла Комаровскаго и его семейство; никакія просьбы и мольбы не могли смягчить этихъ варваровъ, прислужниковъ пана воеводы Потоцкаго; затѣмъ, дочь хозяина, несчастную Марію, связанную съ зажатымъ ртомъ, эти злодѣи вынесли на дворъ и положили свою добычу въ сани, тогда заперши домъ Комаровскаго съ повязанными, вся эта шайка хищниковъ усѣвшись въ саняхъ, тронулась въ обратный путь. Несчастный Комаровскій въ своемъ испугѣ думалъ, что эта шайка обыкновенныхъ грабителей, прибывшихъ къ нему съ цѣлью ограбить его имущество; но когда утромъ

прибывшіе изъ села люди развязали и освободили изъ заперти челядь, хозяина и его семейство, когда Комаровскій удостовѣрился, что изъ его дому ничего не забрато, а только его дочери Маріи не стало, тогда уже онъ понялъ ясно—какая это была шайка и кто наслалъ ее на его домъ. Но посмотримъ еще какая участь постигла похищенную Марію: намъ не извѣстно какая цѣль была у Потоцкаго, въ похищеніи дочери Комаровскаго, то-есть, что онъ съ нею хотѣлъ сдѣлать, и какое онъ далъ порученіе вожаку высланной шайки, на счетъ ея личности и жизни, а потому нельзя сказать утвердительно, что Потоцкій велѣлъ лишить ее жизни. Послѣ оказалось, что эта несчастная была задушена и брошена похитителями въ рѣку, ея мертвое тѣло, въ скорости послѣ этого происшествія, вытащили рыбаки во время ловли рыбъ. Народная молва оставила преданіе объ этомъ такое, что похитители вовсе не думали лишать ее жизни, а только это послѣдовало по ихъ неосторожности: говорили тогда, что они зажали или завязали ей ротъ для того, чтобы спокойно переѣхать село, гдѣ жилъ Комаровскій, опасаясь, чтобы похищенная крикомъ не разбудила мѣстныхъ жителей, и когда они выѣхали уже за селеніе, тогда бросились развязать ей ротъ, но нашли ее мертвою и потому рѣшились бросить ее въ воду для закрытія своего преступленія. Объ этомъ скандалезномъ происшествіи, Комаровскій завелъ уголовный процесъ противъ воеводы Потоцкаго; но это дѣло по старанію Потоцкаго не кончилось до самой его смерти, и наконецъ постигла его такая участь, какая обыкновенно постигала въ тѣ времена, всѣ подобныя дѣла, случавшіяся между людьми бѣдными и богатыми аристократами.

Еще одинъ разсказъ о деспотическомъ своеволіи магнатовъ польскихъ. Извѣстный въ нѣкоторыхъ памятникахъ и народныхъ преданіяхъ здѣшняго края своими штуками и

фокусами староста Гулевичъ, жившій въ XVII вѣкѣ, часто въ угожденіе своему злобному капризу и прихотливой фантазіи жестоко обижалъ побоями и другими способами евреевъ, жившихъ въ имѣніяхъ его сосѣдей помѣщиковъ, но по случаю или по какому дѣлу явившихся въ имѣніи Гулевича. Помѣщикъ, въ имѣніи котораго жилъ обиженный еврей, иногда тронутый вопіющею несправедливостію и варварскимъ поступкомъ Гулевича, обращался къ нему и требовалъ удовлетворенія обиженнаго еврея, или протестовалъ о его поступкѣ предъ судомъ. Въ такихъ случаяхъ Гулевичъ оригинальнымъ способомъ удовлетворялъ обиду и ходатайство своего сосѣда помѣщика за обиженнымъ евреемъ принесенное: онъ ему дѣлалъ подарокъ или возмездіе евреями жившими въ его имѣніяхъ, и такъ, собравъ значительное число евреевъ разнаго пола и возраста въ одно мѣсто, онъ велѣлъ ихъ класть на фуры такъ, какъ укладываютъ соломенные снопы, притиснувъ ихъ сверху жердью и шнуромъ. Уложенныхъ такимъ варварскимъ способомъ евреевъ на фуры, онъ отсылалъ помѣщику принявшему участіе въ защитѣ обиженнаго имъ еврея, при козацкомъ конвоѣ на мѣсто. Козаки привезши этихъ бѣдныхъ въ дворъ помѣщика, объявляли ему отъ имени Гулевича, что панъ староста низко кланяется ясному пану, и прислалъ ему подарокъ за одного жида цѣлую фуру жидовъ, чтобы не было претензіи, и тутъ же козаки Гулевича выбрасывали свой товаръ, т. е. привезенныхъ евреевъ въ дворѣ помѣщика, и затѣмъ исполнивъ порученіе своего пана, они тогда отправлялись въ путь обратно.

t)

Польскій авторъ Козьмянъ, жившій въ первой половинѣ XVIII вѣка, въ своихъ запискахъ о современныхъ событіяхъ, описалъ, какъ очевидецъ, бывшій въ г. Люблинѣ сеймикъ

слѣдующимъ образомъ: «наши сеймики, говоритъ Козьмянъ, отправлялись лѣтомъ, или раннею осенью; у моего отца нанимался домъ находившійся за іезуитскимъ монастыремъ, безъ оконъ и безъ дверей, предназначенный для ночлега шляхты; съ этою цѣлью возили туда солому и сѣно. Другіе помѣщались по монастырскимъ конюшнямъ и строеніямъ; ѣли они въ монастырскихъ переходахъ (корридорахъ), гдѣ можно было помѣстить заразъ около 80 человѣкъ; по этому смѣняли однихъ другими; тутъ не обходилось безъ дракъ и сценъ. Сперва, тарѣлки и ложки были оловянныя, но такъ какъ шляхта ихъ ломала, или брала въ карманъ, то замѣнили жестяными. Трудно было уберечь столовую утварь: пропадали со стола не только ножи, вилки и ложки, но даже скатерти, поэтому столы стали покрывать полотномъ и прибивать гвоздиками. Однажды во время такого обѣда, вошелъ какой-то шляхтичъ въ сѣрой эпанчѣ съ капишономъ, и протѣснясь къ столу кричалъ: «панове братья! вы ѣдите, а я голоденъ, со вчерашняго дня ничего не ѣлъ»! «А зачѣмъ ты не пришелъ раньше», кричали ему въ отвѣтъ. Шляхтичъ сталъ вырывать у сидящихъ вилки, его оттолкнули отъ стола. Въ это время несли огромную мису съ горячими рубцами (flaki); шляхтичъ бросается на мису, жретъ фляки и обжигается. Тутъ собесѣдники выскакиваютъ изъ-за стола, одни рвутъ у него изъ рукъ мису, другіе дергаютъ его за капишонъ, а иные кричатъ ему: «насыщайся когда голоденъ»—и тутъ же цѣлую мису горячаго кушанья бросаютъ ему въ капишонъ. Шляхтичъ обожженный въ плечи горячими рубцами, кричитъ и скачетъ, собесѣдники бросаются на него съ вилками, чтобы достать рубцы изъ капишона; не попадаютъ въ рубцы и колютъ его въ шею и плечи, наконецъ, срываютъ съ него капишонъ, выкладываютъ рубцы опять въ мису и ѣдятъ».

«Подобный случай видѣлъ я на другомъ сеймикѣ съ блюдомъ пироговъ: схватилъ его голодный шляхтичъ и побѣжалъ; его стали догонять и ворвались въ мое помѣщеніе; шляхтичъ выбросилъ жирные пироги въ каминъ наполненный золою, а другіе отпихнули его прочь, доставали пироги изъ золы и ѣли. На третьемъ сеймикѣ, который былъ лѣтомъ, давали шляхтѣ ужинъ продолжавшійся до свѣчъ; повару пришло въ голову попотчивать гостей компотомъ изъ вишенъ. Сперва шляхта ѣла, а потомъ наскучило имъ выбирать изъ вишенъ косточки; тутъ они стали другъ друга мазать и красить вишневымъ сокомъ, такъ что вся громада казалась окровавленною. Прибывшая вновь шляхта, взглянувъ на нихъ, подумала, что происходила между ними драка и схватились за сабли. Этою шляхтою предводительствовалъ Ходковскій, большой рубака (rębacz), житель села Собѣщанъ. Между селами Тарновкою, Старовесью и Собѣщанами давно уже былъ споръ за первенство; тарновянамъ и старовесьянамъ не нравилось, что первенствуетъ шляхтичъ изъ села, которое они считали меньшимъ. Ходковскій замѣтивъ, что тутъ война идетъ только на вишняхъ, закричалъ: «панове братья! перестаньте дурачиться, объ васъ подумаютъ, что вы рубились». «А вы хотите насъ учить!—закричали Тарновка и Старовесь—мы можемъ васъ научить»! И тутъ же погасивъ свѣчи, они бросились на него саблями. Ходковскій, неустрашимый и довольно сильный, въ темнотѣ отбиваетъ нападеніе; обнаживъ палашъ и опершись плечомъ объ окно, машетъ на всѣ стороны своимъ орудіемъ, обрубливаетъ противникамъ пальцы, задаетъ раны по головамъ и по лицамъ. Тутъ уже брызнуло не вишневымъ сокомъ, а кровью. Нѣкоторые принесли свѣчи и кричали: «братья шляхта! что вы дѣлаете, зачѣмъ проливаете кровь»? и начали разнимать свалку. Тѣ грозятъ, другіе бранятъ, а раненные плачутъ. У Сциборъ и Собѣщанъ не

стало пальцевъ, другіе получили порядочныя царапины по лбу и по щекамъ. Ходковскаго постарались запереть, иначе шляхта изрубила бы его въ куски.

п)

Гоненіе на евреевъ за ихъ вѣру и за то, что ихъ предки убили Іисуса Христа, началось во имя религіи ихъ врагами еще въ V вѣкѣ. Оно продолжалось въ разныхъ странахъ Европы, съ большимъ или меньшимъ ожесточеніемъ, во всѣ средніе вѣка, смотря по духу господствовавшихъ идей, по характеру царствовавшихъ королей и ихъ правителей, а также по вліянію духовенства. Исторія среднихъ вѣковъ указываетъ намъ печальную картину положенія этого несчастнаго народа, вездѣ и постоянно преслѣдуемаго; много ихъ истребили на западѣ Европы крестовые походы: евреи представили тогда обильную пищу яростному изувѣрству крестоносцевъ, во всѣхъ мѣстахъ лежавшихъ имъ на пути къ святымъ мѣстамъ; даже сами императоры нѣмецкіе не могли удержать разъяренной фанатическими идеями толпы крестоносцевъ. Евреи страдали за свои религіозныя убѣжденія, кромѣ того, ихъ гнали, грабили и преслѣдовали подъ разными предлогами вымышленными ихъ врагами. Самое печальное положеніе евреевъ было въ Испаніи, гдѣ инквизиція (sancti officj), необузданныя народныя толпы, подстрекаемыя фанатическими пастырями, истребляли ихъ тысячами. Только принятіемъ христіанства, евреи могли спастись отъ преслѣдованій духовенства и черни. Гоненіе евреевъ въ Испаніи кончилось декретомъ изданнымъ въ 1492 году королемъ Фердинандомъ и его женою королевою Изабеллою, по которому всѣ евреи, жители Испаніи, не хотѣвшіе принять христіанства въ числѣ 800 тысячъ человѣкъ были изгнаны на-всегда.

Въ XIII вѣкѣ появилось самое злое и вмѣстѣ безсмысленное обвиненіе противъ евреевъ, въ употребленіи будтобы ими крови христіанской. Началомъ этого обвиненія были проповѣди одного священника (при Альфонсѣ X, королѣ кастильскомъ) будто евреи не могутъ праздновать своей пасхи (пейсахъ) безъ христіанской крови. Этотъ извѣтъ враги евреевъ старались распространять вездѣ между христіанами; зависть и корыстолюбіе имѣли въ томъ свою цѣль; ибо, гдѣ только случалось такое обвиненіе, тамъ часто все еврейское общество пострадало въ своемъ имуществѣ. Это обвиненіе евреевъ со временемъ приняло широкія размѣры; фанатики и невѣжды серьозно утверждали: будто евреямъ необходимо нужна кровь христіанская для раждающихъ женщинъ, безъ чего имъ весьма трудно родить и что новорожденнымъ дѣтямъ для прозрѣнія мажутъ очи этою кровью; для любовныхъ и волшебныхъ затѣй и для исцѣленія отъ разныхъ болѣзней; для умирающихъ, коимъ будто кладутъ на очи холстинку намоченную въ этой крови, а главное, во время приготовленія опрѣсноковъ (мацысъ) на праздники пейсахъ и тогда же до вина ими вообще употребляемаго.

Это обвиненіе евреевъ, не смотря на свою нелѣпость противную здравому смыслу, не смотря что по еврейскимъ законамъ воспрещено употребленіе всякой крови, навело на еврейскія общества, въ разныхъ вѣкахъ и въ разныхъ странахъ Европы много страданій, много бѣдъ [1]). Объ этомъ обвиненіи производились въ разныхъ мѣстахъ уголовные процесы, разорительные всегда для еврейскихъ общинъ, изъ коихъ многіе при такихъ дѣлахъ подвергались разграбленію

---

[1]) Тутъ оправдалось изреченіе римскаго философа Цицерона: «Nihil est incredibile, quod dicendo credibile non fiat». то-есть: нѣтъ вещи невѣроятной, которую посредствомъ частаго повторенія не можно бы сдѣлать вѣроятною.

ожесточенной христіанской черни. Для достиженія цѣли обвиненія, враги евреевъ нарочно подбрасывали близко еврейскихъ жилищъ тѣла умершихъ, а по большей части незаконорожденныхъ дѣтей, этихъ жертвъ несчастной любви и дикаго предразсудка, предающаго ихъ на всю жизнь анаѳемѣ и отверженію, а ту которая ихъ родила на свѣтъ, вѣчному презрѣнію; для избѣжанія котораго, эти несчастныя женщины (особенно въ тѣ времена жестокаго фанатизма) весьма часто преодолѣвъ священное материнское чувство, рѣшались на истребленіе чужою, а иногда даже собственною рукою, этихъ несчастно-рожденныхъ существъ [1]). Тѣла такихъ-то дѣтей

[1]) При настоящемъ разсказѣ, почти мимовольно пришлось намъ задуматься надъ плачевною участью этихъ несчастныхъ жертвъ людскихъ предразсудковъ, а потому считаемъ долгомъ нашей совѣсти, высказать вкратцѣ наши мысли по сему предмету; авось найдутся люди стоящіе на высшихъ ступеняхъ образованія и человѣческаго правосудія, которые обратятъ свой взглядъ на страждущее безвинно человѣчество... Мимо просвѣщенія и гуманныхъ принциповъ, коими гордится наше столѣтіе, опытъ доказываетъ, что этотъ дикій предразсудокъ, противный чувствамъ человѣческаго сердца, достойный временъ варварскихъ, предразсудокъ, предающій отверженію на всю жизнь невинныхъ дѣтей, рожденныхъ на свѣтъ не по правиламъ холоднаго закона, а по чувству любви, еще и теперь имѣетъ вліяніе на участь этихъ несчастныхъ жертвъ, явившихся въ міръ по волѣ ихъ родителей и по абсолютному распоряженію матери-природы, наслаждаясь ихъ нравственными страданіями... Главные принципы европейскихъ законодателей гласятъ, что лучше десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго губить, что каждый человѣкъ подлежитъ отвѣтственности и взысканію, только за собственныя дѣйствія: однакожъ, эти несчастныя жертвы—дѣти любви, едва увидѣвъ Божій свѣтъ, они уже осуждены на вѣчное отверженіе и на общее презрѣніе... Увы, какая жестокая несправедливость встрѣчаетъ этихъ несчастныхъ, не только со стороны равнодушнаго общества, но и со стороны закона, который вмѣсто покровительства несчастнымъ, невиннымъ, лишая ихъ имени и правъ семейныхъ, отчуждаетъ дѣтей отъ собственныхъ родителей даже тогда, когда эти родители повинуясь чувству своей совѣсти, добровольно ихъ признаютъ своими дѣтьми!! И за что же ихъ такъ жестоко караютъ? За то, что они родились на свѣтъ не по правилу написанному на бумагѣ, а по закону природы, написанному на сердцѣ человѣка, ихъ караютъ за волю или за ошибку родителей... да какою еще жестокою карою—продолжающеюся чрезъ всю ихъ жизнь: они, бу-

(иногда даже взрослыхъ), на которыя суевѣры смотрѣли какъ на трупы животныхъ, зарывали нарочно въ кучахъ навоза или въ другомъ удобномъ мѣстѣ, близко еврейскихъ жилищъ находящихся, а потомъ сами зарыватели, или ихъ соучастники, старались будто нечаяннымъ образомъ открыть зарытое въ навозѣ тѣло, съ умысломъ заранѣе обдуманнымъ, чтобы обвинить еврейское общество въ мнимомъ преступленіи дѣто-

---

дучи закономъ отчуждены отъ родителей, отъ своей семьи и родныхъ, дѣлаются одинокими, лишними въ обществѣ людей, словомъ, отверженными существами, блуждающими въ чуждомъ для нихъ мірѣ!!.. Ужасъ подумать, какая печальная участь, какая жестокая несправедливость, какая тиранская месть постигаетъ существа совершенно невинныя!! Пусть никого не удивляютъ эти слова: мы видѣли собственными глазами печальныя послѣдствія этой несправедливости со стороны закона и людей; мы видѣли ужасные примѣры страданій; мы видѣли личности самыхъ благородныхъ качествъ ума и сердца, которыя, единственно по причинѣ брошенной на нихъ анаѳемы за ихъ несчастное рожденіе, были отчуждены отъ своей семьи и родныхъ; вели самую печальную, самую страдальческую жизнь до гроба..! ихъ жизнь была отравлена самыми ужасными нравственными мученіями и можно бы сказать, что они прошли своею жизнію адъ страданій сего міра—и за что страдали? за свое несчастное рожденіе..! Признаться, что мы, продолжая нашъ трудъ, при другихъ мысляхъ, печаянно блеснула какъ бы молнія, посторонняя мысль, припомнившая намъ горькую участь этихъ несчастныхъ страдальцевъ, врѣзавшаяся глубоко въ нашу память; а потому, мы рѣшились высказать здѣсь наши мысли, относящіяся къ общей участи подобныхъ имъ несчастныхъ жертвъ людской несправедливости, до которой увы! примѣнились и нѣкоторые европейскіе законодатели своими уставами, взявъ за образецъ судъ и рѣшеніе римскаго правителя пилата, который, угождая желаніямъ ослѣпленной злобою толпы, вопреки убѣжденію своей совѣсти, хладнокровно рѣшилъ предать распятію невиннаго.... О вы, боги земные! держащіе въ своихъ рукахъ вѣсы справедливости и правосудія, законодатели людей! обратите свой взглядъ и вникните чувствомъ совѣсти, чувствомъ человѣческаго сердца въ горестную участь этихъ отверженныхъ, этихъ несчастныхъ, этихъ невинныхъ существъ, подайте имъ руку защиты и освободите ихъ изъ этого адскаго положенія, изъ этого нравственнаго гроба, въ который ихъ повергаютъ, за-живо, слѣпой предразсудокъ и жестокая несправедливость; вѣдь-же спасти несправедливо гонимыхъ, поднять отверженныхъ, есть не только дѣло великодушія, но и обязанность совѣсти каждаго благомыслящаго просвѣщеннаго человѣка...............

убійства, для пріобрѣтенія будтобы нужной христіанской крови.

Это ужасное обвиненіе евреевъ, не существовавшее до XIII вѣка, возникло во время полнѣйшаго умственнаго мрака и лютѣйшаго фанатизма. Оно было печальною участью слабѣйшаго, который, какъ извѣстно, почти всегда виноватъ въ глазахъ сильнѣйшаго; при томъ, большая часть людей неимѣютъ собственныхъ убѣжденій и обыкновенно или слѣпо подражаютъ мнѣнію другихъ, или-же носятъ на себѣ такую маску, которая даетъ имъ больше матеріальныхъ выгодъ. Кому извѣстна исторія первыхъ вѣковъ христіанства и гоненіе дознанное христіанами отъ язычниковъ, тому не будетъ удивительнымъ, что это дикое обвиненіе евреевъ нашло сочувствіе и вѣру у христіанскихъ народовъ. Тамъ мы видимъ, въ какихъ ужасныхъ преступленіяхъ большинство язычниковъ обвиняло меньшинство христіанское, т. е. въ людоѣдствѣ и кровосмѣшеніи, въ тайныхъ убійствахъ и поджигательствахъ [1]). Изъ римской и греческой исторіи видимъ, какъ язычники давнихъ временъ преслѣдовали въ свою очередь евреевъ, почитая ихъ безбожниками (атеистами), единственно потому, что у евреевъ не видно было никакихъ изображеній божества. Когда народная масса повѣрила въ людоѣдство евреевъ, тогда уже не было недостатка въ доказательствахъ, свидѣтельствахъ, очевидныхъ признакахъ умерщвленныхъ евреями христіанскихъ дѣтей, даже въ собственныхъ признаніяхъ, сдѣланныхъ обвиненными во время истязаній пытками предъ судомъ, коихъ не могли выдержать. Это несправедливое обвиненіе часто навлекло на еврейскія общины въ разныхъ странахъ Европы, а въ томъ числѣ и въ Польшѣ, множество

[1]) Объ этомъ обвиненіи христіанъ, довольно прочесть апологію (оборону) христіанскаго оратора Тертуліана, изданную въ III вѣкѣ, въ защиту христіанъ того времени, предъ римскимъ правительствомъ.

мученическихъ смертей, пытокъ, казней, ограбленій и тюремныхъ заключеній. Издатель свода польскихъ законовъ ксендзъ-піяръ Островскій (Zbiòr praw polskich. Warszawa. 1787 г.) вспоминая объ этомъ обвиненіи евреевъ въ Польшѣ, говоритъ, что по производившемуся однажды въ Польшѣ подобнаго рода уголовному процесу, противъ обвиненныхъ евреевъ, по ихъ апелляціи сдѣлано было представленіе папѣ Климентію XIII, который разрѣшилъ это обвиненіе въ пользу евреевъ, указавъ своимъ декретомъ, что по закону евреевъ, всякая кровь къ употребленію воспрещается.

Подобныя этому обвиненія взведены были противъ евреевъ въ этомъ-же періодѣ. Всякое несчастіе, постигавшее христіанское общество, голодъ, моръ, саранча и т. п. приписывалось беззащитнымъ евреямъ. Когда въ 1348 году, въ многихъ странахъ Европы распространилась чума, отъ которой евреи жившіе болѣе умѣренно, и при томъ болѣе свѣдущіе въ медицинѣ, менѣе страдали чѣмъ христіане; то говорили, что евреи отравляютъ колодцы и даже серьозно увѣряли, что они отравили весь Рейнъ и Дунай. Никто даже не подумалъ о томъ, что изъ тѣхъ-же колодцевъ сами евреи также брали воду. Говорили еще, что евреи стараются распространять свои болѣзни между христіанами, чтобы ихъ истребить. И какъ не было недостатка въ свидѣтельствахъ о найденныхъ въ разныхъ источникахъ мѣшкахъ, наполненныхъ ядами и разными вредными смѣсями; то это нелѣпое обвиненіе распространилось почти во всѣхъ городахъ Германіи, Швейцаріи и значительной части Франціи; за это несчастные евреи были истреблены тысячами.

Рядомъ съ обвиненіями евреевъ въ употребленіи христіанской крови и въ отравленіи ядами колодцевъ появилось другое еще болѣе нелѣпое обвиненіе, находившее однакожъ довѣріе легкомысленной толпы и фанатическихъ невѣждъ. Это

обвиненіе заключалось въ томъ: будто евреи разными способами, а особенно посредствомъ служащихъ у нихъ христіанъ, доставали изъ церквей освященныя просфоры (гостію), ихъ прокалывали ножомъ, сопровождая это действіе проклятіями и богохульными насмешками. Не смотря на всю безсмысленность такого обвиненія, не имевшаго никакой разумной цели, такъ какъ евреи не верятъ въ преображеніе проскомидіи въ тело Христово, при томъ сопряженнаго съ опасностію употребляемыхъ къ тому средствъ, т. е. посредничества христіанъ, безъ коихъ никакъ имъ не возможно было достать изъ церкви гостіи, для такой сумазбродной потехи; однакожъ, оно находило доверіе въ многихъ странахъ Европы и причиняло евреямъ истязанія, преследованія и смерть. Въ Деггендорфе, маленькомъ местечке при Дунае, въ Баваріи, все евреи были умерщвлены, на основаніи распространившагося тамъ слуха, будто они ночью прокололи просфору и чудеснымъ образомъ изъ нея потекла кровь умершаго на кресте Іисуса Христа. Еще въ XVIII веке число пилигримовъ, отправлявшихся въ Деггендорфъ на поклоненіе оскверненной святыни (гостіи) простиралось около 70 тысячъ въ годъ.

А вотъ еще одно нелепое обвиненіе, которое мимовольно сами евреи навлекли на себя со стороны враговъ, невеждъ и фанатиковъ. У евреевъ установленъ около 500 летъ до рождества Христова ежегодный праздникъ называемый Пуримъ, бывающій обыкновенно въ марте месяце, въ память избавленія ихъ націи отъ жестокаго врага Амана, перваго министра и любимца персидскаго короля Асвера. Для потехи и въ знакъ общей радости, евреи некоторыхъ странъ нарочно делали восковую куклу, изображавшую ихъ врага Амана. Эту куклу они приносили въ собраніе своего общества, где при чтеніи исторіи Естеры королевы персидской и постигшей гибели Амана, евреи издевались затейливыми шутками надъ

куклой изображавшей ихъ врага Амана. Враги евреевъ, или по незнанію исторіи Амана, или просто по ненависти питаемой къ евреямъ, взяли эту шутку за предлогъ къ обвиненію евреевъ, будто они въ своихъ синагогахъ издѣваются надъ изображеніемъ особы Христовой, и разными неприличными способами богохульствуютъ Его имя. Это все намъ доказываетъ, какъ часто невѣжество, фанатизмъ и личная злоба употребляютъ самые ничтожные предлоги, самыя неосновательныя подозрѣнія и ложные слухи къ достиженію своихъ неблаговидныхъ цѣлей, оскорбляющихъ религію, справедливость и человѣчество.

v)

Въ нѣкоторыхъ польскихъ провинціяхъ между мало-образованнымъ народомъ было повѣрье противное религіи и здравому смыслу, воспоминаніе котораго еще и теперь существуетъ между чернію, что будто чародѣи или вѣдьмы (въ чемъ особенно подозрѣвали сельскихъ женщинъ), не только отнимали молоко у коровъ своихъ сосѣдей и имъ вредили разными колдовскими средствами, по личной къ нимъ злобѣ, но еще по своей связи съ нечистою силою злыхъ духовъ устраняли собирающіяся на горизонтѣ дождевыя тучи, по какой причинѣ случались лѣтняго времени большія засухи вредныя растеніямъ. Въ такихъ случаяхъ собирались на совѣтъ почетные хозяева мѣстной громады, за вѣдомомъ сельской администраціи и мало-образованныхъ приходскихъ священниковъ того времени, увлекавшихся часто народнымъ суевѣріемъ, радить—какъ бы отвратить это зло и привлечь на горизонтъ дождевыя тучи. На такихъ премудрыхъ совѣтахъ обыкновенно рѣшали—какихъ именно въ этомъ селѣ женщинъ слѣдуетъ подозрѣвать въ колдовствѣ и считать вѣдьмами задерживающими силою злаго духа ожидаемый дождь. Въ силу этого приговора громадскихъ

людей, собирали указанныхъ ими женщинъ и мимо ихъ воли безъ церемоніи вели къ мѣстному пруду; тамъ ихъ раздѣвали, связывали имъ по своему понятію руки и ноги, потомъ ихъ пускали или бросали на поверхность воды, разумѣется въ мѣстахъ не глубокихъ. Эти суевѣры были въ томъ убѣжденіи, что та женщина, которая не погрузится въ воду, а держится на ея поверхности, есть непремѣнно колдунья (вѣдьма) и виновница въ недопущеніи дождя въ этой мѣстности. Послѣ этой операціи, съ уличенною такимъ способомъ въ колдовствѣ, поступали по рѣшенію этого премудраго совѣта. Легко себѣ представить, сколько эти бѣдныя женщины могли пострадать безвинно отъ этого варварскаго суевѣрія и обычая, тогда какъ физически послѣдствія этой операціи зависѣли не отъ колдовства, а отъ органическаго устройства груди и пузыря погружаемой въ воду женщины; но невѣжи этого не понимали, и потому превратно объ этомъ судили.

x)

Кое-что объ Іезуитахъ.

Мы уже сказали, что цѣль установленія ордена іезуитовъ была: служеніе товарищами Інсуса (Societatis Iesu) страждущему человѣчеству и распространеніе христіанскаго ученія, при соблюденіи строгой нравственности, человѣколюбія и нищеты. Съ начала оно такъ и было. Но со временемъ принципы и стремленія іезуитовъ приняли совершенно иной видъ, иное направленіе. Іезуиты вмѣсто христіанскаго ученія, подъ маскою религіи и іерархическихъ учрежденій, начали вмѣшиваться въ дѣла свѣтскія и политическія, вліять разными средствами на государей и ихъ министровъ. Ихъ пропаганда вмѣсто набожности и христіанскаго миролюбія, приняла видъ коварства и наглаго преслѣдованія тѣхъ, которые не соглашались съ ихъ мнѣніемъ, или оказались противными ихъ цѣлямъ и

матеріальнымъ пользамъ. Вмѣсто предписанной уставами ордена нищеты, они стяжали огромныя богатства разными мірскими хитростями, несообразными съ духовно-монашескимъ призваніемъ. Но хуже всего было то, что для достиженія предположенной цѣли никакія средства не были для нихъ предосудительными: ложь, клятвопреступничество, подлогъ, обманъ, клевета, даже убійство, служили для нихъ обыкновенными орудіями; ибо по нхъ принципамъ—цѣль освящаетъ принятыя средства.

Уставы и правила этого ордена долгое время были покрыты непроницаемымъ мракомъ тайны: они были извѣстны только главнымъ ихъ начальникамъ. По ихъ ученію, власть генерала ордена была неограничена, которой слѣдовало повиноваться безусловно, какъ самому Іисусу Христу, а его предписанія исполнять какъ религіозные догматы, хотя бы они были противны законамъ и совѣсти. Правила общества Іисуса (Societatis Iesu) такъ долго оставались тайной, что наконецъ явилось сомнѣніе существуютъ-ли у нихъ какія-либо правила. Наконецъ, орденъ въ первый разъ напечаталъ свои правила въ 1584 году, когда онъ уже распространился по всему свѣту и достигъ высокой степени могущества. Но эти книги предназначались для чтенія только членамъ ордена, которымъ строго запрещалось показывать ихъ постороннимъ. Но и въ этихъ книгахъ для осторожности не помѣщались всѣ правила ордена; важнѣйшія существовали только въ рукописяхъ и въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, такъ—чтобы они были доступны только высшимъ членамъ ордена.

Но въ мірѣ нѣтъ ничего сокровеннаго, которое-бы время и стеченіе обстоятельствъ не открыли и не вывели на яву. Когда въ Парижѣ въ другой половинѣ XVIII вѣка возникъ важный процесъ противъ іезуитовъ о банкротствѣ по комерческимъ дѣламъ, въ которыхъ повѣреннымъ іезуитовъ былъ

о. Лавалетъ, и по неосторожности послѣдняго, случайно доставленъ былъ въ парижскій парламентъ кодексъ устава ордена іезуитскаго (Corpus institutorum); тогда послѣ его разсмотрѣнія оказалось, что нѣкоторыя правила ордена, а равно нравственные принципы богослововъ этого общества были противными религіознымъ принципамъ, христіанской нравственности и общественному благу. Тогда по распоряженію парламента изслѣдовано учеными много іезуитскихъ сочиненій: результатомъ этого изслѣдованія было запрещеніе, конфискація и сожженіе палачемъ подъ большою лѣстницею парламентскаго дворца многихъ сочиненій изданныхъ іезуитами. Вредные принципы ихъ ученія обнаружены были также португальскимъ правительствомъ и другими; тогда только цивилизованный міръ узналъ образъ мыслей и характеръ членовъ этого ордена.

Кромѣ иныхъ вредныхъ принциповъ ихъ ученія, іезуиты считали убійство въ нѣкоторыхъ случаяхъ дозволительнымъ, и даже прямо утверждали, что человѣкъ можетъ убивать своихъ враговъ, если того требуетъ сохраненіе его собственной жизни или чести; они еще учили и высказывали въ своихъ проповѣдяхъ, что подданные могутъ отдѣлаться отъ недостойнаго государя посредствомъ яда или ножа. Это ученіе можно встрѣтить въ сочиненіи іезуита Мартина Бекана подъ заглавіемъ «Opuscula Theologica». По ученію іезуитовъ, отлученнаго папою отъ римской церкви дозволяется каждому убить на всякомъ мѣстѣ. Италіанскій іезуитъ Паоло Комитоло въ сочиненіи «Decisiones Morales» (кн. IV) пишетъ: «Дозволительно убить всякаго, кто несправедливо обижаетъ, будь то генералъ, принцъ или король; своя жизнь дороже чужой, а правитель обижающій своихъ подданныхъ, подобенъ дикому, хищному звѣрю, котораго надо истребить». По плану политики кабинета испанскаго, римской столицы и іезуитовъ,

предпринято было подчинить Францію королю испанскому Филиппу, къ исполненію этого плана былъ помѣхой король французскій Генрихъ IV, которому (хотя онъ принялъ католицизмъ) не довѣрялъ ни Римъ, ни іезуиты, называя его волкомъ надѣвшимъ овечью шкуру; за это дѣло взялись іезуиты. О. Жакъ Комоле, проповѣдуя въ Парижѣ, въ одно воскресенье 1594 г. взялъ въ текстъ проповѣди разсказъ книги Судей ветхаго завѣта о томъ, какъ Аодъ убилъ моавитянскаго царя и при томъ воскликнулъ: «намъ нуженъ Аодъ, намъ необходимъ второй Аодъ, будь онъ изъ монаховъ, воиновъ или пастуховъ»; этимъ онъ явно намекалъ на короля Генриха IV. Слѣдствіемъ чего и явились послѣдователи ученія благочестивыхъ патеровъ-іезуитовъ, рѣшившихся на убійство этого короля. Первый разъ явился Барьеръ, потомъ Шатель, но ихъ покушенія не удались; наконецъ, по наущенію Рима и іезуитовъ, явился третій разъ въ 1610 году Францъ Равельякъ, вонзившій ножъ среди бѣлаго дня въ короля Генриха IV. По причинѣ подобныхъ подстрекательствъ со стороны духовенства, Жакъ-Клеманъ доминиканецъ убилъ ножомъ французскаго короля Генриха Валуа, а послѣ этого цареубійства духовенство парижское служило въ церквахъ благодарственное молебствіе (Te Deum laudamus), и убійца Жакъ-Клеманъ прославлялся въ проповѣдяхъ мученикомъ вѣры католической. Подобнымъ образомъ съ наущенія іезуитовъ, Роберъ-Франсуа Даміене покушался убить короля французскаго Людовика XV; слѣдствіемъ чего, по настаиванію министра Шуазеля и герцогини Помпадуръ, іезуиты, по рѣшенію парижскаго парламента, были изгнаны изъ Франціи. Подобное преступленіе совершилось, по старанію іезуитовъ, надъ принцемъ Вильгельмомъ Оранскимъ въ другой половинѣ XVI вѣка; до него прежде стрѣлялъ Хуарегви, но не удачно; онъ былъ разсѣченъ въ куски на мѣстѣ преступленія придвор-

ными принца, но изъ найденныхъ при немъ бумагъ узнали, кто имъ руководствовалъ. Послѣ того, Бальтазаръ-Герардъ выстрѣлилъ изъ пистолета прямо въ животъ принца и ранилъ его смертельно: на допросахъ преступникъ сознался, что имъ руководили іезуиты; они на исповѣди укрѣпляли его обѣщаніями царствія небеснаго и причисленіемъ къ лику св. мучениковъ.

Между разнородными, противными религіи и нравственности дѣйствіями іезуитовъ, доказывающими, какъ они не были разборчивы въ средствахъ ими употребляемыхъ, лишь бы достигнуть своей цѣли, мы находимъ въ памятникахъ ихъ миссіи въ Китаѣ ими учрежденной, что они для привлеченія къ себѣ туземцевъ, не только одѣвались такъ, какъ тамошніе языческіе жрецы одѣваются, но даже къ церковнымъ христіанскимъ обрядамъ присовокупляли языческіе обряды китайцевъ. Это дошло до свѣдѣнія папъ, а потому папы разновременно посылали въ Китай своихъ пословъ для удостовѣренія о истинѣ полученныхъ противъ іезуитовъ обвиненій; между посылаемыми были такіе, которые обнаруживъ истину, доносили папамъ и въ ихъ имени запрещали іезуитамъ мѣшать обряды и жертвы языческіе съ обрядами вѣры христіанской; но іезуиты разными клеветами старались затмить истину получаемыхъ папами донесеній о ихъ злоупотребленіяхъ и своими хитрыми изворотами уклонялись отъ буквальнаго исполненія предписаній римской столицы. Для краткости нашего очерка, минуя обширный историческій выводъ о нескольколѣтнихъ возмущеніяхъ, произведенныхъ въ американскихъ владѣніяхъ Португаліи патерами іезуитами, желавшими завладѣть самостоятельно обширнымъ и богатымъ краемъ Парагвая, принадлежавшемъ Португаліи, а потому іезуиты рѣшились вооружить туземцевъ Парагвая противъ португальскаго правительства, съ намѣреніемъ ниспровергнуть власть короля надъ

этимъ краемъ. Послѣ уничтоженія этихъ затѣй и послѣ разныхъ столкновеній возникшихъ по разнымъ причинамъ между іезуитами Португаліи и тамошнимъ министромъ герцогомъ Помбалемъ, надъ которымъ іезуиты, не смотря на свое могучее вліяніе при португальскомъ дворѣ, никакъ не могли восторжествовать, іезуиты лишены покровительства короля въ своихъ состязаніяхъ съ врагомъ Помбалемъ, рѣшились отмстить самому королю, къ чему скоро представился случай. Нѣкоторые изъ грандесовъ Португаліи, питавшіе негодованіе противъ своего короля Донъ-Іосифа I, составили противъ него заговоръ, въ которомъ также приняли участіе іезуиты, имѣвшіе надежду, что послѣ смерти этого короля, при его наслѣдникѣ Донъ-Педро они успѣютъ возвратить себѣ прежнее значеніе и могущество въ Португаліи. Затѣмъ въ совѣтѣ заговорщиковъ рѣшено было: лишить жизни короля Донъ-Іосифа I, и ночью съ 2 на 3 сентября 1758 г., во время возвращенія короля въ замокъ, были сдѣланы противъ него три мушкетные выстрѣла, изъ которыхъ одинъ выстрѣлъ тяжело ранилъ короля въ руку. Послѣ произведеннаго объ этомъ происшествіи изслѣдованія, открывшаго заговорщиковъ, послѣдовало рѣшеніе, исполненное по всей строгости тогдашняго времени надъ виновными въ заговорѣ и покушеніи на жизнь короля; слѣдствіемъ этого рѣшенія всѣ іезуиты были изгнаны изъ Португаліи.

Король англійскій Генрихъ VIII запретилъ, но не уничтожилъ католицизмъ въ Англіи. При его дочери Маріи (кровожадною прозванной) протестанты тысячами погибли на эшафотахъ. Преемница ея Елисавета была протестантка, однако положеніе католиковъ при ней было сносно потому, что она была чужда религіознаго фанатизма, требуя только политическаго повиновенія. Католики могли бы пользоваться свободой религіи, еслибы согласились быть вѣрноподданными

королевы; большинство ихъ, вѣроятно, приняло бы это условіе, еслибы не происки ультра католической партіи и іезуитовъ. Они не довольствовались терпимостію: они хотѣли владычествовать и съ этою цѣлью истребить протестантизмъ—и по прежнему подчинить Англію Риму, папѣ и духовному игу.

Вслѣдствіе этихъ затѣй, возникъ рядъ искушеній на жизнь Елисаветы и ея преемника Іакова I, дабы возвести на престолъ другихъ членовъ англійской королевской фамиліи, слѣпо преданныхъ католицизму и іезуитамъ. Дѣло началъ самъ папа Павелъ IV, предавъ Елисавету проклятію и объявивъ ее похитительницей престола и незаконнорожденною. Тогда изъ іезуитскихъ коллегій выходили агенты революціи, возбуждавшіе мятежи и покушавшіеся на жизнь королевы; іезуиты возбуждали въ нихъ такой фанатизмъ, что они не боялись никакихъ трудовъ и опасностей и даже желали мученической смерти. Іезуиты дѣйствовали противъ королевы Елисаветы систематично и много лѣтъ готовились нанесть ея власти рѣшительный ударъ; но въ теченіе этого времени случилось многое невыгодное для ихъ плановъ. Наконецъ въ 1581 г. они рѣшились убить королеву Елисавету, освободить изъ-подъ ареста Марію Стюартъ и провозгласить ее королевой Англіи. Но шпіоны королевы Елисаветы, прикинувшіеся гонимыми католиками, проникли въ іезуитскія коллегіи и тамъ узнали цѣлый планъ заговора противъ королевы. Слѣдствіемъ чего, прибывшіе въ Англію іезуиты для исполненія составленнаго плана, при помощи тамошнихъ заговорщиковъ были схвачены и повѣшены вмѣстѣ съ другими. Затѣмъ правительство издало строгіе указы противъ іезуитовъ и всѣхъ состоящихъ съ ними въ сношеніяхъ. Послѣ этого неудавшагося заговора, опять послѣдовалъ другой заговоръ и въ такомъ же духѣ, іезуиты нашли себѣ новаго агента въ лицѣ Вильяма Парри, котораго замыселъ открылъ двоюродный его

братъ. Въ 1586 г. іезуиты опять устроили заговоръ на жизнь королевы Елисаветы, исполнителемъ котораго имѣлъ быть католикъ Антони Бабингтонъ, молодой человѣкъ изъ хорошей фамиліи; но и тутъ случай спасъ королеву. Слѣдствіемъ этого заговора были процесъ и казнь Маріи Стюартъ, которой подъ предлогомъ что она состояла въ сношеніяхъ съ заговорщиками отрубили голову 8 февраля 1587 г. Послѣ этого, іезуиты еще затѣвали нѣсколько покушеній на жизнь этой королевы, но она была охраняема многочисленными шпіонами, а потому всѣ заговоры кончились гибелью самыхъ заговорщиковъ; а Елисавета, какъ бы шутя надъ всѣми замыслами и предпріятіями іезуитовъ, спокойно умерла 24 марта 1603 года. Но тутъ еще не былъ конецъ іезуитскимъ козням безпокоившимъ Англію, какъ увидимъ изъ дальшаго разсказа.

Смерть королевы Елисаветы обрадовала католиковъ, вступленіемъ на англійскій престолъ сына казненной Маріи Стюартъ Іакова I, при которомъ они надѣялись добиться не только свободы, но и господства въ Англіи, особенно іезуиты бывшіе лучшими друзьями его матери. Но король Іаковъ, любя больше всего спокойствіе, по совѣту своего министра графа Салисбури, подтвердилъ запрещеніе іезуитамъ пріѣзжать въ Англію, справедливо полагая, что ихъ присутствіе породило бы только безконечныя смуты. Тогда іезуиты рѣшились неслыханнымъ въ исторіи ударомъ, за однимъ разомъ отдѣлаться отъ короля, отъ его семейства и отъ главныхъ представителей протестантизма въ Англіи. До начатія этого страшнаго дѣла, надо было прежде организовать сильную партію въ Англіи; поэтому іезуиты переодѣтые, подъ чужими именами объѣздили всю Англію, входя въ сношенія и заговоры съ тамошними ревностными католиками въ отношеніяхъ религіозномъ и политическомъ, тайно проповѣдуя, что король преданный ереси не есть законнымъ королемъ, а только по-

хитителемъ королевской власти, и потому повиноваться ему— грѣхъ. Законно же королевою они называли Арабеллу Стюартъ, дочь графа Ленокса. Iезуитскiй провинцiалъ Гарнетъ познакомился на континентѣ съ однимъ англiйскимъ католикомъ Робертомъ Кетсби изъ хорошей дворянской фамилiи: онъ замѣтилъ, что этотъ Кетсби не прочь способствовать ниспроверженiю существующаго порядка въ Англiи, а потому обратился къ нему и склонилъ его предпринять опасное дѣло. Ему нашли помощниковъ одаренныхъ энергiею, смѣлостiю и непоколебимою твердостiю, и до конца 1604 года собрали полный комплектъ заговорщиковъ своего дѣла. Затѣмъ въ ноябрѣ 1604 г. ночью собрались заговорщики, въ ихъ числѣ и о. провинцiалъ Гарнетъ, которымъ Кетсби изложилъ планъ исполненiя заговора; онъ заключался въ томъ, чтобы провести подкопъ подъ зданiе парламента и положить туда порохъ, потомъ, когда король, по обыкновенiю сопровождаемый своимъ семействомъ, будетъ открывать засѣданiе парламента, тогда поджечь этотъ порохъ и погребсти въ развалинахъ дворца, короля, его семейство и весь парламентъ. Этотъ планъ, извѣстный въ англiйской исторiи подъ названiемъ «Пороховаго заговора» былъ одобренъ и принятъ заговорщиками.

Для исполненiя уложеннаго плана заговорщики купили домъ находившiйся рядомъ съ Вестминстерскимъ дворцомъ, гдѣ собирался парламентъ. При этомъ домѣ былъ садикъ окруженный довольно высокою стѣною: нѣкоторые изъ заговорщиковъ тамъ поселились, другiе тайно приготовляли то все, что было нужно для подкопной работы, которою 12 заговорщиковъ трудились день и ночь, смѣняя другъ друга. Наконецъ, преодолѣвъ всѣ встрѣчаемыя на пути трудности въ этомъ опасномъ дѣлѣ, подкопъ былъ подведенъ подъ фундаментъ Вестминстерскаго дворца, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находился подвалъ, занятый однимъ торговцемъ дровъ и угля, и какъ

разъ подъ залой, гдѣ засѣдали лорды парламента. Къ счастью заговорщиковъ, торговецъ этого подвала умеръ недавно, а его наслѣдники, прекращая веденную торговлю, очищали этотъ подвалъ, который такъ былъ нуженъ заговорщикамъ для вѣрнаго исполненія своего дѣла, а потому они не замедлили нанять его и скупили оставшіяся тамъ дрова и уголь. Такимъ образомъ, подвалъ, находившійся подъ палатою перовъ, достался въ руки заговорщиковъ, которые мало-по-малу, тайкомъ чрезъ свой подкопъ, помѣстили туда 36 боченковъ съ порохомъ, чтобы взорвать Вестминстерскій дворецъ, съ прочими его зданіями. Эти бочки съ порохомъ были искусно прикрыты дровами, хворостомъ и углемъ, такъ, что еслибы кто и вошелъ въ подвалъ, то не замѣтилъ бы ничего подозрительнаго, отверстіе подкопа было также достаточно прикрыто грудой хвороста, словомъ, казалось, что ничто не могло выдать страшную тайну заговора, и что всѣ шансы были за нимъ.

Сближалось время открытія парламента, то-есть, 5 ноября 1605 года; въ октябрѣ заговорщики сдѣлали послѣднія приготовленія. Отецъ провинціалъ Гарнетъ послалъ въ Римъ своего посла къ генералу Аквавивѣ и двухъ іезуитовъ въ Мадридъ, просить короля Филипа, тотъ часъ послѣ совершенія замысла, прислать въ Англію свои войска на помощь англійскимъ католикамъ, также послали въ графство варвикское, чтобы пользуясь первымъ смятеніемъ овладѣть восьмилѣтнею принцессой Елисаветой, бывшей тамъ въ гостяхъ у Лорда Гаррингтона, потому что было положено, не оставлять въ живыхъ ни одного члена семейства Іакова I. Такимъ образомъ все было предусмотрѣно и заговорщики разсчитывали на вѣрный успѣхъ. Но провидѣніе иначе распорядило: вечеромъ 28 октября, одинъ изъ членовъ парламента Лордъ Моунтигль получилъ письмо безъ подписи, оставленное въ его домѣ посланнымъ тотъ часъ ушедшимъ; въ этомъ письмѣ предо-

стерегали, чтобы онъ во избѣжаніе большой опасности грозящей парламенту, не присутствовалъ при его открытіи. Лордъ Моунтигль былъ католикъ и побоялся, что если что-нибудь случится, то ему достанется, если узнаютъ, что онъ скрылъ такое письмо. По этой причинѣ онъ немедленно сообщилъ его министру графу Салисбури. Тотъ считалъ это письмо какою-то мистификаціей, однакожъ показалъ сей часъ это письмо королю; испуганный угрозою король собралъ совѣтъ. Слова сказанныя въ письмѣ, что готовится страшный ударъ, навели короля на мысль, что тутъ рѣчь идетъ о пороховомъ взрывѣ. По заключенію совѣта, поручено осмотрѣть подвалы Вестминстерскаго дворца и всѣ сосѣдніе погреба, обыскъ назначено было произвести ночью съ 4 на 5 ноября. Графъ Софокль съ отрядомъ гвардіи отправился въ Вестминстерскія подземелья, осмотрѣлъ ихъ, въ томъ числѣ и выше помянутый подвалъ, въ которомъ онъ засталъ какого-то Джонсона, занимавшагося укладкою дровъ. Графъ послѣ обыска возвратясь къ королю доложилъ, что не нашелъ ничего подозрительнаго и разсказалъ все, что видѣлъ во время обыска. Министрамъ показалось страннымъ то, что знатный человѣкъ какъ Серъ Томасъ Перси (до котораго этотъ подвалъ въ то время по найму принадлежалъ) занимаетъ подвалъ и торгуетъ дровами, и что его слуга такъ поздно возится тамъ въ подвалѣ. Король призвалъ мироваго судью Невета и приказалъ ему, тщательно обыскать подвалы парламентскаго дворца, и домъ занимаемый подлѣ него Серомъ Перси; онъ отправился съ отрядомъ стражи прежде въ подвалъ Перси, тамъ опять застали тогоже слугу Джонсона. Онъ стоялъ въ дверяхъ съ потайнымъ фонаремъ. Серъ Неветъ приказалъ арестовать его: у него нашли кусокъ трута, три фитиля, розовый вѣнокъ, кинжалъ и пистолетъ. Это навело подозрѣніе и мировой судья приказалъ произвести въ подвалѣ строжайшій обыскъ. Тогда

къ величайшему ужасу всѣхъ были найдены 36 бочекъ пороха, который чрезъ нѣсколько часовъ взорвалъ бы Вестминстерскій дворецъ. Этотъ Джонсонъ въ 4 часа ночи былъ представленъ королю и онъ сознался, что его зовутъ Гай Фоксъ и что онъ хотѣлъ взорвать порохомъ Вестминстерскій дворецъ при открытіи парламента; при этомъ сознаніи онъ не выказалъ ни малѣйшаго раскаянія и только сожалѣлъ въ томъ, что дѣло не удалось. Не смотря на страшныя пытки, онъ не выдалъ своихъ сообщниковъ, взявъ всю вину на себя; но чрезъ два дня, когда по его разсчету товарищи заговора могли уже спастись бѣгствомъ, онъ уступилъ мученіямъ и далъ полное показаніе. Тогда уже началось преслѣдованіе заговорщиковъ: пойманныхъ предали аресту и суду; они сознались во всемъ; приговореные къ смерти они были казнены 30 января 1606 г. на площади предъ Вестминстерскимъ дворцомъ. Менѣе виновные были наказаны тюремнымъ заключеніемъ и вѣчнымъ изгнаніемъ изъ Англіи. Потомъ поймали іезуитовъ оо. Гарнета и Ольдекорна: они также были приговорены къ смертной казни. Такъ кончился пороховой заговоръ, а іезуиты прославивъ своихъ погибшихъ членовъ святыми мучениками, не возобновляли болѣе покушеній противъ короля Іакова I, который съ тѣхъ поръ началъ свирѣпствовать противъ всѣхъ вообще католиковъ.

Одно изъ самыхъ очевиднѣйшихъ и лучшихъ доказательствъ о вредномъ вліяніи этого ордена на общественныя дѣла, есть фактъ ихъ изгнанія, повторявшагося по нѣсколько разъ и повсемѣстно, гдѣ только іезуиты находились. Они были изгнаны изъ Трансильваніи въ 1588 году; изъ Венеціи въ 1606; изъ Нидерландовъ въ 1612; изъ Богеміи, Моравіи и Венгріи въ 1618; изъ Мальты въ 1639; изъ Португаліи 1759 и 1834; изъ Испаніи въ 1767 и 1820; изъ обѣихъ Сицилій въ 1767; изъ герцогства Пармскаго въ 1768; изъ

Франціи въ 1595 и 1767; изъ Голландіи и Бельгіи въ 1818; изъ Россіи въ 1688, 1719, 1815 и 1820 годахъ. Въ отношеніи іезуитовъ къ папамъ, можно безъ сомнѣнія сказать, что этотъ орденъ былъ самимъ лучшимъ изъ папскихъ полковъ въ борьбѣ съ ихъ противниками. Іезуитовъ въ отношеніи къ папамъ можно сравнить съ преторіанцами стараго языческаго Рима и съ янычарами турецкихъ султановъ: они были усердными дѣятелями противъ враговъ, но и опасными для своихъ владыкъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ іезуиты не щадили и папъ: историческіе факты доказываютъ, что папа Климентъ VIII былъ отравленъ іезуитами въ 1605 году. Папа Климентій XIV уничтожившій этотъ орденъ въ 1773 году, долго медлилъ съ объявленіемъ своего рѣшенія по сему предмету, наконецъ согласился, и когда ему принесли извѣстную буллу—«Dominus ac Redemptor noster» для подписанія, онъ сказалъ: «это я подписываю свой смертный приговоръ». Послѣдствія оправдали его предсказаніе: въ скоромъ времени онъ отправился на покой; симптомы его ужасной болѣзни и кончины явно доказывали—что онъ былъ отравленъ. Однакожъ сила обстоятельствъ всемогущую роль играетъ въ нравственномъ мірѣ: папа Пій VII уничтоживъ буллу своего непогрѣшимаго предмѣстника Климента XIV, опять возстановилъ орденъ іезуитовъ въ 1814 г.

у)

Кое-что объ околичной шляхтѣ.

Среди ополяченнаго дворянскаго сословія южно-русскаго края есть довольно многочисленное дворянское-же народонаселеніе, которое въ продолженіи всей исторической жизни края сохраняло всегда коренныя черты своего русскаго происхожденія: православно-восточную вѣру, русскій языкъ и этнографическія отличительныя черты, сродныя русскому чело-

вѣку; оно извѣстно въ этомъ краѣ подъ названіемъ околичной шляхты. Эта шляхта живущая въ околицахъ [1]), въ сѣверныхъ частяхъ волынской и кіевской губерніи, находится въ уѣздахъ овруцкомъ и радомысльскомъ, а въ подольской губерніи въ уѣздахъ литинскомъ, летичевскомъ и могилевскомъ, также частію и въ каменецкомъ. Отличительныя черты околичной шляхты (gniazdova szlachta) состоятъ въ слѣдующемъ: они раздѣляются на роды, носящіе отдѣльныя фамиліи, причемъ каждый родъ, иногда очень многочисленный, занимаетъ отдѣльное село, носящее названіе фамиліи населяющаго это село дворянскаго рода. Они землевладѣльцы, крѣпостными людьми или вовсе не владѣли, или въ рѣдкихъ случаяхъ нѣкоторые изъ нихъ владѣли незначительнымъ числомъ. По происхожденію эти роды принадлежатъ къ числу самыхъ древнихъ дворянскихъ родовъ сего края; они всегда рѣзко отличались отъ другихъ дворянскихъ родовъ тѣмъ, что не легко поддавались польско-католической пропагандѣ и во время самаго сильнаго напора оставались вѣрны своей русской народности и православной вѣрѣ. Между тѣмъ другіе коренные русскіе роды сего края, болѣе знатные и богатые, даже такіе, которые долѣе другихъ оставались вѣрны народности своихъ предковъ, какъ напр. Дедовичи-Трипольскіе, Жабокрицкіе, князья Четвертинскіе, Павши и т. д. перешли въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка въ католичество, прельстившись мірскими выгодами, родственными связями и общественнымъ мнѣніемъ шляхетской среды. Въ то именно время, околичная шляхта, довольная своею скромною участью, преслѣдовала общественнымъ мнѣніемъ тѣ личности изъ числа своихъ собратій, которыя, путемъ отступничества отъ своихъ религіоз-

---

[1]) Околицами или околичными селами называли свои поселенія сами селявшіеся въ нихъ шляхтичи, какъ это видѣть можно изъ многихъ древнихъ актовыхъ книгъ сего края, хранящихся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ.

ныхъ и народныхъ правилъ, старались втереться въ число знатной польской шляхты.

Вотъ перечень тѣхъ родовъ околичной шляхты, о которыхъ свѣдѣнія болѣе или менѣе подробныя, находятся въ древнихъ актовыхъ книгахъ сего края, хранящихся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ: а) шляхта уѣздовъ овруцкаго и радомысльскаго [1]): Барановскіе, Бехи, Болсуновскіе, Булгаки, Бѣлоцкіе, Бѣлошлуцкіе, Васьковскіе, Верповскіе, Волковскіе, Выговскіе, Гаевскіе, Гошовскіе, Дидковскіе, Закусилы, Каленскіе, Кобылинскіе, Кончаковскіе, Коркушки, Костюшковскіе, Левковскіе, Макаревичи, Мелешевскіе, Мошковскіе, Невмерицкіе, Недашковскіе, Пашинскіе, Сынгаевскіе, Толкачи, Ущаповскіе, Ходаковскіе, Чоповскіе, Швабы, Шкуратовскіе. b) околичная шляхта уѣздовъ литинскаго, летичевскаго и могилевскаго подольской губерніи [2]): Волковинскіе, Радзѣевскіе, Васютинскіе, Галузинскіе, Іолтуховскіе, Чернелевскіе, Мальчиевскіе, Каришковскіе, Мытки-Верещатинскіе, Буцпи, Поповскіе, Гальчинскіе, Шелеховскіе, Петрановскіе, Лопатинскіе, Жураковскіе, Шведовскіе, Сербиновскіе и прочіе. Кромѣ этихъ большихъ родовъ, были еще роды менѣе многочисленные, которые помѣщались и до настоящаго времени помѣщаются въ селахъ занятыхъ вышеупомянутыми родами, будучи связаны съ ними родствомъ, образомъ жизни, понятіями и убѣжденіями.

Околичная шляхта, по древности своего происхожденія, должна быть отнесена къ числу самыхъ древнихъ дворянскихъ родовъ южно-русскаго края. Всѣ дипломы и привилегіи, какъ на дворянство, такъ и на пожалованныя имъ земли, околичная

[1]) Они, за бывшаго польскаго правительства, извѣстны были подъ общимъ наименованіемъ «Owrucka szlachta» (овруцкая шляхта).

[2]) Эта шляхта, за б. польскаго правительства, извѣстна была подъ общимъ названіемъ «Barska szlachta» (Барская шляхта).

шляхта получала отъ великихъ князей литовскихъ и давнихъ королей польскихъ, особенно династіи ягеллонской, до люблинской уніи въ XIV, XV и XVI столѣтіяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, напр. Чоповскіе и Бѣлоцкіе, ссылались на грамматы еще болѣе древнія, пожалованныя имъ отъ русскихъ князей, во время удѣльнаго періода княжеской Руси [1]). Во время литовскаго владычества, всѣ эти роды принадлежали къ сословію дружинному, то-есть къ боярамъ; всѣ дипломы и привилегіи выданные имъ великими князьями литовскими, на земли и другія преимущества, упоминаютъ о томъ, что они даются за военныя заслуги. Но въ теченіи времени, при Литовскихъ князьяхъ, древнее русское боярство распалось на нѣсколько категорій; изъ среды его выдѣлились: земяне, слуги ордынскіе и слуги замковые. Земяне—это были члены княжеской дружины, получившіе потомственно помѣстья (землю) и обязанные нести земскую повинность съ этой земли въ пользу князя, являться лично, доставлять опредѣленное число людей на войну, конно и оружно, по призыву князя. Они судились или предъ самимъ лицемъ князя или его воеводы. Другая категорія, выдѣлившаяся изъ среды древняго боярства, состояла изъ такъ называемыхъ ордынскихъ: они владѣли участками земли и обязаны были отправлять эсачную повинность, то-есть, по очереди являться на полевую сторожу, въ сторожевыя стоянки, устроенныя на границахъ полѣсья и степной украйны, на татарскихъ шляхахъ, то-есть, на дорогахъ, которыми врывались татары въ области в. княжества литовскаго, чтобы предупреждать жителей о ихъ набѣгѣ. Они также составляли вооруженный конвой, при посольствѣ великаго князя въ Крымъ. Третья категорія—слуги замковые и путные; они, владѣя не большими участками земли, обязаны были отправлять замковую послугу, то-есть, поочередно содержать караулъ у воротъ

[1]) Архивъ юж. Рос. № LII, стр. 175.—№ LIII, стр. 176 и 193.

замка, исполнять распоряженія старосты и развозка административныхъ распоряженій державцы или старосты. Какъ ордынскіе, такъ и замковые слуги, въ административномъ и судебномъ отношеніяхъ, подчинялись власти старосты или державцы, управлявшаго тѣмъ замкомъ, къ которому они были причислены; замокъ составлялъ центръ извѣстнаго округа, на которые, по числу замковъ, раздѣлялись въ военномъ отношеніи—земли, княжества или воеводства в. княжества Литовскаго; княжескій державца замка былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и военнымъ начальникомъ своего округа. Въ отношеніи же къ земянамъ этого округа, староста замковый былъ ихъ военачальникомъ только во время войны. Земяне и бояре наравнѣ обязаны были къ подчинкѣ на свой счетъ замковыхъ укрѣпленій, за что они имѣли внутри укрѣпленій свои городни, т. е. зданія для сохраненія имущества во время непріятельскихъ нападеній.

Такое распаденіе боярства оказалось особенно важнымъ послѣ люблинской Уніи 1569 года. Во время этого сейма вся южная Русь была отнята отъ в. к. литовскаго и присоединена къ Польшѣ; вслѣдствіе чего вошли въ дѣйствіе польскіе законы, и жителямъ южной Руси пришлось размѣститься по составнымъ категоріямъ, существовавшимъ въ Польшѣ. Поэтому различная участь постигла раздѣлившееся на части русское боярство. Земляне были признаны польскою шляхтою, и въ силу этого признанія получили участіе въ сеймахъ и сеймикахъ, голосъ въ политическомъ управленіи—выборныхъ земскихъ чиновниковъ, градскіе суды и трибуналы; судебную, экономическую и административную власть надъ крестьянами и т. д. Другіе-же разряды бояръ: ордынскіе и замковые слуги, признаны людьми посполитыми, подвластными королевскимъ старостамъ [1]), къ которымъ они стали въ такія же юридиче-

[1]) При литовскихъ князьяхъ старосты именовались державцами.

скія отношенія, въ какихъ находились крестьяне къ владѣвшимъ ими шляхтичамъ, отличаясь только отъ нихъ по землевладѣнію. Потому, всѣ стоявшіе на рубежѣ, не точно разграничивавшемъ оба сословія до люблинской уніи, спѣшили заявить свои старые документы или выхлопотать новые, на основаніи которыхъ могли бы попасть въ категорію земянъ и вывернуться изъ сословія ордынскаго и замковаго боярства.

На такой порубежной чертѣ находилась околичная шляхта. Ихъ роды владѣли грамматами признававшими за ними права земянъ; но съ другой стороны—ихъ бытъ, обстановка, малая зажиточность, привязанность къ русскимъ простонароднымъ формамъ жизни и къ православной вѣрѣ своихъ предковъ; ихъ многочисленность и отсутствіе по большей части подвластнаго крѣпостнаго народонаселенія,—всѣ эти условія сближали ихъ съ людьми посполитыми и въ глазахъ богатыхъ земянъ, пріобрѣвшихъ шляхетскія права, дѣлали ихъ менѣе достойными шляхетскаго званія. Кромѣ того, околичная шляхта встрѣчала еще сильныхъ противниковъ, имѣвшихъ личный интересъ не допускать ихъ къ шляхетству, въ лицѣ замковыхъ старостовъ. Слѣдствіемъ чего, весьма часто завязывалась между околицами и старостами ожесточенная борьба, кулачная и юридическая расправа, доходившая часто до самого короля и сейма; первые старались освободиться совершенно изъ-подъ власти старостъ замковыхъ, а послѣдніе пытались подчинить околичную шляхту своему суду, отнять отъ нихъ земли или припудить къ замковой службѣ и повиновенію. Такіе споры и тяжбы продолжались послѣ люблинской уніи, довольно долгое время. За послѣдняго короля польскаго, Понятовскаго, особенно замѣчательны въ юго-западномъ краѣ тяжбы сего рода, производившіяся между овруцкою околичною шляхтою и старостою овруцкимъ Иваномъ Стецкимъ; также

между околицами барской шляхты и старостою барскимъ Адамомъ Понинскимъ.

Изъ всего выше нами сказаннаго, основываясь на достовѣрныхъ историческихъ фактахъ, особенно на подлинныхъ актовыхъ книгахъ сего края, хранящихся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, мы убѣждаемся въ слѣдующихъ положеніяхъ: что околичная шляхта происходитъ отъ русскихъ бояръ, которые при великихъ князьяхъ литовскихъ причислены были къ сословію земянъ и слѣдовательно суть коренные русскіе люди; что они получили грамматы на званіе земянъ отъ в. князей литовскихъ до люблинской уніи,—слѣдовательно не имѣютъ ничего общаго съ польскою шляхтою, начавшею селиться въ южно-русскомъ краѣ послѣ 1569 года; что они польскою республикою не охотно были допущены къ правамъ шляхетскимъ, потому что они представляли много сходныхъ чертъ съ остальнымъ русскимъ народонаселеніемъ здѣшняго края, и потому въ теченіи 200 слишкомъ лѣтъ должны были выдерживать упорную борьбу за свои древнія права [1]). Сознаніе русской народности постоянно господствовало въ средѣ околичной шляхты: не смотря на шляхетскія права, это сознаніе обнаруживалось, да и нынѣ обнаруживается—въ употребленіи по большей части русскаго языка въ домашнемъ разговорѣ; въ исповѣданіи православной вѣры; въ народныхъ преданіяхъ и религіозной жизни, какъ напр. храмовые праздники «кануны», религіозные обряды крестинъ, свадебные,

---

[1]) Не лишнимъ считаемъ здѣсь замѣтить, что родовыя названія многихъ околичныхъ шляхтичей здѣшняго края получили только случайно съ теченіемъ времени, и изъ подражанія прибывшимъ сюда полякамъ, окончаніе польское на «скій»: въ названія фамильныя обратились прилагательныя, произведенныя отъ названій земель, урочищъ, принадлежащихъ околичной шляхтѣ. Нѣкоторые изъ нихъ удержали древнюю боярскую форму въ своемъ фамильномъ названіи, напримѣръ: Бехи, Закусилы, Булгаки, Макаревичи, Толкачи, Швабы, и прочіе.

поминальные обѣды и проч. Кромѣ того, изъ разныхъ документовъ, записанныхъ въ актовыхъ книгахъ здѣшняго края, видно, что они за бывш. польскаго правительства постоянно сохраняли связь съ средоточіемъ православія—Кіевомъ, принимая участіе въ выборѣ нѣкоторыхъ кіевскихъ митрополитовъ и кіево-печерскихъ архимандритовъ. Ихъ религіозной ревности мы находимъ многочисленные слѣды, особенно въ то время, когда унія начала поглощать другіе русскіе православные роды, то-есть, съ первой половины XVII вѣка. Хотя же во второй половинѣ XVIII вѣка околицы были обращены въ унію, по причинѣ совершеннаго отсутствія въ краѣ православнаго духовенства, вытѣсненнаго усиліями польскаго правительства; но какъ это установленіе уніи въ околичныхъ селахъ было шаткимъ, не прочнымъ, явно доказывается тѣмъ, что послѣ присоединенія сего края въ 1793 году къ имперіи, многія шляхетскія села немедленно оставили ее и присоединились къ церкви православной, другія соединились съ православіемъ въ 1838 году, такъ, что въ настоящее время почти вся масса бывшей околичной шляхты есть православною. Исключая только тѣ семейства, которыя выдѣлились изъ среды родовъ своихъ, и разными путями пробравшись въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія въ среду крупныхъ польскихъ землевладѣльцевъ, остались католиками по настоящее время. Народонаселеніе бывшей околичной шляхты, по своимъ семейнымъ и историческимъ преданіямъ, по вѣрѣ, языку и сознанію народности, чисто русское, при содѣйствіи образованія, могло бы послужить богатымъ разсадникомъ въ дѣлѣ возстановленія въ этомъ краѣ русской народности, замѣнивъ собой въ многихъ отношеніяхъ противный этой цѣли польскій элементъ.

z)

Мысли и замѣчанія польскаго автора Бронислава Трентовскаго о польской республикѣ и о причинахъ ея политическаго паденія [1]).

«Въ другой половинѣ X вѣка, говоритъ Трентовскій, была введена въ Польшу христіанская вѣра по обряду римскому. Съ одной стороны, это было счастьемъ для Польши, открывъ ей путь познакомиться съ тогдашнею европейскою цивилизаціею; но съ другой стороны, это было для нея также несчастьемъ: потому-что подвергнуло поляковъ абсолютной власти, не всегда бывшихъ святыми намѣстниковъ св. Петра. Эта власть открыла широкую дорогу къ польскимъ дѣламъ, чуждому Польшѣ Ватиканскому двору, коего вредное вліяніе скоро обнаружилось въ нашемъ отечествѣ. Папы по своей утопіи и апокалиптическимъ мечтаніямъ смотрѣли на нашъ край, какъ на провинцію своего духовнаго государства и предали его какъ ленное владѣніе германскимъ кесарямъ, которые старались наложить на насъ свое иго, посредствомъ установленныхъ ими высшихъ духовныхъ властей, подчиненныхъ имъ. О Господи! Какая несправедливость! Отсюда возникли эти кровавыя войны, веденныя впослѣдствіи германцами, до послѣдней битвы происшедшей на собачьемъ полѣ (psie pole), рѣшившей участь польскаго народа. Еслибы поляки проиграли это сраженіе, то ихъ народность постигла бы участь Богемцевъ, Моравяновъ и прочихъ славянскихъ племенъ, подпавшихъ подъ власть Германцевъ».

«Послѣ введенія въ Польшу христіанства, латинское духовенство, состоявшее по большей части изъ нѣмцевъ, ста-

---

[1]) Извлеченіе изъ его сочиненія подъ заглавіемъ «Chowanna czyli system pedagogj. Poznan. 1842 г. Т. II. Трентовскій извѣстный ученому міру по его философическимъ сочиненіямъ навлекъ на себя за откровенность свою негодованіе римской столицы.

ралось уничтожить не только польскія идольскія капища, но и всѣ памятники нашей народной цивилизаціи. Языкъ нашъ они назвали языкомъ—варварскимъ, неспособнымъ для общественнаго богослуженія въ церквахъ. Латинею своею, какъ пороховымъ подкопомъ, хотѣли вытѣснить его изъ нѣдръ народныхъ; эта латина сдѣлалась для насъ такъ вредною, какъ была вредна римская политика вообще; можно сказать безъ преувеличеній, чѣмъ были полуночные варвары для стараго Рима, тѣмъ былъ для насъ новый Римъ, который въ теченіе вѣковъ не пересталъ быть для народовъ хищною волчицею [1]). По этой причинѣ, польскій народъ долго ненавидѣлъ этой религіи, которая была убійственнымъ кинжаломъ для его народности; отсюда возникли эти кровавыя сцены и внутреннія смятенія, продолжавшіяся до эпохи царствованія въ Польшѣ Казимира I, возстановителемъ въ Польшѣ католической религіи Римомъ признаннаго».

Затѣмъ Трентовскій выводитъ слѣдующее заключеніе: «Еслибы вѣра христіанская была введена въ Польшу съ востока, или, какъ утверждаетъ въ своихъ памятникахъ историкъ Мацѣевскій, введенное уже прежде изъ Греціи православіе не было вытѣснено изъ Польши римскимъ исповѣданіемъ за Мечислава I [2]), то исторія Польши представилась бы въ иномъ видѣ: книги св. Писанія были бы переведены на польскій языкъ, который при церковномъ богослуженіи могъ бы усовершенствоваться и тогда наше народное просвѣщеніе могло бы широко развиться. Науки и искусства, послѣ паденія

[1]) Въ этой аллегоріи заключается преданіе древнихъ римлянъ, будто основатели Рима Ромулъ и Ремъ были выкормлены въ ребяческомъ возрастѣ молокомъ волчицы.

[2]) Польскій историкъ Мацѣевскій доказываетъ, что король польскій Мечиславъ I, женившись во второй разъ на католичкѣ Одѣ, вывезенной изъ какого-то Кляштора, по ея внушенію, отмѣнилъ восточное исповѣданіе на латинское, которое потомъ старался ввести во всей Польшѣ.

восточной греческой имперіи, переселились бы скорѣе въ Краковъ къ единовѣрцамъ, чѣмъ далеко на западъ. Но небо не опредѣлило намъ такой участи и Богъ знаетъ почему мы остались привязанными къ западу».

«Какъ въ Европѣ начинается новая эпоха отъ Мартина Лютера, такъ въ Польшѣ отъ кардинала Гозія. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые родятся на свѣтъ къ несчастью человѣчества и заслуживаютъ у потомства проклятіе».— Затѣмъ, Трентовскій, пояснивъ интриги и старанія тогожъ Гозія къ поддержанію духовной власти папъ въ Польшѣ, говоритъ: «Поляки того времени были въ томъ убѣжденіи, что необходимо нужна въ Польшѣ церковная реформа; что власть Рима вредна для Польши; и что слѣдуетъ установить въ государствѣ польскомъ чисто католическую церковь, учредивъ особый патріархатъ. Но хитрые и дѣятельные обороты кардинала Гозія, съ его необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, одержали верхъ надъ мнѣніемъ людей благомыслящихъ и любящихъ свое отечество, словомъ, польза Рима получила перевѣсъ. Кромѣ того, Гозій, съ дозволенія короля Сигизмунда Августа, привелъ въ Польшу іезуитовъ, поручилъ имъ воспитаніе шляхетской молодежи, угрожая диссидентамъ совершеннымъ уничтоженіемъ. Главный принципъ іезуитовъ былъ—нравственное затмѣніе народа: это они доказали на воспитанномъ ими юношествѣ. Однакожъ народъ польскій долго боролся съ ихъ системой; но къ несчастію Польши, по старанію іезуитовъ, вступилъ на престолъ польскій, соломенный болванъ, шведское пугало—Сигизмундъ III. Тогда іезуиты восторжествовали, участь Польши была рѣшена; она начала какъ ракъ пятиться назадъ, почти съ такою силою, съ какою Европа шла впередъ».

«Теперь, говоритъ далѣе Трентовскій, посмотримъ на дѣйствія іезуитовъ, преобразователей польскаго народа. Очи-

ствивъ край болѣе или менѣе отъ протестантовъ, они обратили свое оружіе противъ схизматиковъ, т. е. противъ польскихъ руспновъ греческаго исповѣданія. Но съ этими борьба была гораздо труднѣе, чѣмъ съ протестантами. Народонаселеніе этого исповѣданія превышало католическое. Тутъ іезуиты принялись за штуки макіавелизма: составивъ планъ, начали дѣйствовать прозелитизмомъ надъ лицами высшаго русскаго духовенства и манить ихъ разными обѣщаніями мірскихъ благъ. Соображаясь съ своимъ правиломъ «divide et impere», завели между ними раздоръ несогласія, чтобы разрозненныхъ легче было одолѣть и затѣмъ исполнить составленный планъ религіозной уніи. Королю сулили царство небесное за обращеніе русскихъ подъ власть папы; магнатамъ представляли, что этою уніею укрѣпится связь народовъ Польши. Самъ король былъ преданъ іезуитамъ душею и тѣломъ; на все окружавшее онъ смотрѣлъ ихъ глазами».

«Жители Украины—казачество, народъ русскій, военный, поселившійся отъ границъ Турціи и Россіи, добровольно соединились съ польскою республикою, какъ равный съ равнымъ, свободный съ свободнымъ. Польша гарантировала ихъ права, свободу и равенство; поэтому казачество охотно проливало кровь свою въ защитѣ нашего отечества. Король Сигизмундъ Августъ въ 1563 году, сравнилъ въ правахъ казацкую шляхту съ польскою, дозволивъ имъ присылать своихъ пословъ на сеймы».

«Противъ этого казачества, которое было нашею правою рукой въ войнахъ веденныхъ съ турками и татарами; также, противъ всего русскаго народа восточнаго исповѣданія оо. іезуиты составили заговоръ. Слѣдствіемъ котораго введена была подъ руководствомъ іезуитовъ унія съ римскою церковью, противная образу мыслей и понятіямъ русскаго народа. Стараніемъ іезуитовъ и повелѣніемъ короля Сигиз-

мунда, собрался въ Брестѣ соборъ высшихъ сановниковъ русскаго духовенства, для составленія акта религіозной уніи. Противъ этого собора гетманъ украинскаго казачества Ѳедоръ Косинскій объявилъ отъ имени украинскаго народа оппозицію. Тогда, по наставленію іезуитовъ, присутствующіе на этомъ соборѣ, вызвали Косинскаго въ Брестъ, подъ предлогомъ совѣщанія въ общихъ дѣлахъ. Косинскій прибылъ въ Брестъ, не подозрѣвая никакой враждебной измѣны для себя; но ошибся въ своемъ довѣріи: его тамъ арестовали и въ каменномъ столбѣ кляшторнаго зданія на вѣки замуровали. Затѣмъ составленный въ Брестѣ актъ уніи, подписанный нѣкоторыми русскими епископами, получилъ утвержденіе папы».

«Но противъ этой уніи и ея авторовъ протестовалъ народъ русскій, подъ руководствомъ русской аристократіи восточнаго исповѣданія, православное духовенство и украинское казачество, не допуская вводить ее въ провинціяхъ русскихъ. Тогда началось религіозное преслѣдованіе противъ русскаго народа вообще, православнаго духовенства и украинскаго казачества въ особенности. Этимъ руководили іезуиты подъ покровительствомъ короля Сигизмунда III, и наконецъ дошло до того, что начали на сеймахъ уничтожать права украинскаго казачества, воспрещено имъ было избраніе гетмана и признано ихъ холопами. Казачество обстаивало свои права, подстрекали къ возстанію русскій народъ, стѣсняемый польскими панами; въ этой борьбѣ кровь лилась безпощадно съ одной и съ другой стороны, города и селенія истреблялись огнемъ и мечемъ». Затѣмъ, вспомнивъ о жестокой казни гетмана Павлюка и его товарищей, измѣнически пойманныхъ поляками, Трентовскій говоритъ: «религіозное преслѣдованіе дошло до того, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ священники и общество не хотѣли принять уніи, церкви были запечатаны, или отданы въ аренду евреямъ; ѣхавшіе на базаръ

крестьяне, если который изъ нихъ не имѣлъ на шеи повѣшеннаго ярлыка съ выраженіемъ слова «унитъ» обязанъ былъ платить арендатору-еврею положенную пошлину за въѣздъ въ городъ или мѣстечко«.

«Послѣ смерти короля Сигизмунда III, его наслѣдникъ, король Владиславъ IV, видя горестныя послѣдствія этого религіознаго преслѣдованія и предчувствуя еще худшія въ будущемъ времени, принялъ мѣры примирительныя, т. е. возстановленіе прежнихъ правъ русиновъ-польскихъ и ихъ православной церкви. Но польскіе фанатики, подъ руководствомъ архіепископа-примаса, запротестовали противъ распоряжений сейма и короля, противъ сказаннаго покровительства схизматикамъ. О Господи! восклицаетъ Трентовскій, зачѣмъ Ты не пустилъ своего грома въ этого Примаса? Мы вели дальше борьбу за вѣрованіе въ папу,—и съ кѣмъ-же? съ собственнымъ народомъ, который равно съ нами вѣрилъ въ Христа и Его миссію! Мы вели борьбу за папу; за тридентскій соборъ; за іезуитовъ—и добровольно, безсознательно рыли могилу для собственной отчизны!! Гдѣ-же былъ умъ нашихъ предковъ? Іезуиты выжгли и выдернули его изъ ихъ головъ; они успѣли внушить имъ принципъ ученія талмудистовъ: «Если ваши учители (раввины) скажутъ вамъ, что ваша правая рука есть лѣвою, а лѣвая есть правою, то вы обязаны безпрекословно имъ вѣрить».

«Послѣ жестокихъ войнъ казацко-украинскихъ наступила война шведская, которой поводомъ была интрига австрійскихъ нѣмцевъ и подстрекательство жаждавшихъ еретицкой крови іезуитовъ, поддерживавшихъ сторону нѣмецкаго императора. Печальныя послѣдствія этой войны, до которой присоединилась и Москва съ своими претензіями, извѣстны изъ исторіи той эпохи. Горе тому, кто сдѣлался воломъ: онъ долженъ трудиться для другихъ—и даже свою кровь проли-

вать. Іезуиты, можно сказать, вырвали у Польши глаза и водили ее куда хотѣли. За короля Собѣскаго наступила турецкая война за Венгрію съ австрійскимъ императоромъ; тогда была пора для Польши воспользоваться этимъ случаемъ, и пополнить свои давнія потери: но кто былъ въ Польшѣ хорошимъ дипломатомъ? На отзывъ объ этой войнѣ іезуиты крикнули: поляки! къ оружію! дѣло идетъ о вѣрѣ католической. Тогда предстояло избрать одно изъ двухъ: или отказаться отъ папы, или вести съ турками войну, вредную дѣламъ Польши. Папа и іезуиты взяли верхъ: разбиты турки, освобождена Вѣна, но вырыта могила для Польши: Римъ и Вѣна поставили королю собѣскому памятникъ на гробѣ Польши».

Изъ всѣхъ приведенныхъ фактовъ историческихъ, Трентовскій заключаетъ: «религіозный фанатизмъ, политика папъ и прозелитизмъ іезуитовъ, при томъ легкомысліе поляковъ, упадокъ истиннаго просвѣщенія и отсутствіе дипломатическаго такта, водили поляковъ за руки до тѣхъ поръ, покуда не потеряли отечества; ибо тогда, какъ все окружавшее насъ шло впередъ, мы ретроградно шли назадъ и сдѣлались орудіемъ чужихъ интересовъ. О Гозій! это все твое дѣло! ты ослѣпилъ всѣхъ; ибо главнымъ принципомъ папизма—мракъ среднихъ вѣковъ и ослѣпленіе разума. Поляки этого не поняли, а потому пали по милости іезуитовъ, которые были врагами просвѣщенія, дыша испорченнымъ воздухомъ Ватикана. Видно, что за невинную кровь протестантовъ и дизунитовъ, Господь наказалъ насъ. Можно сказать безъ преувеличенія,—что брестское собраніе замуровавъ Ѳедора Косинскаго въ столбѣ, ударило какъ штилетомъ въ сердце нашего отечества»... Дальше, Трентовскій, вспоминая о нарушенной присягѣ королемъ Владиславомъ III, по заключенному съ турками миру, съ разрѣшенія папы, за что постигло короля и поляковъ наказаніе подъ Варною, также о нарушеніи союза, заключеннаго съ

Русью польскою, по наставленію іезуитовъ, и о печальныхъ послѣдствіяхъ, говоритъ: «Папы за слѣпое повиновеніе поляковъ ихъ власти, присвоили польскимъ королямъ титулъ—Orthodoxus (правовѣрный); но какую пользу это намъ принесло? можемъ-ли знать съ достовѣрностію, что Спаситель призналъ за нами этотъ титулъ, если безвинно пролитая кровь людская вопіетъ къ Его престолу? а по словамъ св. Писанія, невинная кровь, ниспадаетъ за грѣхи родителей на ихъ потомковъ».

Въ дальшемъ разсказѣ о Польшѣ, Трентовскій говоритъ: «Конституція польскаго правительства была анархическая до смѣшности: она была основана на бурныхъ шляхетскихъ конфедераціяхъ, выборахъ королей, условіяхъ (pacta conventa) на гордой аристократіи, на законѣ Liberum veto (niepozwalam), словомъ, на такъ названной—золотой вольности, а въ сущности на общемъ безпорядкѣ. Магнаты по своей волѣ и фантазіи распоряжали участью отечества. Личность короля была какимъ-то фантастическимъ привидѣніемъ; ибо въ Польшѣ, вмѣсто одного короля, царствовало сто-тысячъ большихъ и меньшихъ корольковъ. У насъ была пословица «Szlachcic na zagrodzie, równy woewodzie», однакожъ, мелкая шляхта была только орудіемъ сильныхъ аристократовъ. Средній классъ народа мѣщане лишены были правъ гражданскихъ, а сельскій народъ состоялъ въ тяжкой неволи. При такомъ порядкѣ вещей, въ головахъ большой части магнатовъ, было темно какъ въ бараньихъ рогахъ: они не понимали ни состоянія европейскихъ народовъ, ни духа времени, ни политичной экономіи. За то они отличались своею гордостію и алчностію къ богатству и роскоши: они путешествовали за границею и тамъ безъ всякой пользы для отечества, растрачивали капиталы пріобрѣтенные пòтомъ и кровью угнетенныхъ крестьянъ, составляющихъ главную народную силу».

«Еслибы, продолжаетъ Трентовскій, конституція 3 мая 1792 г., опровергнутая извѣстными измѣнниками отечества, было обеспечила личныя права польскихъ крестьянъ, то возстаніе, возникшее за генерала Костюшки, имѣло бы другой размѣръ и другія послѣдствія. Но о такихъ реформахъ, наши эгоисты аристократы ни тогда, ни во время возстанія 1831 г. вовсе не думали. Словомъ, до послѣдней минуты наши паны держались пороковъ европейскихъ народовъ, но не имѣли ни ихъ политическихъ доблестей, ни ихъ просвѣщенія; а потому, какъ слѣпыхъ привели насъ на край пропасти, и тогда безъ большаго труда въ нее насъ ввергнули. Поэтому нечего удивляться, что Польша пала; при такомъ хаотическомъ разстройствѣ элементовъ и силъ, какое въ ней существовало, вся природа могла бы обратиться въ ничтожество. Надо признать и то, что наклонность нашихъ поляковъ дѣлиться на партіи, еще и теперь въ крови нашей существуетъ: даже за границей, польская эмиграція раздѣляется между собой на партіи. Отсюда произошло—когда вездѣ въ Европѣ народы вводили у себя хорошій порядокъ, у насъ существовали конфедераціи. Послѣ Вестфальскаго мира, вездѣ въ Европѣ признаны протестанты, ихъ исповѣданіе принято въ политикѣ наравнѣ съ католицизмомъ, а поляки въ угожденіе папской политикѣ и іезуитамъ кричали: бей, убивай пса кальвина! истязали диссидентовъ, отыгрывали торнскую комедію; какъ-же эта Польша не должна была сдѣлаться жертвой своихъ сосѣдей, смотрѣвшихъ на это и достаточно знавшихъ ея крайнее разслабленіе? тѣмъ болѣе, что сосѣдственные государи смотрѣли на эту анархію, какъ на соблазнительный примѣръ для подчиненныхъ имъ народовъ».

Дальше Трентовскій говоритъ: «архіепископъ примасъ польскаго государства, былъ представителемъ папы, орудіемъ римскаго нунція и іезуитовъ. Монастырями и монахами раз-

наго рода переполнена была Польша, дышавшая фанатизмомъ среднихъ вѣковъ. Магнаты играли роль удѣльныхъ князей, давали аудіенцію съ монархическою пышностію, принимая даже близкихъ родственниковъ своихъ, они имѣли свое придворное войско и арсеналы; одни противъ другихъ вооружались и дѣлали нападенія (Zaiazdy) въ родѣ малой войны. Съ бѣдными и безсильными могли поступать по своему произволу и капризамъ фантазіи; ибо на счетъ осужденія поступковъ магната, польская темида была и слѣпою и глухою, словомъ, они представляли типъ бароновъ и графовъ среднихъ вѣковъ. Евреи разселились по всей Польшѣ: каждое мѣстечко представляло новый Іерусалимъ, они обирали и обманывали при всякомъ случаѣ мѣщанъ и крестьянъ польскихъ, за то панамъ на удовлетвореніе прихотей роскоши давали въ займы, на лихвенные проценты, собранные въ польшѣ капиталы. Вся Польша похожа была на корчму, до которой кто хотѣлъ заѣзжалъ, безъ спросу откуда и за чѣмъ прибылъ. Паны, какъ нѣкогда феодальные рыцари, производили большія охоты, при чемъ топтали хлѣбъ бѣдныхъ поселянъ, а справедливости противъ пана трудно было найти даже съ фонаремъ Діогена. Возный, судебный посланникъ, вызывая на судъ обжалованнаго пана, принужденъ былъ, находящійся при немъ позывъ, весьма ловко положить гдѣ нибудь въ домѣ, или вручить кому либо изъ домашнихъ, а еще ловчѣе убраться за границу его помѣстья, чтобы не встрѣтиться съ бизунами или нагайкой, за исполненіе обязанности по службѣ».

О эпохѣ короля Понятовскаго, Трентовскій такъ говоритъ: «Барская конфедерація, поднятая за сего короля, представляетъ забавныя сцены, бывшія на востокѣ, во время войнъ крестоносцевъ съ сарацынами въ святой землѣ... какіе поэтично-оригинальные характеры Казимира Пулавскаго, Зарембы, Моравскаго и имъ подобныхъ конфедератовъ! это

были времена романтической поэзіи блуждающихъ рыцарей среднихъ вѣковъ. Но гораздо лучше было бы для насъ вовсе не знать этихъ авантюрныхъ сценъ, а имѣть порядокъ и европейское просвѣщеніе. При такихъ печальныхъ обстоятельствахъ, могла ли Европа чувствовать уваженіе для польской націи? отсюда произошло, что заключали и уничтожали въ Европѣ разные трактаты, не обращая никакого вниманія на Польшу, какъ будто бы она не существовала въ Европѣ. Послы иностранныхъ державъ распоряжались у насъ деспотически, не обращая никакого вниманія на мѣстныя власти».

Затѣмъ, Трентовскій приводитъ мнѣнія нѣкоторыхъ иностранныхъ ученыхъ, писавшихъ о состояніи Польши; именно: Мабли говоритъ: «безразсудство этого народа (поляковъ) въ его политической экономіи и администраціи происходитъ отъ дурной государственной конституціи и отъ пристрастія къ напиткамъ. Прибывъ въ Польшу, я думалъ, что нахожусь въ Татаріи: какія ужасныя дороги, какія бѣдныя селенія; путешественникъ не находитъ приличнаго мѣста для отдыха; какая нищета сельскаго народа. Польскій шляхтичъ имѣетъ языкъ довольно обработанный, но это пустая только болтовня; во всякомъ спорѣ языкъ или сабля рѣшаетъ у нихъ дѣло; жить, пить и забавляться съ польскою шляхтою, еще бы можно согласиться, но управлять ими—сохрани, Господи». Бернардинъ де Сентъ-Піерръ говоритъ: «нѣтъ нигдѣ такой надменной аристократіи и такъ бѣднаго сельскаго народа какъ въ Польшѣ: цѣлый годъ мужикъ трудится для пользы своего пана, имѣющаго надъ нимъ право жизни и смерти; участь мелкой шляхты и мѣщанъ немного лучше; чтобы привлечь шляхтича на свою сторону, довольно залить его водкою». Вольтеръ сказалъ: «польскіе крестьяне суть рабами, а шляхта ихъ королями: Польша естъ раемъ для шляхты, и духовенства; золотымъ рудникомъ для пребывающихъ тамъ

иностранцевъ; но адомъ для сельскаго люда, который въ числѣ 12 милліоновъ томится подъ игомъ ста тысячъ тирановъ; плеть шляхетская есть душою хозяйства; а еврей своею водкой заливаетъ всѣ умственныя способности простаго народа. Въ Польшѣ хотя есть дерево свободы, но безъ корней, а потому каждая внѣшняя буря легко можетъ его опрокинуть».

Послѣ того, Трентовскій, обращаясь къ полякамъ, говоритъ: «поляки! не обижайтесь мнѣніемъ объ васъ высказаннымъ иностранными писателями и моею откровенностію; ибо это все сказано справедливо. Ужели вы будете считать проступкомъ своему земляку, который откровенно, съ самымъ лучшимъ намѣреніемъ, сказалъ вамъ слова правды, которую каждый историкъ по совѣсти обязанъ сказать? Исторія не есть панегирикъ; она не есть рабомъ ни церкви, ни какой-либо политической системы; не льститъ ни предразсудкамъ, ни королямъ, ни народамъ: она готова лучше молчать, чѣмъ фальшиво говорить, для того она часто произноситъ свой голосъ уже на гробахъ папъ и королей, на развалинахъ религіозныхъ и политическихъ... Каждая эпоха имѣетъ свою истинную исторію: если не позволятъ написать ее въ Европѣ, то напишутъ въ Америкѣ. Откровенное сознаніе истины, даже предъ чужеземцемъ, вовсе насъ не обижаетъ; ибо этимъ мы доказываемъ, что мы заглянули въ глубину насъ самихъ, что мы каемся въ нашихъ прежнихъ ошибкахъ и желаемъ исправиться, чтобы сдѣлаться достойными лучшей участи. Мы до сихъ поръ, какъ доказываетъ вся наша исторія, жертвовали совѣстью націи, для совѣсти папъ; это насъ погубило въ здѣшнемъ быту и не обезпечило намъ спасенія въ буду-

щемъ [1])... Многіе не умѣютъ или не хотятъ сдѣлать разницы, между іерархіею и религіею, между папою и Спасителемъ, между интересами церкви и интересами христіанства: это нетопери рода человѣческаго, коихъ элементомъ есть темнота; они, мимо вѣковыхъ опытовъ, еще не поняли политики папской іерархіи, имѣющей всегда въ виду свой собственный интересъ; они хотѣли бы провести тѣхъ, которые до сихъ поръ успѣвали сдѣлать человѣчество орудіемъ своихъ намѣреній и цѣлей....

Въ заключеніе своихъ мыслей, Трентовскій такъ разсуждаетъ: «Если бы поляки, начиная отъ короля Мечислава (въ X вѣкѣ), были исповѣданія греко-восточнаго, то они не перестали бы быть великимъ европейскимъ народомъ. Западные миссіонеры навращали насъ точно такимъ образомъ, какимъ англичане теперь навращаютъ Индійцевъ, стараясь наложить ярмо на полудикій народъ, чтобы его запречь въ

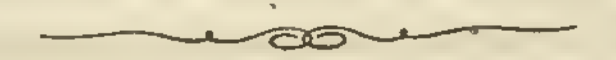
[1]) Львовская газета «Слово» въ одной изъ своихъ статей (1868 г.), по этому предмету такъ говоритъ: «папизмъ и латинство цѣлыми вѣками старались, чтобы въ польскомъ народѣ, особенно въ высшемъ классѣ, искоренить то все, что было національнымъ и славянскимъ. Они пріучили поляковъ мыслить о вещахъ серьозныхъ по образу чужихъ мыслей, поступать въ государственныхъ дѣлахъ, по желанію иноземныхъ дипломатовъ, словомъ, быть орудіемъ чужой воли; отсюда произошли всѣ несчастія польской націи... Но солнце истины поднеслось высоко на европейскомъ горизонтѣ: надѣемся, что эта ледяная кора папизма, охватившая умы и сердца народовъ, должна растаять отъ его спасительныхъ лучей... Вотъ уже нѣсколько лѣтъ проливается кровь людская за тѣнь свѣтской власти папы Пія IX, хотя Христосъ сказалъ: «царство мое не отъ міра сего». Развѣ не пора уже, чтобы папы, именующіеся намѣстниками Христовыми, Бога мира и общей любви, опомнились и отреклись отъ суетныхъ затѣй своихъ? Надѣемся, что лучи просвѣщенія разсѣютъ мракъ темноты и ненависти, распростертый какъ сѣть, затѣями гордаго Ватикана, надъ христіанскими народами: тогда и поляки, открывъ глаза, быть можетъ, въ ихъ сердцахъ отозвется чувство симпатіи къ общему славянскому племени...

плугъ своего народа. Еслибы случилось иначе, Польша не имѣла бы на своемъ престолѣ Сигизмунда III, ограниченнаго умомъ фанатика, не знала бы іезуитовъ и войны съ Шведами, соединилась бы съ польскою русью въ одно цѣлое и имѣла бы своего особаго папу или патріарха. Еслибы даже поляки было приняли своевременно реформацію, то были бы до сихъ поръ великою націею, потому что умѣли бы сохранять религіозную терпимость, уважать личныя права другихъ, на пути европейскаго прогресса, и жить въ братскомъ союзѣ съ польскою русью: не произошли бы эти внутреннія возмущенія и кровавыя украинскія сцены, которыя истощивъ до крайности силы республики, привели ее къ гробу [1]). Въ настоящее время, совѣтую вамъ: любите свою вѣру безъ фанатизма, для блага и спасенія вашего; а если судьба повелѣваетъ намъ, по старой привычкѣ, временемъ освященной, держаться этого обветшалаго Ватикана, который, по свидѣтельству нашей исторіи, причинилъ полякамъ столько зла, то по крайней мѣрѣ будьте осторожны съ римскою іерархіею; не довѣряйте излишне ся пропагандѣ, которая буравомъ схоластическимъ завертитъ въ вашемъ мозгѣ, отъ чего можно потерять собственное сознаніе и сдѣлаться для ней, какъ сдѣлались наши предки, слѣпымъ орудіемъ ея интересовъ къ собственной нагубѣ. Польскій народъ, надо признаться откро-

---

[1]) Въ поточномъ разговорѣ съ нѣкоторими поляками здѣшняго края случалось намъ слышать сужденіе слѣдующее: «если уже необходимость заставляетъ кого-либо, изъ католиковъ къ перемѣнѣ религіи, то въ такомъ случаѣ гораздо лучше присоединиться къ церкви протестантской, чѣмъ къ православной»; противъ такого отзыва, мы отвѣчали имъ вопросомъ: которая же изъ сихъ двухъ религій, по вашему сужденію, догматами и обрядами своими болѣе близка къ религіи католической, протестантская или православная? на этотъ вопросъ у нихъ не хватаетъ отвѣта....

венно, не понялъ своего великаго призванія, занять первое мѣсто въ ряду славянскихъ племенъ и могущественно влiять на дѣла Европы: мы уже стояли на высокой степени, но поведеніе и домашніе враги ослѣпили насъ и привели къ паденію: за это мы должны благодарить кардинала Гозія, іезуитовъ и нашу золотую вольность! Теперь наше мѣсто заняла Россія: она своею политикой доказываетъ, что чувствуетъ и понимаетъ свое великое призваніе....

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА V.

ОПЕЧАТКИ.

Страниц.	Строк.	Напечатано:	Должно быть:
23	12	фока	Фока
39	9 сниз.	развлечѣ	развлечь
47	10 сниз.	дгугихъ	другихъ
55	22	Острожскако	Острожскаго
—	8 сн.	духовенство	духовенство,
81	17	одним	одними
143	14	обыновенно	обыкновенно
163	2 сниз.	лхолонскимъ	холонскимъ
—	1 —	учше	лучше
189	2	дворянсто	дворянство

2007059351